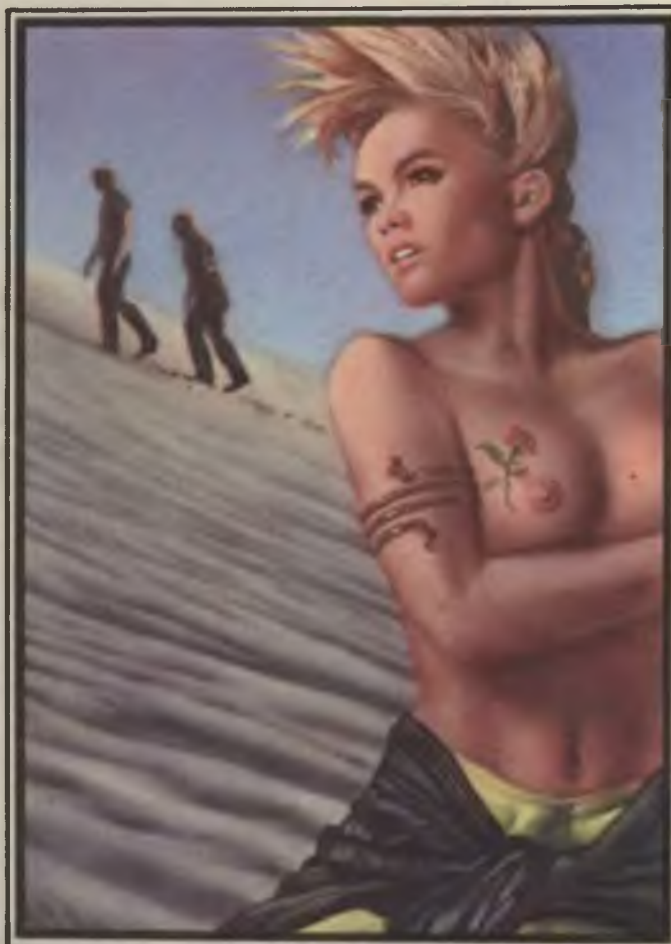

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

**WORLDS
OF CLIFFORD
D. SIMAK**

**WHERE THE EVIL DWELLS
SHAKESPEARE'S PLANET**

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

**В ЛОГОВЕ НЕЧИСТИ
ПЛАНЕТА ШЕКСПИРА**

Издательская фирма «Полярис»
1994

Where the Evil Dwells

Copyright © 1982 by Clifford D. Simak

Shakespeare's Planet

Copyright © 1976 by Clifford D. Simak

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

© 1993 В. Иванов, *иллюстрации*

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление, название серии

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика.
Всякое коммерческое использование
данного издания возможно исключительно
с письменного разрешения издателя.

В ЛОГОВЕ НЕЧИСТИ

*Кому же еще,
как не Огасту Дерлету,
посвящается*

Глава 1

Возвращаясь домой с утренней охоты, Харкорт увидел дракона. Похожий на грязную кухонную тряпку, дракон летел над рекой вниз по течению, изо всех сил вытянув вперед змеиную шею, за которой тащилась в воздухе тяжелая туша с болтающимся позади длинным гибким хвостом.

Харкорт показал на дракона Шишковатому, который ехал рядом, ведя в поводу третьего коня, нагруженного сегодняшней добычей — кабаном и оленем.

— Первый дракон в этом году, — заметил Харкорт.

— Теперь они редко попадают, — сказал Шишковатый. — Мало их осталось.

Он прав, подумал Харкорт. На нашей стороне реки их осталось немного. Почти все за последние годы перебрались на север. Там они, говорят, служат Нечисти — следят за передвижениями варваров, голодные орды которых насаждают на окраины Брошенных Земель.

— Совсем рядом, чуть выше по реке, у них когда-то было целое гнездилище, — сказал Харкорт. — Может быть, сколько-то еще там живет.

Шишковатый усмехнулся:

— Это там вы с Хью как-то попробовали поймать дракона?

— Он был совсем еще птенец, — сказал Харкорт.

— Птенец или взрослый, неважно, — сказал Шишковатый. — С драконами всегда шутки плохи. Вы, наверное, и сами в этом убедились. Интересно, где сейчас Хью?

— Толком не знаю, — ответил Харкорт. — Может быть, Гай знает. В последний раз я слышал, что он где-то в дебрях Македонии, заведует торговой факторией. Давай оставим оленя в аббатстве у Гая — нам хватит и кабана. Этим бестолковым монахам редко доводится как следует поесть. Сам-то Гай — дело другое. По-моему, он и в замок так часто навещается не столько ради общества, сколько для того, чтобы посидеть у нас за столом. Я спрошу его, что слышно про Хью.

— Аббат Гай, конечно, изрядный болтун, — заметил Шишковатый, — но мне он нравится.

— Он мой старый бесценный друг, — сказал Харкорт. — Не помню уж, сколько раз он выручал нас с Хью из разных переделок, в которые мы вечно попадали. Я тогда думал — это потому, что он старший брат Хью, но теперь знаю: впутайся я в какую-нибудь историю один, он бы и меня выручил.

Они выехали из леса на пашню, покрытую густой зеленью всходов, и продолжали свой путь по узкой наезженной колее, разделявшей два поля. Из зеленой вспорхнул жаворонок и стрелой взмыл в небо. Над полями разнеслась его звонкая трель.

Впереди, еще довольно далеко, показались две крутые башни замка. Замок, конечно, не ахти какой, подумал Харкорт. Не то что роскошные дворцы, какие несколькими столетиями раньше строили себе богатые лорды. Но для него это родной дом, а чем еще должен быть замок? Он выстоял семь лет назад, когда из-за реки нахлынули несметные полчища Нечисти. Разграбив аббатство, они три дня и три ночи держали замок в осаде. Но это им дорого обошлось, и в конце концов они вновь отступили за реку, на Брошенные Земли. Харкорт был тогда еще юнцом, но хорошо запомнил, как бились защитники замка на его стенах и какими торжествующими криками провожали Нечисть, когда та сняла осаду.

Справа, у верховьев оврага, спускавшегося к реке, возвышались стройные шпили аббатства. Больше ничего за пригорком видно не было — только эти шпили вы-

соко поднимались над макушками густого леса, который покрывал холмы вдоль реки.

— Твой дед говорил вчера: что-то давно не появлялся твой дядя Рауль, — сказал Шишковатый. — Похоже, он уже и не надеется больше его увидеть. Слишком долго его нет на этот раз. Нелегко приходится старику с таким неугомонным сыном. Он о нем очень беспокоится.

— Знаю, — ответил Харкорт. — Дядя Рауль уехал почти сразу после набега.

— Я сказал твоему деду, что Рауль еще вернется. В один прекрасный день возьмет и появится на пороге. Только сам я не очень-то в этом уверен.

— Мало в чем можно быть уверенным на этом свете, — согласился Харкорт.

Глядя издали на парные шпили аббатства, такие стройные и воздушные, можно было предположить, что они венчают грандиозное, величественное сооружение. Однако вблизи все выглядело совсем иначе. Шпили оставались столь же хрупкими и изящными, но здание, над которым они возвышались, хоть и добротное построенное, несло на себе следы времени и плохого ухода. Копоть от костров, зеленая ржавчина от медных кровель, грязные потеки от опавших листьев, скопившихся в сотнях укромных уголков, которые никто никогда не чистил, разукрасили каменную кладку неопрятными пятнами и полосами, да и сами камни кое-где потрескались от мороза и солнца. Повсюду сквозила ветхость. Во дворе куры с кудахтаньем разгребали мусор. Среди них с важностью расхаживал тощий павлин, время от времени распуская хвост, в котором не хватало половины перьев. Тут же, переваливаясь, бродили добродушные утки, за ними с шипением гонялись гуси. Поросяенок, энергично крутя хвостиком, изо всех сил пытался подрыть куст бурьяна.

Появление Харкорта и Шишковатого вызвало большую суматоху. Отовсюду выбежало множество монахов, которые кинулись навстречу. Один из них схватил под уздцы коня, на котором ехал Харкорт, другой подбежал к Шишковатому.

— Не надо, — сказал тот. — Я не остаюсь. Только заброшу оленя на кухню и поеду в замок. Этот кабан — нам на ужин, а его еще нужно зажарить.

Монах, державший коня Харкорта, сказал:

— Ну хоть горсть овса и немного воды для твоего коня?

— Ладно, — согласился Харкорт. — Спасибо за любовь.

Он спешил, и монах повел коня за собой.

Из-за угла к ним поспешно направлялся аббат Гай, крупный мужчина, на голову выше остальных. Черная борода, покрывавшая все его лицо, оттеняла наголо выбритую тонзуру на макушке. Ясные, сверкающие голубые глаза выглядывали из густых зарослей, как из засады. Сутана его была поддернута кверху, и из-под нее виднелись босые ноги. Харкорт заметил, что ноги грязные, хотя и не мог понять, почему обратил на это внимание: мало кому, даже из священников, по душе вода и мыло.

— Рад тебя видеть, Чарлз! — крикнул аббат.

Харкорт пожал ему руку.

— Аббат, ты к нам не заглядывал уже целую неделю. Ты же знаешь, замок всегда к твоим услугам, когда бы ты ни пришел.

— Заботы, — ответил аббат гулким басом. — Вечные заботы. То одно, то другое, и больше ни на что времени не остается. Постоянно приходится растолковывать моим дурням, что они должны делать, — и не только что, но и как, а иногда даже зачем. Если они за что-то возьмутся, то сделают, однако сначала надо им все растолковать. Не могут, чтобы кто-то не водил их за ручку и не утирал им нос. Все они такие.

Монахи, стоявшие вокруг, только добродушно усмехались.

— Ну, пошли, — сказал аббат. — Найдем какой-нибудь уютный уголок, где можно посидеть и рассказать друг другу парочку неприличных историй, чтобы всякие оболтусы не плялились на нас и не подвергали опасности свои души, слушая наши греховные разговоры. И не отлынивали от дел, которые им поручены. Я вижу, вы привезли оленины?

— В замке кончили свежее мясо, а у меня выдалось свободное утро.

— Да, понимаю. Прекрасно понимаю. Солонина и копченые окорока приедаются быстро. У нас тут есть свежая зелень с огорода, мы вам дадим.

Он потянул Харкорта за руку, и они, обогнув угол аббатства, направились к крохотному домику. Там их

ждала тесная комнатка аббата с выцветшими, рваными гобеленами на стенах.

— Вот сюда, в это кресло. Оно тут специально для старых друзей. Ну и для почетных гостей, только у нас таких не было уже много лет. Мы живем, Чарлз, в захолустном уголке Империи. Никто здесь не бывает, даже мимоходом.

Он принялся шарить в шкафу.

— Тут у меня припасена специальная бутылочка, — сказал он. — Я точно помню, что спрятал ее сюда. Что-то не вижу, где она.

В конце концов поиски увенчались успехом, и он вернулся с бутылкой и двумя бокалами. Один он протянул Харкорту и уселся в другое кресло, вытянув ноги и пытаясь вытащить пробку.

— Хорошо у вас хлеба взошли, — сказал Харкорт. — Мы только что ехали мимо поля.

— Да, мне говорили, — отозвался аббат. — Я сам еще не видел. Все не до того, такая уж у меня работа.

— Это не просто работа, — сказал Харкорт. — Это почетное и благочестивое призвание, и тебе оно вполне по плечу.

— Было бы это так, — возразил аббат, — тогда Церковь давно должна была бы утвердить меня в сане, как ты полагаешь? Вот уже шесть лет как я здесь временно исправляю службу, а все еще не утвержден. И если так пойдет дальше, боюсь, мне этого вообще не дожидаться, вот что я тебе скажу.

— Время такое, — сказал Харкорт. — Все кругом зыбко и ненадежно. Нам по-прежнему постоянно угрожают варвары из Ближней Азии. За рекой все еще гнездится Нечисть. А может быть, есть и еще что-нибудь, чего мы не знаем.

— Но ведь это мы тут, на границе, защищаем и Церковь, и Империю, — возразил аббат. — Можно бы время от времени и про нас вспоминать. Рим должен бы о нас хоть немного заботиться.

— Империи сейчас нелегко, — сказал Харкорт. — Но такое бывало и раньше, а Рим все стоит. Стоит уже больше двух тысяч лет, если считать с основания Республики, — так, по крайней мере, говорит история. Видел он и лучшие времена, и худшие. Бывало, что слабел, как сейчас, когда границы рушатся, экономика

в упадке, а внешняя политика стала совсем беспомощной...

— Против этого я не спору, — сказал аббат. — Бывало, что Рим слабел, а раз-другой даже казалось, что он вот-вот рухнет, но ты прав — он все еще стоит. Есть в нем что-то долговечное. Я тоже верю, что он снова станет могучим и великим, и вместе с ним укрепится Церковь. Меня беспокоит другое — не слишком ли много времени пройдет до той поры. Успеют ли на нашем веку Рим и Церковь собраться с силами, чтобы меня наконец утвердили в сане, а эта граница, да и другие тоже, оказались под защитой легионов? Конечно, когда-нибудь, может быть, несколько столетий спустя, и появится какой-то великий вождь, который сможет все изменить, как это всегда бывало до сих пор...

— Дело не только в великих вождях, — возразил Харкорт. — Иногда все решает чистая случайность. В четвертом веке Империя чуть было не распалась на Запад и Восток. Историки, правда, пишут об этом разное, но, по-моему, совершенно очевидно, что тогда Империю спасла Нечисть. Конечно, она существовала и раньше, об этом все знали, но до тех пор она была всего лишь досадной помехой, не больше. А вот когда Нечисть неожиданно обрушилась на нас всеми силами, на всем протяжении границы, потому что ее начали теснить на юг и на восток орды варваров, — тогда она перестала быть просто помехой. Чтобы отбить наступление, Империи пришлось напрячь все силы. О разделе и думать было нечего: чтобы выжить, надо было держаться вместе. И от этого мощь и величие Рима только укрепились.

Пробка с громким хлопком вылетела из бутылки.

— Ну вот, наконец-то! — воскликнул аббат. — Давай свой бокал. Не могу понять, почему мне всегда приходится столько возиться с пробкой. Другим стоит только чуть ее качнуть, и она вылетает сама.

— Потому что ты неуклюжий, — сказал Харкорт. — И всегда был неуклюжий.

Аббат наполнил бокал гостя, налил себе, поставил бутылку на стол поближе, чтобы далеко не тянуться, и откинулся в кресле.

— Пожалуйста, воздай ему должное, — сказал он, поднимая бокал. — От того удивительного урожая уже почти ничего не осталось. Может, всего несколько

бутылок, никак не больше чем поддюжины. А ведь подумать только — когда-то у нас его было целых пять бочек!

Харкорт кивнул:

— Да, помню. Ты уже рассказывал мне эту печальную историю, и не раз. Оно пропало во время набега.

— Правильно. Мы лишились тогда почти всего, что у нас было. Нашего возлюбленного аббата зверски убили, множество достойных братьев погибло, а остальные разбежались и прятались по лесам. Все службы сожгли, аббатство разграбили, все, что было ценного, унесли. Скот и птицу или перебили, или утаили с собой, амбары и погреба опустошили — нам оставалось только умереть с голоду. Если бы не милосердная помощь замка...

— Да, нам повезло, — прервал его Харкорт: понесенные аббатством потери Гай мог перечислять без конца. — Мы смогли их отогнать.

— Да не просто отогнать, — возразил аббат. — Вы вселили в них страх Божий. С тех пор вот уже семь лет не было ни одного набега. Вы дали им урок, который они помнят и сейчас. Конечно, время от времени случаются мелкие вылазки, но их отбить нетрудно. Большей частью это маленький народец, они ведь вообще ничего не соображают. Эльфы, домовые, особенно феи — эти хуже всех. Вреда от них немного, но они всегда готовы сыграть какую-нибудь скверную шутку. Я убежден, что это из-за них у нас прошлой осенью прокис весь октябрьский эль. У нас хороший пивовар, он варит пиво уже много лет. Никогда не поверю, что это его вина. Феи всегда норовят нагадить исподтишка. Вчера я их видел, целую стаю, но они пролетели мимо.

— Кстати, — сказал Харкорт, — мы всего час назад, или около того, когда возвращались с охоты, видели дракона.

— Когда я слышу что-то о драконах, — сказал аббат, — я всякий раз вспоминаю, как вы с Хью пробовали одного поймать.

— Ну, конечно, — ответил Харкорт. — К моему постоянному стыду, это помнят все, кого я знаю. Только никто не помнит, что нам с Хью тогда было всего-навсего по двенадцать лет и мы еще просто ничего не понимали. Этого драконенка мы нашли у подножья Драконова хребта — он выпал из гнезда и ковылял по

земле. Взрослые драконы знали, что он выпал, и очень суетились вокруг, но не могли до него добраться, лес там слишком густой. Когда мы с Хью увидели этого птенца, у нас была только одна мысль — как здорово будет завести себе маленького ручного дракончика. Нам, конечно, и в голову не пришло подумать о том, что мы будем с ним делать, когда он подрастет.

— Вы, кажется, попробовали его связать?

— Ну да. Мы сбегали в замок, взяли две веревки и вернулись. Драконенок был еще там. Мы решили накинуть ему на шею две петли и таким способом его удерживать. Я свою петлю на него накинул, но склон был очень каменистый, Хью поскользнулся и упал, а петлю так и не накинул. Драконенок кинулся на нас, и тут мы поняли, что надо удирать. Веревки, конечно, побросали и все равно едва унесли ноги. Если бы не милость Господня, Хью ни за что бы не убежать от этого разъяренного дракончика.

— Мой отец, да упокоится его душа в мире, чуть шкуру с Хью не спустил, когда об этом услышал. Я пытался его отговорить, твердил, что это просто шалость, что такое случается со всеми мальчишками, но он и слушать не хотел. Одной рукой сгреб Хью за шиворот, другой схватил палку...

— Я думаю, больше всего деда разозлило то, что мы бросили веревки, — сказал Харкорт. — Он долго внушал мне, как трудно сейчас достать веревку, какой я бестолковый и как мало шансов, что из меня получится что-нибудь путное. К тому времени, как он выдохся, я уже чувствовал себя совершенным ничтожеством. Поэтому, он хотел и меня высечь, но передумал. Лучше бы высек: это мне было бы легче, чем выслушивать все, что он наговаривал.

— Кстати, — заметил аббат, — я частенько подумывал, не летает ли до сих пор где-нибудь поблизости дракон с твоей веревкой на шее.

— Я тоже об этом думал, — сказал Харкорт.

— Давно уж я не видел драконов, — продолжал аббат. — Не могу сказать, чтобы я об этом жалел. Гнусные создания. И никакой управы на них нет. Свалится с неба, как камень на голову, ударит с лету — и тут же снова вверх, так что и оглянуться не успеешь. Сколько раз бывало — прилетит дракон, схватит корову и тащит. Мне всегда было так жалко бедное животное.

Ведь драконы их не убивают, а уносят живыми. Помню, как-то один схватил сразу двух свиней, по одной в каждую лапу — это непростое дело, даже для дракона. Никогда не забуду, как они визжали. Свиньи вообще здоровы визжать, а эти две, когда болтались у дракона в когтях, должно быть, поставили рекорд — громче, наверное, никто никогда не визжал во всем крещеном мире. Я бежал за этим драконом, грозил ему кулаком и кричал всякие слова, которые теперь как духовное лицо и повторить не могу, потому что должен думать о душе. Но теперь драконов стало куда меньше. И вся Нечисть, что покрупнее, — тролли, великаны-людоеды и прочие — на нашем берегу тоже не показывается. Через реку перебираются разве что феи, да эльфы, да те из гоблинов, кто помельче, а с ними управиться легко. Только мороки много, а опасности на самом деле никакой.

— Нечисть сейчас между двух огней, — сказал Харкорт. — К востоку и к северу от них — варвары, а к югу — наши легионы. Хотя не понимаю, чем страшны ей легионы, когда их отвели так далеко от границы — и здесь, и в других местах. Отвели, наверное, из каких-нибудь дурацких политических соображений. Я думаю, Нечисть боится нас, хоть это и трудно себе представить. Не только нас с вами, конечно, а всех, кто живет в укрепленных постах и замках вдоль реки.

— Может быть, и так, — согласился аббат. — Семь лет назад они захватили наше аббатство — должен сказать, без особого труда, ведь редко кто из монахов умеет драться, — и еще несколько монастырей, и множество поместий, что были вовсе не укреплены или укреплены плохо, но замки — и те, что вверх по реке, и ниже — почти все устояли и задали им жару. Правда, Фонтен они все-таки взяли...

Аббат внезапно умолк, и наступило неловкое молчание. Потом он сказал:

— Прости меня, Чарлз. Мне не надо было это говорить. Такой уж у меня длинный язык, никак с ним неладишь.

— Ничего, — ответил Харкорт. — Воспоминания с годами тускнеют. Мне уже не больно. Свыкся.

Хотя на самом деле это неправда, подумал он про себя. Это воспоминание с годами не потускнело, оно все еще причиняло ему боль, и свыкнуться с этим он не мог.

Он все еще явственно представлял себе ее такой, какой видел в последний раз, в то майское утро, — пряди золотистых волос, падавшие ей на лицо от порыва весеннего ветерка, ее стройную фигурку на фоне голубого неба, когда она прощалась с ним, садясь на коня. Из-за того, что волосы, развевавшиеся по ветру, закрыли тогда ее лицо, он теперь не мог его припомнить. Когда-то он готов был поклясться, что никогда его не забудет, что для этого ему даже не нужно ее видеть, ведь ее черты навечно врезались ему в память. И все же с годами он их забыл. Может быть, время хочет таким способом помочь мне, подумал он. Но лучше бы оно не пыталось.

«Элоиза! — сказал он про себя. — Если бы только я мог припомнить, если бы я мог снова представить себе твое лицо!..» Он знал, что это было смеющееся, радостное лицо, но не мог теперь вспомнить ни веселых морщинок, которые появлялись у нее вокруг глаз, когда она смеялась, ни очертаний ее улыбающихся губ.

Аббат протянул бутылку, и Харкорт машинально подставил свой бокал. Аббат наполнил его, плеснул немного себе и снова откинулся в кресле.

— Может быть, так оно и лучше, — продолжал он. — Это длится уже не одно столетие — ты сам говоришь, что начиная с четвертого века. На востоке и севере варвары, на западе и юге мы, а Нечисть посередине. И все качается туда-сюда, как маятник. Пятьсот с чем-то лет назад Нечисть отступила — может быть, потому, что давление варваров ослабло, а Рим наступал. Рим тогда был силен, как никогда, это было время нашего недолгого Возрождения. Потом его слабые ростки погибли — может быть, причиной и стал новый натиск Нечисти, трудно сказать; возможно, они в любом случае не смогли бы выжить. Еще позже, без малого лет двести назад, варвары снова начали теснить Нечисть, и она, нуждаясь в жизненном пространстве, снова обрушилась на нас. Рим в это время был в упадке, его легионы откатились назад, а вместе с ними множество беженцев. После этого граница прошла по нашей реке, она и до сих пор здесь. Но я хочу сказать вот что — Нечисть все еще служит буфером между нами и варварами. И из двух зол Нечисть, возможно, меньшее. Мы ее знаем, поведение ее более или менее можем пред-

видеть. Пожалуй, для нас лучше, что на той стороне реки — Нечисть, а не варвары.

— Ну, не знаю, — сказал Харкорт. — Варвары все-таки люди, и мы воевали бы с ними как с людьми — сталь против стали. А Нечисть — совсем другое дело. Она дерется зубами и когтями, она обдаёт тебя своим гнусным дыханием, она не признает никаких правил. И перебить ее не так просто — лезет и лезет. Я уже по горло сыт и Нечистью, и ее манерой драться.

Аббат наклонился вперед.

— В тот набег мы лишились многих достойнейших братьев и почти всего, что у нас было. Но есть очень странная вещь, она не дает мне покоя, когда я припоминаю все, что мы потеряли. Там была одна вещь, которая ничего особенного собой, конечно, не представляла. Может быть, ты ее помнишь. Маленькая стеклянная призма, в которой спрятана радуга.

— Помню, — сказал Харкорт. — Мне ее показывали в детстве. По-моему, при этом был и ты с Хью.

— Да, теперь и я вспомнил. Мы при этом были.

— Кто-то из монахов, не помню кто, привел нас в святилище и показал эту призму. Из окна под самым потолком падал луч света, и когда монах поднял призму, чтобы луч упал на нее, она вдруг засияла всеми цветами радуги.

— Пустячок, конечно, — продолжал аббат. — Просто забавная игрушка. Хотя, если подумать, может быть, и не просто игрушка. А, например, произведение искусства. Ее сделал какой-то древний мастер. Одни говорили, в Риме, другие — в Галлии. Вырезал из куска чистейшего хрусталя и отшлифовал по всем правилам. Скорее всего, это было много сотен лет назад — возможно, в тот краткий миг Возрождения.

— Я часто думаю, — заметил Харкорт, — каким стал бы мир сейчас, если бы Возрождение тогда не заглохло под гнетом обстоятельств. Ведь именно тогда было построено это аббатство; тогда было возведено и создано множество вещей, которыми мы теперь заслуженно гордимся. Элоиза подарила мне часослов того времени — сейчас такую книгу никто бы не мог изготовить.

— Знаю, и мне тоже очень жаль. Призма — всего лишь один маленький пример. Прежний аббат, тот, кого убили во время набега, как-то сказал мне, что в ней

воплощена точнейшая математика. Не буду делать вид, будто понял, о чем он говорил. Но это неважно. Все дело в том, что во время набега призма исчезла. Первое время я надеялся, что ее могли не заметить. Ну, может быть, кто-то из них и подобрал призму, но не догадался поднести к лучу света, чтобы увидеть ее во всем великолепии, и отшвырнул в сторону, как никому не нужную стекляшку. Однако сколько я ни искал, найти ее так и не смог. Теперь я убежден, что призму унесли.

— Очень жаль. Она была такая красивая.

— Легенда гласит, — продолжал аббат, — что существовала еще одна призма. Гораздо больше той, какая была у нас. Может быть, сделанная тем же древним мастером. И если верить легенде, одно время она принадлежала волшебнику по имени Лазандра.

— Я слышал эту легенду, — подтвердил Харкорт.

— Тогда ты знаешь и все остальное.

— Только то, что в ту призму Лазандра будто бы заключил душу святого. Больше никаких подробностей я не знаю.

— Остальные подробности, — сказал аббат, — если только это действительно подробности, а не просто перепутанные обрывки разных легенд, очень туманны. По-моему, в любой легенде всегда хватает всякой чепухи. Но эта история гласит, будто некий святой — имя его, к сожалению, затерялось во тьме веков — попытался изгнать Нечисть из мира сего. Но он что-то сделал не так, и сколько-то Нечисти здесь осталось. Кое-кого он не заметил. И те, кого он не заметил, сговорившись с волшебником Лазандрой, заманили его в ловушку и убили. Но прежде они заключили его душу в ту призму. Я пересказываю тебе только то, что читал в древних рукописях.

— Ты хочешь сказать, что занимался изучением этой легенды?

— Да там почти нечего изучать. Может быть, есть и еще что-то, но мне об этом ничего не известно. А на то, чтобы ею заинтересоваться, у меня была причина.

— И что за причина?

— Один слух. Даже меньше, чем слух, всего лишь намек. Будто бы Церковь каким-то образом сумела вырвать из рук Нечисти призму Лазандры и бережно хранила ее, окружив почитанием, но потом призма снова исчезла. Как исчезла — об этом ничего не сказано.

— Скорее всего, это тоже не больше чем легенда. Их такое множество, что нельзя верить всему, что в них говорится. Очень может быть, что почти все они — всего лишь пустые рассказы, которые кто-то с богатой фантазией сочинял от нечего делать.

— Может быть, и так, — согласился аббат. — Ты прав. Но там есть еще и продолжение. Хочешь его услышать?

— Конечно, хочу.

— Наше аббатство построили твои предки, это ты, разумеется, знаешь. Но знаешь ли ты, что оно возведено на месте другого аббатства, куда более древнего, которое было заброшено задолго до того, как здесь поселился ваш род? В стенах нашего нынешнего здания все еще есть разрозненные камни из той постройки.

— Я знал, что на этом месте раньше что-то стояло. Я только не знал, что это было аббатство. Не хочешь ли ты сказать...

— Хочу. Это все тот же слух, вернее, намек. Там есть еще одна подробность. Будто бы призма Лазандры хранилась, окруженная почитанием, в том самом древнем и потом заброшенном аббатстве, на месте которого построено наше.

— И ты этому веришь?

— Стараюсь не верить. Убеждаю себя, что скорее всего почти все в этой истории выдуманно. Но мне очень хочется поверить. Очень хочется, Чарлз.

Кто-то громко постучал в дверь.

— Войдите, — крикнул аббат.

В дверях показался монах. Он сказал Харкорту:

— Мой господин, тут пришла сирота, что живет в приемышах у мельника.

— Иоланда, что ли? — спросил аббат.

— Ну да, она самая, — ответил монах, пренебрежительно сморщив нос. — Она говорит, мой господин, что вернулся твой дядя Рауль.

Глава 2

Харкорт вместе с аббатом, выбежавшим вслед за ним, поспешно обогнули здание аббатства и увидели в переднем дворе Иоланду — сироту, что жила в приемышах у мельника. Она стояла, окруженная толпой монахов, один из которых держал под уздцы коня Харкорта.

— Что случилось? — спросил Харкорт Иоланду. — Ты говоришь, мой дядя вернулся? А почему эту весть принесла ты? Если мой дядя дома...

— Он не дома, — ответила она. — Пока еще не дома. Он лежит в доме моего отца.

— Лежит в доме твоего отца?

— Он болен и слаб. Когда я уходила, он спал. Мать попробовала его покормить, но он заснул, не успев съесть ни кусочка. Тогда я побежала в замок — вместо отца, ты же знаешь, мой господин, что он хромой.

— Знаю.

— В замке мне сказали, что ты здесь. Я знала, что ты хотел бы как можно скорее услышать...

— Да, да, — нетерпеливо прервал он. — Ты очень хорошо сделала.

— Понадобится несколько человек, чтобы перенести его в замок, — продолжала она. — Твой дед сказал, что соберет их сколько нужно, чтобы тащить носилки вверх, на обрыв. Когда я уходила, он ужасно ругался,

потому что все люди, оказывается, разошлись кто куда по разным делам и быстро собрать их невозможно.

Монах, державший коня, подвел его к Харкорту.

— Если ты собираешься спуститься оврагом к дому мельника, будь как можно осторожнее, — предупредил аббат. — Там есть тропа, но очень крутая и опасная.

— Я знаю дорогу, — сказала Иоланда. — Я тебе покажу. Я могу сесть на коня сзади тебя.

Харкорт впервые внимательно взгляделся в нее. На девушке был рваный плащ с капюшоном, накинутым на голову. Из-под капюшона выбивались льняные волосы и падали на худое, изможденное лицо с глазами василькового цвета. Харкорт заметил, что руки у нее загрубевшие от тяжелого труда. Он и раньше мельком ее видел, знал, при каких загадочных обстоятельствах она здесь появилась, но до сих пор ему ни разу не представился случай разглядеть ее вблизи.

— Ну ладно, — сказал Харкорт. — Садись сзади.

Он прыгнул в седло, взял в одну руку поводья, а другую протянул Иоланде. Она крепко схватилась за нее, и он удивился, какая сильная хватка у девушки. Он потянул Иоланду вверх, она подпрыгнула и уселась верхом на круп коня. У стоявших вокруг монахов вырвался судорожный вздох.

Харкорт причмокнул, понукая коня, и натянул поводья, готовясь спускаться по оврагу, который начинался сразу за аббатством. Повернувшись в седле, он помахал рукой аббату Гаю. Иоланда плотнее обхватила руками его талию.

— Как тебе нравятся эти противные монахи? — спросила она. — Только чуть покажи им ногу...

Харкорт усмехнулся:

— Им такое в диковинку. Не нужно их за это осуждать.

Тропа, которая вела к реке и к дому мельника, была крута и извилиста — она то и дело огибала огромные камни, которые в незапамятные времена отвалились от скал, стоявших по обе стороны. Местами она следовала по каменистому руслу ручья, где вода едва покрывала копыта коня, местами спускалась по крутому склону, где коню приходилось сползать, вытянув ноги. Кое-где тропа вообще исчезала, и Иоланде приходилось показывать, куда ехать.

— Ты сказала, что мой дядя добрался до вашего дома, — сказал Харкорт. — Откуда он пришел?

— Он пришел по мосту.

— Ты хочешь сказать, что он пришел с Брошенных Земель?

— Похоже, что так, — ответила она. — Когда я его увидела, он шел по мосту к нашему берегу, с той стороны. Шел с трудом, я сначала подумала, что он пьяный. Раза два падал, но каждый раз вставал и, шатаясь, шел дальше. Как не стыдно так напиваться, подумала я. А потом мне пришло в голову: а что если он не пьяный? Что если он ранен или болен? Я позвала Жана, моего отца, и он прибежал, вернее приковылял, как мог. Мы вместе довели его до дома. Сначала отец даже его не узнал. Отец говорит, он очень постарел. Как только мы поняли, кто он, я сразу побежала с этой вестью в замок.

— Он что-нибудь вам сказал? Он вообще что-нибудь говорил?

— Только бормотал что-то, и все. Он был едва жив, держался только силой воли. Но он цел и невредим. Ран на нем нет, крови тоже. Я посмотрела.

— Ты говоришь — он что-то бормотал. Значит, он пытался что-то сказать?

— Не думаю. Просто бормотал что-то про себя.

— И Жан сначала его не узнал?

— У него седые волосы, — сказала она. — Когда Жан видел его в последний раз, они были черные, только чуть-чуть с проседью. Мне он показался совсем стариком.

Да, дядя Рауль должен был постареть, подумал Харкорт. Уж очень долго он отсутствовал. Но Харкорт все еще помнил его необыкновенно молодежавым, хотя и тогда он был уже не молод. Высокий, широкоплечий, стройный, он казался человеком совсем из другого мира, из далеких чужих краев. Сколько раз за это время он побывал дома? Харкорт попробовал припомнить и не смог. Должно быть, раз пять или шесть.

Были случаи, когда Рауль возвращался побежденным, когда из его затей ничего не выходило. Но он никогда не держался как побежденный. Он всегда откровенно сознавался, что потерпел неудачу, хотя в чем именно, толком и не говорил. Но вел он себя так, будто эта неудача не имеет для него никакого значения.

Наверное, временами этот странный непоседливый человек должен был испытывать разочарование или даже отчаяние, но он никогда в этом не сознавался, и не было случая, чтобы очередная неудача его остановила. Проходило несколько недель, самое большее — несколько месяцев, и он исчезал снова. Харкорт припомнил, что всегда можно было предсказать, когда дядя исчезнет. За несколько дней до этого его начинало одолевало беспокойство, он словно рвался с привязи, ему явно не терпелось пуститься в какую-нибудь новую авантюру, которую подсказывала его изобретательная фантазия.

Были и такие случаи, когда он возвращался победителем — на великолепном коне в дорогой сбруе, пышно разряженным, с роскошными подарками всем и каждому. Но возвращался ли он с победой или с поражением, он никогда не говорил, что именно делал за время своего отсутствия. Он много о чем рассказывал, и по его рассказам нередко можно было догадаться, где он побывал, — во всяком случае, в какой части света, потому что в них никогда не было ни намека ни на какое определенное место. Родственники, конечно, не могли не размышлять о том, чего он не хотел говорить, но спрашивать его об этом никто не решался — может быть, потому, что все боялись услышать что-то позорное, чего им лучше не знать.

Харкорт вспомнил, что был один многозначительный случай, когда дядя отвел его в сторону, чтобы никто не слышал, и заговорил с ним, совсем еще мальчишкой, как со взрослым.

— Чарли, — сказал он, — нельзя ли мне взять на время в услужение твои глаза? Как ты думаешь, не мог бы ты по моей просьбе некоторое время присматривать, что происходит вокруг? Я, конечно, тоже буду настороже, но лучше, если нас будет двое.

Все это напоминало какой-то заговор, в котором Харкорт предлагалось принять участие. От волнения у него перехватило дыхание, и мир показался ему намного интереснее.

— Я, наверное, недолго здесь пробуду, — сказал дядя. — Но пока я здесь, я буду хорошо тебе платить — по золотому безанту за каждый день, когда ты будешь меня охранять. Ты должен смотреть, не появятся ли здесь два человека, которые будут путешествовать вместе. Возможно, они придут пешком. Их легко будет

узнать, потому что один из них хромает. Скорее всего, они придут по верхней дороге.

— Дядя Рауль, эти два человека гонятся за тобой?

— Вполне возможно.

— А если я их увижу, я должен скорее сказать тебе?

— Именно так. Согласен?

— Конечно, согласен.

— И еще одно. Никому об этом не говори. Ни деду, ни матери, ни Шишковатому, никому. Согласен?

Харкорт до сих пор помнил, с каким жаром он согласился и как они ударили по рукам. Он находился как раз в таком возрасте, когда нет ничего интереснее и увлекательнее, чем какая-нибудь тайна, а это была самая настоящая тайна, не то что мелкие, ничтожные секреты, которыми обычно ему приходилось довольствоваться.

— Тогда вот тебе первая монета, — сказал ему дядя. — Смотри не потеряй. За каждый день, когда ты будешь держать ухо востро, тебе будет еще по такой же.

Харкорт помнил, каким богачом себя вдруг почувствовал, — золотой безант был царской наградой, такие монеты здесь вообще мало кто видел.

Он самым добросовестным образом держал ухо востро на протяжении пяти дней, после чего в этом уже не было необходимости, потому что на пятый день, глубокой ночью, дядя Рауль уехал, ни с кем не попрощавшись. Но все эти пять дней он давал Харкорту по безанту. Его отъезд в семье не обсуждался, потому что он всегда уезжал именно так.

После того как дядя Рауль уехал, Харкорт больше не следил за тем, что происходит вокруг, хотя время от времени и присматривался. Но те два человека, к его большому разочарованию, так и не появились.

Крутые склоны холмов вдоль реки заросли густым лесом, огромные деревья подступали вплотную к тропе, по которой ехали Харкорт с Иоландой. Их массивные корни цеплялись за самые незаметные трещины, лишь бы в них было немного земли. Все выступы скал покрывали заросли корявого можжевельника и карликовой березы.

Иоланда показала на одно из деревьев, стоявших рядом с тропой.

— Это мое дерево, — сказала она. — Жан обещал мне, что, когда у него будет время, он его срубит и спустит вниз, к мельнице. Это вишня.

Харкорт усмехнулся — ему показалось забавным, какое значение она придает одному этому дереву из множества других и как уверенно утверждает, что оно принадлежит ей.

— А зачем тебе эта вишня? — спросил он.

— Вишневая древесина — самая лучшая для резных работ, — объяснила она. — Волокно у нее тонкое, она легко поддается резцу, но очень прочная, хорошо держит резьбу и прекрасно шлифуется. Я вырежу из нее что-нибудь для аббата Гая. Он говорил, что ему нужна фигура какого-то святого, я ее вырежу.

— Какого святого? — спросил Харкорт.

— Все святые на вид одинаковые, — сказала она. — У них суровые, торжественные лица и просторные одежды. Я сделаю ему святого, а уж он пусть назовет его как хочет.

— Ты знаешь аббата? Тебе приходилось с ним разговаривать?

— Я с ним знакома, но вижу его не очень часто. Как-то прошлой зимой он приходил на мельницу, чтобы договориться с Жаном о каком-то деле, и увидел мои резные фигурки. Тогда он и попросил меня вырезать для него святого.

— Мне давно говорили, что ты занимаешься резьбой. Часто ты это делаешь?

— Почти каждый день. Отец построил сарай, чтобы мне было где работать и чтобы мои фигурки были защищены от непогоды.

— Это замечательный дар, — сказал Харкорт. — Ты где-нибудь училась такому ремеслу?

— Нигде не училась, и никто меня не учил. Кто станет меня учить? Я просто чувствую, как надо сделать. В куске дерева, там, внутри, я вижу фигурку, которая рвется наружу, и помогаю ей освободиться. Или пытаюсь помочь. Будь у меня инструменты получше, у меня бы лучше и выходило. Но у меня только те инструменты, которые сделал мне Жан.

Странная девушка, подумал Харкорт. Очень странная. Сирота, родителей которой никто не знал, она в один прекрасный день просто явилась на мельницу неизвестно откуда, и мельник с женой решили ее

приютить. Ей повезло, что она пришла на мельницу, потому что мельник и его жена давно хотели иметь ребенка. За несколько лет до этого у них родился сын, но он скоро умер от какой-то болезни, а больше детей у них не было, хотя они очень об этом мечтали.

Харкорт припомнил, как однажды, сидя на лавочке у мельницы и глядя, как мимо бежит река, мельник рассказал ему, как это случилось.

— Ты можешь вообразить себе наше удивление, мой господин, — говорил мельник, — когда в одно прекрасное утро, в октябре, мы увидели Иоланду — она сидела на пороге дома и играла с нашим котенком. Ей было лет семь или восемь. Мы и представления не имели, откуда она взялась, а сама она объяснить не могла. Мы были рады, что она у нас появилась, и взяли ее в дом, хотя все время боялись, что кто-нибудь за ней придет. Мы пытались что-нибудь про нее разузнать, но ни у кого как будто дети не пропадали. И с тех пор она живет у нас. Она стала нам дочерью.

Харкорт вспомнил, что он тогда спросил:

— И вы до сих пор не знаете, откуда она?

— Точно не знаем, — ответил ему мельник, — но очень может быть, что с Брошенных Земель. Вы ведь знаете, там еще остались люди, хоть и немного. Должно быть, кто-нибудь перевел ее через мост под покровом ночи. Чтобы вызвать оттуда.

— У вас есть какие-нибудь основания так думать?

— Нет, — ответил мельник. — Просто такая мысль пришла нам в голову.

Тропа понемногу становилась все более отлогой. Оглянувшись назад, Харкорт увидел поднимающийся ввысь голый известковый обрыв, с которого они спустились. Снизу доносился приглушенный шум большой бурной реки.

Впереди, за деревьями, виднелся мост — прочное сооружение из толстых бревен, покоившихся на огромных каменных устоях. Его возвел какой-то давно забытый легион, стоявший здесь лагерем в те дни, когда вокруг были лишь непроходимые глухие дебри.

При мысли об этом Харкорт, к собственному немалому удивлению, машинально поднял вверх руку, отдавая древним строителям дань молчаливого уважения.

Глава 3

В доме мельника, на кухне, лежал на соломенной подстилке дядя Рауль, укрытый до самого подбородка овчиной. У него были совсем седые волосы и борода и исхудалое лицо, похожее на череп, туго обтянутый кожей. Он спал, и веки его были как тонкие листки пергамента.

— С тех пор как Жан его принес, он так и лежит, — сказала жена мельника. — Никогда еще не видела такого измученного человека. Я хотела было дать ему бульону, велела Жану его подержать, но он так и заснул с ложкой во рту.

— А где сейчас Жан?

— Пошел вверх — посмотреть, не надо ли чем помочь. Я уговаривала его не ходить, уж очень тропа крутая. Разве вы его не встретили?

— Нет, — сказал Харкорт. — Наверное, он пошел другой тропой, что ведет к замку, а мы ехали из аббатства. Иоланда узнала, что я там, и прибежала мне сказать. Дедушка пришлет людей, чтобы перенести его домой.

— Можно и здесь его оставить, — сказала жена мельника. —хлопот с ним не так уж много, а будить его просто грех. Пусть отдохнет. Бедняга, ему, видно, сильно досталось.

— Спасибо, — ответил Харкорт, — но там, в замке, его ждет дедушка. Он, наверное, и не надеялся

когда-нибудь повидать дядю Рауля: столько времени от него не было вестей. Хотя, если вспомнить, он никогда не давал о себе знать, когда уезжал. Старику, должно быть, не терпится снова его увидеть. И матери тоже. Она сейчас, скорее всего, хлопочет изо всех сил, чтобы приготовить ему комнату и настряпать еды по его вкусу...

— Матушка по-прежнему в добром здравии? — спросила жена мельника. — И старый господин тоже? Вы всегда были так добры к нам. Помню, твой дедушка сразу предупредил нас, когда из-за реки пришла Нечисть. Только потому мы и успели вовремя укрыться в замке...

— Если Жан и был нам чем-то обязан за это предупреждение, он уплатил свой долг сполна, — прервал ее Харкорт. — Он храбро бился на стенах. Там его и ранили. Нам не хватало таких людей, как он.

К ним подошла Иоланда с высокой кружкой в руке.

— Прошу тебя, мой господин, — сказала она, — выпей глоток нашего эля, хоть он и не ахти как хорош.

— Почему не ахти как хорош? — отозвался Харкорт. — Если память мне не изменяет, эль у Жана всегда получается замечательный.

Он взял кружку и поднес к губам. Эль был действительно замечательный. Харкорт внимательно посмотрел на дядю, который спал, что-то бормоча во сне и шевеля пальцами.

— У нас есть время, пока не придут люди из замка, — сказал Харкорт Иоланде. — Ты не покажешь мне свои работы?

— Это будет для меня большая честь, мой господин, — ответила она.

Харкорт допил эль, поставил кружку на стол и вышел вслед за Иоландой.

Солнце, клонившееся к западу, светило тепло и ласково. Его лучи играли на поверхности реки, которая бурным потоком неслась мимо, приговаривая что-то низким, уверенным голосом, какой всегда бывает у больших рек. Едва заметный тонкий аромат диких лесных цветов, которыми были усеяны тенистые места под деревьями, плыл над поляной, где стояла мельница и домик мельника. Приятное место, подумал Харкорт. Хорошо бы побыть здесь некоторое время — полюбоваться на реку, послушать, как она шумит, насладиться этим цветочным ароматом.

Иоланда повела его за мельницу, к сарайчику, который стоял поодаль, ниже по реке. Его стена, обращенная на юг, была доведена только до половины высоты, чтобы внутрь проникало побольше света.

— Вот этот широкий карниз, — сказала Иоланда, — для того, чтобы туда не попадал дождь, а здесь проходит воздух, чтобы дерево лучше сохло.

Она открыла дверь и, отступив в сторону, жестом пригласила Харкорта войти. Он перешагнул через порог и замер от удивления.

Вдоль стены сарая стояло множество прислоненных к ней резных фигур во весь рост — одни были еще недоделаны, другие показались ему вполне законченными. На полках теснились деревянные головы — и человеческие, и изображавшие каких-то неизвестных ему чудищ. Были там и не только головы: вырезанная на доске роза, обвитая виноградной лозой, несколько лошадок, кошка с котятами, вол, запряженный в повозку, и человек, погоняющий вола. Но больше всего было голов.

— Подходящее дерево найти не так просто, — сказала Иоланда. — У каждой породы свои причуды. Лучше всего вишня и орех, только хорошие ореховые деревья попадаются редко. Дуба здесь много, но дуб трудно обрабатывать, и он крошится. Годится и мягкая древесина, но она плохо принимает полировку.

На одной из полок в углу стояла горгулья, такая безобразная и страшная на вид, что казалась почти прекрасной. У нее была огромная клыкастая пасть, занимавшая полморды, дряблые толстые губы, раздутые ноздри и уши, как у нетопыря.

— Одного я не могу понять, — сказал Харкорт. — Как ты ухитришься выдумывать такие фигуры? Вот эту горгулью, например.

— В аббатстве есть каменные горгульи, — отвечала она. — Аббат Гай позволил мне разглядеть их как следует. Там кое-где есть и другие фигуры, их там много.

— Наверное, есть, — сказал Харкорт. — Я об этом как-то не подумал. Должно быть, просто никогда не обращал на них внимания.

— Я их рассматриваю, — продолжала Иоланда, — и запоминаю. А потом сама кое-что в них меняю. Я хочу, чтобы они были как живые. Как настоящие. Вон та

горгулья, на которую вы смотрите, — это ведь чудовище, но я старалась, чтобы оно жило и дышало. Пока я ее вырезала, я разговаривала с ней и воображала, будто она мне отвечает. И старалась сделать так, чтобы было похоже, будто она может отвечать.

В дверь заглянула жена мельника.

— Твой дядя проснулся, — сказала она. — Пытается что-то сказать. Выговорил несколько слов, только так неразборчиво, что я ничего не поняла.

— Иду, — сказал Харкорт, шагнув к двери.

На кухне он опустился на колени рядом с подстилкой.

— Дядя Рауль, — позвал он.

Тот открыл глаза.

— Чарли? Чарли, это ты?

— Я, дядя. Я пришел, чтобы забрать тебя домой.

Дедушка в замке, он тебя ждет.

— Где я, Чарли?

— На мельнице. У Жана-мельника.

— Значит, я на нашем берегу?

— Конечно. Тебе нечего опасаться.

— Я уже не на Брошенных Землях?

Харкорт молча кивнул.

— Хорошо, — сказал дядя. — Очень хорошо. Наконец-то я в безопасности.

— Мы перенесем тебя наверх, в замок.

Рауль схватил Харкорта за руку своими высохшими пальцами, похожими на когти.

— Чарли, — прошептал он. — Чарли, я нашел ее!

Харкорт наклонился к нему.

— Не волнуйся, — сказал он. — Не старайся мне сейчас все рассказать. Потом расскажешь.

— Я нашел ее, только не мог до нее добраться. Слишком их было много. Но я знаю, где она. Я знаю, что она существует. Это не просто легенда. Не просто дурацкие рассказы.

— О чем ты, дядя?

— О призме, — прошептал дядя. — О призме Лазандры.

— О той, в которой...

— О той самой, — сказал дядя. — В которой заключена душа святого.

— Но, дядя...

— Говорю тебе, что знаю, где она. Я чуть-чуть до нее не добрался. Я был в том месте, где она лежит. Еще немного, и я бы мог ее...

— Пока забудь об этом, — прервал его Харкорт немного резче, чем хотел. — Не будем об этом сейчас говорить. Сначала нужно доставить тебя домой.

В дверях послышался голос жены мельника:

— Вон идут люди из замка. Они спускаются по тропе.

Глава 4

До верхнего конца тропы было еще далеко, когда Харкорт услышал приглушенное звяканье оружия и громкие голоса. Он выехал из оврага и остановил коня, увидев, что у ворот замка толпится множество вооруженных людей. Это были римские legionеры в своей походной форме. Шлемы, панцири и поножи сверкали в лучах вечернего солнца, за плечами у каждого висел пилум — тяжелое двухметровое метательное копье. Острые наконечники пилумов частоколом торчали над неровными рядами legionеров, которые под окрики офицеров строились в походный порядок.

Навстречу Харкорту выехал на коне центурион в шлеме с развевающимися алыми перьями. Подъехав, он отсалютовал, небрежно подняв руку. Харкорт ответил таким же небрежным приветствием.

— Нам сказали, что вы поднимаетесь по тропе с больным на носилках, — сказал центурион. — Мы ждали, пока тропа не освободится — говорят, она узкая и крутая. Вы ведь Харкорт?

— Чарлз Харкорт к вашим услугам, сэр. А вы кто?

— Децим Аполлинарий Валентуриан, командир роты в этой когорте. Скажу вам откровенно, у нас большой некомплект. Это называется когорта, но на самом деле половины солдат в ней не хватает. В нашем легионе теперь постоянно так — все делается наполовину.

— Положение везде нелегкое, — сказал Харкорт.

— Что верно, то верно, — отозвался Децим. — Особенно в Риме. Император у нас безмозглый идиот, а вместо папы, если верить слухам, — какая-то баба.

— Я об этом ничего не слыхал, — сказал встревоженный Харкорт.

— Это самая свежая новость, — ответил центурион. — К тому времени, как она дойдет до нас по обычным каналам, она может уже устареть: новости безнадежно опаздывают. Коммуникации повсюду разрушены, никто не знает, что происходит.

Харкорт хотел расспросить подробнее про женщину-папу, но не решился, опасаясь, что это окажется просто скверной шуткой. Что до безмозглого идиота на императорском троне, то это сообщение его не особенно взволновало: безмозглые идиоты оказывались во главе Империи и раньше, в этом не было ничего нового.

— Вы патрулируете границу? — спросил он центуриона.

— Не просто патрулируем, — ответил тот. — Нас послали провести рекогносцировку на Брошенных Землях. Ходят слухи, что варвары нападают и Нечисть волнуется. Если это правда, то может случиться все что угодно. Мы не знаем, выстоит ли Нечисть против варваров. Если не выстоит, то неизвестно, чем это кончится.

— Маловато у вас сил для такого поручения, — заметил Харкорт. — Вы говорите, неполная когорта?

— Посмотрите сами — похоже это на когорту?

— Не очень. Но люди как будто боевые.

— Отборные мерзавцы, — с гордостью сказал центурион. — Самые отъявленные головорезы. Хорошо знают, что такое граница, и спуску никому не дают.

— Ну, в конце концов, это только рекогносцировка. Вы ведь не станете ввязываться в бои.

— Если все сделать как надо, то так и должно быть, — ответил центурион. — Туда и сразу же обратно, как только прояснится ситуация. Только наш трибун ни за что не даст нам сделать все как надо. Он рвется к славе. Очень может быть, что живыми мы не вернемся.

— Последние несколько лет здесь тихо, — сказал Харкорт. — Со времени последнего большого набега нас не беспокоили. Я все думал... Может быть, вы мне сможете ответить. Когда в тот раз Нечисть навалилась

на нас всей своей силой и мы бились с ней не на живот, а на смерть, — где тогда был ваш легион?

Это было больное место Харкорта, которое давно не давало ему покоя.

— Спокойно сидел в лагере, — сказал Децим. — И двинулся бы только в том случае, если бы вы не устояли.

— Мы-то устояли, — заметил Харкорт. — Мы отогнали их за реку по всей границе.

— Вы говорите, что в последнее время здесь тихо. Очень надеюсь, что так оно и есть, — сказал центурион. — Может быть, они на нас не полезут. Но заранее ничего сказать нельзя. А вон, кажется, и ваши люди.

Харкорт повернулся в седле.

— Да, это они, — подтвердил он. — Сейчас освободят тропу, и вы сможете двинуться. Спасибо, что подождали. Если бы мы встретились, неразбериха была бы страшная.

По крутому подъему, которым заканчивалась тропа, поднимались шесть человек с носилками. За ними шли еще шестеро, готовые их сменить.

— Это мой дядя, — сказал Харкорт. — Он заболел.

— Мне уже говорили в замке. Желаю ему скорее поправиться.

Больше ничего Харкорт объяснять не стал, а центурион ни о чем не спрашивал. Очевидно, дед ему ничего не сказал, подумал Харкорт. Узнай центурион, что Рауль вернулся с Брошенных Земель, расспросам не было бы конца. Люди с носилками прошли мимо, направляясь к замку.

— Мы должны переправиться через реку до темноты, — сказал центурион. — Насколько я понимаю, мост в хорошем состоянии?

— В отличном, — ответил Харкорт, стараясь, чтобы в его голосе не слишком явно прозвучала гордость. Поддерживать мост в хорошем состоянии было на протяжении многих лет обязанностью его рода, и она всегда выполнялась свято. Других мостов поблизости не было — ни выше по реке, ни ниже.

Центурион повернул коня, поднял руку и, выкрикнув команду, опустил ее. Первая рота колонной по двое двинулась вперед, мерно бряцая оружием. За ротой ехали две повозки, запряженные волами и нагруженные припасами, а за ними шла вся когорта.

Децим с Харкортom, сидя на конях, смотрели на проходящих мимо солдат.

— Не слишком четко маршируют, — сказал центурион. — Разгильдяи порядочные. Но необязательно хорошо маршировать, чтобы быть хорошим солдатом. Эти — из лучших. Прирожденные головорезы, им только и нужно что мясо, выпивка и бабы.

Это было видно сразу. Харкорт в жизни еще не встречал такого сброда. «Отборные мерзавцы», — сказал центурион и был совершенно прав. Стая голодных волков,

— Поосторожнее с повозками на спуске, — предупредил Харкорт центуриона. — Там есть очень крутые места.

— Ничего, как-нибудь спустимся, — небрежно ответил центурион.

Харкорт оглянулся через плечо и увидел, что процессия, которая несла его дядю, уже входит по подъемному мосту во двор замка.

Римлянин протянул ему руку.

— Надеюсь, еще увидимся, — сказал он. — Может быть, если на обратном пути мы будем снова проходить здесь...

— Обязательно сделайте у нас остановку. — Харкорт пожал ему руку. — Выпьем вместе.

Он неподвижно сидел в седле, пока римлянин не скрылся в овраге. Потом повернул коня и медленно поехал к воротам замка.

При виде двух его приземистых башен Харкорт снова вспомнил, как тогда, семь лет назад, они отбивали наседающую Нечисть. И тут же ему почему-то вспомнилось еще кое-что. В то время в замке жил свой чародей, который после того, как все кончилось, объявил, что победа одержана только благодаря ему. Теперь собственного чародея в замке не было. Ну и обойдемся, подумал Харкорт. Того чародея дед после окончания осады выгнал вон. «Терпеть не могу этого мошенника, — заявил он. — Пока мы все, не щадя жизни, бились на стенах, он в своих покоях хныкал, жег какую-то вонючую дрянь и бормотал про себя всякую чушь. Силой наших собственных рук, верностью клинков и меткостью стрел мы прогнали врагов, а как только опасность миновала, этот обманщик выползает из своей конуры и

приписывает себе все лавры. Пока я жив, в этом замке не будет никаких чародеев!»

Шишковатый тогда пробовал переубедить деда. «Согласен, — говорил он, — тот, которого ты прогнал, отъявленный мошенник. Но неужели ты, дружище, считаешь, что это разумно — осуждать всех чародеев сразу? Никогда неизвестно, когда они могут пригодиться. Может быть, теперь, когда ты избавился от этого, и правильно сделал, нам надо поискать другого, получше?» Но старик не унимался. «Все чародеи шарлатаны», — заявил он. На том дело и кончилось, и больше в замке своего чародея не было.

Глава 5

В большом зале замка сидели у огня дед Харкорта и Шишковатый. С ними, развалившись на скамье и прислонившись к стене, сидел и аббат Гай. Его сутана была подпернута, мускулистые грязные ноги вытянуты вперед. В камине весело горел огонь, и в огромном каменном дымоходе слышалось урчанье, словно в горле у спящего пса.

— Как только я увидел легионеров, — рассказывал аббат Харкорт, — я сразу прибежал сюда узнать, не нужно ли чем-нибудь помочь.

Харкорт кивнул, соглашаясь, хотя прекрасно знал, что аббат не думал ни о какой помощи, а прибежал из любопытства, потому что никогда не мог удержаться от того, чтобы не сунуть нос во все, что происходит вокруг.

— А когда твой высокоуважаемый предок, — продолжал аббат елейным тоном, — предложил остаться на ужин, я с радостью принял приглашение. На мой взгляд, нет ничего вкуснее хорошо зажаренного, сочного кабана.

Позади них слуги хлопотали у стола, раскладывая доски для нарезания хлеба и ножи, расставляя кружки и зажигая свечи.

Шишковатый встал и подошел к камину. Он стоял спиной к огню в одной белой набедренной повязке, плотный, массивный, весь покрытый бурой шерстью,

как медведь, у которого только что кончилась весенняя линька. Харкорт вдруг осознал, что это не человек, а совсем иное существо, чуждое всему человеческому. За много лет Харкорт привык к мысли, что Шишковатый — друг и неразлучный спутник деда, и хотя всегда знал, что он на самом деле не человек, тем не менее воспринимал его как существо, ничем не уступающее человеку, и больше об этом не задумывался. «Почему же я только сейчас вдруг увидел, кто он такой на самом деле?» — подумал Харкорт.

В том, что его называли Шишковатым, не было ничего удивительного: он действительно был какой-то шишковатый. Его массивные плечи были устроены иначе, чем у человека, голова не возвышалась над ними, а выдавалась вперед, и шеи, можно сказать, не было совсем. Руки у него были куда длиннее человеческих, а ноги — кривые, как будто он сидит верхом на чем-то круглом. Сейчас, когда Харкорт впервые увидел — а вернее, впервые осознал — эти отличия, ему стало не по себе. Потому что он любил Шишковатого, любил даже теперь, несмотря на эти отличия. Когда он был еще младенцем, Шишковатый качал его у себя на коленке, а когда подросток — гулял с ним, показывая ему всевозможные чудеса природы. Шишковатый выискивал для него птичьи гнезда, которых он сам ни за что бы не смог найти, и объяснял, как их искать. Шишковатый говорил ему, как называются разные дикорастущие травы, которые он до этого считал ничем не примечательными, и объяснял, что вот этот корешок помогает при такой-то болезни, а горький навар из этих вот листьев — при другой. Шишковатый находил для него лисьи норы и барсучьи логовища. И насколько Харкорт мог припомнить, рассказы Шишковатого, как ничьи другие, неизменно оставляли у него ощущение, будто все, что он слышит, необычайно важно. Нагулявшись, они усаживались где-нибудь под деревом, и Шишковатый сочинял для него длинные истории, такие складные, что он верил каждому их слову и многие помнил до сих пор.

— Как бы ты ни мечтал приняться за кабана, придется тебе потерпеть, — проворчал дед, обращаясь к аббату. — Смотри, как бы тебе не помереть с голоду, не дождавшись. Сколько живу на свете, не видал здесь такого переполоха. Женщины уложили моего блудного

сына в самую лучшую кровать и теперь только и делают, что бегают пичкать его горячим вином с пряностями, кормить всевозможными лакомствами, поддерживать его за руку и попричитать над ним. Просто смотреть тошно.

— А как он себя чувствует? — спросил Харкорт.

— Нет у него никакой особой хвори, которую нельзя было бы вылечить двенадцатью часами крепкого сна, но они так пристают к нему со своими заботами, что он не может глаз сомкнуть. Твоя мать — прекрасная женщина, но иногда она бывает уж чересчур усердна.

Видя своего деда в таком настроении, Харкорт понял, что расспрашивать про дядю дальше нет никакого смысла.

— А что нужно было у нас римлянам? — спросил он. — Или просто заглянули мимоходом?

— Римляне никогда не заглядывают просто мимоходом, — сказал дед. — Им много чего было нужно. Для коней — овса, а для людей — окороков, и солонины, и колбас, и вообще всего, на что они только смогли наложить лапу. Они нагрузили свои две повозки до того, что оси стали трещать. И за все дали мне расписку — не знаю, какой от нее толк.

— Может быть, придется ехать в Рим, чтобы по ней получить что полагается, — сказал аббат. — Или, по крайней мере, в ближайший лагерь легиона, где бы он ни был. Слава Господу нашему, что они миновали аббатство.

— Они прекрасно знают, что у аббатов много не выпросишь, — сердито возразил старик. — И что мне как верному гражданину Империи некуда будет деться и придется дать им все, что попросят.

— Сдается мне, — заметил Шишковатый, — что уж слишком дорого обходится тебе твое гражданство, а толку от него в конечном счете никакого.

Старик, ничего не ответив, спросил Харкорта:

— Рауль говорил тебе, в чем там было дело?

— Совсем немного. Даже очень мало. Он пытался что-то мне сказать, но я не дал. Он сказал, что нашел призму Лазандры.

Аббат мгновенно сел прямо, словно его подбросило.

— Призму? — воскликнул он. — Ту самую, о которой мы с тобой сегодня говорили?

— Ту самую, — подтвердил Харкорт. — В которой, как говорят, заключена душа святого.

Дед сразу взял быка за рога:

— Он ее привез?

— Нет. Он знает только, где она.

— Вечно он чего-то ищет, — недовольно сказал старик. — Никак не уймется. Не успеет вернуться после одной сумасбродной затеи, как уже задумывает следующую.

— Но ты ведь рад, что он вернулся.

— Конечно, рад. Он мой единственный сын. Он и твоя мать — вот и все мои дети. Во всяком случае, о других мне ничего не известно.

— Если Рауль прав... — начал было аббат.

— Когда речь идет о таких серьезных делах, — сказал старик, — мой сын никогда не врет. Он невозможно привирает в своих рассказах, чтобы они были поинтереснее, но если он говорит, что видел что-то, значит, на самом деле видел, можете быть уверены. Если он говорит, что знает, где призма, значит, она там.

Аббат поспешил исправить свою ошибку.

— Конечно, не всякой легенде можно верить, но если правдивый человек клянется, что видел главный предмет, о котором говорится в легенде, то это, значит, уже не просто легенда.

— Дядя так и сказал, — подтвердил Харкорт. — Он сказал, что это уже больше не легенда. Что он знает — призма существует. И знает, где она.

— На Брошенных Землях? — спросил Шишковатый.

— Видимо, да. Он ведь оттуда пришел. Сказал, что не смог до нее добраться, потому что их было слишком много. Только не сказал кого.

— Ну ладно, — сказал дед Харкорта, — он сможет подробнее рассказать нам все потом. Сейчас парню надо дать как следует отдохнуть, а не приставать к нему каждую минуту.

— Но если она действительно существует!.. — воскликнул аббат. — Если мы знаем, что она существует, то, значит...

— Мы теперь знаем, что она существует, — перебил его дед. — И все тут. Теперь мы можем успокоиться и...

— Но в ней заключена благословенная душа святого, и она находится в лапах у Нечисти.

— По-моему, если уж душа заключена в призме, то ей должно быть довольно-таки безразлично, в чьих лапах находится.

— Нет, не безразлично, — возразил аббат. — Душа не должна быть в лапах у Нечисти. Она должна находиться среди самых священных для христиан реликвий. Она должна пребывать в лоне Церкви, окруженная благоговейным почитанием, хранимая от всевозможных бед до тех пор, пока в самый последний день она не обретет свободу и не отправится на небо.

— Я полагаю, — сухо заметил Шишковатый, — что ты был бы не прочь приютить ее на освященной земле своего аббатства?

— Разумеется, — ответил аббат, не замечая подвоха.

— И ты не боишься, что аббатство, где хранится такая реликвия, станет самым знаменитым во всей Империи?

— Аларих, — строго сказал Шишковатому дед Харкорта, — это недостойный намек. Я уверен, что аббат...

Он не закончил фразу, потому что в это время на верхней площадке широкой лестницы, которая спускалась в зал, появилась мать Харкорта в сопровождении своих камеристок. Почти в ту же минуту под торжественные звуки труб на стол принесли жареного кабана — во рту у него было яблоко, а на голове венок из молодых побегов падуба.

Глава 6

Было уже поздно, когда Харкорт наконец отправился к себе в спальню. За столом весь вечер бурно веселились. Особенно разговорчива была мать, обрадованная возвращением брата под семейный кров. Дед сидел во главе стола необычно молчаливый, только неразборчиво что-то ворчал, когда к нему обращались, и пил больше, чем всегда. Аббат тоже говорил очень мало, что было на него совсем непохоже. Впрочем, этому удивляться не приходилось: большую часть времени он сидел с набитым ртом и разговаривать просто не мог. Кабан оказался хорош, и аббат отдал ему должное: борода его в отсветах свечей блестела от стекавшего по ней жира. Тем не менее все остальные, следуя примеру хозяйки, оживленно болтали, и вечер прошел необычайно весело.

Добравшись до своей спальни, Харкорт обнаружил, что спать ему совершенно не хочется, и долго расхаживал по комнате, пытаясь понять, что его так беспокоило. Дело было, конечно, в том, что говорил днем аббат Гай про падение замка Фонтен. Услышав его неосторожные слова, Харкорт был слишком потрясен, чтобы проявить свои чувства, и еще несколько часов вел себя так, будто ничего не было сказано, но это был для него тяжелый удар. Все прошедшие годы родные старались в его присутствии не упоминать о трагедии, за что он был им от души благодарен: их молчание, конечно, в

какой-то степени помогало ему обо всем забыть. И только теперь его друг, увлекшись собственным красноречием, напомнил ему о событии, которое он пытался изгнать из памяти. Временами ему казалось, что все уже почти совсем забыто, но на самом деле воспоминание об Элоизе по-прежнему таилось в глубинах его сознания.

Харкорт перестал шагать по комнате и в нерешительности остановился, глядя на стоящую в углу конторку. Он поднял ее крышку, подвинул стул и поставил на конторку свечу. Потом он присел на стул, выдвинул один из ящиков, достал ключ и отпер другой ящик, нижний слева. Сунув руку в ящик, он нащупал книгу. Он нашел ее сразу, потому что точно знал, где она лежит. Положив книгу на конторку, он раскрыл ее и придвинул поближе свечу.

Свет упал на яркие, четкие рисунки, узоры на полях, замысловатые буквы. Он глядел на них, затаив дыхание: все это было намного красивее, чем ему помнилось.

Не сводя глаз со страницы, на которой была раскрыта книга, он пытался вернуть ощущение нежности — той нежности, которую давным-давно, много лет назад, испытывал к Элоизе. Не жалости к самому себе, не печали утраты, не горя, а только нежности и любви. Но нежность не возвращалась. Слишком много прошло времени, подумал он. Все это в далеком прошлом.

Книга была древняя — ее возраст насчитывал, быть может, не одну сотню лет. Она появилась в те забытые теперь времена Возрождения, когда люди после долгих веков мрака вновь обрели способность видеть красоту в своих мыслях и чувствах. На протяжении многих лет книга принадлежала семье Элоизы — к ней она перешла от покойной бабушки. А Элоиза подарила книгу ему. Подарок выглядел довольно неожиданным: кто бы мог подумать, что Чарлз способен оценить прелесть часослова? Никто, кроме Элоизы, — она предвидела это и подарила свое фамильное сокровище тому, кого любила и кто любил ее.

Он попытался припомнить, что сказала она ему, когда сделала этот подарок, что они сказали тогда друг другу, но ничего вспомнить не смог: все ушло в прошлое, все было стерто горем и отчаянием. Сидя глухой ночью за конторкой, он наконец понял, чего стоило ему это горе.

Когда-то эту книгу держала в руках Элоиза, эти страницы переворачивали ее пальцы, то, что сейчас видит он, видели ее глаза. Она много лет бережно хранила книгу — а как же иначе, ведь книгу много столетий берегла ее семья, — а потом подарила книгу ему. Элоиза, чье лицо он уже не мог вызвать в памяти и помнил только, что вокруг ее глаз набегали веселые морщинки, когда она смеялась.

Он долго сидел, разглядывая книгу. На изящных миниатюрах были изображены крестьяне — одни пасли свиней, другие, забравшись на яблоню, собирали яблоки, третьи укладывали в копны хлеб, который тут же, рядом, убирали косари, а вдали виднелись смутные очертания замка с изящными шпилями, высокими башнями и маленькими башенками на стенах — замка, совсем не похожего на тот, в каком жил его род.

В те времена, когда были сделаны эти рисунки, люди смотрели на мир совсем другими глазами, и сам мир был светлее, а люди в нем — счастливее. Может быть, Элоиза думала, что они двое, если достанутся друг другу, тоже смогут видеть мир таким, каким видел его тот древний художник, который нарисовал свинопасов и крестьян, собирающих яблоки.

Харкорт еще долго сидел за конторкой при мерцающем свете свечи, глядя в книгу, но не видя ее, а пытаясь увидеть все то, что стояло за ней, снова ощутить все то, что она для него значила. В конце концов он закрыл книгу, положил в ящик, запер и спрятал ключ.

Все не так, подумал он. Ничего не получается. Память изменила ему, он ничего не мог припомнить. Ушло то живое, острое чувство любви, что испытывали они оба. Слишком долго он предавался горю.

Встав из-за конторки, он подошел к шкафу, стоявшему у стены, достал длинный плащ и накинул на плечи.

В большом зале он повстречал мать, которая, как всегда, обходила на ночь дом, проверяя, все ли улеглись. Сколько он мог припомнить, она делала это каждый вечер.

— Чарлз, — сказала она укоризненно, — тебе бы надо быть уже в постели и крепко спать. День выдался нелегкий.

— Я хочу только пройтись, подышать воздухом.

— Ты точь-в-точь как твой отец — он всегда был такой замкнутый, задумчивый, никто его не мог понять. Даже я хоть и любила его, а не понимала. Не знаю, понимал ли он сам себя. Может быть, я не могла его понять потому, что мы были совсем разные: он родом с сурового севера, а я — из южной Галлии, страны теплой, доброй и, я бы сказала, цивилизованной, не то что эта. Хотя если говорить по совести, то я была счастлива, что он взял меня с собой сюда. Я была готова ехать с ним куда угодно. Куда бы он ни отправился, я последовала бы за ним. Ты совсем как он, Чарлз, и берегись, чтобы тебя тоже не одолела хандра.

В первый раз за многие годы она заговорила с ним об отце, хотя он был убежден, что за это время не прошло и дня, чтобы она о нем не подумала. Харкорт отца совсем не помнил. Меньше чем через год после его рождения отец был убит на охоте — стрела пронзила ему горло. Никто никогда не разговаривал с Харкортom на эту тему, но сам он часто думал, не был ли отец из тех людей, у кого есть враги, способные убить человека стрелой в горло. Но каков бы ни был отец, теперь он покоился в аббатстве, рядом со своим отцом, и с отцом его отца, и со всеми остальными Харкортами, которые умирали здесь с тех пор, как на земле Харкортom и под их покровительством построили аббатство.

Харкорт вырос под присмотром деда по матери, который приехал с юга, чтобы помочь управлять помещьем. Дед привез с собой Шишковатого, а позже появился и дядя Рауль. Какое положение занимал род его матери в южной Галлии, Харкорт толком так и не знал, хотя у него и создалось впечатление, что это была одна из ветвей богатого купеческого семейства. Он помнил, что одно время мать часто рассказывала о любимой стране, которую покинула, — но только о стране, а не о положении, которое занимал там ее род. После смерти отца мать больше не вышла замуж, что, как позже узнал Харкорт, было предметом оживленного обсуждения в замках и поместьях, лежавших вверх и вниз по реке. Временами ему приходило в голову, что она осталась незамужем не только из любви к отцу и из верности его памяти, но, может быть, и ради сына. Она могла опасаться, что, неудачно выйдя замуж, поставит под угрозу его права на наследство. Управление помещьем взял на себя переехавший с юга дед, и все

эти годы, пока Харкорт подрастал, он вел хозяйство так же хорошо, как если бы это была его собственная земля.

— Не задерживайся долго, — предупредила мать. — Конечно, по молодости и из упрямства ты с этим, может быть, и не согласишься, но тебе нужно выспаться.

Подъемный мостик был опущен. Теперь его поднимали редко, нужды в этом не было. Однако у ворот постоянно дежурила стража, готовая в случае необходимости быстро его поднять.

Калитку, которая вела на мостик, охранял старый Раймонд.

— Особенно не загуливайтесь, — предостерег он Харкорта. — И далеко не ходите. Я только что слышал волков. По-моему, целую стаю. Если вам надо подышать воздухом, почему бы вам не прогуляться по стенам?

Харкорт покачал головой. В это время года волки на людей не нападают. Им хватает корма в лесу. Они становятся опасными только в разгар зимы.

Раймонд что-то недовольно проворчал. Харкорт не обратил на это внимания: Раймонд всегда был чем-нибудь недоволен. Переходя мостик, Харкорт еще слышал позади его ворчанье.

Ночь была темная. На западе над самым горизонтом стояла луна, но ее закрывала полоска облаков. Остальное небо было чисто, и на нем ярко светились звезды.

Он поднялся по косогору и вышел на дорогу, которая шла через пшеничное поле. Шагая по ней, он вспоминал тот день, когда Нечисть сняла осаду и он с небольшим, но хорошо вооруженным отрядом поехал узнать, как выдержали набег соседи, потому что всем было ясно — нападению должно было подвергнуться не только поместье Харкортон и аббатство, но и широкая населенная полоса вдоль реки.

Все было хорошо, пока они не достигли замка Фонтен. Там Нечисти удалось прорвать оборону, и в живых не осталось никого — были перебиты все до последнего цыпленка. Над замком стоял удушливый смрад, и повсюду валялись трупы. Не только человеческие: среди них попадались и великаны-людоеды, и тролли, даже два дракона и какие-то еще страшные и мерзкие существа, Харкортон неизвестные. Фонтен пал, но Нечисть дорого заплатила за эту свою победу.

Преодолевая отвращение, они подобрали человеческие останки. Оpoznать почти никого не удалось, и всех поскорее похоронили в общей могиле: тела уже несколько дней пролежали на солнцепеке.

Подошедший Шишковатый сказал тогда Харкорту:

— Это работа не для тебя. Пусть ею займутся другие.

Харкорт помнил, что в ответ упрямо покачал головой:

— Нет, она где-то здесь, ее нужно найти. Нужно похоронить ее отдельно, а не бросать в яму вместе с остальными.

Гай, который присоединился к ним, когда они ехали мимо разоренного аббатства, тоже пытался его отговорить, но он не хотел ничего слышать.

Ее так и не нашли, хотя Харкорт и понимал — это не значит, что ее там не было. Многие тела были так изуродованы, что почти потеряли всякий человеческий облик. А хуже всего были черви, которые кишели на трупах.

Все, что осталось, погребли в общей могиле. Аббат Гай — он тогда был еще не аббат, а простой священник, — стоя у могилы, отслужил заупокойную службу, а остальные, обвязав лица платками, чтобы не чувствовать смрада, засыпали яму землей.

Харкорт дошел до края поля и остановился, глядя назад, в сторону замка. «Зачем я так себя мучаю? — подумал он. — Зачем снова и снова переживаю тот день во всех его жутких подробностях? Зачем сейчас брожу в темноте, вспоминая его, как будто нарочно стараюсь продлить свои страдания, наказать себя за несуществующую вину?»

Перед ним возвышался черный силуэт замка, лишь кое-где в нем горели огоньки. А за рекой лежали Брошенные Земли — темное пространство ночи под испещренным звездами небосклоном. Там, за рекой, притаилась Нечисть. Где-то там, если прав его дядя, спрятана призма Лазандры. Он знал, что в эту самую минуту Гай в своем аббатстве ворочается в постели без сна, мечтая совершить вылазку на Брошенные Земли, вызволить призму, вернуть ее в аббатство и окружить почитанием. Ему никак не дает покоя мысль, что когда-то она могла храниться в аббатстве, которое стояло здесь в незапамятные времена.

Харкорт поглядел вверх, на звезды. Там, на своем обычном месте, виднелась Повозка — самое первое из

созвездий, которые показал ему Шишковатый, и две звезды в задней стенке этой небесной повозки, как всегда, указывали на Большую Звезду Севера, стоявшую над самым горизонтом.

— Она всегда лежит на севере, — говорил ему Шишковатый, — а две звезды в задней стенке Повозки всегда указывают на нее. В любую ночь отыщи эту яркую звезду, и сразу станет ясно, в каком направлении идти.

Харкорт вдруг почувствовал озноб. До сих пор он не ощущал никакого холода — ни от черноты ночи, ни от ветерка, который тянул с северо-запада. Он понял, что озноб идет изнутри.

Он должен был совершить эту прогулку в ночной тьме, поглотившей землю, чтобы еще раз погрузиться в воспоминания. Теперь с этим покончено.

Он быстро зашагал в сторону замка.

Глава 7

Аббат явился в замок перед самым завтраком и вместе с остальными закусил свининой, а потом все гурьбой отправились проводить дядю Рауля.

Рауль уже встал и сидел в кресле — таких в замке было всего несколько штук, и семья ими гордилась. Он был закутан в просторный халат, когда-то роскошный, а теперь сильно потертый и заношенный, но все еще теплый и удобный. Кто-то попытался причесать Рауля по моде, но его волосы слишком долго не знали гребня и теперь, несмотря ни на что, буйно торчали во все стороны.

— Как ты себя чувствуешь? — ворчливо спросил дед. — Хорошо спал? Немного поживешь здесь на этот раз или опять ударишься в бега?

— Отец, ты же знаешь, я каждый раз ничего не мог с собой поделаться, — отвечал Рауль. — Мне незачем было тут оставаться. Это не моя страна — я приезжал сюда, только чтобы повидаться с тобой и с Маргарет — ну и с Чарли, конечно. Мы с Чарли всегда были большие друзья. Мы с ним хорошо ладим. Помнишь, Чарли, как я тогда нанял тебя следить...

— Никто об этом не знает, дядя Рауль, — сказал Харкорт. — Ты же не велел мне никому говорить, я и не говорил. И даже когда ты уехал, я время от времени присматривался, не появятся ли эти два человека. Но они так и не появились. А ты их видел?

— Да, — сказал Рауль. — Я их потом видел. Они меня настигли.

— Ну и?

— Видишь, я ведь здесь, — ответил Рауль. — Сам можешь сообразить.

— Это еще что? — рявкнул дед. — Что тут происходит? Не хочешь ли ты сказать, Рауль, что впутал моего внука в какие-то свои темные делишки?

— Это было давно, — сказал Харкорт. — Я был еще мальчишкой. Он нанял меня, чтобы высматривать двух человек, которые его преследовали. Я ничего не должен был делать — только прибежать и сказать ему.

— Ну, тут ничего плохого как будто нет, — проворчал дед. — Но все равно мне это не нравится, Рауль.

— Я знал, что тебе это не может понравиться, — ответил Рауль. — Поэтому и не велел тебе говорить. Ну ладно, вернемся к моим оправданиям.

— Я не заставляю тебя оправдываться.

— Нет, заставляешь. Ты всегда уговаривал меня остаться и пустить корни. Надо пустить корни в этой земле, говорил ты. Только дело в том, что это не моя земля и не твоя. Если бы не ты и не Маргарет, это была бы для меня совсем чужая земля — такая же чужая, как та, где я странствовал.

— Теперь это моя земля, — заявил Харкорт чуть более высокомерно, чем ему бы хотелось. — И я говорю тебе — добро пожаловать. Я хотел бы, чтобы ты остался. Почему тебе в самом деле не остаться? Для деда это было бы большое утешение, а мы постарались бы, чтобы ты чувствовал себя как дома.

Рауль долго смотрел ему прямо в глаза, а потом сказал:

— Чарли, очень может быть, что я поймаю тебя на слове. Я уже не так молод и, может быть, на некоторое время останусь. Но я ничего не обещаю, — добавил он, обращаясь к отцу. — Если мне снова вздумается уехать, я уеду.

— Знаю, — ответил дед. — Тебя не удержишь. — И он сказал аббату: — Прости уж нас за эту неприличную семейную сцену. Такое у нас бывает нечасто. Извини, что тебе пришлось быть ее свидетелем.

— Это была сцена, преисполненная подлинно родственных чувств, — спокойно отозвался аббат. — На самом деле это мне следовало бы извиниться за то, что я

при ней присутствовал. Это я навязался вам самым недостойным образом. Могу сказать одно — я здесь только по одной причине: то, что Рауль нашел на Брошенных Землях, близко касается меня.

— А что ты там нашел? — спросил Рауля дед. — Чарлз говорил, что ты сказал ему, будто нашел призму Лазандры?

— На самом деле я ее не нашел — только узнал, где она. Я ее не видел и не держал в руках, но убежден, что знаю, где она спрятана. Я не смог до нее добраться, потому что ее слишком тщательно охраняют — в одиночку туда не проникнуть.

— А ты уверен, что она там, где ты думаешь? — спросил аббат.

— Даю голову на отсечение.

Дед задумчиво кивнул:

— По мне, этого достаточно. Если мой сын дает голову на отсечение, значит, он в этом убежден. А ты не расскажешь нам, Рауль, как тебе это удалось? Как ты узнал, где она?

— Могу рассказать, только без всяких имен. Имен я называть не буду, потому что даже знать, что она существует, опасно. Впервые я услышал о ней в Константинополе. Я, конечно, знал эту легенду, ее почти все знают. Но тогда в первый раз один человек поклялся мне, что призма действительно существует. Я спросил его, откуда он знает, и он рассказал мне, хотя, как я подозреваю, далеко не все. Даже в таком виде это была длинная, запутанная история, я и пробовать не буду ее пересказать. Можете себе представить, как она меня заинтересовала, — я чувствовал, что это правда, и с тех пор старался не пропустить мимо ушей ни одного намека, да и сам пытался осторожно кое-что разузнать, когда мне казалось, что это можно сделать, не подвергая себя опасности. До меня, конечно, доходило множество диких слухов, в которых не было ни зернышка истины. А потом я попал в Гирканию, это на южном побережье Каспийского моря, и там, в келье одного отшельника, мне показали пергамент, где значилось название местности. И эта местность, как я узнал позже, расположена у нас, на Брошенных Землях. Но самое главное — то, что говорилось в этом пергаменте, почти во всех подробностях совпадало с тем, что я услышал тогда в Константинополе. А написан этот пер-

гамент был всего лет сорок спустя после того, как призма попала на Брошенные Земли, — между прочим, в те времена там, за рекой, были вовсе не Брошенные Земли, а римская провинция. Конечно, не исключено, что человек, который это писал, узнал все из вторых рук. Но по некоторым его словам можно было понять, что это не просто слух, многократно передававшийся из уст в уста, с каждым разом все больше искажаясь.

— Но даже если так, — сказал дед, — то почему же ты решился отправиться на поиски? И рискнуть ради этого жизнью?

— Мне случилось рисковать жизнью ради вещей куда менее важных. Чаще всего — ради земных благ, которые годятся только на то, чтобы украсить мое бренное существование. А тут наконец представился случай сделать что-то для собственной души. У каждого человека в жизни наступает время, когда он начинает думать не только о кошельке, но и о душе. Только обычно это случается слишком поздно.

— Это я могу понять, — сказал старик.

— Именно так я и сделал, — продолжал Рауль. — И добрался до той местности, которая была названа в пергаменте. Но добравшись туда, я узнал, что призмы там больше нет.

— Откуда ты мог это узнать? — спросил Харкорт.

— Мне сказали. Один человек сказал.

— Человек? На Брошенных Землях?

— Там еще живет довольно много людей. Тех, кто не смог или не захотел бежать, когда туда пришла Нечисть, теснимая варварами. Римские легионы покатились назад под натиском ее превосходящих сил, и вместе с ними бежали многие, бросая все, что у них было, и спасая свою жизнь от ужасов, которые преследовали их по пятам. Но бежали не все — остались упрямцы, остались глупцы, остались те, кто сохранил надежду — может быть, всего лишь надежду на милосердие Божье. Многие из тех, кто остался, погибли, но кое-кто укрылся в болотах или в других потаенных местах, и эти немногие выжили, хотя, конечно, не все. И их потомки до сих пор живут там. Живут, наверное, и другие — простаки или, быть может, храбрецы, не знаю: те, кто за эти годы по разным причинам вернулся на земли, оставшиеся во власти гоблинов. Люди все еще живут там — терпя угнетение, боясь поднять голову.

Нечисть мирится с их присутствием — я думаю, они ее забавляют. И вот один из этих людей, старый священник — по крайней мере, он называл себя священником, хоть я и не уверен, что так оно и есть, — который скрывался в покинутом, полуразвалившемся храме, сказал мне, что призма не в этом храме, как я полагал, а в другом месте, немного дальше. Мы проговорили целую ночь. Он умолял меня разыскать призму и вернуть ее христианской церкви. Он сделал все, чтобы мне помочь. Временами трудно было разобрать, что он говорит: у него не хватало четырех передних зубов, двух верхних и двух нижних, вместо них была ужасающая брешь, и он не столько говорил, сколько шипел и свистел. Он и сам бы отправился со мной, но он был слишком стар и дряхл, сил на поиски у него не было.

— И вы нашли это другое место? — спросил аббат.

— В конце концов нашел. Я пытался проникнуть туда и чуть было не погиб. Оно слишком хорошо охраняется, чтобы туда можно было проникнуть в одиночку. Я даже не смог толком его рассмотреть. Священник сказал мне, что когда-то это был дворец. Мне кажется, это был не дворец. Скорее римское поместье — из тех роскошных вилл, что возводили для себя богатые и влиятельные землевладельцы. Она стоит посреди большого парка, который окружен стеной и зарос одичавшими деревьями и кустарником. Я убежден, что призма там. Так сказал мне священник, а он, по-моему, человек искренний, правдивый и сохранил остроту ума, несмотря на возраст. То, как хорошо это место охраняется, подтверждает, что там находится что-то очень ценное.

— А как оно охраняется? — спросил аббат.

— Чарами. Некромантией, волшебством, называйте как хотите. Там полно ловушек, а их стерегут драконы, великаны, тролли...

— И несмотря на все это, ты попытался проникнуть внутрь?

— Попытался, — ответил дядя.

— В одиночку... — сказал аббат. — А двое могли бы туда проникнуть? А трое? Или только целая армия?

— Армия — нет. Только не армия. Если бы через Брошенные Земли попробовала пройти армия, она была бы стерта с лица земли. Она не прошла бы и десяти лиг. Туда может прокрасться тайком только маленький отряд. Так удалось попасть туда мне.

— А маленький отряд из решительных, находчивых людей мог бы надеяться на успех?

— Кое-какие шансы у него могли бы быть. Очень небольшие. Я бы на такие шансы не поставил.

— Уж не собираешься ли ты сделать такую попытку? — недовольным тоном спросил дед аббата.

— Я думал об этом, — ответил аббат и бросил пристальный взгляд на Харкорта. Тот пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он.

— Это благородное дело, — сказал аббат. — Святое дело. Крестовый поход во имя Церкви.

— И ради славы твоего аббатства, — вставил Шишковатый.

— Да, об этом я, может быть, тоже думал, — ответил аббат, — но не только об этом. Ради нашей Святой Церкви. И вот что еще. Есть легенда — ну, не совсем легенда, скорее, пожалуй, слух, но его отчасти подтверждает одна древняя рукопись, которую я нашел. Этот слух гласит, будто когда-то призма Лазандры хранилась в том самом древнем аббатстве, на фундаменте которого стоит нынешнее.

— Ты хочешь сказать, твое аббатство? — переспросил Шишковатый. — То, где ты аббат?

Аббат кивнул.

— Он прав, по крайней мере, в одном, — сказал дед. — В последние годы я от нечего делать просматривал архивы этого поместья. Аббатство, которое построил род Харкорт, в самом деле возведено на фундаменте другого, более древнего. Камень, из которого оно было сложено, большей частью пошел на строительство нашего замка, а когда было решено построить новое аббатство, его возвели на фундаменте того, прежнего.

— Я этого раньше не знал, — сказал Харкорт. — Аббат сказал мне об этом только вчера.

— Ты редко заглядываешь в старые бумаги, — сказал дед. — У тебя хватает других забот.

— Теперь вы видите, — сказал аббат, — я вроде как лично заинтересован в этом деле. Не то чтобы я был совершенно убежден, что все это правда. Но есть некоторый шанс, что это правда.

— На мой взгляд, пытаться вернуть призму Лазандры — чистое безумие, — сказал дед. — С твоей сто-

роны, аббат, безумие даже думать об этом. А с твоей стороны, Рауль, было безумием пытаться это сделать.

— Да, это было безумием, — ответил дядя Рауль. — Теперь я знаю. Но тогда не знал.

— Ты мог бы только рассказать нам, как туда добраться, — сказал аббат. — Может быть, нарисовать план. Зная, что у нас впереди, мы совершили бы этот путь куда быстрее и избежали бы многих опасностей.

— Да, я мог бы это сделать. Но не знаю, сделаю ли. Мне очень не хочется. Не хочу, чтобы ваша гибель осталась на моей совести.

— Даже во имя Божье?

— Даже во имя Божье, — ответил Рауль.

— Все зависит от того, — сказал Харкорт, — в каком направлении нужно двигаться.

— Прямо на запад, — ответил дядя.

— Римская когорта, которая проходила здесь вчера, — сказал Харкорт, — вероятно, направится к северу. Она отвлечет силы противника. Нечисть последует за ней на север. Может быть, нам и удастся проскользнуть незамеченными.

— А что вы будете делать, когда доберетесь до этого дворца или поместья? — спросил дед.

— Там видно будет.

— Значит, ты всерьез думаешь пуститься в эту дурацкую авантюру?

— Ну, не совсем, — ответил Харкорт. — Я всего лишь оцениваю ситуацию. Мысли вслух, упражнение в тактике.

— Я сказал, что не стану рисовать план и помогать вам, — произнес после некоторого колебания Рауль. — Но тут есть еще одна сторона, о которой я ничего не сказал. Чарли, очень может быть, что это касается лично тебя.

— Лично меня? Каким образом?

На лице Рауля отразилось мучительное сомнение.

— Я не хотел об этом говорить, — сказал он, — потому что это может повлиять на твое решение. Но все же сказать, по-моему, надо. Иначе я никогда бы этого себе не простил. Я просто не мог бы смотреть тебе в глаза.

— Так скажи, ради Христа! — воскликнул Харкорт. — Говори скорее. Это что-то очень страшное?

— Страшного в этом ничего нет, но мне не хотелось...

— Давай выкладывай, — вмешался дед. — Мой внук уже взрослый. Если это действительно его касается...

— Когда в ту ночь я разговаривал в храме со священником, — начал Рауль, — он назвал одно имя. Оно показалось мне знакомым, и потом я вспомнил, где его слышал. Это имя — Элоиза.

Харкорт вскочил со стула.

— Элоиза? — вскричал он. — Что ты слышал про Элоизу?

— Держи себя в руках, Чарлз, — строго приказал ему дед. — От крика толку не будет. Что ты слышал про Элоизу? — продолжал он, обращаясь к Раулю. — Элоизы нет в живых, ее убили семь лет назад. И ты это прекрасно знаешь. В этом доме не следует легкомысленно поминать ее имя без особых на то причин.

— Есть некоторый шанс, что она жива, — сказал Рауль. — В том месте, где находится призма, живут люди. В доказательство своих слов тот священник, который мне все это рассказал, назвал два имени. Элоиза было одно из них.

Харкорт почувствовал внезапный прилив слабости и, весь дрожа, опустился на стул.

— Ниоткуда не следует, — сказал ему дядя, — что это твоя Элоиза. Я же говорю, что есть только некоторый шанс.

Но Харкорт знал, что упустить такой шанс он не может. Когда речь идет об Элоизе, он не вправе пренебречь даже самым малым шансом. Ничто не может его остановить, нет такой опасности, которая заставила бы его повернуть назад. Если Элоиза еще жива...

— Возможно, она и осталась в живых, — сказал он. — Мы ведь не нашли ее тела.

— Там было множество тел, которые мы не смогли опознать, — напомнил дед.

— Да, я знаю, — сказал Харкорт. — Но если есть хоть какой-то шанс...

Кто-то положил ему на плечо могучую руку и крепко его обнял. Он оглянулся и увидел, что это аббат.

— Мы отправимся туда, — сказал аббат. — Мы двое отправимся туда и вернемся с Элоизой, а может быть, еще и с призмой.

Харкорт понуро сидел на стуле. В глазах у него все плыло, как будто комнату вдруг заполнила быстро бегущая вода. До него как будто издалека донесся голос дяди:

— Простите меня. Мне не нужно было...

— Нет, нужно, — возразил ему дед. — Если бы ты ничего не сказал, это было бы нечестно. Мальчик горевал о ней много лет.

Очертания комнаты стали уже не такими зыбкими, как будто вода спала, и все вокруг вновь обрело четкость. Харкорт сказал:

— Я пойду. Никто меня не остановит. И аббат пойдет со мной, потому что теперь у нас обоих есть на то причина.

— В таком деле мы должны быть очень осторожны, — сказал дед. — Если хоть кто-нибудь об этом услышит...

— Сохранить тайну не удастся, — возразил Шишковатый. — Как бы мы ни старались. Даже у этих стен есть уши. К вечеру слухи пойдут не только по замку, но и по всей округе.

— Слухи, может быть, и пойдут, — сказал дед, — но никто не будет знать, куда вы собрались. По крайней мере, пока вы не отправитесь. — Он взглянул на Харкорта и спросил: — Ты твердо решил идти? Если ты передумаешь...

— Не передумаю, — заверил его Харкорт. — Я пойду.

— Вы, конечно, понимаете, — вмешался Шишковатый, — что я пойду с вами? Не могу же я вас отпустить одних.

— Спасибо, — ответил Харкорт. — Я надеялся, что ты тоже пойдешь, но не мог тебя об этом просить.

— Ну, теперь у меня на душе стало полегче, — сказал дед. — Двоих было бы маловато. Я бы тоже с вами пошел, хоть и считаю это дурацкой затеей, но от меня вам было бы немного толку. Я бы вам только мешал.

«Ну вот, — подумал Харкорт, — все решено, теперь надо действовать. Действовать, но не во имя алчности, которая тоже часто толкает на решительные поступки, а во имя любви и благочестия. Хотя очень может быть, что благочестие — тоже разновидность любви, только не такая бурная».

То, что еще совсем недавно казалось ему изрядной глупостью, то, что его дед все еще считал дурацкой

затеей, теперь представлялось ему делом простым и заурядным, которое мог бы предпринять кто угодно.

— Трех хватит, — говорил тем временем Шишковатый. — Нам придется передвигаться быстро и скрытно. Мы не будем пользоваться дорогами, мы будем всячески их избегать.

— Там есть древняя римская дорога, — сказал аббат, — она идет прямо на запад. Мы пойдем южнее ее.

— Вы уверены, — спросил дед, — что вам не пригодятся несколько хороших бойцов? Мы могли бы отобрать самых надежных.

— Они не вложат в это свою душу, — сказал Харкорт. — Они будут всего бояться. Они будут всем недовольны.

— В любом случае, — сказал Шишковатый, — мы не будем рваться в бой. Мы будем всеми силами избегать столкновений. Мы будем передвигаться быстро и налегке, неся с собой все припасы. Вполне возможно, что мы вернемся очень скоро.

— А когда вы доберетесь до того места, где находится призма? — спросил дед.

— Там мы наверняка не задержимся, — ответил Харкорт. — Или мы проникнем туда, или нет, хотя я твердо намерен туда проникнуть. В любом случае засиживаться там нам незачем.

— Рауль еще до вечера нарисует план, — сказал дед, — и все вам по нему объяснит. Раз уж вы собрались идти, нечего мешкать. Через день-два в округе поползут всякие слухи, о которых могут так или иначе узнать за рекой. Вы должны переправиться на ту сторону до того, как Нечисть узнает о вас.

— А это означает, что мы не можем перейти реку по мосту, — сказал аббат. — Кто-нибудь обязательно нас заметит. Что мы куда-то уехали, будут знать все, но если мы сможем незаметно переправиться через реку, никто не узнает, куда мы направляемся.

— У мельника есть лодка, — сказал Харкорт, — и даже в самую темную ночь он чувствует себя на реке как дома. Он мог бы высадить нас на той стороне намного ниже моста.

— Это хорошая мысль, — поддержал его дед. — Жан из тех, кому можно довериться. Он умеет держать язык за зубами. Чарлз, почему бы тебе сейчас не съездить к нему и не договориться?

— Я считаю, мы должны отправиться сегодня же ночью, — сказал Шишковатый. — Чем дольше будем ждать...

— Верно, — согласился дед. — Отправляйтесь сегодня же ночью.

Глава 8

Мельник Жан и Иоланда сидели на лавочке возле своего домика, когда Харкорт спустился к ним по тропе. Иоланда играла с котенком, а мельник сучил веревку. При виде Харкорта оба поднялись и стоя ждали, пока он подъедет. Он спешил, привязал коня к дереву и подошел к ним.

— Добро пожаловать, мой господин, — сказал мельник, коснувшись рукой лба. — Как чувствует себя сегодня твой дядюшка?

— Прекрасно. Он ничуть не изменился. Жан, я приехал, чтобы попросить тебя об одной услуге.

— Буду рад оказать тебе любую услугу.

— Только это между нами, — сказал Харкорт. — Все должно остаться в тайне.

— Мой господин, — ответил мельник, — ты можешь доверить мне даже свою жизнь.

— Очень может быть, что речь идет именно об этом. Стоит тебе сказать хоть слово... Иоланда, к тебе это тоже относится.

— Это относится ко всем нам, — сказал Жан. — Ко мне, к Иоланде и к моей жене. Можешь на нас положиться.

— Хорошо, — сказал Харкорт. — Да, наверное, на вас можно положиться.

— Что я могу для тебя сделать, мой господин?

— Я собираюсь на Брошенные Земли. Я и еще двое. Никто не должен знать, что мы туда отправились. Мы не можем ехать по мосту. Кто-нибудь нас увидит, и это станет известно.

— Я могу перевезти вас через реку на лодке и посадить ниже моста, — предложил Жан. — После того как стемнеет. В самое глухое ночное время. Я знаю реку, и мне...

— Об этом я и хотел тебя просить, — сказал Харкорт. — И чтобы ты никому об этом не говорил. Ты должен вернуться задолго до рассвета, чтобы никто тебя не видел.

— Если вы собрались на Брошенные Земли, я иду с вами, — заявила Иоланда.

Харкорт повернулся к ней:

— Нет, ни в коем случае.

— Что ты, Иоланда! — сказал Жан.

Капюшон плаща у Иоланды был откинут, и льняные волосы рассыпались по плечам.

— Это моя лодка, — сказала она упрямо. — Жан мне ее подарил. Я ездила на ней больше, чем он. Он почти никогда ей не пользуется, поэтому и подарил ее мне. И потом, я ведь была на Брошенных Землях. Я их знаю. Вам нужен кто-нибудь, кто бы их знал.

— Я слышал, что ты бываешь на Брошенных Землях, — сказал Харкорт. — По крайней мере, про тебя ходят такие слухи. Только я никак не мог понять зачем. И не верил. Жан, зачем ты ее туда отпускаешь?

— Мой господин, — ответил Жан, — я ничего не могу поделать. Ее ведь не остановишь. Мы об этом с ней говорили. Она ничего не хочет нам объяснять, никогда ничего не рассказывает. Мы боялись, что потеряем ее, если станем настаивать на своем. И в то же время мы боялись, что пойдут всякие слухи.

— Этот слух был очень смутный, — успокоил его Харкорт. — Мне его сообщили под строгим секретом. Мало кто об этом слышал.

Он повернулся к Иоланде и сказал:

— Ты же знаешь, я мог бы просто взять лодку. Не спрашивая ни у кого разрешения.

— Да, мог бы, — ответила она невозмутимо. — Но тогда ты не мог бы положиться на то, что мы будем хранить молчание.

У Жана побелело лицо, он сделал шаг к ней и замахнулся.

— Стой! — резко остановил его Харкорт. — Пожалуйста, не надо! Почему ты хочешь идти с нами? — спросил он Иоланду.

— Наша семья, — отвечала она, — живет здесь почти столько же времени, сколько и род Харкорттов. Наши мужчины много столетий принимали участие в ваших войнах, сражались плечом к плечу с вами, помогали защищать эту землю. Теперь настала моя очередь.

— А чем ты могла бы нам помочь, если бы мы тебя взяли?

— Я могла бы ходить в разведку. Я знаю, что может нам грозить там. Я хорошо умею обращаться с луком и могу приносить вам дичь. Я могу собирать фрукты и другую еду. Я не буду вам помехой.

— Ну и нахалка! — возмутился Жан. — Надо же, какое нахальство! Мой господин, я не могу выразить, как я...

— Не извиняйся, — прервал его Харкорт. — Что ты об этом думаешь?

— О чем, мой господин?

— О том, чтобы ей пойти с нами?

Жан постарался взять себя в руки и сказал:

— Все, что она говорит, правда. Она все это может. Она может разведывать дорогу. Она видит такое, чего никто не замечает. Я не считаю, что ей надо идти с вами. Если она пойдет, я буду за нее переживать. Не знаю, что это ей взбрело в голову. Но вам бы мог быть от нее кое-какой толк. Она стоит любого мужчины. А если вам нужен еще кто-нибудь...

— Больше никто нам не нужен, — сказал Харкорт. — Нас должно быть немного. Мы должны передвигаться быстро и скрытно.

— Я, конечно, хромой и быстро двигаться не могу. Но с правой рукой у меня все в порядке, и я могу натянуть лук не хуже любого другого.

— Нет, спасибо, приятель, — сказал Харкорт. — Очень может быть, что мы оттуда не вернемся. Ты это, конечно, понимаешь? — повернулся он к Иоланде. — Ты подвергнешь себя большой опасности.

— Понимаю, мой господин, — спокойно ответила она.

Харкорт пристально посмотрел на нее.

— Мне это не нравится, — сказал он.

«И все же, — подумал он, — она может быть нам полезна. Она знает местность и выглядит довольно крепкой. Может случиться так, что мы окажемся на волосок от поражения, и именно она решит дело в нашу пользу. Видит Бог, нас слишком мало. Еще один человек может оказаться кстати. А хуже всего, что времени на размышления у нас нет».

Он еще раз взглянул на нее и решил.

— Будь готова, — сказал он. — Отправляемся сразу, как только стемнеет. Жан, грести будешь ты?

— Грести буду я, — ответил Жан.

Глава 9

Харкорт лежал на животе в кустарнике на опушке леса и смотрел, как резвятся единороги. До сих пор он еще никогда не встречал единорогов; он читал о них и слышал множество рассказов, но видеть их воочию ему не приходилось. Они и в самом деле так прекрасны, как говорят, подумал он. Слева от него лежал аббат Гай, справа Иоланда, а за ней Шишковатый — все четверо лежали цепочкой в кустах и любовались единорогами. Харкорт знал, что аббат, как и он, тоже никогда не видел единорога. Иоланде, конечно, доводилось их видеть, в этом он не сомневался, хотя сейчас и она смотрела на них как зачарованная. Насчет Шишковатого он ничего сказать не мог: может быть, тот и видел единорогов, а может, нет, но Шишковатый вообще существо таинственное, про него никто ничего толком не знает.

Единороги резвились на поляне, только один стоял спокойно и два лежали на траве, а остальные весело скакали взад и вперед. Тот, что стоит, подумал Харкорт, и те два, что лежат, — наверное, постарше, они за свою жизнь уже наигрались. А остальные скакали по траве, гонялись друг за другом и подпрыгивали высоко в воздух, как будто демонстрируя всякому, кто мог их видеть, свою ослепительную красоту. Все они были белой масти, с гладкой шелковистой шерстью, словно

старательно вычищенной конюхом не больше чем час назад. Их извитые рога сверкали на полуденном солнце.

Фей поблизости видно не было. Иоланда, уходящая вперед разведать дорогу, прибежала обратно и сообщила, что видела табун единорогов.

— Но если вы хотите на них посмотреть, — сказала она, — постарайтесь, чтобы вас не заметили. Где есть единороги, там обычно держатся и феи. Они просто обожают единорогов. Не знаю почему, и никто этого не знает. Только если видишь единорога, смотри, нет ли поблизости фей, не показываясь на открытом месте и держись начеку. Феи — страшные болтуны: стоит им нас заметить, как они стрелой помчатся во все стороны, чтобы сообщить об этом всем, кто только захочет слушать.

Следуя совету Иоланды, они подкрались к единорогам со всей возможной осторожностью. Харкорт знал много самых невероятных историй про единорогов, но никогда не слышал, что они дружат с феями. Тем не менее он поверил Иоланде, как, очевидно, и остальные, потому что они тоже держались очень осторожно. Он вновь задумался об этой странной девушке. Сирота, которая появилась неизвестно откуда и стала приемной дочерью мельника и его жены; создательница замечательных деревянных фигурок, которая видит в куске дерева заключенную в нем форму и вызывает ее к жизни... Почему она так привязана к Брошенным Землям? Может быть, она пришла оттуда и все еще сохранила с ними какую-то внутреннюю связь, все еще испытывает к ним неодолимую тягу? Может быть, корни ее подсознания глубоко и прочно переплелись с жизнью Брошенных Земель? Может быть, там жили ее предки?

«А чего ради, — спросил он себя вдруг с некоторым смущением, — мы все четверо ползаем по кустам, чтобы поглазеть на единорогов, даже если тут есть еще и феи? Уж на фей-то мы насмотрелись досыта с тех пор, как переправились через реку. Надоедливые создания, однако ничего не поделаешь, приходится терпеть. Но то, чем мы занимаемся сейчас, совсем уж бессмысленно. Зачем нам глазеть на единорогов, если они не имеют никакого отношения к тому, ради чего мы здесь?» И все-таки, когда Иоланда сказала, что впереди табун

единорогов, у него не появилось ни малейшего сомнения, что их нужно увидеть.

До сих пор все шло гладко, без всяких непредвиденных случайностей, если только такой непредвиденной случайностью не окажется эта встреча с единорогами. Жан высадил их ниже по реке, чем собирался, потому что погода стояла тихая и река была спокойна. Ночь выдалась темная, но звезды, усыпавшие небо, и лунный серп над западным горизонтом давали достаточно света. Жан причалил к покрытому галькой берегу в устье глубокого оврага, который рассекал высокие, крутые прибрежные холмы, заросшие густым лесом. Здесь, на северном берегу реки, не было ничего похожего на отвесные скалы, которыми обрывался южный берег, но холмы были такие же высокие, а может быть, даже еще выше. Высадившись, они начали подниматься по оврагу и скоро углубились в густой лес, куда свет от луны и звезд совсем не проникал, и пришлось ждать предрассветных сумерек, чтобы двигаться дальше.

В овраге Харкорт впервые ощутил присутствие какой-то таинственной опасности, почувствовал, что знакомые места остались позади, что они в стране призраков, чуждых и враждебных. Вырутав себя за то, что позволил так разгуляться своему воображению, он попытался понять, откуда взялось такое ощущение. Местность здесь ничем не отличалась от той, что лежала на другом берегу. И тем не менее что-то изменилось, он это прекрасно чувствовал. В окружавшем мраке, несомненно, таилась какая-то угроза. Как только кроны огромных деревьев закрыли от них бледный свет луны и мерцание звезд и все погрузилось в глубокую тьму, он, как и все остальные, припал к земле и стал ждать первых лучей рассвета. Чутко вслушиваясь, он всматривался в темноту, пытаясь не пропустить появления какой-нибудь движущейся тени, хотя и не мог себе представить, как он, совершенно ничего не видя, может различить эту тень.

Время от времени до него доносились едва слышные шорохи, каждый раз заставлявшие его насторожиться, но больше ничего не происходило. Шорох затихал, ненадолго воцарялась тишина, потом он улавливал новый шорох и снова весь напрягался в ожидании. Никогда еще время не тянулось для него так мучительно долго. Хуже всего было то, что оставалось только

терпеть и ждать, припав к земле. Он не мог ничего сделать, не мог броситься и нанести удар, не мог даже предостеречь остальных, потому что не знал, слышат ли они то же самое, что он, и не напугает ли он их понапрасну. Ему даже пришло в голову — а не может случиться, что из них всех он единственный, кто так трясется от страха?

С первыми проблесками рассвета ощущение страха стало ослабевать. Если бы теперь к ним начало подкрадываться какое-нибудь существо, он уже смог бы его увидеть и встретить лицом к лицу. Но вокруг ничего не было видно, кроме могучих деревьев, которые обступили их, нависая над головами; массивные стволы густо заросли мхом и лишайниками и казались очень древними. Тем не менее чувство таинственной опасности не прошло совсем. И переговаривались они между собой не иначе как шепотом: под кронами деревьев стояла такая тяжелая, гнетущая тишина, что нарушить ее казалось непростительной неосторожностью.

Медленно, с трудом карабкались они в гору. Под ногами шуршала толстая подстилка из листьев, обломков веток и кусочков коры, которые падали с деревьев на протяжении столетий. По дороге Харкорт размышлял о том, ступала ли здесь когда-нибудь до них человеческая нога. В этих диких местах вдоль берега никто не жил, да и вряд ли они могли кому-то понадобиться, так что скорее всего здесь еще никто не бывал.

Они поднимались уже полчаса, когда густой лес наконец стал редеть, хотя повсюду еще стояли отдельные группы деревьев. Ощущение опасности почти исчезло — почти, но не совсем. Они все еще находились в незнакомой, чужой местности.

И вот теперь все четверо лежали на животе, скрытые густым кустарником, которым заросла опушка леса, и смотрели, как на поляне, напоминавшей парк, резвятся единороги. Гребень прибрежного холма, на который они только что поднялись, остался позади, впереди простирался пологий склон, а дальше, за поляной, напоминавшей парк, снова поднимался густой лес. Харкорт подумал, что это открытое место, наверное, когда-то расчистил под пашню какой-нибудь давно забытый крестьянин, решив поставить здесь свою ферму. На дальнем конце поляны виднелось что-то похожее на развалины постройки, хотя с уверенностью сказать, что

это такое, было нельзя. Впрочем, если здесь и находилась заброшенная ферма, ничего необычного в этом не было: в здешних местах попадалось множество таких полуразвалившихся построек, когда-то принадлежавших людям, которые собирались здесь поселиться и возделывать землю, но вынуждены были все бросить и бежать, когда нагрянула Нечисть.

Единороги все еще скакали и резвились, но что-то в их поведении изменилось. Внезапно часть их, круто повернувшись, понеслась к дальнему краю поляны. Описав широкую дугу, они двинулись обратно, а впереди них бежала со всех ног какая-то темная фигура. Как Харкорт ни напрягал зрение, он не мог разглядеть, кто это — медведь или человек.

Остальные единороги остановились и настороженно смотрели, высоко задрав головы. Солнце сияло на их тонких извитых рогах. Потом, словно по сигналу, все они рысью пустились навстречу, окружая бегущую фигуру. Приблизившись вплотную, они поднялись на дыбы и обрушились на нее, размахивая в воздухе острыми копытами.

Харкорт рывком поднялся на колени, но зацепился своим луком, торчавшим из облущья, за нависшую сверху ветку и потерял равновесие. Чья-то рука крепко схватила его за запястье и дернула с такой силой, что он упал на землю.

— Не вставай! — сказала Иоланда, все еще крепко стискивая его запястье. — Ради бога, не вставай!

— Но там же человек! — воскликнул Харкорт.

— По-моему, это медведь, — сказал аббат. — Готов поклясться, что медведь.

— Человек там или медведь, — сказала Иоланда, — помочь ему мы ничем не сможем. Они разносят его в клочья. То же самое они сделают и с нами, если мы вздумаем прийти ему на помощь. Мы только зря будем рисковать жизнью.

— Ему уже не можешь, — сказал аббат. — Вон как они его швыряют.

Что-то то и дело взлетало вверх над вздымающимися рогами, но разглядеть, что это, было невозможно. Какие-то черные лохмотья нелепо болтались в воздухе, с каждым разом распадаясь на все более мелкие клочья. Наконец они упали на землю, и единороги, окружившие их кольцом, встав на дыбы, все разом опустили, разя

копытами. Кто бы ни лежал там, на земле, от него теперь уже ничего не могло остаться.

У Харкорта к горлу подступила тошнота. Такие прекрасные животные, подумал он, такая невиданная ослепительная красота, и все это только маска, скрывающая такую злобу! Вот что такое Нечисть. Все, что здесь есть, — Нечисть.

Он перевернулся на бок и высвободил свой лук, зацепившийся за ветку. Что за неуклюжая вещь, подумал он. Луки висели за плечами у всех четверых, но Харкорт взял свой только после долгих колебаний. Он недолюбливал лук, считая его оружием труса. Меткий лучник всегда перебьет множество доблестных бойцов с безопасного расстояния, не дав им подойти, чтобы броситься врукопашную. Харкорту это всегда было не по душе. Но в конце концов он согласился, что лук — вещь полезная, а их слишком мало и все шансы против них, так что будет все-таки правильно взять четыре лука. Меч был у него одного — скорее всего, только он один и умел с ним обращаться. Шишковатый был вооружен боевой секирой на короткой рукоятке, у Иоланды, кроме лука, был кинжал, а этот увалень Гай взял себе булаву, сославшись на то, что он священнослужитель, аббат, и проливать кровь ему не подобает. Такая чрезмерная щепетильность показалась Харкорту смешной, однако священникам действительно не полагалось носить острый клинок, и аббат не хотел об этом и слышать. Впрочем, разница невелика, подумал Харкорт. Булавой можно прикончить кого угодно не хуже, чем мечом, только не так аккуратно.

Отцепив свой лук, он начал, пятясь, выбираться из кустов. Но не успел он проползти ужом и нескольких шагов, как аббат толкнул его локтем. Он, очевидно, хотел толкнуть его в бок, но Харкорт двинулся с места, и локоть пришелся ему по голове, да с такой силой, что у него в ушах зазвенело. Он повернулся к аббату, чтобы посмотреть в чем дело. Тот лежал, задрав голову, глядя куда-то в небо и указывая пальцем вверх. Взглянув в ту сторону, Харкорт разглядел в высоте три болтающиеся грязные тряпки.

Драконы. Эти болтающиеся грязные тряпки нельзя было не узнать. Три дракона, которые направляются к поляне. Вот уже во второй раз за эти два дня Харкорт видел драконов, хотя предпочел век бы их не видеть

вообще. Он терпеть не мог этих чешуйчатых существ. Они кидаются на тебя сверху и тут же вновь взмывают в воздух, становясь недосягаемыми, — в том случае, если промахнутся. А если не промахнутся, считай, что ты погиб.

Единороги на поляне заметили драконов и бросились наутек. Харкорт не знал, охотятся ли драконы на единорогов, но, увидев это паническое бегство, он уже не сомневался, что охотятся. Свинья, корова, человек, единорог — дракон не побрезгует ничем.

Сначала единороги беспорядочно метались по поляне, а потом, сбившись в кучу, понеслись прямо к зарослям кустарника, где притаились Харкорт и его спутники. Застыв неподвижно, Харкорт как зачарованный смотрел на скачущие белые силуэты, сверкающие копыта и мелькающие в воздухе острые рога. Он не мог двинуться с места, но если бы и мог, это было бы бессмысленно. Харкорт понимал, что в таких густых зарослях вовремя убраться с дороги не удастся: единороги настигнут их раньше, чем они выпутаются из кустов.

А драконы камнем падали с неба на табун. Неуклюжие в полете, они всегда молнией кидались на добычу, сложив крылья, вытянув шею и протянув вперед когтистые лапы, готовые схватить жертву.

Харкорт прильнул к земле и обхватил голову руками.

Через мгновение единороги обрушились на них. Прямо перед Харкортом, в нескольких дюймах от его плеча, с силой опустилось копыто, глубоко зарывшись в землю и запорошив ему глаза. Еще одно копыто задело его правую ногу. Еще один единорог вырос перед ним, присел, готовясь к следующему прыжку, и перескочил через него. С поляны донесся чей-то отчаянный, душераздирающий визг, и вот уже последний единорог пронесся мимо.

Харкорт вскинул голову и увидел, что два дракона с распростертыми крыльями набирают высоту над самыми макушками леса, а третий судорожно колотит крыльями по воздуху, пытаясь взлететь повыше и лавируя между деревьями на поляне. В его когтистых лапах беспомощно бился единорог.

И еще кое-что заметил Харкорт. С вытянутой шеи дракона, который уносил единорога, свисала веревка. Она петлей охватывала шею, а ее растрепанный конец длиной футов в десять болтался в воздухе.

Харкорт протянул руку и схватил аббата за плечо.

— Видишь? — крикнул он. — Веревку видишь?

— Господи помилуй! — отозвался аббат. — Вижу!

— Не может быть, — сказал Харкорт дрожащим от волнения голосом.

— Значит, может, — отвечал аббат. — У кого еще, кроме вас с Хью, хватило бы ума попытаться посадить дракона на привязь?

Дракон с веревкой и единорогом взмыл над деревьями и, хлопая крыльями, полетел прочь. Поляна была пуста. Дракон понемногу набирал скорость, и веревка, свисавшая у него с шеи, вытянулась в воздухе вдоль тела.

— Все целы? — спросил Шишковатый.

— Я — да, — ответила Иоланда. — Меня ни один даже не задел.

Они поспешно выползли из кустов, поднялись на ноги и стояли, глядя друг на друга, все еще не в состоянии поверить, что это действительно произошло.

— Нам повезло, — сказал Шишковатый.

— Господь нас уберег, — заявил аббат. — По-моему, это значит, что мы под его защитой.

— С самого начала мы сделали большую глупость, — сердито сказал Харкорт. — Незачем было ползать по кустам и глазеть на каких-то дурацких единорогов.

Единорогов уже нигде не было видно — наверное, они все еще неслись прочь, углубляясь в лес.

Иоланда стояла как ни в чем не бывало. По ее виду никак нельзя было сказать, что ее только что чуть не затоптали единороги: плащ ее был по-прежнему чист, из прически не выбилось ни волоска.

— А что с тем человеком? — спросил Харкорт.

— По-моему, это был не человек, — сказал Шишковатый. — Я, как и аббат, решил, что это медведь.

— Но если это все-таки человек, — сказал аббат, — нам подобало бы еще немного задержаться и прочитать над ним молитву. Последнее напутствие Церкви...

— Если только от него осталось хоть что-нибудь, над чем можно читать молитву, — заметил Шишковатый.

— Мне очень жаль, аббат, — сказала Иоланда, — но я думаю, что Шишковатый прав. Не надо бы нам больше терять время. Пора двигаться дальше.

— Я убежден, что это был человек, — возразил Харкорт. — Оставить его просто так было бы неблаго-

родно и нечестиво. Пусть он мертв, мы должны что-то для него сделать.

— Чарлз, ты не в своем уме, — сказал Шишковатый. — Сколько раз на твоих глазах погибали люди — ты это видел и шел себе дальше.

— Да, но...

— Я вынужден согласиться, — сказал аббат. — Как это ни прискорбно, нам, наверное, надо двигаться дальше. К тому же я думаю, что это был все-таки медведь.

Они направились к западу по гребню холма. Идти здесь было довольно легко, и продвигались они быстро. Иоланды не было видно — она шла где-то впереди, разведывая дорогу. Никто не заметил, как она исчезла из вида: только что была тут, и вот ее уже нет.

— Я проголодался, — пожаловался аббат. — Мы ничего не ели со вчерашнего вечера. Как насчет того, чтобы сделать остановку и закусить хлебом с сыром?

— Достань еду из своего мешка и ешь на ходу, — предложил Шишковатый.

— Не могу я есть на ходу, — возразил аббат. — У меня все в животе бултыхается и начинаются колики.

— Часа через два или около того мы сможем остановиться на ночлег, — сказал Харкорт. — Солнце стоит уже низко. Мы прошли порядочное расстояние. И прошли бы еще больше, если бы не задержались из-за этих единокоров.

Аббат что-то недовольно проворчал, но продолжал идти, время от времени ускоряя шаг, чтобы не отставать от остальных.

Прошло еще около часа, и гребень, по которому они шли, начал спускаться в глубокую долину. Над долиной ключьями висел туман. Сквозь него сверкало множество небольших озер и проток. Далекие белые холмы по ту сторону долины казались голубоватыми в свете уходящего дня.

— Болото, — недовольно сказал Шишковатый. — Надеюсь, нам удастся найти обход. Идти вброд через болото — штука малоприятная.

— Оно не такое уж большое, — заметил аббат. — И мне кажется, оно тут не совсем на месте. Болота бывают большей частью на ровной местности, а не посреди холмов.

— Болота бывают везде, — возразил Шишковатый, — где только может скапливаться вода.

— Может быть, стоит изменить наш план? — сказал аббат. — Не лучше ли нам свернуть на север и отыскать римскую дорогу? Римляне строили хорошие дороги. На них почти нет уклонов. Мы могли бы идти по ровному месту, а не плутать в густом лесу и не брести через болото.

— На римской дороге нас сожрут раньше, чем сядет солнце, — сказал Шишковатый.

Харкорт услышал позади себя шорох листьев и быстро обернулся. В нескольких футах от него стояла Иоланда, низко нагнувшись на лицо капюшон.

— Господа, — сказала она, — я нашла совсем близко удобное место для привала. Там рядом ручей с чистой водой, а на дереве подвешен молодой олень.

Аббат мгновенно повернулся к ней.

— Оленина! — произнес он внезапно охрипшим голосом. — Оленина! А я тут мечтаю поесть хоть хлеба с сыром!

— Идите за мной, — сказала Иоланда, и они последовали за ней.

Еще не начинало темнеть, когда они устроились на ночлег. Ярко горел костер, рядом лежал запас дров, а на углях жарились огромные куски оленины.

Аббат сидел, прислонившись спиной к стволу огромного дерева, сцепив могучие руки на животе и положив рядом свою тяжелую булаву, и принимался к аромату жареного мяса.

— Я считаю, именно так лучше всего завершить наш день после всего этого лазанья по горам, единорогов и драконов, — сказал он с удовлетворением. — Запах оленины искупает все испытания, через которые мы сегодня прошли.

— Там, впереди, болото, — сказал Шишковатый Иоланде. — Нам нужно будет его пересечь?

— Нет, не нужно, — ответила она. — Мы можем его обойти.

— Слава Богу, — вздохнул аббат и повернулся к Харкорту: — Нашей проводнице просто цены нет.

Когда мясо изжарилось, они поели, потом поджарили еще и тоже съели. В конце концов аббат уже не мог заставить себя проглотить ни кусочка. Борода его лоснилась от жира.

Сытые и довольные, они удобно расположились вокруг костра. Аббат разыскал у себя в мешке бутылку

вина и пустил ее по кругу. Уже окончательно стемнело. Над болотом перекликались ночные птицы, легкий ветерок шелестел в верхушках деревьев. Все чувствовали себя прекрасно. Что-то уж слишком хорошо, подумал Харкорт. Несмотря на наслаждение, доставленное сытным ужином и отдыхом после трудного дня, его одолевали недобрые предчувствия. Слишком тут хорошо, думал он. А ведь это враждебная страна, здесь не должно быть так хорошо.

Он взглянул на Иоланду, которая сидела скрестив ноги на земле по другую сторону костра. В ее лице появилась мягкость, которой он до сих пор не замечал. Может быть, это только так кажется в свете пламени, подумал Харкорт. Но она, очевидно, не испытывала никакого беспокойства. А именно она, наверное, раньше других почувствовала бы, если бы им грозила какая-нибудь опасность.

Аббат с трудом поднялся и подбросил в костер дров.

— Стоит ли? — спросил Харкорт. — Может быть, теперь, когда мясо зажарено, дать костру догореть? Нам лучше бы сидеть без огня.

— Ты опять за свое, вечно тебе что-то не нравится, — засмеялся аббат. — Отдыхай, как все, и радуйся, что набил брюхо. Мы еще на самом краю Брошенных Земель, едва ли нам здесь что-нибудь грозит.

— Мы уже видели единорогов и драконов.

— Единороги давно ускакали, — сказал аббат, — и драконы тоже улетели. Я не вижу, почему...

Он умолк и насторожился.

Харкорт поднялся с земли.

— Что такое, Гай? — спросил он.

— Я что-то слышал. Какой-то шорох.

И тут же шорох послышался снова. Все вскочили. Харкорт потянулся к мечу, но не успел выхватить его из ножен, как шорох прекратился. Все четверо стояли, напряженно прислушиваясь.

Может быть, это всего-навсего птица шевельнулась на ветке, подумал Харкорт. Или какое-нибудь маленькое пушистое существо пробежало по сухим листьям.

Аббат нагнулся и поднял с земли свою булаву.

Харкорт обошел костер и встал рядом с Иоландой.

— Что ты слышала? — спросил он.

— То же, что и все вы. Шорох. Там кто-то есть.

Новая порция дров, подброшенная в костер аббатом, только теперь занялась, внезапно разгорелась ярким пламенем, и Харкорт увидел, откуда шел шорох. У подножья гигантского дуба, стоявшего недалеко от костра, возник из земли какой-то корявый бутор. Он продолжал подниматься на глазах, и с него сыпались вниз сухие листья, сучки, кости мертвых животных, живая трава и клочья мха. Это выросшее из земли порождение леса двигалось, оно было живое. Густой смрад распространялся вокруг, и вместе с ним — немерная злоба, почти ощутимая физически. Зловоние было так сильно, что от него перехватывало дыхание, как будто горло стискивали длинные цепкие пальцы.

Харкорт отступил на шаг перед этой невероятной злобой и давящим зловонием. Он со скрежетом выхватил меч, и пламя костра окрасило клинок в цвет крови. Но у этого существа, которое выросло перед ними у подножья дуба, не могло быть живой красной крови — если его разрубить, из него должен был потечь зеленоватый гной или сукровица, похожая на чернила. Харкорту на мгновение показалось, будто он увидел блеснувшие в свете пламени острые клыки и когти. Но если это действительно клыки и когти, то они располагались в самых неподходящих местах. Может быть, на самом деле это были всего лишь обломки костей или острые каменные осколки, покоившиеся в лесной почве.

Бутор продолжал подниматься, вырастая из лесного мусора и сухих листьев, из отпавшей коры и гнилых сучков, из птичьего помета, истлевших костей и оброненных перьев. Освещенный пляшущими отблесками пламени, он казался наделенным своей, зловещей жизнью. Злоба, источаемая им, становилась все сильнее, а густое зловоние — все удушливее. Харкорт почувствовал, что задыхается — отчасти от смрада, отчасти от ужаса и гнева при мысли, что такое гнусное создание осмеливается существовать, имеет наглость вторгаться в этот сравнительно чистый и уютный мир.

Он шагнул вперед, но его опередил аббат. Одним плавным движением священник обеими руками поднял высоко над головой тяжелую булаву и обрушил ее на выросший из земли бутор. Бутор просел под ударом, что-то в нем булькнуло, и во все стороны разлетелись какие-то слизистые комки. Распространившееся вокруг зловоние многократно превзошло все, что они ощущали

до сих пор. Харкорт, шатаясь, сделал еще два шага вперед, но еще не успел подойти к аббату, как его скрючило пополам и начало рвать. В горле у него стояла горечь, из глаз лились слезы, а от рассеявшегося бугра текли навстречу ему густые волны смрада, и он как будто плыл в этом смраде, раздвигая его руками.

Сделав сверхъестественное усилие, он выпрямился и увидел, что бугор исчез, а аббат стоит на том месте, где был бугор, колотя булавой по извивающимся клочьям и торжествующе хохоча. Харкорт хотел окликнуть аббата, но горло его все еще сжимала судорога, и он долго не мог выдать ни звука. Наконец он крикнул:

— Гай, отойди оттуда!

Аббат продолжал колотить булавой по остаткам бугра, как будто не слышал. Харкорт, шатаясь, шагнул вперед и схватил его за руку.

— Ради бога, остановись! От него уже ничего не осталось.

— Вот когда я с ним покончу, — продолжая раскатисто хохотать, прокричал аббат, — тогда от него в самом деле ничего не останется. Меньше, чем ничего!

— Да приди ты в себя, черт возьми! — рявкнул Харкорт. — Надо убираться отсюда. Нам нельзя здесь оставаться, нужно уходить. Здесь такая вонища, что дышать нечем.

Аббат неохотно повернулся и подошел с ним к костру. Поодаль стояла Иоланда, изо всех сил зажимая рот и нос скомканным платком. Шишковатый собирал вещи.

— Пошли, — сказал он. — Пошли, надо отсюда уходить.

Харкорт поднял два мешка, забросил их на спину и подтолкнул аббата вперед.

— Ну вот, — с упреком сказал Шишковатый аббату, — наделал ты дел.

— Да ведь такая злоба! — оправдывался аббат. — Неужели вы не ощутили эту злобу?

— Когда навстречу попадает хореk, — сказал Шишковатый, — его не убивают. Только поворачивают назад или обходят его стороной.

— А я эту штуку убил. Ее нужно было убить.

— Ее нельзя убить. Она не умирает. Можно только надеяться, что она уйдет восвояси.

Они углубились в ночной лес и начали осторожно спускаться к краю болота. То и дело кто-нибудь наткнулся на дерево или спотыкался о лежащую на земле ветку, но они шли и шли вперед.

Когда до болота оставалось уже совсем немного, Харкорт услышал какой-то тихий жалостный звук, похожий на плач. Он остановился как вкопанный и прислушался. Звук доносился издалека, и временами его заглушал ветер, но это был плач, он был уверен. Там, посреди болота, раздавался чей-то плач.

— Кто это? — спросил он.

— Потерянные души, — ответила Иоланда. — Одинокие призраки плачут в болоте.

— Призраки? — переспросил он. — Ты хочешь сказать, привидения?

— Здесь повсюду привидения. Множество людей умерло здесь без святого причастия.

— Я никогда об этом не задумывался, — сказал Шишковатый, — но такое вполне возможно. Когда сюда нагрянула Нечисть, многие пытались бежать, но не всем удалось. Часть угодила в засаду. А другие попрятались, или пытались спрятаться.

Плач затих. Они постояли еще несколько минут, но больше ничего не было слышно, и они продолжали спуск с холма. В бледном, унылом лунном свете болото было похоже на черно-белый набросок пером. Кое-где серебрилась вода, над ней поднимались такие же серебристые, но чуть потемнее, камыши и заросли кустарника, и чернели отбрасываемые ими тени.

Вскоре впереди показался небольшой залив, с обеих сторон которого стеной стояли камыши. Берег поднимался от воды узкой песчаной полоской.

Они остановились, прислушались и вновь услышали плач, тихий и отдаленный. Потом он затих, и наступила зловещая тишина.

— А здесь все еще воняет, — сказал Харкорт. — Правда, уже не так сильно.

— Это мы принесли запах с собой, — сказал Шишковатый. — Через день-два выветрится. Он стал немного слабее, если бы мы могли принять ванну и сменить одежду.

— Но что это было? — спросил Харкорт. — Я никогда такого не видел и ни о чем подобном не слышал.

— Было бы странно, если бы ты это видел, — сказал Шишковатый. — Мало кто о таком даже слышал. Они очень древние, это порождение стихий. Их производит на свет сама земля — они вырастают из мертвой материи. Нечисть тут ни при чем, они существовали задолго до того, как появилась Нечисть. Говорят, когда их было много. Я думал, они уже совсем покинули Землю и больше не осталось ни одного. Но в такой местности, как эта...

— Ты сказал, что мало кто о них слышал. Но ты-то слышал. Ты об этом знал.

— Легенды моей расы, — ответил Шишковатый. — Из них я об этом и знаю.

— Твоей расы?

— Ну конечно, — сказал Шишковатый. — Ты, естественно, никогда не говоришь об этом вслух, и никто не говорит, но ты ведь знаешь, что я не человек.

— Прости меня, — сказал Харкорт.

— Ничего, — ответил Шишковатый. — Я ничем не хуже человека.

— Давайте умоемся, — предложил аббат. — А потом попробуем хоть немного поспать. Мы изрядно не выспались.

С этими словами он вошел в воду по пояс, нагнулся, зачерпнул пригоршню воды и начал обмывать лицо и одежду.

— Надо будет по очереди стоять на страже, — сказала Иоланда.

— Я буду сторожить первым, — вызвался Харкорт.

— А я после тебя, — сказал Шишковатый.

Стоя на страже, Харкорт время от времени поглядывал на звезды, чтобы знать, сколько прошло времени. Когда настала пора сменяться, Харкорт разбудил Шишковатого. Тот с ворчаньем поднялся.

— Как дела? — спросил он.

— Все тихо, — ответил Харкорт. — В лесу слышались какие-то шорохи, но не такие, какие мы слышали там, на холме. Наверное, какие-нибудь мелкие животные. В болоте кто-то плакал, а больше ничего не было.

— Хорошо, — сказал Шишковатый. — Залезай под одеяло и попробуй заснуть.

Харкорт улегся и завернулся в одеяло, но ему не спалось. Он долго лежал в раздумье, глядя на звезды. «Я не человек», — сказал Шишковатый, и это было

сказано им, да и вообще кем бы то ни было, впервые. «Моя раса», — сказал он. Его раса знала об этих порождениях стихий. И он сказал, что когда-то их было много. «Это не Нечисть, — сказал он, — они существовали задолго до Нечисти». Харкорт никогда не слышал о расе Шишковатых; он знал только одного Шишковатого, хотя если подумать, он мог бы сообразить, что когда-то должны были существовать и другие Шишковатые. Значит, эти порождения стихий жили в глубочайшей древности, ведь и Нечисть появилась здесь в незапамятные времена, а эти, как сказал Шишковатый, тогда уже были. «Теперь их осталось немного», — сказал он и намекнул, что вообще не ожидал встретить хоть одного. И если это правда — что эти порождения стихий и Шишковатые жили в этом мире бок о бок, — значит, и те и другие существовали в глубочайшей древности, и очень может быть, что Шишковатых осталось так же мало, как и этих порождений стихий.

Харкорт решил, что когда вернется домой, нужно будет расспросить обо всем деда, хотя это дело, конечно, очень деликатное. Может быть, дед поймет, что вопрос задан от чистого сердца, и ответит, пусть и не слишком обстоятельно; а может быть, и придет от него в ярость. Дед с Шишковатым дружат уже много лет, и они никогда не дадут друг друга в обиду.

Размышляя об этих загадках, он в конце концов заснул. Его разбудил аббат, который без особой деликатности потряс его за плечо.

— Вставай, — сказал он. — Там их множество. Полный лес. Они нас окружили.

Харкорт сел, пытаясь понять, что происходит.

— Кто нас окружил?

— Вонючие бутры, — ответил аббат. — Я бы пошел и разделался с ними, но Шишковатый в тот раз так раскричался, что я решил этого не делать.

Харкорт увидел, что уже начинает светать. Из-под своего одеяла, разбуженная громким голосом аббата, выползла Иоланда. Шишковатый тоже проснулся и сидел, протирая глаза.

— Что там еще? — спросил он аббата. — Что за шум ты поднял?

— Бутры нас окружили.

Шишковатый вскочил.

— Ты уверен?

— Уверен, — подтвердил аббат. — Они выстроились цепочкой позади нас и спустились к самому болоту по обе стороны. Мы в мешке. На этот раз я их не слышал, они вели себя очень тихо. Первого я увидел, только когда стало светать. Прежде чем вас будить, я проверил.

Шишковатый повернулся к Иоланде:

— Ты сказала, что мы можем обойти болото. А перейти его можно?

— Может быть, и можно. Мне говорили, там есть тропинка. Это будет нелегко. Придется много брести по воде. Но я думаю, мы сможем перебраться на другую сторону.

— Это безумие! — вскричал аббат. — Мы можем прорваться и обойти болото.

— Возможно, ты бы и прорвался, — сказал Шишковатый, — но я бы рисковать не стал. Ведь ты ничего о них не знаешь.

— Зато ты знаешь, и ты сказал...

— Неважно, что я сказал, — перебил его Шишковатый. — Идем через болото. Если мы это сделаем, не думаю, чтобы они стали нас преследовать.

Глава 10

Харкорта снова одолевали призраки, хотя день был в самом разгаре. Он их не видел, хотя временами ему чудилось, что в воздухе пробегает легкое колыхание, похожее на знойные волны, которые поднимаются в жаркий летний полдень над золотистым полем спелой пшеницы. Но призраки говорили с ним, и говорили не умолкая. Он почти ничего не понимал, хотя временами ему чудилось, что понимает. Однако большей частью это было неразборчивое бормотанье, вроде того невнятного говора, что слышишь, проходя мимо закрытой двери, за которой мать и другие женщины занимаются после обеда шитьем, а больше — болтовней.

Харкорт брел по пояс в воде, с трудом вытаскивая ноги из илистого дна. Остальные следовали за ним. Призраки становились все назойливее. Над головой у него роились тучи насекомых — время от времени он принимался отмахиваться, но они не обращали на это никакого внимания и продолжали кружиться над ним жужжащим вихрем, сверкая на солнце крылышками.

Он приближался к пригорку, который приметил издалека. Подойдя вплотную, он уперся руками в землю, вскарабкался на сухой берег и повалился ничком, с трудом переводя дыхание. Следующей шла Иоланда — когда она добралась до пригорка, он протянул руку и вытащил ее на берег рядом с собой. Почти вплотную за Иоландой следовал Шишковатый, а сзади, пыхтя, с

багровым лицом, грузно брел сквозь воду и грязь аббат. Один за другим они подошли к пригорку, и Харкорт помог им выбраться на берег. Все уселись в ряд, промокшие, усталые и слишком запыхавшиеся, чтобы разговаривать.

— Ни о чем подобном речи не было, — сказал наконец аббат. — Я знал, конечно, что придется много ходить, против ходьбы я ничего не имею. Но пробираться вброд через такую грязь — не самое увлекательное приключение, на мой взгляд. Это не что иное, как тяжелая работа.

— Нам бы, может быть, не пришлось этого делать, — заметил Шишковатый, — если бы ты оставил в покое тот бугор. Но нет, тебе обязательно нужно было пойти и стереть его в порошок.

— Я убежден, что другие бугры не могли произойти от того, с которым я расправился, — возразил аббат. — Не может быть, чтобы клочья, которые я от него оставил, побежали за нами вдогонку и превратились каждый в новый бугор.

— Ну, не знаю, — сказал Шишковатый, — хотя от них всего можно ожидать. В свое время мне довелось слышать немало всяких страстей о том, на что они способны. Может, этот холм — их любимое место, и они зарождаются здесь во множестве. Может, жизнь не пробудилась бы в них еще много лет, но когда они узнали...

— Узнали? — переспросил аббат.

— Ну да, узнали, что появился враг и напал на них, они не стали дожидаться своего срока и собрались отомстить.

— Ну уж и отомстить, — презрительно сказал аббат, подняв булаву и стукнув ею по земле. — Вот дали бы мне волю, тогда у них уж точно появился бы повод отомстить.

— Все это уже позади, — прервал его Харкорт. — Забудьте об этом. — И, обращаясь к Иоланде, сказал: — Вон там впереди, на сухом острове, я, по-моему, вижу продолжение тропинки.

— Значит, здесь и вправду есть тропинка, — радостно откликнулась она, — и мы идем правильно. Когда она исчезла, я боялась, что мы пошли не той дорогой, что она скоро кончится и что никакой тропы на самом

деле нет. Но, если ты прав, значит, тропа есть. Она только была под водой, а теперь мы снова на нее вышли.

Харкорт пожал плечами.

— Мы можем еще десять раз ее потерять, такая уж тут местность. Но надо идти дальше. Как ты думаешь, много мы прошли? Полпути уже есть?

— Не думаю. Полпути мы еще не прошли. Хорошо, если мы доберемся до того берега к ночи.

— Вполне можем добраться, — сказал Шишковатый, — если будем идти и идти. И не будем останавливаться отдохнуть и поболтать всякий раз, как увидим сухое место.

— Если мы не будем отдыхать, — возразил аббат, — мы, может быть, вообще не дойдем до того берега. Время от времени нужно делать передышку, чтобы собраться с силами.

— Никогда еще не видел, чтобы такой большой и сильный человек оказался таким слабаком, — с презрением сказал Шишковатый.

— Ты мне всегда нравился, Шишковатый, — отвечал аббат. — Я тебя всегда уважал, хоть ты и нелепо устроен. Но в трудную минуту проявляется твой скверный характер, раньше я этого за тобой не замечал.

— Ну, хватит вам препираться, — прервал их Харкорт. — Перестаньте оба. Мы все в одинаковом положении, и отправились все добровольно. Никто никого не заставлял.

— Я хочу знать одно, — не унимался аббат. — Зачем нам понадобилось лезть в это болото? Вчетвером мы легко прорвали бы кольцо бугров и пошли бы посуху вокруг. В конце концов, как они могли бы нас остановить? Взять хотя бы того, что был у костра, — я пошел и расколошматил его в клочья.

— Я думаю, это законный вопрос, — поддержал его Харкорт, обращаясь к Шишковатому. — Я сам об этом думал. Мы, конечно, поверили тебе на слово...

— Вопрос законный, и я с удовольствием на него отвечу, — сказал Шишковатый. — Тот, что у костра, просто не знал, с каким сумасшедшим он имеет дело. Он ничего не успел предпринять. Этакий солидный, благообразный христианин ни с того ни с сего кинулся на него с двадцатифунтовой железной булавой и...

— А что я должен был делать? — возмутился аббат. — Он испускал такую вонь и злобу...

— Я пытался тебя предостеречь, — возразил Шишковатый, — но не успел. Я бы тебя остановил, если бы мог, но было уже поздно. А после этого разумнее всего было удирать. Должен сказать, мне и в голову не могло прийти, что другие бугры прорежутся из-под земли и двинутся за нами, чтобы взять нас в кольцо. Судя по всему, что я знал о природе и истории бугров, такое вообще немыслимо. Я называю их буграми, потому что вы их так называете, но у них есть другое, древнее название...

— Ты много чего говоришь, — сказал аббат, — но ничего путного. Скажи мне коротко и ясно, почему мы не могли прорваться через кольцо бугров.

— Некоторый шанс у нас был, — отвечал Шишковатый, — но шанс весьма сомнительный, и это, скорее всего, обошлось бы нам очень дорого. Вы же почувствовали на себе их злобу.

— Еще бы, — подтвердил Харкорт. — Все почувствовали. И злобу, и вонь. Не знаю, отчего это, от злобы или от вонь, только меня всего скрючило. Я хотел подойти...

— Меня ничуть не скрючило, — заявил аббат.

— Это потому, что ты такой нечувствительный, — сказал Шишковатый. — Ты много разглагольствуешь о душе, а у тебя самого никакой души нет, и кроме того...

Аббат вскочил и замахнулся на него булавой.

— Не смей мне такое говорить! — вскричал он. — Ты не смеешь...

— Сядь! — приказал Харкорт ледяным голосом. — И положи свою булаву. Мы будем вести себя, как подобает джентльменам, чего бы нам это ни стоило.

Аббат с ворчаньем уселся, но булаву из руки не выпустил.

— А теперь, — сказал Харкорт Шишковатому, — ответь нам на вопрос, и без всяких посторонних рассуждений.

— Ответ состоит в том, — сказал Шишковатый, — что мы имеем дело с существом, у которого нет ничего общего ни с одним обитателем здешнего мира. Оно сродни самым глубинным корням жизни, наименьшему общему знаменателю природы. А природа, если хорошо подумать, по сути своей жестока. Жестока и безразлична. Природе не свойственна любовь, ей все равно, что случится с кем или чем бы то ни было. Ее

нельзя уговорить. Всем приходится жить по ее правилам. Ошибись хоть немного, и она тебя убьет, не задумываясь. Зло — это, по определению, отсутствие любви. Чтобы стать воплощением зла, достаточно одного — не испытывать любви, не подозревать даже, что она существует. Подлинное зло не любит даже само себя. Эти бугры не просили, чтобы их наделили жизнью; жизнь навязана им некоей неведомой, таинственной алхимией мертвой или умирающей материи. Может, жизнь даже внушает им отвращение, может, они недовольны тем, что их насильно заставили появиться на свет, хотя они об этом никого не просили. До вас понемногу начинает доходить, с чем мы имеем дело?

— Кажется, да, — задумчиво произнес Харкорт.

— Если бы мы напали на те бугры, — продолжал Шишковатый, — очень может быть, что они уничтожили бы нас прежде, чем мы смогли бы вступить с ними в схватку. Они ошеломили бы нас заложенной в них злобой, задушили бы зловонием, отравили бы накопленным в них ядом, покончили бы с нами десятком других способов. Они знали о нас и ждали нас. Лучшего ответа я дать не могу, потому что о буграх никто ничего толком не знает. Специалистов по ним не существует — каждый, кто вздумает стать таким специалистом, умирает раньше. — Он умолк и оглядел остальных. — Вы удовлетворены? Я ответил на ваш вопрос?

Никто ничего не сказал.

— Больше всего они любят выводиться, если это можно так назвать, в нетронутой лесной почве, — продолжал Шишковатый. — Там, где много лет скапливались гниющие отбросы леса, в которых содержатся неведомые начала, дающие толчок к их появлению. Почва этого леса лежала нетронутой, наверное, несчетные столетия. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь попал в такое положение, как мы. Даже в самых невероятных легендах моей расы не говорится, что они могут вылупляться разом в таком множестве. Я думаю, нападение на одного из них заставило остальных появиться на свет раньше времени. Как они узнали об этом нападении, я не знаю и даже представить себе не могу. В наших легендах ничего не говорится о том, что они способны общаться между собой.

— А здесь они до нас не доберутся? — спросила Иоланда.

— Думаю, что нет. Правда, они могут передвигаться, и иногда, боюсь, довольно быстро, но норовят оставаться поблизости от того места, где вывелись. Я полагаю, они не покинут леса, и очень сомневаюсь, чтобы они решились последовать за нами через болото. — Он покачал головой. — Вы должны понять, что меня все это тоже поразило. Они — порождение самых древних времен. Когда-то, гласят легенды, их было много. По мере того как редели леса и расширялись пашни, их становилось все меньше и меньше: места их обитания понемногу исчезали. Если бы вы меня спросили, я бы сказал, что их больше не осталось вообще, что это просто персонажи древних легенд, что они давно вымерли.

— Кому могло бы прийти в голову тебя об этом спросить, — сказал Харкорт, — если никто ничего о них не знал и ты ничего не говорил?

— Мало ли о чем я ничего не говорил, — ответил Шишковатый и поднялся на ноги. — Двинемся дальше? — предложил он. — Чарлз, ты что-то говорил о тропинке, которую как будто видел впереди.

— Да, — сказал Харкорт. — Я снова пойду первым и поведу вас к ней. Это островок с несколькими деревьями на краю. Из-за камышей его удастся увидеть только изредка. По-моему, он немного больше этого пригорка.

— А вам тоже не дает покоя какое-то нашептывание и бормотание? — спросил аббат. — Иоланда, ты, кажется, говорила, что это призраки?

Она кивнула.

— Да, призраки. По крайней мере, так говорят. Не нашедшие покоя души людей, которые умерли вне лона Святой Церкви и теперь блуждают повсюду. Тут, наверное, погибло множество беженцев, когда они спасались от Нечисти.

— А мы ничего не можем для них сделать? Никак нельзя дать им покой?

— Не знаю, — ответила Иоланда. — Я только знаю, что они тут есть. Я ни с кем никогда о них не говорила. Конечно, я скорблю о них, как подобает христианке.

— Попробуй побрызгать на них святой водой, — посоветовал аббату Шишковатый. Тот только презрительно засопел, с трудом поднялся и подоткнул повыше

свою сутану, вымазанную до колен грязью и насквозь мокрую.

Они снова отправились в путь. Пригорок, как и подозревал Харкорт, оказался лишь маленьким клочком суши, поднимавшимся над водой. Они пересекли его и опять вошли в воду.

Болото было не очень глубоким — большей частью по щиколотку и только местами по пояс. Дно его покрывал скользкий, липкий ил, в котором кое-где прятались коряги и кучи камней. Идти приходилось медленно и осторожно, чтобы не споткнуться.

Время от времени им попадались открытые водные пространства, но чаще всего они шли по узким, извилистым протокам, по обе стороны которых поднимались болотные травы и камыш. Кое-где из болота торчали мертвые деревья — скелеты тех деревьев, что стояли здесь давным-давно, еще до того, как все переменялось и появилось болото.

Пока они отдыхали и болтали на пригорке, призраки как будто исчезли или, по крайней мере, утомились. Теперь, когда они снова шли по болоту, призраки вернулись, и снова постоянно слышался их шепот. Харкорт попытался не слушать, но это было очень трудно — они окружили его со всех сторон и продолжали свою неумолчную болтовню.

На первых порах их невнятное бормотанье заставляло его содрогаться от ужаса. Он этого не стыдился и утешал себя тем, что всякий призрак должен вызывать если не страх, то, по крайней мере, тревогу, и совсем не обращать на них внимания ни один нормальный человек не способен. Но прислушиваясь час за часом к их бормотанью, он почувствовал, как первоначальный ужас уступает место раздражению. Они превратились в досадную помеху, все еще способную вызывать страх, но чаще просто надоедавшую сверх меры. Он попробовал было не вслушиваться, но устоять против них не могла даже самая сильная воля. Они были слишком близко, их голоса звучали слишком настойчиво, чтобы можно было заставить себя их не слышать. Временами ему казалось, будто призрачные пальцы цепляются за его руки, пытаясь задержать его, но он говорил себе, что это всего лишь причуды разгулявшегося воображения.

Иногда ему казалось, что он различает отдельные слова и фразы, хотя он опять-таки не был уверен,

расслышал ли их на самом деле или невольно вообразил. «Вернитесь! — говорили они (или это только ему казалось?). — Вернитесь, дальше идти опасно». В ушах у него звучали предостережения, слышались мольбы. «Помогите нам! Бога ради, сжальтесь! Будьте милосердны! Мы пребываем здесь, в мире теней, между жизнью и смертью, уже не живые и еще не мертвые. Если никто нам не поможет, мы останемся здесь навсегда». Их речи, конечно, на самом деле не были такими связными — это были лишь отдельные слова и обрывки фраз, в которых звучала мольба и которые складывались в некое подобие целого только в его фантазии.

— Ложитесь! — взревел позади аббат. — Ложитесь все и прячьтесь получите!

Инстинктивно, ни о чем не думая, Харкорт присел на корточки и вжался в перепутанную стену болотных трав на краю протоки. Оглянувшись, он увидел, что остальные тоже притаились, как цыплята на птичьем дворе, припавшие к земле при появлении ястреба. Аббат, который шел последним, указывал вверх. Харкорт поднял голову и увидел их — три болтающиеся грязные тряпки, которые крутами плавали в голубом небе над болотом, никуда особенно не спеша и высматривая себе жертву. Они были высоко и казались всего лишь движущимися точками на фоне неба.

Драконы, сказал он себе. Три дракона на охоте. Может быть, те самые, что напали на единорогов. Он присмотрелся, пытаясь разглядеть, не болтается ли у одного из них на шее веревка, но драконы были слишком высоко.

Время шло, а драконы все кружили у них над головой. Один раз они начали спускаться ниже, но через некоторое время снова поднялись ввысь. Не сводя с них глаз, Харкорт выругался. Драгоценное время уходит, а из-за драконов они не могут выйти из болота. Им нужно миновать эту коварную трясику до наступления ночи. А если дело и дальше пойдет так же, как до сих пор, и они будут то ползать по кустам, чтобы поглазеть на единорогов, то прятаться в камышах от драконов, — им никогда не добраться до цели.

Там, в замке, им казалось, что они знают, с чем им предстоит встретиться — всего лишь с великанами, троллями, драконами и прочей Нечистью. Теперь он понял, что на Брошенных Землях все не так просто.

Уже за это короткое время они повстречали два новых явления, о которых ничего не знали и которых не могли даже вообразить: бугры в лесу и призраки на болоте. Сколько еще сюрпризов ожидало их в дальнем пути? Этого Харкорт не знал и злился, что приходится терять время.

Теперь, когда он стоял неподвижно, призраки одолевали его еще настойчивее и в еще большем числе. Их бормотанье заполнило весь его мозг до того, что больше он ничего не замечал. Но слова их, если это действительно слова, были лишены всякого смысла.

И среди них вдруг прозвучало одно слово, наделенное для него глубочайшим смыслом. Одно-единственное слово, которое он сразу распознал.

«Элоиза»!

На мгновение забыв обо всем, он выпрямился и громко воскликнул:

— Элоиза? Что вы сказали про Элоизу?

— Ложись! — рявкнул аббат. — Ложись, идиот!

Харкорт снова присел в камыши и взглянул в небо. Драконы были еще там — три болтающиеся грязные тряпки на голубом фоне.

Глава 11

В конце концов драконы улетели, направляясь куда-то на восток. Разыскивали ли они людей или просто вылетели на охоту, так и осталось неизвестным.

Харкорт не заметил, как они улетели, он даже не смотрел на них. Он по-прежнему сидел на корточках в протоке, наполовину забившись в окаймлявшие ее болотные травы, и в ушах у него звучало одно слово: «Элоиза! Элоиза! Элоиза!»

И все это время нескончаемые тучи невидимых призраков — невидимых, если не считать возникавшего время от времени легкого колыхания воздуха, которое можно было заметить только уголком глаза, — нескончаемые тучи невидимых призраков осаждали его, с неумолчным бормотаньем кружась над головой. Он пробовал заговаривать с ними, кричать на них — про себя, мысленно. «Расскажите мне! — беззвучно умолял он. — Расскажите мне об Элоизе! Что вы хотели о ней сказать?» В голове его мелькнула мысль, которая потрясла его до глубины души: если он действительно услышит что-то о ней в таком месте, из уст бормочущих болотных призраков, он в ужасе отшатнется. «Здесь все нечисто и отвратительно, — подумал он. — Здесь не может быть Элоизы! Я не хочу, чтобы она нашлась здесь! Да ее здесь и не может быть — ведь если она умерла, то умерла не здесь, а на том берегу, в замке Фонтен!»

Одолеваемый мучительными раздумьями, он сидел, пригнувшись, на корточках, уйдя в себя, забыв обо всем, что его окружало, — о ярко светившем солнце, о тухлой болотной воде, о шорохе камыша, о кружащих в небе драконах.

Он не хотел, чтобы Элоиза нашлась здесь, в этой зловонной трясине. А хотел он вообще, чтобы она нашлась? Эта непрошенная мысль, возникшая из самых глубин его сознания, заставила его вздрогнуть: ему стало страшно от того, что она могла прийти ему в голову, что она могла зародиться где-то там, в сокровенных глубинах души, о которых он и сам не подозревал.

Он больше не помнил лица Элоизы: оно навсегда осталось для него скрытым прядью волос, упавшей от порыва ветра. И глядя на ее подарок, он больше не помнил слов, которые она сказала ему, даря книгу, не видел, как ее пальцы перелистывают страницы. С годами она уплыла от него, отступила куда-то вдаль. «Боже! — сказал он себе в ужасе. — Боже мой, ведь я ее забыл!»

«Боже! — взмолился он. — Сделай так, чтобы ее здесь не было. Чтобы я не услышал здесь ее голос. Если она здесь и я ее встречу, я отшатнусь от нее с отвращением, и это разобьет сердце нам обоим. Мы не должны встретиться в таком отвратительном месте. Когда мы встретимся снова... Если нам суждено встретиться, это должно случиться на цветущей поляне, овеваемой легким ветерком. Но не здесь, Боже, не здесь!»

Его заставил очнуться оклик аббата.

— Чарлз, пошли. Веди нас, мой друг. Драконов больше не видно.

Харкорт медленно поднялся, словно пробуждаясь от кошмара. Подняв голову, он взглянул на небо. Драконов не было. Он машинально побрел, пошатываясь, вперед, следуя за извилинами протоки. Скоро она кончилась, влившись в мелкое стоячее озерцо, и там, по другую его сторону, поднимался островок, который Харкорт заметил еще издалека, — с несколькими деревьями на берегу и тропинкой, поднимавшейся от берега мимо деревьев.

Аббат, шлепая по воде, обогнал Иоланду и Шишковато и поравнялся с ним.

— Из-за этих драконов мы потеряли много времени, — произнес он, пыхтя от быстрой ходьбы. — Мы не успеем пересечь болото до наступления ночи.

Харкорт поднял глаза и увидел, что солнце уже заметно склонилось к западу.

— Сделаем все, что сможем, — ответил он. — А если придется здесь заночевать, как-нибудь устроимся.

— Плохо дело, — сказал аббат. — Совсем плохо. Мы бы должны быть уже за много лиг отсюда, на суше.

— Дальше пойдет лучше, — сказал Харкорт, — я в этом не сомневаюсь. Как только выберемся на сухое место, идти станет легче.

Они продолжали свой путь. Через некоторое время Харкорт спросил:

— Как ты думаешь, это за нами охотились драконы? Откуда они могли узнать, что мы здесь?

— Не знаю, — отвечал аббат. — Я об этом думал и ничего не мог придумать. Но какая разница? За нами они охотились или нет, стоило им нас заметить, они бы все равно на нас кинулись.

— Ты не разглядел, не было у одного из них веревки на шее?

— Нет, не заметил. Они были слишком высоко. Но я тоже об этом подумал.

— У меня такое предчувствие, — сказал Харкорт, — что рано или поздно мы еще повстречаемся с этим драконом. И очень может быть, что лицом к лицу. Я намерен его убить.

— Ты романтик, Чарлз, — сказал аббат. — Неизлечимый романтик. Хотя характер у тебя тяжелый и угрюмый, ты живешь в мире фантазий. Фантазии окружают тебя даже среди бела дня. Кому кроме тебя могло прийти в голову заарканить дракона?

— Я серьезно, — сказал Харкорт. — Это не пустые слова. Я чувствую, что повстречаюсь с этим драконом лицом к лицу. И сделаю все, чтобы его убить.

— Ты считаешь, что это у тебя на роду написано с того самого дня у подножья Драконова хребта? Что тогда пришло в движение нечто такое, что должно разрешиться здесь, в глубине Брошенных Земель?

— Про это я ничего не знаю, — отвечал Харкорт. — Я не так склонен философствовать, как ты. У меня только есть такое предчувствие, вот и все.

Идти становилось все труднее, и остров, лежащий впереди, казалось, отдалялся, вместо того чтобы приближаться. Харкорт взглянул себе под ноги и увидел, что вода едва доходит ему до щиколоток. Он по-прежнему шагал вперед, но продвигался как будто медлен-

нее, чем до сих пор. Казалось, вода сделалась густой, как патока. Что-то стало и с воздухом: он был какой-то необычно плотный и не такой прозрачный, как всегда.

— Гай! — позвал он почти шепотом.

— Да, я тоже заметил, — сказал аббат. — Что-то происходит.

Они брели вперед, стараясь идти побыстрее, как шли раньше, но вокруг них все стало каким-то непривычным. Они шагали все так же широко, но расстояние, которое они покрывали с каждым шагом, становилось меньше и меньше. Остров впереди то расплывался в глазах у Харкорта, то снова обретал четкость. В ушах его время от времени еще слышалось бормотанье болотных призраков, но голоса их казались искаженными и гулкими, словно звучали из пустой бочки.

А сбоку, слева — нет, теперь как будто справа — кто-то следил за ними, не сводя глаз. Харкорт вертел головой во все стороны, но ничего не видел, кроме простиравшегося вокруг болота. И несмотря на это, его не покидало ощущение, что кто-то за ними следит. Что там, в стороне, не то слева, не то справа, сидит в грязи какое-то чудище, которое, злобно ухмыляясь, глумится над ними.

Они шли и шли вперед, хотя и медленно. Остров как будто стал немного ближе. «Может быть, когда мы до него доберемся, — подумал Харкорт, — все опять станет как прежде? Вокруг нас снова будет старый, привычный, безопасный мир, обыкновенный воздух, обыкновенная вода?»

И тут, даже не повернув головы, он заметил уголком глаза некое существо, которое, глумливо ухмыляясь, сидело в стороне. Оно было наполовину погружено в жидкую грязь, но даже та его часть, что оставалась снаружи, была видна как-то искаженно, неотчетливо, словно сквозь плохое стекло, которое делает очертания всех предметов волнистыми и дрожащими. Существо, казалось, почти целиком состояло из огромной пасти и глаз, было покрыто бородавками и чем-то напоминало жабу, хотя это была вовсе не жаба. Харкорт лишь мельком заметил его, и оно тут же исчезло. Он попробовал взглянуть на него снова, но ничего не получилось, — он сам не понимал, как это ему удалось в первый раз. Он толком не отдавал себе отчета в том, зачем ему понадобилось увидеть это существо еще раз, потому что зрелище было не из приятных. Но он чувст-

вовал, что должен знать, кто напускает на них эти злые чары (если это чары), потому что, не зная этого, нельзя их преодолеть. Правда, ему все равно было не очень понятно, почему он догадался бы, как их преодолеть, если бы увидел это существо снова.

Он ничего не сказал аббату, потому что аббат, скорее всего, просто не поверил бы. Только что аббат сказал, что он романтик и живет в мире фантазий. Хотя где же и жить в мире фантазий, подумал он, как не на Брошенных Землях?

Наконец они достигли островка и поднялись на отлогий берег. Харкорт надеялся, что, когда они доберутся до островка, все это кончится, но ничего не изменилось: идти было не легче, чем по болоту. При обычных обстоятельствах он, выбравшись на сушу, присел бы отдохнуть, но теперь не стал останавливаться. Не остановился и аббат — Харкорт подумал, что он тоже будет идти вперед, пока они не освободятся от чар.

Если не считать нескольких деревьев у берега, островок был гол и невелик размером. Однако по нему шла тропинка — она привела их к противоположному берегу острова, за которым снова простиралась вода. Вдали из нее поднималось что-то вроде холма, сложенного из нагроможденных белых камней.

Снова ступив в воду, они сразу поняли, что наваждение кончилось. Вода была самая обыкновенная, и воздух был чист. Они увидели, что следующий остров, похожий на нагромождение камней, гораздо дальше, чем им показалось сначала.

Аббат шумно вздохнул.

— Слава Создателю! — произнес он с такой горячностью, какой Харкорт в нем никогда еще не замечал. — Наконец-то оно нас отпустило!

Они прошли еще немного, но ничего не менялось — мир вокруг оставался тем же, что и был. Оглянувшись, они увидели, как с берега в воду с плеском входят Иоланда и Шишковатый.

— Ты знаешь, что это было? — спросил аббат Иоланду. Та покачала головой.

— Какое-то мелкое наваждение, и все. Не знаю, откуда оно взялось.

— Кто-то только чуть дотронулся до нашего плеча, — сказал Шишковатый, — чтобы напомнить, что ждет нас впереди.

— Ну, теперь, кажется, все кончилось, — сказал Харкорт. — Надо побыстрее двигаться вперед. Солнце уже слишком низко; боюсь, что засветло нам до берега не добраться. Лучше всего дойти до того скалистого островка и там заночевать.

— Целых два дня ушло у нас на то, — сказал аббат, — чтобы пройти каких-то две лиги. При таких темпах мы никогда не доберемся.

— Доберемся, — возразил Шишковатый. — Обязаны добраться. И по болоту нам больше идти не придется.

Они направились к каменистому островку, идя уже не гуськом, а рядом. Солнце садилось за голубевшую на западе цепочку холмов, на болоте стало темнеть. Послышались крики ночных птиц, в небе появились стаи уток, подыскивающих себе место для ночлега. Над болотом поднимались клочья тумана, которые ползли над самой поверхностью воды, протягивая во все стороны свои призрачные щупальца. В темнеющем небе на востоке показалась бледная луна.

Снова их окружили призраки. Теперь Харкорту казалось, что время от времени он видит их туманные силуэты, хотя он не знал, действительно ли это призраки или просто клочья тумана. Их бормотанье, как и раньше, было невнятным, но в нем по-прежнему то и дело слышались жалобные мольбы о помощи и едва различимые предостережения. Но имени Элоизы Харкорт больше не слышал, да теперь уже и не был уверен, слышал ли его раньше; может быть, это был всего лишь плод воображения.

— Я еще никогда в жизни не испытывал на себе чар, — сказал аббат. — Должен сказать, жуткое ощущение. А вы когда-нибудь такое испытывали? Ты-то, Чарлз, нет, это я знаю, а остальные?

— Я — нет, — ответила Иоланда. — Но я сразу поняла, что это такое. Наверное, инстинктивно, потому что ничего такого со мной раньше не случалось.

— Два раза в жизни, — сказал Шишковатый, — я подвергался действию чар, и оба раза наваждение было куда сильнее, чем сейчас. Это очень слабое волшебство. Будто какому-то чародею просто вздумалось немного поразмяться.

— Я тоже поняла, что это не слишком серьезно, — подтвердила Иоланда. — Не чувствовалось, чтобы нам хотели причинить вред.

— Бог мой! — воскликнул аббат. — Уж не хотите ли вы сказать, что тут полным-полно чародеев и они только и ждут, пока не появится какой-нибудь путник, на котором можно попрактиковаться в своем искусстве?

— На Брошенных Землях ничему не следует удивляться, — сказала Иоланда.

— Ты так говоришь, словно тебе не страшно, — удивился аббат. — Ты это знала и все же решилась пойти с нами проводником?

— Мне страшно, — ответила Иоланда. — Но я немного верю в свои силы и думаю, что вовремя замечу опасность и что-нибудь сделаю, чтобы ее избежать. Вы же знаете, я здесь уже бывала.

— Да, ты мне говорила, — сказал Харкорт. — Только не могу понять, зачем тебе это понадобилось.

— Не знаю, смогу ли это объяснить, — отвечала Иоланда. — Меня сюда словно что-то тянет. Какое-то таинственное животворное ощущение, которое испытывает здесь моя душа.

Они шли по направлению к каменистому островку, который становился все ближе. Наконец они дошли до него и вскарабкались на камни. Издали островок казался белым, и теперь они увидели, что он на самом деле белый — огромные камни, белые, как мрамор, лежали горой, словно кто-то вывалил их посреди болота с гигантской повозки. Часть камней имела угловатую форму, другие были плоские и гладкие, как будто побывали в руках у гранильщика.

Некоторое время они сидели на камнях, глядя назад, на болото, которое только что пересекли. Сумерки сгущались, но еще можно было разглядеть островок с несколькими деревьями, темным пятном выделявшийся на фоне освещенного луной болота. Наконец Харкорт встрепенулся и поднялся на ноги.

— Пожалуй, надо залезть на вершину, — сказал он. — Оттуда, может быть, виден тот берег. До края болота должно быть не так уж далеко.

— Я пойду с тобой, — сказал Шишковатый.

«Наверное, лезть вверх по этим камням, — подумал Харкорт, — примерно то же самое, что подниматься на великие египетские пирамиды, о которых рассказывал мне дядя Рауль много лет назад. Пожалуй, даже труднее: в пирамидах плиты уложены аккуратно, а эти камни навалены как попало и порой так неустойчивы, что опасно на них ступать».

Осторожно выбирая дорогу, Харкорт и Шишковатый взбирались по грудам камней. Кое-где приходилось двигаться вбок, отыскивая место, где можно сделать еще шаг наверх. Но мало-помалу они продвигались к вершине.

Наконец Харкорт увидел, что осталось только перелезть через последний гладкий белый камень, который навис у него над головой. Встав на цыпочки, он протянул руки как можно выше и охватил пальцами край камня. Потом подтянулся, нащупал ногой точку опоры и рывком передвинулся выше, так что уже мог положить локти на поверхность камня. Поднатужившись изо всех сил, он перекинул через край сначала ногу, а потом и все тело. Он только собрался повернуться и протянуть руку Шишковатому, как вдруг увидел то, что находилось прямо перед ним.

Там был скелет — сначала Харкорт решил, что человеческий, но тут же понял, что ошибся. Скелет висел на приземистом кресте, нижний конец которого был зажат между двумя каменными глыбами. Крест стоял наклонившись вперед, и Харкорту в первое мгновение показалось, будто скелет бросился на него и застыл в воздухе на полпути.

От неожиданности и ужаса у него перехватило дыхание. В сумеречном свете кости казались еще светлее, чем камни под ногами, а череп злобно ухмылялся сверкающими белыми зубами. Он увидел, что скелет прикручен к кресту цепями так основательно, что большинство костей все еще оставалось на месте. Череп был цел, нижняя челюсть держалась в нем крепко, все ребра тоже были налицо. Только на одной руке отвалились все пальцы, а на другой осталось только два или три. Немного покривившийся хребет опирался на массивный крестец.

— Чарлз, — раздался снизу голос Шишковатого, — дай мне руку, я никак не могу ухватиться.

Харкорт обернулся, выглянул из-за края камня и протянул руку. Шишковатый уцепился за нее и с помощью Харкорта перевалился через край. Он хотел подняться на ноги, но, увидев скелет на кресте, застыл на четвереньках.

— Это еще что? — спросил он.

— Он не человеческий, — ответил Харкорт. — Сначала мне показалось, что это человек.

— Это великан-людоед, — сказал Шишковатый. — Клянусь чем угодно, это великан. И должен сказать, что тут ему самое место.

Он выпрямился и встал рядом с Харкортотом. Они подошли к кресту.

— Как ты думаешь, он был жив?.. — спросил Харкорт.

— Жив? — перебил Шишковатый. — Конечно, был жив. Кому пришло бы в голову привязывать мертвого великана к кресту из кедрового дерева? Перед тобой, Чарлз, акт справедливого возмездия. Здесь пришел конец одному из племени Нечисти, который в свое время немало навредил человечеству. С ним счеты сведены, или почти сведены. Он умер не так, как умер на кресте ваш Христос. Его приковали к кресту цепями, и смерть наступила не от телесных ран, как у других распятых. Этого прикончил голод. Он висел тут, пока не умер от голода и жажды. Скорее всего, от жажды.

— Но как это жестоко, как беспощадно...

— Те, кто это сделал, несомненно, имели все основания быть жестокими и беспощадными.

— Все равно мне это не нравится, — сказал Харкорт. — Одно дело — быстрая смерть от удара клинка, совсем другое — вот такая. Это какая-то безумная ненависть.

— Вероятно, люди, обитавшие в этих местах, — сказал Шишковатый, — имели все основания для ненависти. Жизнь их научила.

— Что мы будем с ним делать?

— Ничего не будем делать. Пусть висит. А что ты хотел предложить — христианское погребение?

— Ну нет.

— Так оставим его в покое. Пусть и дальше висит, ухмыляясь.

— Пожалуй, да.

Шишковатый отвернулся от креста со скелетом, поглядел на запад и показал пальцем в том направлении.

— Вот. Мы теперь знаем то, что хотели выяснить. Берег болота совсем недалеко. Смотри!

Глава 12

Проведя кое-как ночь на каменистом островке, они на рассвете пересекли последний участок болота и вышли на сушу. Дальше на западе высились голубые холмы.

Харкорт почти не спал — лишь несколько раз ему удалось ненадолго задремать. С наступлением ночи болото превратилось в средоточие кошмаров: повсюду вокруг стонали и рыдали призраки. Временами Харкорт казалось, что он их видит, хотя каждый раз оставалось сомнение — призрак это в белом саване или просто один из плывущих в воздухе клочьев тумана. Над болотом то и дело раздавались крики ночных птиц, а совсем недалеко, на востоке, время от времени кто-то как будто бухал в барабан. Харкорт лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к странному звуку и пытаясь определить, на что он больше похож — на кваканье или на барабанный бой. Он убеждал себя, — хотя в то же время страшился этой мысли, — что слышит кваканье того бородавчатого, похожего на жабу существа, которое привиделось ему под действием наваждения. Но он так и не смог окончательно в это поверить, потому что временами готов был поклясться, что это не кваканье, а удары в барабан. Но кто мог глубокой ночью сидеть посреди болота и бить в барабан?

Отправившись утром в путь, Харкорт и его спутники первое время шли по заболоченной местности, но потом

земля под ногами стала совсем сухой и идти стало легко. Довольные, что болото наконец осталось позади, они направлялись к цепочке холмов на горизонте. Иоланда ушла вперед и скоро исчезла из вида. Наверное, ищет место, где будет легче подниматься на холмы, подумал Харкорт и еще раз подивился ее подвижности и выносливости.

Время от времени Харкорт задирал голову и смотрел на небо. Вчерашние драконы произвели на него большее впечатление, чем ему показалось сначала. Но теперь в небе виднелось только несколько ястребов — драконов нигде не было видно.

Они шли по высокой траве, испещренной луговыми цветами. Мало-помалу холмы перестали казаться голубыми — стало видно, что они поросли лесом и не так высоки, как те, что поднимались вдоль реки.

Аббат, шедший немного впереди Харкорта и Шишковатого, замедлил шаг, чтобы дать им поравняться с ним. Он снова был в своем обычном прекрасном настроении.

— Вот теперь мы двигаемся как следует, — сказал он. — Может быть, если повезет, наверстаем время, которое потеряли в этом болоте.

— Это как получится, — сказал Шишковатый. — У меня такое ощущение, что нам еще не раз придется задерживаться.

— Но ничего подобного этому ужасному болоту больше не будет, — сказал аббат.

Часа через два они приблизились к подножью холмов и увидели, что там их поджидает Иоланда.

— Давайте возьмем немного севернее, — сказала она. — Я нашла извилистую долину, по которой можно подняться.

— Скоро нам придется остановиться и перекусить, — сказал аббат. — Перед тем как трогаться в путь утром, мы ничего не ели, если не считать кусочка сыра и горбушки хлеба.

— Ты когда-нибудь думаешь о чем-нибудь кроме своего огромного брюха? — спросил Шишковатый. — Дай тебе волю, и мы останавливались бы перекусить через каждые пол-лиги.

— Для путника главное — сытое брюхо, — сказал аббат. — О своем я всегда стараюсь позаботиться.

— Как только доберемся до той долины, — пообещала ему Иоланда, — найдем место, где можно будет остановиться и поесть. Там бежит ручеек и много деревьев.

Они отыскиали долину и, покинув луг, вошли в уютную рощицу на берегу ручья, который весело бежал по камням в сторону болота. У самой воды, где они устроили привал, рос лишь густой ивняк, но оба склона долины заросли огромными дубами, кленами, буками и березой.

Немного выше по течению склоны долины стали сближаться, образуя узкий овраг, подниматься по которому местами было нелегко. Уходя все дальше в глубь холмов, овраг становился все уже, а густой лес спускался по его склонам все ниже, пока кроны деревьев не сомкнулись над ручьем, превратившимся к этому времени в крохотный ручеек. Вдоль него шла едва заметная тропинка, которая то и дело перебежала с берега на берег, — идти по ней было лучше, чем по бездорожью, но не намного: тропинка была крутая и извилистая, а посреди нее торчали корни деревьев и каменные глыбы.

В середине дня они увидели развилку: от тропинки, по которой они шли, отходила другая, поменьше, поднимавшаяся по склону оврага. Иоланда остановилась и взгляделась в глубь леса.

— Стойте и ждите меня, — сказала она. — Я сейчас вернусь.

Довольные, что представился случай передохнуть, они остановились, а Иоланда начала быстро подниматься вверх по склону.

— Эта девчонка не знает усталости, — сказал аббат. — Бегаёт и скачет, как бешеная коза, и никак не утомонится.

Стоя на тропинке, Харкорт впервые заметил, как утрюм этот лес. Он громоздился над ними со всех сторон, словно пытаясь задушить их в своих объятьях. Если не считать журчанья ручейка на камнях и вздохов ветра в макушках деревьев, в лесу стояла тишина.

Вскоре на тропинке показалась Иоланда, которая бегом спускалась вниз.

— Я нашла место для ночлега, — сказала она. — Пещеру. В ней кто-то жил, но сейчас там его нет. Я думаю, он возражать не станет.

— Откуда ты можешь это знать? — спросил Шишковатый.

— А я не знаю, — ответила она. — Я только предполагаю и надеюсь.

— Возможно, мы уйдем оттуда раньше, чем кто-нибудь появится, — сказал аббат. — Кто бы он ни был, он ничего не узнает.

Они поднялись по тропинке и подошли к пещере. Она была невелика и не очень глубока. Перед ней простиралась широкая ровная площадка — продолжение каменного пола пещеры. На площадке, недалеко от входа, был устроен очаг, полный золы и почерневших головешек. В глубине пещеры стояло на поленьях самодельное подобие кровати. У дальней стены лежали три сковородки и вертел, а у самого входа были аккуратно сложены сухие дрова. Угол пещеры был выложен камнями, на которых валялось несколько кожаных мешков.

Нагнувшись, чтобы не задеть головой за низкую кровлю пещеры, аббат неуклюже вошел внутрь и уселся на кровать.

— Пожалуйста, — сказал ему Шишковатый, — будь как дома.

— А почему бы и нет? — вспыхнул аббат. — Если наш неизвестный хозяин приличный человек, он ничего не будет иметь против того, чтобы гости чувствовали себя как дома.

— Вопрос только в том, — возразил Шишковатый, — можем ли мы считаться гостями.

— Пусть этот вопрос вас не волнует, — слышался с тропинки чей-то голос. — Вы действительно мои гости, и гости желанные.

Они обернулись и увидели, что на тропинке немного ниже пещеры стоит маленький человечек. Его дочерна загорелое, гладко выбритое лицо украшали щетинистые бакенбарды. Он смотрел на них, привычно щуря глаза, окруженный множеством морщинок: видно было, что он помногу бывает на ярком солнце. Через плечо у него был перекинут пустой мешок, хотя его сгорбленная, сутулая фигура свидетельствовала о том, что ему частенько приходится таскать на спине груз и потяжелее. В руке он держал посох, какие бывают у пилигримов. Ноги у него были босые, штаны рваные, а верхнюю часть тела прикрывала овчинная куртка мехом наружу.

— Я Андре, коробейник, — сказал он. — А это мое скромное жилище. За все годы, что я здесь живу, вы первые оказали мне честь заглянуть ко мне в гости, и я рад, что вы меня посетили.

Он усталой походкой поднялся на площадку перед пещерой, остановился и внимательно посмотрел на них.

— Мы путники, — сказал ему Харкорт, — и остановились здесь совсем ненадолго.

Коробейник утер пот с лица.

— Странно. Мало кто путешествует по этим местам. Они не слишком гостеприимны.

— Меня зовут Чарлз, я из замка Харкортон на той стороне реки. Мы разыскиваем моего дядю, который пропал без вести. У нас есть основания думать, что он на Брошенных Землях. Может быть, ты что-нибудь о нем слышал?

Коробейник покачал головой:

— Ничего не слышал. Ни намек. Ни один разумный человек не станет здесь бродить.

— Мой дядя — человек неразумный, — заметил Харкорт. — Он всегда был такой.

— Ну ладно, пока оставим это, — сказал коробейник. — Вы ночуете здесь. Можете остаться и дольше, если хотите. Я сейчас разведу огонь...

— Нет, — сказал Шишковатый. — Огонь разведу я, а вот этот толстый лентяй, что сидит на кровати, пойдет собирать дрова, чтобы возместить те, которые мы сожжем. А если твоя поленница немного увеличится, это будет всего лишь ничтожной платой за гостеприимство.

— Там, где начинается эта тропа, я заметила небольшой омут, — сказала Иоланда, — и в нем плавали форели. Пойду постараюсь наловить рыбы на ужин.

Коробейник улыбнулся:

— Никогда не видел таких любезных и готовых к услугам гостей. Любой хозяин был бы рад принимать вас. Твои слуги прекрасно вышколены, — сказал он, обращаясь к Харкورتу.

— Это не слуги, — ответил Харкорт. — Это мои друзья. Тот, кого называли лентяем и кто пошел за дровами, — аббат, и, хотя он наверняка станет без конца ворчать, все что надо будет сделано.

— Тебе повезло, — сказал коробейник, — что у тебя такие друзья.

— Мне тоже так кажется, — ответил Харкорт.

Этот человек ему не понравился, и он не испытывал к нему никакого доверия: слишком хитрый у него взгляд и слишком лживый язык. При нем лучше не говорить лишнего — Харкорт не мог бы объяснить, почему у него появилось такое ощущение, но как он себя ни уговаривал, оно не исчезало.

Коробейник сбросил на кровать мешок, который нес на плече, залез в него, достал горсть каких-то безделушек и высыпал на одеяло.

— Товар у меня недорогой, — сказал он, — и торгую я больше по мелочам. Много не запрашиваю, много не получаю, но в общем кое-как свожу концы с концами.

На одеяле лежали старинная бронзовая монета, обрывок шейной цепочки, полированный агат, позеленевшее от времени кольцо с красным камнем, бронзовый наконечник копья, тоже позеленевший, и еще много всякой всячины.

— Все считают, что я круглый идиот, — сказал он, — но человек безобидный и правдивый, может быть, только потому, что слишком глуп, чтобы врать. Меня не боятся, а кое-кто мне даже доверяет. И я могу путешествовать без опаски. Мне всякий рад, потому что я приношу с собой свежие новости и иногда даже сплетни, а когда запас новостей у меня иссякает, я тут же по дороге сочиняю их столько, чтобы покупатели остались довольны.

— А кто такие те, с кем ты торгуешь? — спросил Харкорт.

— Как кто? Просто покупатели. А, понимаю, о чем ты. Что ж, скажу тебе правду. Я торгую и с людьми, и с Нечистью тоже, мне все равно. И от тех и от других барыш одинаковый.

— В таком случае, — сказал Харкорт, — ты, вероятно, сможешь оказать нам помощь. Если пожелаешь, конечно.

— Разумеется, пожелаю. Я помогаю всякому, кто меня попросит.

Шишковатый уже развел большой огонь в очаге на площадке перед пещерой, а аббат принес охапку дров и пошел за второй.

— Сначала мы поедем, — сказал коробейник, — а потом можем посидеть у огня и поболтать. Тогда вы и расспросите меня, о чем хотите.

Прекрасно, подумал Харкорт. Только чему из того, что он говорит, можно верить?

— Мы будем тебе благодарны, — торжественно сказал он, — за любую информацию, какую ты сможешь нам сообщить.

Снизу пришла Иоланда со связкой рыбы и, усевшись у огня рядом с Шишковатым, принялась ее чистить. Коробейник принес сковороду с длинной ручкой и банку жира, а аббат принес еще одну охапку дров, свалил ее рядом с поленницей и тяжело уселся у огня. Посмотрев на форель, он облизнулся.

— Хорошая рыба, жирная, — сказал он. — И свежая, прямо из ручья.

— Здесь отличная рыба, — сказал ему коробейник. — Когда у меня есть время для рыбной ловли, я всегда ее ем. — Он внимательно посмотрел на аббата. — Судя по твоей сутане, — сказал он, — похоже, что вы шли по болоту.

— Мы перешли это чертовое болото вброд, — недовольно сказал аббат. — Целого дня не хватило на то, чтобы его перейти.

— Но вы могли бы его обойти, — сказал коробейник таким тоном, что было ясно: всякий нормальный человек только так бы и поступил.

Аббат хотел было ответить, но Харкорт опередил его.

— Возникли кое-какие обстоятельства, — сказал он, — из-за которых нам показалось разумнее перейти его вброд.

— Ну да, — отозвался коробейник, — могу себе представить. Иногда действительно возникают обстоятельства, как ты это называешь. Особенно в этих местах.

Рыба уже жарилась, все сидели вокруг и смотрели.

— У нас есть сыр и хлеб, — сказала Иоланда, — и немного сала. Может быть, добавить кусочек сала к рыбе для вкуса?

— Если вам не жалко, — ответил коробейник. — Мне иногда удается выторговать сала, но я уже, наверное, целый месяц его не пробовал. Нет ничего вкуснее кусочка сала.

Иоланда отрезала несколько ломтиков и положила их на сковородку рядом с рыбой.

Сидя у огня, они поужинали. Когда с едой было кончено, коробейник сказал:

— Вы говорили, что вам нужна какая-то информация. Что вы хотели бы знать? Наверное, вас интересует, что лежит впереди?

— Верно, — сказал Харкорт. — Мы направляемся на запад. Мы слышали, что где-то в том направлении есть древний храм.

Коробейник задумался.

— Вам еще далеко идти, — сказал он наконец. — Я там никогда не был. Храма, о котором вы говорите, я не видел, но слышал о нем. Могу сказать только одно — вам нужно идти на запад и расспрашивать всех, кого встретите по пути.

— А кого там расспрашивать? — спросил Шишковатый. — Уж конечно, не Нечисть. А встретим мы там кого-нибудь кроме Нечисти?

— Там есть люди, — отвечал коробейник. — Вы найдете их в потаенных, уединенных местах. Нечисть знает, что они там живут, но не трогает их. Что вы вообще знаете о Нечисти?

— Я много дней сражался с ней на стенах замка семь лет назад, — сказал Харкорт.

— Да, это были трудные времена, — сказал коробейник. — Но обычно у Нечисти нрав не такой уж злобный. У них есть свои циклы. Было время, когда всякий мог пройти по этим местам и остаться невредимым. А иногда даже я не решаюсь показаться наружу и отсиживаюсь здесь. У них случаются периоды бешенства, а когда такой период проходит, они снова становятся всего лишь несносными, но не кидаются сразу убивать. Сейчас, мне кажется, время неудачное. Где-то на севере бродит римская когорта, а от этого у них всегда портится характер.

— Ты больше ничего не слышал об этих римлянах? — спросил аббат. — Только то, что они где-то на севере?

— Были одна-две стычки. Случайные столкновения небольших отрядов, и только. Ничего серьезного.

— Тогда вполне возможно, что ничего серьезного и не произойдет, — сказал Харкорт. — Эта когорта отправилась всего лишь на рекогносцировку. Римляне не хотят конфронтации.

— Может быть, так оно и есть. Надеюсь, что так. Почти вся Нечисть собралась у дальних границ на случай вторжения варваров — они, кстати сказать, в последнее время не очень наседают, но по-прежнему опасны. Сюда проникают только небольшие конные отряды, а больших передвижений незаметно.

— Есть здесь какие-нибудь опасные места, о которых нам надо знать? — спросил Шишковатый. — Ме-

ста, которые нам лучше бы обойти стороной? Все, что ты нам об этом можешь сказать, будет для нас очень ценно.

— В нескольких лигах к западу, за довольно большой рекой, лежит долина, где живут гарпии. Они могут охотиться и в других местах, но обычно держатся неподалеку от своей долины. Когда переправитесь через реку, держите ухо востро. Это очень злобные существа.

— А драконы? — спросил аббат.

— От драконов никогда не знаешь, чего ожидать, — ответил коробейник. — Они могут быть где угодно. Прежде чем выйти на открытое место, обязательно посмотрите на небо. И старайтесь по возможности держаться поближе к деревьям. Среди деревьев им до вас не добраться. Будьте осторожнее на мостах — это излюбленное место троллей. Но это вы, конечно, знаете.

— Знаем, — сказал аббат.

— Раз уж вы туда направляетесь, вы можете при случае порасспросить про один колодец. Древний колодец, говорят, когда-то он служил местом паломничества. Легенда гласит, что, если вы перегнетесь через полуразрушенную каменную стену, которая его окружает, и поглядите вниз, в воду, вы сможете увидеть в воде будущее. Гарантировать вам это я не могу, у меня есть кое-какие сомнения. Однако то, что про него рассказывают, очень любопытно. Я много про него слышал.

— Надо будет расспросить про этот колодец по пути, — небрежно сказал Харкорт.

Огонь догорел. Ночь уже наступила. Легкий ветерок шевелил верхушки растущих ниже по склону деревьев, которые приходились прямо против входа в пещеру. Небо на востоке посветлело, предвещая восход луны.

Коробейник поднялся с места, прошел в глубину пещеры и принялся рыться в мешках, которые лежали в выложенном камнями углу. Потом он вернулся к огню, держа в руках какой-то предмет, блеснувший в свете пламени, когда он протянул его Иоланде. Это было что-то очень красивое — по крайней мере, так всем показалось. Радужные отсветы играли на спиральной поверхности, которая заканчивалась широким рас-
трубом.

Иоланда так и сяк поворачивала предмет в руках, пытаясь понять, что это такое.

— Что это? — спросила она. — Вещь прекрасная, но что это может быть?

— Это морская раковина, — ответил коробейник, — которую привезли с берегов далекого океана. В ней все еще шумит море. Приложи к уху — и услышишь.

Иоланда с недоверчивым видом приложила раковину раструбом к уху и прислушалась. Ее глаза широко раскрылись от удивления, рот приоткрылся. Она долго слушала, а остальные смотрели на нее. Наконец она отняла раковину от уха и протянула ее аббату, который, повертев ее в руках и разглядев как следует, тоже поднес к уху.

— Боже всемогущий, — воскликнул он, — в ней заключено море! Должно быть, это и есть море, ведь я никогда его не видел. Как будто волны шумят.

Коробейник как-то зловеще усмехнулся:

— Я же сказал. А ты не поверил?

— Таким невероятным вещам я никогда не верю, — сказал аббат, — пока не удостоверюсь сам.

Он передал раковину Харкорту, и тот, поднеся ее к уху, тоже услышал шум — как и сказал аббат, он был похож на шум волн. Харкорт опустил раковину.

— Не понимаю, — сказал он. — Как может эта раковина хранить внутри себя шум моря? Даже если ее принесли с берега моря, как она может сохранять его шум?

Шишковатый протянул руку и отобрал у него раковину, но к уху ее прикладывать не стал.

— Все это бабушкины сказки, — заявил он. — Звук, который там слышен, — никакой не шум моря, а что-то еще. Я не могу этого объяснить, да и никто, наверное, не может. Только это не шум моря.

— Тогда скажи, что это, — сказал коробейник.

— Я же говорю, что не знаю, — ответил Шишковатый. — Честнее не скажешь. Но только это не шум моря.

Он протянул раковину коробейнику, но тот покачал головой.

— Нет, не мне, — сказал он. — Отдай ее даме. Это ей подарок.

Глава 13

На следующее утро они тронулись в путь поздно. Казалось, коробейнику не хотелось их отпускать. Он много болтал за завтраком, но не сказал ничего такого, что они хотели бы услышать. Когда его о чем-нибудь спрашивали, он или отговаривался тем, что не знает, или принимался рассказывать какие-то нелепые истории явно мифического свойства.

В конце концов они отделились от него и снова начали нелегкий подъем по извилистой тропинке. Солнце уже миновало зенит, когда они достигли гребня холмистой гряды. Лес здесь был уже не такой густой, как внизу, у ручья. Они сделали короткий привал и, не разжигая костра, перекусили.

— Я надеялся, — сказал Шишковатый, — что этот коробейник будет нам чем-нибудь полезен. Но мы ничего от него не добились, и это странно. Он наверняка исходил эти места вдоль и поперек и должен был много о них узнать.

— Я сразу понял, что нельзя ему доверять, — сказал аббат. — Даже если бы он сообщил нам что-нибудь важное, и то я бы ему не поверил.

— Но он не сообщил нам ничего, — сказал Шишковатый. — Болтал что-то про гарпий, но не сказал ничего толкового. Произнес несколько прописных истин о том, как прятаться от драконов, и посоветовал избегать мостов, потому что под ними живут тролли.

— Я тоже понял, что доверять ему нельзя, — согласился Харкорт. — Сразу видно, что он себе на уме.

— А эти рассказы про морскую раковину? — продолжал Шишковатый. — Как будто все чистая правда. Будьте уверены, что это неправда. Я видел море и слышал, как оно шумит. Тот звук в раковине — никакой не шум моря.

— Он, правда, сообщил нам, что храм находится где-то к западу отсюда, — сказал аббат. — Но это мы знаем и без него. Надо было спросить его про тот дворец, или виллу, где спрятана призма.

Харкорт покачал головой:

— Об этом нельзя было спрашивать. Мы раскрыли бы свои карты. И он, и кто бы то ни было другой должны знать только одно — что мы разыскиваем моего пропавшего дядю.

Покончив с едой, они отправились дальше, держась гребня холмов.

— Это заведет нас к северу, — сказала Иоланда, — но, наверное, не слишком далеко. А отсюда нам легко будет выбрать дорогу получше.

Незадолго до сумерек они остановились на ночлег. После вечерней трапезы Иоланда уселась одна в сторонке и приложила к уху раковину. Через некоторое время Харкорт поднялся с места и подсел к ней. Она отняла раковину от уха и положила ее на колени.

— Тебе она очень нравится, — сказал он. — И шум моря в ней.

— Не сам шум, — ответила она с улыбкой. — Хотя этот шум как-то странно завораживает. Но дело не только в нем. Когда я слушаю, мне чудится, что там, за шумом моря, слышен чей-то голос, который пытается мне что-то сказать.

— Какое-то волшебство? — спросил он. — Волшебный голос?

Она нахмурила лоб и задумалась.

— Ты знаешь, что такое волшебство? — не унимался он. — Можешь мне это объяснить?

— Мой господин, — отвечала она, — ты задаешь мне загадки.

— Я этого не хотел. Я подумал, что, может быть, ты сумеешь растолковать мне, что такое волшебство. Это слово очень часто приходится слышать, оно само про-

сится на язык, когда надо что-то объяснить, а никакого объяснения нет.

— И ты решил, что растолковать тебе это сможет простая девчонка. Которая время от времени бродит по Брошенным Землям и не может, или не хочет, объяснить зачем. Которая может увидеть что-то живое в куске дерева...

— Ничего такого я не думал, — сказал он, хотя тут же неохотно признал про себя, что именно таковы были его мысли. — Если я тебя обидел...

— Нет, не обидел, — ответила она и, взяв с колен раковину, вновь поднесла к уху. Харкорт понял, что она не хочет продолжать разговор, вернулся к огню и сел рядом с аббатом.

«Пока что все идет благополучно, — подумал он. — Нам пришлось иметь дело с буграми в лесу и с призраками на болоте, но с настоящими опасностями мы еще не сталкивались». До сих пор они не заметили никаких признаков Нечисти, никаких намеков на то, что Нечисть догадалась об их присутствии. Конечно, именно на это они и надеялись, но он знал, что оснований для подобных надежд у них нет.

— Гай, — спросил он аббата, — у тебя нет такого ощущения, что все идет слишком гладко?

— Да, это мне приходило в голову, — ответил аббат. — Ну и прекрасно. Впрочем, прошло пока только четыре дня.

— Может быть, я зря беспокоюсь, — сказал Харкорт, — но у меня все время мурашки по спине ползают. Такое чувство, словно кто-то за нами наблюдает. Я какой-то весь взвинченный и постоянно дергаюсь.

— Да, я это тоже чувствую, — сказал аббат, — только стараюсь об этом не думать. Не люблю накликать беду. Пока все идет хорошо — ну и ладно.

— Иоланда думает, что в раковине слышится какой-то голос, только его заглушает шум моря.

— Девичьи фантазии, — сказал аббат.

— Знаю. Может быть, и так. Только я не доверяю коробейнику. И эта раковина мне не нравится.

Аббат положил Харкорту на плечо свою тяжелую руку.

— Успокойся, — сказал он. — Не надо накликать беду.

На следующий день гребень холмистой гряды, по которому они шли, стал заметно ниже, и они оказались на нешироком плато, шедшем вдоль прибрежных гор. Дальше простирались болотистые низины, по которым они снова направились на запад.

— Мы взяли слишком далеко к северу, — сказал Харкорт. — Наверное, лучше было бы держаться холмов.

Они остановились передохнуть, и Шишковатый достал из сумки, висевшей у него на поясе, карту, которую начертил для них дядя Рауль. Он расстелил ее на земле, и они сгрудились вокруг, глядя ему через плечо.

— Тут нелегко разобраться, — сказал Шишковатый. — Масштаб не соответствует расстояниям. Но я думаю, что мы вот тут, — он ткнул пальцем в карту.

— Если ты прав, — заметил Харкорт, — то мы все еще на безопасном расстоянии к югу от римской дороги.

— От этой карты никакого толку, — сказала Иоланда. — На ней нет того болота.

— Очень может быть, — возразил Харкорт, — что дядя про него не знал. Возможно, он прошел севернее.

— До храма еще далеко, — сказал аббат, — но похоже, что он прямо на запад от нас.

— Вот вам и ответ, — сказал Шишковатый. — Значит, надо идти на запад.

Он сложил карту и сунул ее обратно в сумку.

Плато было не таким лесистым, как холмы, лес здесь был реже и мельче, время от времени попадались небольшие поляны. На некоторых из них, может быть, когда-то стояли крестьянские усадьбы, теперь давно заброшенные, но никаких признаков построек заметно не было. Такие поляны они старались пересекать как можно быстрее, внимательно глядя на небо, не покажутся ли драконы. Но драконы не появлялись. День стоял ясный, солнечный, но не слишком жаркий, на небе не было ни облачка. Иоланда, как обычно, шла впереди всех, но в пределах видимости. Вскоре после полудня она остановилась, и все подошли к ней.

— Что-нибудь неладно? — спросил Харкорт.

— Я чую дым, — ответила она и показала вперед. — По-моему, это вон в той стороне.

— Может быть, там люди, — сказал Шишковатый. — Нечисти огонь ни к чему. Они едят мясо сырым.

— Нам лучше рассыпаться в цепочку, — сказал Харкорт. — Ради бога, двигайтесь осторожно и смотрите в оба. Если это люди, надо их не спугнуть. Нам нужны любые сведения, какие можно будет от них получить.

— А если это Нечисть, — добавил Шишковатый, — то надо заметить ее прежде, чем она заметит нас.

Они растянулись цепочкой и медленно, осторожно двинулись под гору к оврагу, куда показала Иоланда. На полпути к нему Харкорт ощутил резкий запах дыма. Иоланда была права: там горел огонь. Низко пригнувшись, он продолжал спускаться по склону, то и дело озираясь по сторонам.

Услышав какой-то нечленораздельный звук, он застыл на месте и взглянул направо, откуда донесся звук. Там приник к земле Шишковатый. Увидев, что Харкорт смотрит в его сторону, он ткнул пальцем вперед, и Харкорт, посмотрев в этом направлении, увидел плывущую в воздухе тонкую голубую струйку дыма.

Он поднял руку, дал знак двигаться вперед и, пригибаясь как можно ниже, продолжал медленно спускаться под гору. Взглянув направо, он увидел, что Шишковатый тоже двинулся вперед, а за ним и аббат. Иоланды не было видно. Проклятая девчонка, подумал он, куда она делась? Вечно норовит держаться сама по себе! Но тут же он увидел ее слева от себя и далеко впереди: она перебегала от дерева к дереву, едва заметная на их фоне, — лишь что-то смутно мелькало вдали.

Он сделал еще несколько шагов вперед и остановился как вкопанный. Там, на дне оврага, горел костер. У ручейка, низвергавшегося из расщелины в склоне оврага, стояла жалкая хижина. Над водой возвышалось какое-то деревянное сооружение. «Мельница! — подумал он. — Клянусь Богом, мельница!» Мельничное колесо вертелось, сверкая на солнце, от его лопастей поднималась водяная пыль. А над колесом вращалась, качаясь во все стороны, деревянная клетка. Внутри клетки кто-то был, но кто — он разглядеть не мог. Оттуда доносились какие-то скрипучие звуки, но издавала их сама вращающаяся клетка или существо, сидевшее в ней, понять было невозможно.

Около мельничного колеса стоял на коленях человек, что-то делавший с обрубком дерева. В руках у него были молоток и стамеска. Он был стар — длинные седые волосы падали ему на плечи, седая борода спу-

скалась на грудь. Он колотил молотком по стамеске, не замечая приближения людей.

Харкорт внимательно осмотрелся. Никого больше видно не было, хотя в хижине мог быть еще кто-то. Старик на коленях продолжал колотить по обрубку.

Харкорт выпрямился и направился к старику, стараясь двигаться как можно тише. Но его опередил аббат, который величественно приближался к старику, огромный и внушительный, по узкому ровному дну оврага.

Старик бросил молоток со стамеской и вскочил на ноги. Он стоял, уставившись на аббата и готовый в любую минуту пуститься наутек. Потом, видимо, сообразил, кто может быть этот человек в сутане и с выстриженной макушкой, и бросился ему навстречу. Едва не поскользнувшись, он остановился и упал на колени, прижав к груди молитвенно сложенные руки.

— Благослови меня, отец! — вскричал он жалобным голосом. — Благослови меня!

Аббат воздел руку, пробормотал что-то по-латыни и осенил его крестным знамением. Потом он нагнулся и поднял старика на ноги.

— Я уже не надеялся, что когда-нибудь дождусь благословения Церкви, — дрожащим голосом сказал старик. — Думал, что безвозвратно погиб. Думал, что Бог обо мне забыл.

— Милосердный Господь никогда не забывает своих детей, — ответил аббат.

— Но я принял меры, — сказал старик. — Пусть я погряз в невежестве, но я кое-что придумал.

— И что же ты придумал, сын мой? — ласково спросил аббат.

— Ну, понимаешь, отец, у меня есть вон тот попугай.

— Не могу понять, откуда здесь, на Брошенных Землях, мог взяться попугай. Ты ведь сказал — попугай?

— Да, отец, попугай.

— Но скажи мне, ради Бога, какой он из себя — попугай? Я знаю много разных птиц, но никогда не видел попугая.

— Попугай, — сказал Шишковатый, — это птица, которая живет в джунглях на далеком юге. Очень красивая птица, зелено-сине-красного цвета, и при должном старании ее можно научить передразнивать человеческую речь.

— Да, это правда, — подтвердил старик. — Но это требует большого терпения и не всегда получается. Я пробовал выучить его произносить «Верую», но ему такое не под силу. Я пытался обучить его возносить молитву Божьей Матери, но тоже не преуспел. В конце концов я смог только научить его говорить «Спаси Господь мою душу», но эта глупая птица валит все слова в одну кучу.

— Да благословит меня Господь, — сказал ошеломленный аббат, — ты хочешь сказать, что научил птицу говорить «Спаси Господь мою душу»?

— Отец, — взмолился старик, — ничего лучшего мне не удалось добиться! Я пробовал и «Верую», и молитву Богоматери...

— А зачем? — спросил аббат.

— Ну как же! — отозвался старик, потрясенный тем, что аббат не может понять, зачем это нужно. — Я считаю, надо, чтобы хоть кто-нибудь мог замолвить за меня словечко перед Господом, и раз уж никого другого у меня нет, я решил, что сойдет и птица. Я сказал себе, что это все-таки лучше, чем ничего. Разве ты не согласен, отец?

— Не уверен, — сказал аббат строго. — Было бы лучше, если бы ты сам...

— Сам-то я молился, отец. Со всем старанием. Бывало, что и до изнеможения.

— Тогда зачем же понадобилась птица?

— Но ты же должен понять, отец! Я считал, что птица даст мне хоть какой-нибудь лишний шанс. А здесь, среди злобной Нечисти, лишний шанс, пусть самый крохотный, не помешает.

— Это вон та птица, что в клетке? — спросил Шишковатый.

— Да, мой добрый господин, она самая.

— А почему она в клетке? Разве она улетела бы, если бы ты выпустил ее на волю? И почему клетка подвешена над мельничным колесом? Неужели ты не мог найти для нее место получше?

— Вы поймете, почему она там, когда я вам кое-что расскажу. Эта глупая птица говорит «Спаси Господь мою душу», только когда она висит вниз головой на жердочке.

— А почему?

— Воистину, господин, это мне неизвестно, я только знаю, что это так. Мне оставалось сделать только одно. Придумать какой-нибудь способ, чтобы то и дело переворачивать птицу вниз головой. Вот я и сколотил эту клетку с одной только жердочкой, построил водяное колесо и приспособил к нему клетку. Колесо вертится, и клетка тоже вертится, так что с каждым поворотом колеса птица переворачивается вниз головой.

— Но сейчас клетка вовсе не вертится, — заметила Иоланда. — Колесо вертится, а клетка нет.

— Увы, это потому, что сломалось зубчатое колесико, что поворачивает клетку. Совсем сломалось, пополам. Я как раз тем сейчас и занят, что делаю новое колесико. Как только я его сделаю, клетка снова будет вертеться.

— Ты давно здесь живешь? — спросила Иоланда.

— Не могу сосчитать, сколько лет. Я был еще молодой, когда здесь поселился.

— И птицу с собой привез?

— И птицу привез. Она живет у меня очень давно.

— Ты хочешь сказать, что все эти годы птица вертится вместе со своей клеткой? Тебе должно быть стыдно.

— Нет, не все эти годы, — отвечал старик. — Много лет ушло на то, чтобы научить ее говорить «Спаси Господь мою душу». А перед этим мне пришлось отучить ее говорить слова, которым ее научили раньше. Я купил ее у одного моряка, а он обучил ее таким словам, от которых даже бывалый человек может упасть в обморок.

— Одного я не могу понять, — сказал Харкорт. — Зачем вообще ты здесь поселился? Всякий человек, если он в здравом уме, старается держаться подальше от Брошенных Земель.

— Я прошу простить меня, господин, — ответил старик, — но ведь и вы тоже здесь, верно?

— Мы совсем другое дело, — сказал аббат. — Мы пришли сюда с определенной целью.

— У меня тоже была цель. Я видел себя миссионером среди живущей здесь Нечисти. Я сказал себе, что моих способностей и силы воли хватит, чтобы стать святым. Я думал, что у меня хватит сил и на то, чтобы стать мучеником, если уж придется.

— Но ты не стал святым. И мучеником тоже не стал.

— Я слаб, — сказал старик. — Мне не хватило мужества. Я с этим не справился. Я хотел вернуться назад, пытался бежать, но меня не пустили, и вот...

— Кто тебя не пустил? — спросил аббат.

— Нечисть. Каждый раз, как я пытался бежать, они загоняли меня обратно. Тогда я отыскал это уединенное место и укрылся здесь. Из благочестия и молитв я хотел возвести стену, которая защитила бы мое недостойное тело и спасла бы мою душу.

— Ты больше не пытался бежать к людям? Только прятался здесь?

— Нет. Много раз пытался я бежать, но они никак меня не пускали. Я думал, мне удалось от них спрятаться, но я ошибался. Они узнали, что я прячусь здесь, и каждый раз, как я пытался убежать, загоняли меня обратно. Иногда меня заставлял вернуться сюда великан или троль, иногда гарпия, иногда кто-нибудь еще. Меня не трогали, просто заставляли вернуться сюда. Играли со мной, как кошка с мышью. Они хихикают, сидя вон на том холме, — ведь они никогда не смеются, а только хихикают. Сюда, в овраг, они не спускаются, а остаются наверху. Иногда я их вижу, хоть и редко, но я постоянно слышу, как они хихикают. Когда-нибудь они спустятся сюда, и тогда мне придет конец. Когда им надоест играть со мной, как кошка с мышью, и тогда они меня прикончат.

— Ты говорил о стене благочестия, которую пытался воздвигнуть. Твой говорящий попутай — это часть стены?

— Я делал, что мог. Я использовал все средства.

— Ну хорошо, ты обучил попутая говорить «Спаси Господь мою душу». И какая тебе может быть от этого польза? Ты же сам говоришь, что он просит Господа спасти не твою душу, а его. Он говорит «мою душу», а не «душу моего друга», или «моего хозяина», или «этого человека». Даже ты мог бы понять, что это нелепость. Ведь у попутая нет никакой души.

— Я хотел, чтобы он замолвил за меня слово, — отвечал старик. — Но нужно, чтобы слово было попроще. Мне нелегко далось его обучение даже этому, не говоря уж о таких тонкостях. Я думаю, Господь поймет.

— Ну и ну, — сказал потрясенный аббат. — Никогда еще ничего подобного не слышал.

— Он просто сумасшедший, — сказал Шишковатый. — Ни один разумный человек не отправится миссионером к Нечисти. К язычникам — да. Даже к неверным, там еще есть кое-какая надежда. Но не к Нечисти. Ведь Нечисть — совсем не то, что люди, будь они христианами, неверными или язычниками.

— Пусть я сумасшедший, — возразил старик, — но всякий сходит с ума по-своему. Я шел своим путем. И оправданий не ищу.

— Ты заблудшая и нераскаянная душа, — заявил аббат. — И заблуждения твои многочисленны и разнообразны. Начиная с того, что ты даже сейчас не понимаешь, что натворил. Сын мой, тебе за многое придется держать ответ, много пролить слез, прежде чем...

— погоди, Гай, — вмешался Харкорт. — Где же твое христианское милосердие? Этот человек представляет тот самый простой народ, который ты должен быть готов прощать. В нем непременно есть что-то хорошее. Хотя бы просто мужество — ведь он много лет прожил здесь.

— Больше того, — сказал Шишковатый, — он может быть нам кое-чем полезен. Что бы ты сказал, — обратился он к старику, — если бы мы тебе помогли? Ты бы согласился помочь нам?

— От всей души, — отвечал старик. — Только как могли бы вы помочь такому, как я?

— Ты сказал, что тебе не дают покинуть эти места, что Нечисть тебя не выпускает, а когда ты пытаешься убежать, она неизменно заставляет тебя возвращаться назад. Так вот, ты можешь уйти с нами. Мы беремся защитить тебя и...

— Ты хочешь сказать, чтобы я отсюда ушел?

— Именно это я и хочу сказать. Ты пытался уйти...

— Но это единственное безопасное место, какое я знаю, — возразил старик. — Здесь они меня не трогают. Они следят за мной, издеваются надо мной, глумятся, но пока еще не причинили мне никакого вреда. Если я пойду с вами, я окажусь ничем не защищен. Больше того, если я пойду с вами, я навлеку на вас всю их злобу, и тогда...

— Ну хорошо. Если ты хочешь остаться здесь, мы можем помочь тебе в другом. Вот эта дама искусна в резьбе по дереву. Она может сделать зубчатое колеси-

ко, которое нужно тебе, чтобы клетка вертелась. Она может сделать это быстро и искусно.

— Вот это была бы для меня большая помощь, — сказал старик. — Я мог бы сделать его и сам, только с большим трудом и не очень хорошо.

— А за это, — продолжал Шишковатый, — ты расскажешь нам о стране, что лежит к западу отсюда. Мы направляемся туда, но почти ничего о ней не знаем.

Старик покачал головой:

— Этого я сделать не могу. Я ведь говорил вам, что не выхожу из этого оврага уже много лет, мне не дают отсюда выйти. И об окружающей местности я ничего не знаю.

— Ну вот, опять ничего не вышло, — сказал Харкорт.

— Сначала коробейник, а теперь и этот, — подтвердил аббат. — От обоих нам никакого толку.

— Но все равно я ему вырежу колесико, — сказала Иоланда. — Из милосердия.

И тут что-то произошло. Харкорт не успел заметить, что именно, но он ощутил, что что-то произошло, и остальные тоже это ощутили. Все вокруг как будто мгновенно изменилось. Люди неподвижно застыли на месте, как стояли, всякие звуки внезапно прекратились, и наступила полная тишина, как будто что-то наглухо отделило их от остального мира.

Это длилось всего мгновение — может быть, не дольше, чем один удар сердца, и во всяком случае, не дольше, чем один вздох. Но что-то случилось с временем, и им показалось, что это длилось гораздо дольше, чем один удар сердца или один вздох.

Первым опомнился старик. С возгласом ужаса он подпрыгнул, повернулся в воздухе и, опустившись на землю, бегом пустился наутек, начав перебирать ногами еще раньше, чем они коснулись земли. Через мгновение он уже скрылся за поворотом оврага.

Словно какое-то шестое чувство заставило Харкорта обернуться — может быть, это и было шестое чувство, хотя потом он не мог ничего припомнить. Обернувшись, он увидел великана, который вышел из леса на поляну. Он шел вперевадку, огромный, заросший черной шерстью, отвратительный и невероятно толстый. Его раздутый живот свисал так низко, что наполовину закрывал

болтающиеся гениталии. Он был гол, а сзади тащился униженный колючками хвост.

Харкорт схватился за рукоятку своего меча, и послышался скрежет стали о ножны.

— Убери свой меч, — сказал ему великан, приближаясь. — Я вас не собираюсь трогать. Нам незачем кидаться друг на друга.

Харкорт вложил меч в ножны, но руку держал на рукоятке. Великан присел на корточки.

— Идите сюда, — сказал он. — Давайте посидим и потолкуем. Может быть, если мы поговорим начистоту, и вам и мне будет кое-какая польза. И скажите вон тому священнику, чтобы он опустил свою громадную булаву. — Он повернулся к Шишковатому. — Ты один тут разумный человек — ты даже не пытался взяться за секиру. Даже эта прелестная молодая девица — и та приготовила стрелу.

— Досточтимый великан, — ответил Шишковатый, — если бы мне понадобилось прибегнуть к секире, я бы погрузил ее в твоё жирное брюхо прежде, чем ты успел бы досчитать до одного.

Великан усмехнулся:

— Не сомневаюсь. Ни минуты не сомневаюсь. Я кое-что слышал про тебя, или про тебе подобных.

Харкорт вышел вперед и сел на корточки напротив великана. Теперь он заметил, что великан уже стар. На первый взгляд казалось, что он весь зарос черной шерстью, однако вблизи было видно, что на груди и плечах у него пробивается седина. Клыки, торчавшие из верхней челюсти, пожелтели, а на одной руке не хватало кисти: вместо нее к тупому обрубку предплечья была привязана металлическая чашка. Пальцы другой руки оканчивались треугольными, острыми, как бритва, когтями, тоже пожелтевшими от старости.

— Меня зовут Харкорт, — сказал Харкорт. — Я живу южнее у реки.

— Я знаю, кто ты, — ответил великан. — С самого начала узнал. Твоего лица я никогда не забуду. Семь лет назад мы встречались на стенах замка. — Он поднял руку, на которой не хватало кисти. — Этим я обязан тебе.

— Не припоминаю, — сказал Харкорт. — Тогда многое происходило так быстро, что слилось в памяти. Не до того было, чтобы вас разглядывать.

— Нам бы и не пришлось с вами драться, — сказал великан, — если бы мы смогли удержать тех из наших, кто помоложе и погорячее. Мы и сейчас с ними не можем справиться.

— Тебя послушать, так ты совсем миролюбивый человек.

— Ну, не такой уж миролюбивый, — возразил великан. — Вас и всех остальных я ненавижу, как только можно ненавидеть. Я бы с радостью перегрыз тебе горло. Но благоразумие заставляет меня отказаться от этого удовольствия.

— Я и мои друзья для вас не опасны, — сказал Харкорт. — Мы здесь по одному небольшому делу. Как только с ним будет покончено, мы уйдем. Мы разыскиваем моего дядю, человека крайне неразумного, который, как мы узнали, проник зачем-то на Брошенные Земли. Как только мы его найдем, мы вернемся домой. Мы не стремимся к противостоянию.

— Мы знаем твоего дядю, — сказал великан. — Большой пройдоха. Он сумел улизнуть от нас — не знаю, как это ему удалось. Я думал, он давно уже переправился на ту сторону реки. Он здесь впутался в кое-какие дела, которые его не касаются. Я надеюсь, что у вас нет такого намерения, ради вашего же блага.

— Ни малейшего! — с притворным жаром сказал Харкорт. — Я не знаю, о чем ты говоришь, и знать не хочу.

— Я должен самым серьезным образом тебя предупредить, — продолжал великан, — что если ты сказал это неискренне, то тебе конец. Не только тебе, но и всем вам — и этому святоше-аббату, который за тобой увязался, и этому пережитку древности, которого вы называете Шишковатым, и даже девице, которая, насколько я понимаю, принадлежит наполовину к вашему миру, а наполовину — к нашему. И смерть ваша не будет легкой, могу вас заверить. Ваши потроха будут разбросаны по всей округе.

— Ты начал нам угрожать, — сказал Харкорт, — и я не могу так это оставить. Если тебе так уж хочется разбросать вокруг чьи-нибудь потроха, я буду рад предоставить тебе такую возможность. Только один на один.

— Нет, нет, приятель. Я об этом сейчас и думать не хочу. Почему ты так воинственно настроен?

— Потому что ты сам слишком распускаешь язык на эту тему, — ответил Харкорт.

— Сказать по правде, — сказал великан, — неудачное время вы выбрали, чтобы явиться сюда. Хуже не бывает. По этим местам шастает банда глупых римлян. Сам факт, что они здесь, вызвал сильнейшую волну неприязни ко всему человеческому.

— Я слышал, что здесь появились римляне, — сказал Харкорт. — Я надеялся, что они сюда не пойдут. Но раз уж они здесь, я ничего не могу поделать. Даже знай я их планы, я не мог бы их остановить.

— Ты очень изящно соврал насчет римлян, — заметил великан. — Нет, нет, пусть твой меч остается в ножнах, нам незачем спорить по такому поводу. Но я убежден, что ты знал про римлян прежде, чем они сюда явились. Остановить их или повлиять на их планы ты, конечно, не мог, но знать знал. И подозреваю, что ты отправился сюда не только на поиски своего беспутного дяди, хотя винить тебя я ни в чем не собираюсь. Только, во имя мира, постарайся не будить спящего зверя. Это все, о чем я тебя прошу.

— Я чувствую, намерения у тебя неплохие, — сказал Харкорт. — И раз уж ты знаешь мое имя, я счел бы за честь узнать твое.

— Мое настоящее имя, — ответил великан, — грандиозно и многосложно до нелепости. А знакомые зовут меня Агардом.

— Спасибо, — сказал Харкорт. — Но, зная имена друзей, хорошо бы еще узнать имена врагов.

— Сказать, что мы с тобой друзья, конечно, нельзя, — сказал великан, — но мы можем хотя бы вести себя, как подобает хорошо воспитанным людям. Я пришел сообщить тебе, что мы про вас знаем и будем за вами следить. Если вы не совершите ничего плохого, мы не причиним вам вреда. Или, быть может, правильнее было бы сказать — я сделаю все возможное, чтобы вам не причинили вреда. В настоящий момент я меньше всего заинтересован в чем-нибудь таком, что могло бы разжечь страсти у нашей молодежи. Если бы удалось без лишней крови выпроводить отсюда этих бестолковых римлян, я был бы очень рад. С севера и с востока нам угрожают варвары; не хватало еще, чтобы с юга на нас напали римские легионы. Даже небольшой бойни, жертвой которой станете вы четверо, будет достаточно, чтобы раззадорить нашу несдержанную молодежь.

— Насколько я понимаю, ты намекаешь, чтобы мы покинули вашу страну.

— Откровенно говоря, я был бы очень обязан, если бы вы собрали вещички и отправились восвояси. Но, боюсь, убедить вас это сделать мне не удастся.

— Видишь ли, — сказал Харкорт, — не надо забывать про моего дядю. Я его очень люблю.

— Тогда поскорее отыщите его и уходите. И при этом, ради меня и ради себя самих, действуйте как можно осторожнее. У нас хватает забот и без вас. Старайтесь ни во что не впутываться. Держитесь подальше к югу от римской дороги. Не злоупотребляйте своим везением. И не задерживайтесь здесь.

— Именно таковы наши намерения, — заверил его Харкорт. — Задерживаться здесь мы не собираемся. Еще несколько дней — и мы или услышим что-нибудь о моем дяде, или нет. И в любом случае скоро покинем эти места.

— Ну что ж, — сказал великан, — похоже, мы поняли друг друга, и теперь мне пора. Ты, конечно, понимаешь, что этот мой визит ни в коей мере не свидетельствует о хорошем к вам отношении. Я делаю это исключительно ради собственной выгоды. Я хочу сохранить спокойствие в стране и не допустить поголовного истребления римлян — нам совершенно ни к чему, чтобы Империя навалилась на нас с тыла. Спасением своей шкуры вы обязаны чисто политическим соображениям.

— Я все это понимаю, — ответил Харкорт. — Надеюсь, что больше нам встретиться не придется, хотя было приятно побеседовать с тобой.

— Я тоже, — согласился великан. — И от всей души.

Он поднялся, демонстративно повернулся к ним спиной и начал вразвалку подниматься по склону. Все смотрели ему вслед, пока он не исчез из вида.

— Что все это значит? — спросил аббат.

— Толком не понимаю, — ответил Харкорт. — Зная Нечисть, мы всегда приписываем ей гнусные побуждения. Но в данном случае я наполовину склоняюсь к тому, чтобы отчасти ему поверить. Он уже стар и, наверное, пользуется кое-каким весом среди своих соплеменников. Он в трудном положении. У них слишком много забот на севере и на востоке, и новые заботы на юге им совершенно не нужны. Я, правда, не уверен,

что, если они расправятся с римлянами, это причинит им какие-нибудь новые хлопоты. Видит бог, легионы сейчас уже не те, какими были когда-то. Но кто может сказать, что предпримут римские политики? На мой взгляд, Брошенные Земли нужны Империи только как буфер между нею и варварами, но кто знает...

— Теперь мы знаем: Нечисти известно, что мы здесь, — сказал Шишковатый. — Наверное, они уже не первый день следят за нами. Нас всего четверо. Они бы давно нас перебили, если бы имели такое намерение и не боялись потерь.

— Они играют с нами, как с котятками, — сказала Иоланда. — Глумятся над нами. Как над этим стариком. Если бы они хотели нас убить, они бы пришли сюда и так и сделали. Наверное, они могли бы это сделать в любое время за последние три дня.

— Я думаю, — сказал аббат, — безопаснее всего было бы бросить все и бежать. Только мне что-то не хочется.

— Мне тоже, — согласился Харкорт. — Все мы должны бы перепугаться и поступить именно так, только мне почему-то не страшно. Я никогда не отличался благоразумием.

— Я тоже, — заявил Шишковатый. — По-моему, надо двигаться дальше.

— Интересно, что случилось с нашим стариком, — сказал Харкорт. — Он убежал со всех ног, как будто за ним гнались все дьяволы ада.

— Может быть, он еще чешет вовсю, — сказал Шишковатый. — На этот раз ему, глядишь, удастся улизнуть.

— Оуррк! — визгливо прокричал попугай.

— Мне кажется, нам не надо здесь задерживаться, — сказал аббат. — Нам нужно искать место, где провести ночь и где можно было бы в случае чего обороняться. Что нам делать с этой птицей? Вдруг ее хозяин решит не возвращаться?

— Давайте ее выпустим, — предложила Иоланда. — Нельзя же оставить ее в клетке, она умрет от голода.

С этими словами она направилась к мельнице и вскарабкалась наверх. Повозившись с клеткой, она отыскала шпенок, на который закрывалась дверца, и вытащила его. Попугай вылетел наружу, вспорхнул на верхнюю перекладину мельницы и забегал по ней взад и вперед, что-то бормоча про себя.

Иоланда слезла на землю.

— Как-нибудь выживет, — сказала она. — Он может питаться семенами и плодами.

— Оуррк! — прокричал попугай.

— А красивая птица, — заметил аббат. — Куда эффективнее, чем наши павлины.

Попугай поднялся в воздух и стрелой полетел к аббату. Тот попытался увернуться, но попугай уселся ему на плечо.

— Спасигосподьмоюдушу! — завопил он. — Спасигосподьмоюдушу! Спасигосподьмоюдушу!

Харкорт усмехнулся и сказал:

— Я думал, он это говорит, только когда висит вниз головой.

— Он потрясен святостью нашего друга аббата, — сказал Шишковатый.

Аббат покосился на попугая. Тот игриво щелкнул клювом, едва не достав до его носа.

— А ты ему понравился, аббат, — сказала Иоланда. — Он понял, что ты тут единственный добрый человек.

— Девушка, — строго сказал аббат, — я буду тебе очень благодарен, если ты не станешь меня подначивать.

Харкорт услышал какой-то шорох в густом кустарнике, которым зарос ближний склон оврага. Он оглянулся и увидел, как над кустами взлетело вверх чье-то тело. Раскинув руки и болтая ногами, оно на мгновение бессильно повисло в воздухе и с глухим стуком шлепнулось на землю. Харкорт разглядел длинные седые волосы и белую бороду. В том, что старик мертв, сомнений быть не могло.

Харкорт выхватил из ножен меч. Но ни в кустах, ни где-нибудь поблизости никого не было видно. Все в овраге, казалось, дремлет в лучах полуденного солнца. В тишине слышалось жужжание пчелы.

— Не повезло ему, — сказал Шишковатый. — На этот раз они решили не заставлять его вернуться.

Из кустов на склоне оврага донеслось чье-то хрипкое хихиканье.

Глава 14

Путники поспешно двинулись на запад, высматривая место, где можно было бы устроиться на ночлег.

— Хорошо бы найти пещеру, — говорил задыхающийся аббат, стараясь не отставать от Харкорта. — Или кучу камней — хоть что-нибудь, к чему можно встать спиной, если придется отбиваться.

— Может быть, и не придется. Может быть, они нас не преследуют, — ответил Харкорт, хотя, если верить мурашкам, которые так и ползали у него по спине, надеяться на это не приходилось.

— Но ведь старика... Старика-то они убили и бросили к нашим ногам!

— Возможно, это просто предупреждение. Чтобы подтвердить все, что говорил старый великан.

— Было бы только к чему встать спиной, — сказал аббат, — и тогда пусть нападают хоть всем скопом.

— Помолчи, — сказал ему Шишковатый. — Береги дыхание, нам еще идти и идти. Иоланда отправилась вперед на разведку, может быть, найдет что-нибудь подходящее.

Сначала они шли молодым лесом, который понемногу становился все гуще. Кроны огромных, величественных деревьев сомкнулись над их головами в сплошной полог, сквозь который не видно было неба, не видно было ничего. Под пологом стояла тревожная тишина: ни одна птица не пела, ни один зверек не пробегал с

шорохом под ногами. На плече у аббата, утрюмо нахотлившись, как будто подавленный этой тишиной, сидел попугай.

Харкорт думал о том, как им не повезло, что Нечисть так скоро о них узнала. Он надеялся, что, держась намного южнее римской дороги, они смогут дойти незамеченными до самого храма, а может быть, и дальше. Но теперь он понял, что надеяться на это было глупо. Он даже не мог припомнить, с чего бы у него вдруг могла появиться такая надежда. Теперь нужно было как-нибудь оторваться от преследователей, если только за ними действительно шли преследователи. До сих пор он не замечал никаких признаков их присутствия, хотя и был убежден, что они близко. Их было множество вокруг оврага, где жил старик, и Харкорт со своими друзьями явились туда, как в западню. Хотя, если старый великан сказал правду, Нечисть знала об их появлении задолго до того, как они дошли до оврага.

— Мы неправильно сделали, — сказал аббат, — что не задержались еще немного, чтобы похоронить старика, как положено.

— У нас нет времени на всякую ерунду, — возразил Шишковатый. — Он мертв, и для него ничего сделать уже нельзя.

— Я сделал все, что мог, — сказал аббат.

— Ты только зря потратил время, — сказал Шишковатый, — пока бормотал над ним и делал всякие каббалистические жесты...

— Ты прекрасно знаешь, что это никакие не каббалистические жесты!

— Замолчите оба, — сказал Харкорт. — Хватит препираться.

До захода солнца оставалось еще около часа, но в лесу стало темнеть, и хотя до сих пор стояло безветрие, теперь вдруг поднялся сильный ветер. Огромные деревья стонали, сгибаясь под его напором, по воздуху летели листья и всякий мусор.

— Гроза, — пробормотал аббат. — Только грозы нам сейчас не хватало.

— Может быть, обойдется несколькими порывами ветра, — сказал Шишковатый. — Дождя пока нет. А даже если и начнется, нам мокнуть под дождем не впервой.

Они упорно шли вперед и вперед, пригибаясь, чтобы устоять против ветра, от которого их отчасти защищал лес. В конце концов ветер утих, деревья перестали стонать и гнуться. Сквозь листву начали время от времени сверкать молнии, и откуда-то издали доносились раскаты грома.

Лес неожиданно кончился, и они вышли на берег реки. Здесь их ждала Иоланда.

— Я не могла найти то, чего вы хотели, — сказала она, — но на реке есть островок. Может быть, он годится.

— Островок — все-таки лучше, чем ничего, — сказал Харкорт. — Если покажутся великаны, мы сможем заметить их издали.

— Это какой-то странный островок, — сказала Иоланда. — Он не похож ни на один остров, какие я видела. Это кипарисовый островок.

— Кипарисовый островок? — переспросил Харкорт.

— Островок, заросший кипарисами. Там еще мрачнее, чем в этом лесу.

— В наших местах кипарисы редкость, — сказал аббат. — Они попадаются лишь кое-где, куда их завезли когда-то из далеких стран.

— Ну, выбора нет, — решил Харкорт. — Как хотите, а ничего другого нам не найти. Спасибо, что ты отыскала этот островок, — сказал он Иоланде.

Река была довольно широкая, хотя и меньше той, что служила границей Брошенных Земель. Она не спеша, величественно текла через густой лес, стоявший на обоих ее берегах. В потемневшем небе на той стороне реки все еще сверкали молнии и гремел гром.

— Ее можно перейти вброд, — сказала Иоланда. — В самых глубоких местах мне всего по пояс.

Шишковатый положил руку на плечо Харкорта.

— Кажется, я знаю это место, — сказал он.

— Откуда? — спросил Харкорт. — Ты же здесь никогда не был.

— Это верно, но оно запечатлено в моей памяти. И островок, и деревья на нем, и, кажется, сама река. Мне все это вспомнилось, а почему, не знаю. Как будто я был здесь давным-давно. Какое-то очень давнее воспоминание. Может быть, даже не я это видел, а кто-то еще.

— Память предков, — сказал аббат. — Одни говорят, что память предков существует, другие — что нет.

— До этой минуты я ни о чем таком не слышал, — сказал Харкорт. — Ты уверен, что не придумал это только что?

— Уверен, — сердито ответил аббат. — Об этом есть в книгах. Я читал.

— Ну и что нам теперь делать? Укрыться на островке или переправиться через реку и тащиться дальше? На островке мы по крайней мере сможем увидеть или услышать, что приближается Нечисть, прежде чем она на нас навалится.

— На этот счет у меня сомнений нет, — сказал аббат. — Укроемся на островке.

— Что скажешь ты? — спросил Харкорт Шишковатого.

— Я за островок, — ответил тот.

— Иоланда, а почему ты молчишь?

— Я сказала, что это странный островок, странный и путающий. Но вы правильно говорите, выбора нет.

Харкорт вошел в воду, и течение мягко потянуло его с собой. Темная грозовая туча на западе закрыла почти все небо, и стало еще темнее. Высоко над лесом, покрывавшим дальний берег реки, то и дело сверкали молнии, а раскаты грома сливались в непрерывный грохот. Первые порывы ветра, предвещавшие грозу, уже утихли, но теперь снова начал подниматься ветер, и по реке побежали волны.

Шагая по воде рядом с Харкортom, Иоланда спокойно сказала:

— Когда мы дойдем до островка, там найдется убежище.

— Убежище? — переспросил Харкорт. — Ты об этом ничего не говорила. Что за убежище?

— Там, среди деревьев, стоит какое-то здание. Не знаю, что это такое. Я не хотела говорить, оно такое древнее и зловещее.

— Какое бы оно ни было древнее и зловещее, — сказал Харкорт, — это все-таки защита от грозы.

В мрачном кипарисовом лесу, подумал он, всякое здание, даже самое обыкновенное, может показаться зловещим.

Посередине реки вода дошла ему почти до пояса, но потом дно стало подниматься. Он посмотрел назад и увидел, что аббат и Шишковатый следуют за ним. По-

пугай все еще сидел на плече у аббата, нахохлившись и глубоко запустив когти, чтобы его не сдуло ветром.

Харкорт с Иоландой вышли на берег островка и остановились, чтобы подождать остальных.

— А тебе не кажется, — спросил ее Харкорт, — что эти деревья саженные? Они стоят рядами.

— Да, мне тоже так показалось. Но я сказала себе, что это просто воображение.

— Не думаю. По-моему, они саженные. А где то убежище, о котором ты говорила?

— Вон там.

Она показала на что-то вроде аллеи, уходившей вдаль между правильными рядами деревьев.

— Тогда пойдем разыщем его, — сказал Харкорт. — Гроза вот-вот начнется.

Он повернулся и помахал рукой аббату и Шишковатому.

— Идите сюда! — крикнул он, стараясь перекрыть шум ветра. — Убежище вон там!

Не дожидаясь их, он зашагал по аллее между деревьями. Иоланда поспешила за ним.

Под деревьями стало еще темнее. Их путь освещали только вспышки молний, которые становились все чаще. В их мерцающем свете Харкорт заметил убежище. Он ожидал, что это будет всего лишь какая-нибудь жалкая маленькая хижина, но он ошибся. Здание было не маленькое и не жалкое. Это была массивная постройка из огромных каменных блоков, казавшихся черными в свете молний. Верхняя часть ее терялась среди деревьев. Два громадных каменных монолита, перекрытые третьим, столь же громадным, обрамляли портал. В мерцающем свете молний Харкورتу показалось, что на камнях вырезаны какие-то иероглифические надписи, но вспышки света были слишком кратковременны, чтобы разглядеть подробности.

Харкорт пересек вымощенную камнем площадку перед зияющим дверным проемом и вошел под арку. Вместе с ним вошла Иоланда, и тут же подошли остальные. Они стояли в дверях, глядя назад. Кипарисы, уступая жестоким порывам ветра, беспомощно клонились то в одну, то в другую сторону, как водоросли, увлекаемые бурным потоком. Внезапно обрушился ливень — сплошные завесы воды волнами двигались сре-

ди деревьев, рассыпаясь брызгами на камнях перед входом.

Сверкнула молния, осветив колыхавшиеся кипарисы, и в это краткое мгновение Харкорт увидел темный силуэт чудовищной змеи с поднятой головой, который возвышался над деревьями. Змея раскачивалась на ветру, но не следуя его порывам, а словно в такт какой-то неслышной музыке.

— Вы видели? — крикнул он, пытаясь перекрыть рев ветра и раскаты грома.

— Я ничего не видел, — крикнул в ответ аббат.

— Зайдем внутрь, — крикнул Харкорт. — Здесь мы промокнем.

Он не был уверен, что они его расслышали, но тем не менее двинулся в глубь здания и сразу же увидел слева от себя тонкую полоску света. Удивленный, он осторожно пошел вперед, нащупывая ногами дорогу. Полоска света понемногу становилась все шире. Свет был тусклый, даже в окружавшей их тьме — источником его не могла быть ни свеча, ни костер. Мягкий зеленоватый оттенок придавал ему сходство с неярким свечением гнилушки. Полоса света продолжала расширяться, и, глядя на нее, Харкорт понял, что проход, по которому он шел, ведет не в здание: совсем близко он круто изменял направление.

Харкорт остановился, глядя на полосу света и тщетно пытаясь разглядеть, что лежит за ней. Там виднелись какие-то смутные тени, расплывчатые и почти неразличимые в этом неярком свете. Его спутники молча стояли у него за спиной. В конце концов аббат сделал шаг вперед и встал рядом.

— Что это, Чарлз? — спросил он.

Шум грозы остался позади, и хотя снаружи еще доносились раскаты грома, они были не такими громкими, чтобы нельзя было расслышать слова, произнесенные обычным голосом.

— Не знаю, — сказал Харкорт. — Пойду посмотрю.

Он вытащил меч из ножен и, держа его наготове, шагнул вперед.

— Вот чудеса-то, — пробормотал аббат, следуя за ним. Харкорт ничего не ответил, но подумал про себя: «И в самом деле чудеса».

Они дошли до конца извилистого прохода, и перед ними открылось обширное пространство, которому ни

с какой стороны не было видно конца. Оно было слишком велико, чтобы быть комнатой или залом. Казалось, это целый замкнутый внутри себя мир. Мир, по-видимому, мертвый: в нем не было заметно ни малейшего движения, никаких признаков жизни, ни одного живого существа. Он производил впечатление заброшенности и пустоты, хотя кое-где и стояло что-то похожее на мебель. Прямо перед ними на некотором расстоянии возвышалось некое подобие алтаря — правда, он был совсем непохож на тот алтарь, что стоял в церкви аббатства. «Почему тогда я решил, что это алтарь?» — удивился Харкорт.

Охваченный ужасом при виде этой огромной пустоты, он, как зачарованный, сделал несколько шагов вперед и остановился. Обернувшись посмотреть, идут ли за ним остальные, он увидел, что двери позади нет. Они вошли сюда через дверь, но теперь она бесследно исчезла. Там, где она была, поднималась сплошная каменная кладка, верх которой терялся в безмерной пустоте. Лицевую сторону камней покрывали какие-то иероглифические письмена, похожие на те, что он заметил в неверном свете молний на каменных монолитах у входа.

Теперь ужас захлестнул его с головой; он как будто ощутил прикосновение чьих-то ледяных пальцев. Но это просто нелепость, сказал он себе. Ведь тут ничего нет. Зал — если только это зал, а не целый мир, — пуст. Все здесь умерло, превратилось в пыль, ничего не осталось. Он присмотрелся к иероглифам, пытаясь понять, что они изображают, — не уловить их смысл, а только разглядеть очертания, — но от этого ужас только усилился, потому что если они что-то и изображали, то ничего подобного он никогда не видел. В них было какое-то первобытное бесстыдство, от которого у него зашевелились волосы на голове.

Позади него послышался шорох. Харкорт мгновенно повернулся, держа наготове меч, но ничего не увидел.

— И не пытайся их разглядеть, — сказал Шишковатый. — Они все еще здесь, но разглядеть их не пытайся. Так будет лучше.

— Их? — воскликнул Харкорт, и его голос гулко раскатился под невидимым далеким сводом. — Кого их? Кто они? Покажи мне, где они!

Он увидел, что аббат судорожно сжимает в поднятой руке распятие, висевшее у него на поясе, лицо его напряжено, губы беззвучно шевелятся. Харкорт подумал, что, судя по движениям губ, аббат что-то говорит по-латыни.

— Убери к дьяволу свое распятие! — крикнул аббату Шишковатый.

Где-то в глубине необъятного зала чей-то голос прокричал что-то на неведомом языке, и со всех сторон донеслось эхо, повторившее возглас.

— Это Нечисть, — сказала Иоланда. — Только не та Нечисть, которую мы знаем.

— Нечисть — всегда Нечисть, — решительно сказал Харкорт. — Вся Нечисть одинакова. Нечисть есть Нечисть, и все тут.

Он взглянул на Иоланду и увидел, что ее лицо спокойно и невозмутимо. Ему показалось, что на нем появилось какое-то неземное выражение. Аббат выпустил из руки распятие, и оно раскачивалось вместе с четками у него на поясе.

Снова послышался чей-то возглас на неведомом языке, а потом откуда-то сверху донесся шелест огромных крыльев, которые бились в воздухе, не двигаясь с места, как будто кто-то никак не мог взлететь. В дальнем углу пустоты, такой необъятной, что у нее не могло быть никаких углов, вспыхнули чьи-то огромные глаза, затмив своим сиянием зеленоватый свет, заполнявший зал, и раздалось бормотанье, от которого у них по спине побежали мурашки.

— Это та Нечисть, — произнесла Иоланда, — которая пришла сюда, когда только начался мир, — еще совсем не тот мир, какой мы знаем. Когда еще вечность была молода.

Шишковатый направился к алтарю. Он шел не своей обычной походкой, не тем широким шагом, каким ходил по лесным тропам, а медленно и как-то неуклюже. И что-то еще в нем изменилось — это был уже не привычный Шишковатый с несуразным телом и кривыми ногами, а другой Шишковатый, как будто выше ростом, и шагал он хотя и неуклюже, но уверенно.

— Чарлз, мы попали в западню, — сказал аббат. — Дверь исчезла, и мы в ловушке.

Послышался свистящий шорох, словно где-то ползла большая и длинная змея, такая длинная, что шороху не

было конца. Тень мелькнула на стене — а может быть, и не на стене, потому что никаких стен здесь не было, а на фоне всепроникающего зеленоватого света, — и эта тень очень напомнила Харкорту тот огромный силуэт, который поднимался над кипарисами, раскачиваясь в такт безмолвной музыке, перед тем как гроза достигла своего апогея.

Харкорт шагнул навстречу тени. Уголком глаза он заметил, что аббат тоже шагнул вперед, стиснув в могучей руке булаву. Все правильно, подумал он. Мы должны быть мужественными и решительными. Только как могут меч и булава одолеть эту танцующую змею, чья тень лежит на стене?

Послышался гулкий, хриплый голос, который начал что-то невнятно выкрикивать, — голос повелительный и надменный, бросавший вызов всему этому залу-миру и всем, кто в нем скрывался:

— Эгонг ауд дунаг... эгхолу аму аутх д-бо... тор агнас унхл анк...

— Боже всемогущий, — сказал аббат, — ведь это Шишковатый орет!

Какое-то невидимое существо слева от них разразилось диким мяуканьем, другое бросилось наутек, топоча бесчисленными ногами, а Шишковатый, стоя перед алтарем и широко раскинув руки, продолжал выкрикивать что-то на неведомом языке.

— Она прячется здесь, ожидая, когда придет ее время, — сказала Иоланда, и голос ее был по-прежнему тих и спокоен. — Ждет, может быть, конца этого мира. Или конца самого времени, когда снова наступит хаос.

Охвативший всех ужас стал еще сильнее, он стиснул их в своих объятьях, словно стараясь задушить, — ужас перед тем существом, которое издавало шорох и виднелось тенью на фоне тусклого света, и перед тем, которое мяукало рядом, и перед тем, которое что-то бормотало в углу. Самое ужасное, подумал Харкорт, то, что не с кем сразиться, некому нанести удар мечом или булавой. Сам воздух, который они вдыхали, вызывая омерзение. По спине у них как будто ползали миллионы холодных тысяченогих гусениц. А где-то в глубине души, на гребне волны отвращения, на пределе бессильного ужаса, с глумливой усмешкой подняло свою устремляющую голову безумие. Харкорт испытывал непре-

одолимое желание задрать лицо кверху и заголосить, раздирая легкие бессмысленным воем, какой издает животное, попавшее в западню и не находящее выхода.

И все это время Шишковатый не умолкая выкрикивал звучные, непонятные слова на неведомом языке.

Харкорт услышал, как аббат, стараясь взять себя в руки, срывающимся голосом спросил:

— Иоланда, откуда ты все это знаешь?

— А я не знаю, — отвечала Иоланда. — Я только слушала ночами шорохи, которые слышатся в печной трубе. Я слушала древние легенды, сказки, что передаются испокон веков. Сказки о Древних, о тех, кто пришел из самых дальних пределов потустороннего мира. Я только слышала это, а вот он знает. — Она указала на Шишковатого. — Он знает и может их сдерживать. Услышав его, они отступают в свои тайные убежища. Потому что они сейчас не такие, какие были когда-то. Сейчас они слабы — они только ждут и копят силы к тому дню, когда выйдут на волю и снова овладеют миром.

Спаси нас Господь, подумал Харкорт. Если сейчас они слабы, то какие же они были, когда были сильны?

Неведомых существ становилось все больше — он наполовину это видел, наполовину чувствовал обнаженными кончиками нервов. В ноздрях у него стоял запах ужаса, уши улавливали смутные звуки, говорившие о том, что они собираются в толпу, готовятся к нападению, внезапному и решительному, устоять перед которым не будет никакой возможности. Да и перед чем тут можно устоять, подумал он, если не видно, куда нанести удар?

Он направился к Шишковатому, в три длинных шага оказался с ним рядом и, подняв меч, с размаху прорезал воздух. Клинок, описав дугу, блеснул в зеленоватом свете. По другую сторону Шишковатого встала Иоланда, откинув назад голову и воздев руки. Из ее уст полилась жуткая песнь-заклинание, такая же пугающая, как и сами столпившиеся вокруг неведомые существа, — песнь, которая как будто не имела слов, а вторила тем словам, что выкрикивал Шишковатый.

Далеко в глубине простиравшегося перед ними огромного пространства загорелось ослепительным золотистым огнем множество глаз — куда больше, чем раньше. Раздалось какое-то чудовищное урчание, словно

замурлыкал миллион котов, и раскаты этого шелковистого урчания сотрясли воздух. А на фоне его, сплетаясь с ним, слышался свистящий шорох щупалец, которые, извиваясь, скребли по земле, и тревожный писк невидимых во тьме гадов, и цокот скачущих копыт, и жадное сопение чудовищ, застывших в ожидании пира, сидящих, повязав салфетками шеи, похожие на ножки поганок, и хлюпающая слюной, струями стекающей по подбородкам.

Напряжение росло, ощущение опасности усиливалось. Харкорт услышал рядом с собой какое-то движение, покосился вбок и увидел, что аббат стоит с распятием в одной руке и булавой в другой. Из перекошенного рта аббата вырвалось:

— Может быть, мы и не унесем отсюда ног, но это дорого обойдется гадам.

— Они идут, — сказал Харкорт, заметив уголком глаза, как ринулся вперед весь окружающий их ужас. Несмотря на выкрики Шишковатого и заклинания Иоланды, чудища, набравшись сил, кинулись в атаку, и ничто не могло их остановить. Харкорт перехватил поудобнее рукоятку меча и сделал шаг им навстречу. Ненависть — ошеломляющая, всепожирающая ненависть — была написана на множестве кошмарных морд, которые мелькали в первых рядах наступающего ужаса, появляясь, исчезая и сменяясь новыми, еще более жуткими и гнусными.

Волна нападающих подступила к ним, вздымаясь все выше, как огромный водяной вал, — его гребень загнулся вперед над головой у людей, словно гигантская жидкая рука тянулась к ним, чтобы схватить и растерзать. И тут в воздухе прозвучал еще один голос, который перекрыл и выкрики Шишковатого, и заклинания Иоланды. Слова, которые он произносил, отличались от тех, что выкрикивал Шишковатый, хотя для Харкорта были такими же непостижимыми. Но они, видимо, оказались понятными наступающей волне чудовищ: те застыли на месте, а потом покатались назад, как отступает волна, истощившая силы в борьбе со скалами и отброшенная ими назад.

Наступила тишина. Шишковатый умолк, Иоланда прекратила свои заклинания, и неизвестный голос тоже затих. Харкорт поспешно огляделся, пытаясь увидеть того, кому принадлежал голос, но никого вокруг не

было, кроме них четверых. Что-то хрипло прокричал попугай, сидевший на плече аббата.

Зеленоватый свет померк, ослепительные глаза исчезли. Не было больше слышно ни урчания, ни шороха, ни писка. Зеленоватый свет сменился каким-то другим. Подняв голову, Харкорт увидел почти прямо над собой луну, которая светила из-за тонкой пелены быстро бегущих облаков.

Но как могла луна светить здесь, внутри здания, сквозь каменную кладку? И тут Харкорт увидел, что каменная кладка исчезла. Не было и самого здания, в которое они вошли, — вместо него вокруг лежали развалины, груды наваленных друг на друга каменных плит. Между ними росли огромные деревья, а поверхность камней покрывали выющиеся растения и заросли кустарника, мокрые листья которого блестели в лунном свете.

— Дождь кончился, — произнес аббат без всякого выражения. — Гроза прошла на восток.

— Давайте выбираться отсюда, — сказал подошедший к ним Шишковатый голосом, хриплым от крика.

— Я хочу знать одно, — сказал Харкорт. — Откуда ты знаешь...

— Сейчас не до того, — ответил Шишковатый.

Иоланда обеими руками взяла Харкорта за руку и повела его прочь из развалин. Аббат шел рядом, то и дело спотыкаясь о камни.

Харкорт вырвал у нее руку.

— Скажи мне, — начал он, — что это был за голос? Я смотрел, но никого не видел. Там были только мы четверо.

— Я тоже смотрела, — ответила Иоланда, — и тоже никого не видела. Но голос я, кажется, узнала. По-моему, это был коробейник.

— Коробейник? Но ведь он просто...

— Коробейник — чародей, — сказала Иоланда. — Только у него очень плохая слава.

— Плохая слава?

— Потому что он старается не проявлять свое могущество, — сказала Иоланда. — Он тайный чародей.

— Значит, ты его знала. Или о нем слышала. Ты знала, где его найти. Ты привела нас к нему в пещеру, сделав вид, что нашла ее случайно.

— Я знаю его уже несколько лет, — сказала Иоланда как ни в чем не бывало.

Они уже выбрались из развалин, и Харкорт обернулся, чтобы еще раз на них взглянуть. Развалины как развалины, подумал он. Точно так же выглядел бы любой разрушенный храм, любая развалившаяся крепость. Только над этими развалинами все еще стоял запах Нечисти. Бывает, что развалины выглядят чистыми и невинными, но эти казались запятнанными.

Аббат, стоявший поодаль, крикнул им:

— Идите-ка сюда, посмотрите, что я нашел.

Он явно старался, чтобы в его голосе не слышалось волнение, но это не очень ему удалось. Харкорт подошел и увидел, что на вымощенной камнем площадке лежат какие-то темные туши.

— Великаны, — сказал аббат. — Прорва великанов.

Они лежали мертвые, судорожно скорчившись, как будто пытаясь бороться с настигшей их смертью.

— Я насчитал их чертову дюжину, — сообщил аббат. — Может быть, и еще есть, которых я не заметил.

— Значит, они шли за нами, — сказал Шишковатый. — Может быть, даже по пятам. И уже почти догнали. Они навалились бы на нас сразу, как только мы остановились бы на ночлег. Вот вам и вся цена болтовне того сладкоречивого старика-великана.

— Тут бы еще один из этих — как вы их называете? — Древних, — вспомнил Харкорт. — Перед тем как мы вошли. Я его успел заметить — вроде огромной змеи, танцующей на хвосте.

— Это не обязательно тот самый, — возразил Шишковатый. — Тут все перепуталось — время, пространство и все остальное. Никто не мог знать, что произойдет. Все встало вверх тормашками, ничего подобного не должно было случиться.

— Но ты-то знал, — сказал аббат. — Ты кое-что знал. Ты встал перед этой штукой вроде алтаря и начал на них орать, и это их удержало. И еще ты велел мне бросить распятие. Ты крикнул: «Убери к дьяволу свое распятие!» Я тебе этого никогда не прощу. Никогда нельзя в таком тоне говорить о распятии.

— Не будем об этом, — повелительно произнес Харкорт. — У нас еще будет время попрекать друг друга алтарями, и распятиями, и тем, что надо было говорить и чего не надо было. Сейчас я вижу у наших

ног мертвых великанов, и мне кажется, что надо уносить отсюда ноги как можно скорее.

— Луна встала, небо очистилось, — сказала Иоланда. — Мы можем переправиться через реку и до рассвета пройти на запад лигу-другую. Лорд Харкорт прав, мы должны сделать то, что он говорит.

— А мне наплевать! — крикнул аббат. — Нельзя богохульствовать, говоря про распятие!

Смерть, настигшая великанов, была ужасна. В полутьме трудно было толком разглядеть, что с ними случилось, но Харкорт показалось, что они изуродованы так, будто кто-то хотел вывернуть их наизнанку, но не успел.

Небо быстро расчищалось — последние бегущие по нему облачка становились все реже. Воздух был промыт и свеж, кипарисы стояли прямо и неподвижно, и кругом было совсем тихо — ветер больше не шумел в их кронах. Гроза прошла, наступило затишье.

— Ты знаешь, куда идти? — спросил Харкорт Иоланду. — Можешь показывать нам дорогу? Нам надо перейти реку и направиться прямо на запад.

— Могу, — ответила она. — Прошу следовать за мной.

Глава 15

Первые лучи рассвета застигли их у подножья высокого холма, до половины заросшего лесом, а выше покрытого каменистой россыпью.

Ночной переход дался им тяжело. Перейдя реку, они брели в темноте по широкой долине. Местами приходилось продирааться через лес, а на открытых местах в высокой траве скрывались ямы с водой и трясины. Смертельно усталый и невыспавшийся, Харкорт из последних сил продвигался вперед, с трудом заставляя себя передвигать ноги. Временами он оказывался впереди аббата и Шишковатого, временами отставал от них, и приходилось делать усилие, чтобы их догнать. Иоланда порхала где-то впереди — она, казалось, не чувствовала усталости.

Они почти не разговаривали между собой: слишком велико было утомление и одолевала сонливость, так что на разговоры не хватало ни дыхания, ни сил. Поговорить было о чем, у Харкорта накопилось множество вопросов, но пришлось отложить их на более подходящее время. Он пытался размышлять про себя обо всем, что произошло, но голова у него была слишком тяжелой от усталости, и мысли путались.

Возвышающийся впереди крутой холм они увидели, как только небо чуть посветлело. Когда они наконец достигли его подножья, до восхода солнца было еще далеко, и только утренняя заря освещала местность.

Харкорт посмотрел вверх, на лысую вершину холма.
— Надо бы подняться туда, — сказал он. — На самую макушку. Оттуда мы сможем оглядеться, увидеть, не гонится ли кто-нибудь за нами и что вообще происходит вокруг.

— Никто за нами не гонится, — сказал аббат. — Те, кто за нами гнался, лежат мертвые на острове.

— Я в этом не так уверен, — возразил Шишковатый. — Кое-кто из них мог уцелеть и отправиться за нами вдогонку.

— У них на это духу не хватит, — сказал аббат. — После того, что там было, им в голову не придет за кем-нибудь гнаться.

— Мне не дает покоя одна мысль, — сказал Шишковатый. — Великаны — либо те, кто остался в живых там, на острове, либо те, которые их там найдут, — могут толком не понять, что произошло. Они могут решить, что это мы перебили великанов на острове, и возжаждать нашей крови. Я бы предложил поступить так, как сказал Чарлз, и подняться на холм.

— Но там совсем голое место, — возразил аббат. — Нам негде будет укрыться.

— Будем скрываться между камнями, — сказал Харкорт. — Отсюда они кажутся небольшими, но я думаю, там найдутся и валуны приличного размера.

— Ну, ладно, — сдался аббат. — У меня, правда, ужасно болят все мышцы, но давайте поднимемся.

Они забрались на холм, низко наклоняясь вперед, помогая себе руками, а иногда и просто становясь на четвереньки. Валуны на вершине, как и ожидал Харкорт, оказались громадными, некоторые были величиной с амбар или конюшню. Холм был выше, чем им сначала показалось, и когда они достигли вершины, перед ними открылась вся окружающая местность. Солнце стояло уже на ладонь над горизонтом, и день после вчерашней грозы обещал быть ясным.

Аббат без сил плюхнулся на землю, прислонившись спиной к валуну.

— Присаживайся, — позвал он Харкорта, похлопав по земле рядом с собой. — Посмотреть на тебя, так ты вымотался не хуже моего.

— Ты всегда слишком быстро выдыхаешься, — сказал Харкорт.

Он был бы рад усесться рядом со своим другом аббатом, но боялся, что если сядет, то тут же заснет.

— Я смотрел в оба, — сказал Шишковатый. — Драконов не видно. По крайней мере, до сих пор не было видно. Если бы Нечисть разыскивала нас, она выслала бы на разведку драконов. Или гарпий. Или еще каких-нибудь летающих существ.

— Должно быть, как раз про эти места говорил коробейник — что за большой рекой мы повстречаемся с гарпиями, — сказала Иоланда. — Драконов они, скорее всего, посылать не станут, это ленивые создания и далеко летать не любят. А гарпий послать могут.

— Пойдем посмотрим, — сказал Шишковатый Харкорт. — До макушки осталось всего несколько шагов. А потом будем по очереди стоять на страже, а остальные смогут поспать.

Аббат развязал свой мешок и принялся доставать оттуда еду, уже жуя что-то с аппетитом.

— Никогда не ложусь спать на пустой желудок, — едва выговорил он: так у него был набит рот, — если только могу его чем-нибудь наполнить.

— Я буду сторожить первая, — предложила Иоланда.

— Нет, — ответил Харкорт. — Первый буду я. До полудня продержусь, а потом разбужу кого-нибудь еще.

Слишком большой риск, подумал он, доверить Иоланде стоять на страже. Ему тут же стало стыдно от этой мысли — ведь Иоланда с самого начала верно им служила. Однако это она, ни о чем не предупредив, привела их туда, где обитают Древние; она встала рядом с Шишковатым перед алтарем; она много раз бывала на Брошенных Землях и знала, что коробейник — чародей. Помня обо всем этом, Харкорт решил, что довериться ей было бы глупо.

— Нет, — повторил он. — Я буду первый, а Шишковатый — второй.

— Очень тебе признателен, — сказал аббат. — Хотя, может быть, все равно этим бы кончилось. Если уж я сейчас засну, все фурии ада не смогут меня разбудить до самого вечера.

Попугай, сидевший на плече у аббата, издал пронзительный крик и, потянувшись, отщипнул кусочек от ломтя хлеба, который аббат поднес ко рту. Он зажал его в когтистой лапе и принялся клевать.

— Эта птица, кажется, собирается прирасти ко мне навеки, — проворчал аббат. — Он вроде как избрал меня своим хозяином. Не скажу, чтобы я был в восторге. Мне-то от него какая выгода, если не считать клещей, или блох, или что там на них водится. Может быть, кто-нибудь согласится его со мной поделить?

— Нет уж, спасибо, — ответил Шишковатый.

Попугай проглотил последнюю крошку хлеба и выговорил:

— Берегитесь великанов! Остерегайтесь проклятых великанов!

— Это его первые слова с тех пор, как мы покинули то место, где его нашли, — сказала Иоланда. — Может быть, это что-то значит?

— Он не сказал ничего особенного, — возразил Харкорт. — Про великанов мы и сами знаем. И без него остерегаемся.

— Он просто передразнивает человеческую речь, — сказал Шишковатый. — Сам не понимает, что говорит.

— И все же, все же... — сказал аббат. — Устами младенца...

— Ты совсем уже спятил, — огрызнулся Шишковатый и сказал Харкورتу: — Давай поднимемся на макушку и оглядимся вокруг.

Лежа рядом на вершине холма, они принялись осматривать окрестности.

Река шла сначала на север, потом сворачивала к западу. На севере и западе оба берега ее занимали луга, посреди которых лишь кое-где стояли группы деревьев. На юге и юго-западе вдоль реки тянулись невысокие пологие холмы, покрытые редким лесом. На востоке стоял густой лес, через который они только что прошли, чтобы выйти к реке.

— Вон там, прямо на север от нас, пасется табун одинокорогов, — сказал Шишковатый. — Больше никого не видно.

— А, теперь вижу, — сказал Харкорт. — Сначала я их не заметил. А вон там, немного восточнее, небольшая стая волков.

Они лежали неподвижно, только время от времени поворачивая головы. Наконец Харкорт сказал:

— Все как будто в порядке, беспокоиться нечего. Я останусь здесь, а ты бы вернулся вниз и немного отдохнул. Я тебя разбужу около полудня.

— Чарлз, у тебя, наверное, есть вопросы. По поводу этой ночи. Я пока не хотел бы говорить на эту тему с остальными, но ты имеешь право знать.

— Никакого права я не имею, — сказал Харкорт. — Мне, конечно, любопытно, но права я не имею. Я только очень рад, что ты смог сделать то, что сделал. Ты удержал их от нападения.

— Я полагаю, тебе необходимо это знать, и ты имеешь на это право, — сказал Шишковатый. — Мы с тобой одна семья. С твоим дедом мы дружим уже много лет, а с тобой — с тех пор, когда ты только еще учился ходить.

— Я знаю, — отвечал Харкорт. — Ты показывал мне, как птицы строят гнезда, и мы часами следили за ними, а ты объяснял мне, как они это делают, и мы размышляли о том, что они при этом могут думать. Чувствуют ли они то же самое, что чувствует человек, когда строит себе дом, чтобы защититься от стихий? Ты разыскивал для меня лисьи норы, и мы, спрятавшись, смотрели, как вылезают поиграть лисята и возятся друг с другом не хуже, чем компания деревенских детей, которая шалит и возится под деревом, пока их матери работают в поле. Ты говорил мне, как называются все деревья и травы, рассказывал, какие из них полезны, а какие опасны.

— Значит, ты помнишь, — сказал Шишковатый.

— Я рос без отца, — сказал Харкорт. — Вы с дедом были мне вместо отца.

— Твой дед знает кое-что из того, что я собираюсь тебе рассказать, — сказал Шишковатый. — Он знает, что я не человек, и все-таки он удостоил меня своего знакомства, дружбы и, я бы сказал, даже любви, будто я человек.

— Я всегда считал тебя человеком, — сказал Харкорт. — До недавнего времени мне и в голову не приходило в этом сомневаться. Потом, в один прекрасный день, я все узнал, и мне стало от этого нехорошо. Но хоть я и знаю, я все равно отношусь к тебе как к человеку. Это не изменилось. И никогда не изменится.

— Я почти человек, — сказал Шишковатый. — Может быть, в конечном счете я все-таки человек, но не совсем такой, как вы. Моя раса предшествовала вашей — на сколько времени, я не знаю. Мы долго живем на свете, во много раз дольше, чем вы. Почему это так, не

знаю. Я живу так долго, что давно потерял счет годам. Да и не считал никогда — для таких, как я, годы не имеют значения. Когда я говорю, что существа моей расы живут дольше вас, это значит — намного дольше. Может быть, тысячу лет, а иногда, может быть, и еще больше. Есть у нас и еще одна особенность. Мы взрослеем и долгое время остаемся взрослыми, но не стареем. Не становимся старыми и дряхлыми — просто уходим из жизни, когда наступает время. Мне кажется, это не так уж плохо. Не приходится страдать от того, что твое тело превращается в жалкое подобие того, чем оно когда-то было, не испытываешь унижения, видя, как наступает старческое слабоумие. У нас до самого конца прекрасная память. Я много чего помню, хоть и не говорю об этом, потому что это могло бы показаться странным. Это не только мои воспоминания, а общая память нашей расы. Когда мы разговаривали там, на острове, аббат нашел для этого подходящее слово. Помнишь, я говорил, что кое-что помню об этом острове, только это не мои воспоминания? Аббат сказал, что это память предков.

— Ты хочешь сказать, что хранишь в своей памяти воспоминания своих предков — своего отца и деда?

— Гораздо более давние, — ответил Шишковатый. — Потому что и мой отец, и как дед тоже были наделены памятью предков, и как далеко она простирается, я просто представить себе не могу. И кое-что из этих воспоминаний перешло ко мне. В том числе, может быть, и очень древние. Очень важные, те, что нужно знать, чтобы выжить или понять...

— Значит, те слова, что ты произносил там, на острове, — те, что остановили и удержали от нападения Древних...

— Я и не подозревал, что их знаю, — сказал Шишковатый. — Они сами пришли мне в голову. Как только я оказался в таком положении, когда они понадобились, они поднялись из каких-то бездонных глубин памяти предков. Они помогли мне понять, помогли выжить.

— Я таких слов никогда не слышал, — сказал Харкорт. — Ты припомнил только, как они звучат, не понимая смысла?

— Смысл их я тоже понимал. Мне кажется, я на время перестал быть самим собой и превратился в кого-то из своих предков, кому довелось сражаться с

Древними, кто бросал им в лицо те самые слова, что говорил я.

— Превратился в другого? В своего предка?

— Толком не знаю. Временами у меня было именно такое чувство. Мне еще предстоит об этом поразмыслить.

— Иоланда первая сказала мне, с кем мы повстречались. Она назвала их Древними. Она говорила, что они пришли в этот мир, когда он был еще совсем молод.

— Откуда она может это знать? — спросил Шишковатый.

— Похоже, она причастна ко многому из того, что происходит здесь, на Брошенных Землях, и нигде больше. Она сказала мне, например, что наш драгоценный корабейник — чародей. Она утверждает, что это его голос тогда присоединился к вашим.

— Значит, там в самом деле был кто-то еще, — сказал Шишковатый. — Мне показалось, что кто-то нам помогал. Я не слышал никакого голоса, но почувствовал какой-то прилив сил, когда мои уже иссякали.

— Значит, ты получил от кого-то помощь? Неважно, от кого или от чего — был ли это корабейник...

— Да, я получил помощь.

— Немного помочь могла Иоланда. Когда ты обращался к Древним, она распевала какие-то заклинания.

— Я знал, что она рядом. Я подумал — откуда она может знать эту песнь? Ведь мне почудилось, что я ее узнаю — она смутно припомнилась мне из далеких-далеких времен.

— Надо как следует за ней присматривать, — сказал Харкорт. — Слишком много она знает.

— Обо всем этом мы еще поговорим, — сказал Шишковатый. — Я ведь понимаю, что ты не мог не задуматься. Я хотел, чтобы ты это узнал.

— Есть еще одна вещь, — сказал Харкорт. — Ты знал о буграх. Ты кое-что нам про них рассказал...

— В давние времена, — ответил Шишковатый, — мы звали их Земляным Отродьем. Лучшего имени они не заслуживали. Они вырастали из почвы, как ядовитые травы, хотя они совсем не травы. Мы старались обходить их подальше. Когда я говорю «мы», это значит — не я, а мои предки, которые жили тысячи лет назад. Отродье всегда могло выкинуть какую-нибудь скверную шутку. Я думаю, это была самая первая Нечисть, какая появилась на свете. Ведь разной Нечисти было много,

целая длинная цепь. Древние пришли позже, хотя тоже очень давно. Они не дети Земли — они пришли из Пустоты. Они процветали много тысячелетий, а потом сошли на нет. Сегодня они затаились в ожидании того дня, который, как мы надеемся, не придет никогда, — дня, когда они смогут снова выйти на волю, чтобы опустошить этот мир и уничтожить все в нем живущее. То, что мы видели на острове, — лишь слабый отблеск того, чем они когда-то были. Хоть сейчас они сравнительно беспомощны, они хотели оградить от нашего вторжения свое убежище. Но Древние были не первыми — первым было Земляное Отродье. Его погубили плут и топор, лишившие его мест, где оно выводилось на свет. Что погубило Древних, я не знаю, а может быть, и никто не знает. Но они тоже сошли на нет.

— А теперь мы имеем дело с той Нечистью, которую знаем, — сказал Харкорт. — И думаем, что никакой другой Нечисти не существует.

— Есть обрывки старинных легенд, на которые не следует особенно полагаться, — сказал Шишковатый, — и в них говорится, что поначалу наша Нечисть была совсем не той Нечистью, какую мы знаем. Вполне возможно, что, когда человечество только еще появилось на свет, было такое время, когда они могли стать нашими добрыми соседями, — пусть у них свои странные обычаи, но они были заняты и иногда даже симпатичны. Но с течением времени им пришлось понемногу превратиться в Нечисть, чтобы выжить. Они могли научиться этому у Древних, которые видели в них средство продолжить древнюю традицию злой воли, завещав им хранить эту традицию, когда сами Древние погрузятся в подступавшее забвение. Но даже при этом наша Нечисть могла и не стать такой, какой мы ее знаем, если бы ее не заставил ход событий. Возможно, они были просто вынуждены это сделать, когда оказались зажатыми между варварами и римлянами. Может быть, им пришлось научиться внушать ужас, чтобы защищаться. А нынешняя их ненависть к человечеству могла зародиться — и я полагаю, что так оно и было, — тогда, когда этот бестолковый святой, который, говорят, заключен в призме, что мы ищем, попытался изгнать их из этого мира в Пустоту. Трудно осуждать их за ненависть, которую вызвали его действия. И с тех пор...

— Но наш коробейник-чародей говорил, что их ненависть и злобность то усиливаются, то ослабевают...

Шишковатый покачал головой:

— Может быть, этот чародей знает, что говорит, а может быть, и нет. Очень возможно, что нет. А возможно, что Древние, которые еще не совсем сошли на нет, время от времени начинают как-то на них влиять, внушают им приступы ярости...

— Но на острове Древние перебили великанов, которые гнались за нами.

— Не исключено, что они просто попались под горячую руку, — сказал Шишковатый. — Нечисть понять невозможно. Нам это не дано. Мы никогда не сможем представить себе ход ее мыслей.

— Но мы растревожили Древних, — сказал Харкорт. — И если все, что ты говоришь, верно, то человечеству предстоит новый кровавый цикл.

— Об этом можешь не беспокоиться, — сказал Шишковатый. — У нас вполне достаточно собственных забот, чтобы думать еще и о чужих.

И он быстро зашагал вниз по склону, туда, где отдыхали остальные, а Харкорт остался сторожить.

Он взглянул вверх, но драконов по-прежнему не было. На западе, над самым горизонтом, виднелось какое-то смутное пятнышко, но оно было слишком далеко, и что это такое, Харкорт разглядеть не мог. Видно было только, что там что-то летит. Впрочем, он был уверен, что это не дракон: неровный полет дракона он узнал бы сразу.

Примерно час спустя у подножья холма, над самым лесом, пролетела стайка фей. Солнце разноцветными радугами играло в их прозрачных крыльях. Они долетели до реки и свернули вдоль нее на запад.

Харкорт еще раз взглянул туда, где паслись единороги, но они перешли на другое место, и отыскать их он не мог. Куда-то делась и стая волков.

После того как скрылись из виду фей, никакого движения не было заметно. Если бы на севере, западе или юго-западе появилось что-то движущееся, он бы обязательно это заметил. Наблюдать за другими направлениями не было большого смысла: на востоке и юге тянулся густой лес, в котором он все равно никого бы не увидел. Тем не менее время от времени он поглядывал

вал и в ту сторону — не появится ли там кто-нибудь в воздухе.

Ему пришло в голову, что, может быть, вообще нет никакой нужды сторожить. Вполне возможно, что за ними никто не гнался. К этому времени убитых великанов на острове наверняка уже обнаружили и, несомненно, решили, что кучка людей погибла вместе с ними. Правда, их тела не были найдены, и это могло дать повод к некоторым сомнениям, но уж очень малой казалась вероятность, чтобы они могли уцелеть. Сначала Харкорт опасался, что, когда великанов найдут, Нечисть решит, будто они погибли в сражении с людьми. Но теперь, подумав, он отказался от этой мысли. Всякий поймет, что великаны погибли не от руки человека. Смерть их была ужасна и отвратительна. Нечисть, наверное, сразу догадается, как и кто мог их убить.

Может быть, впервые с тех пор, как Харкорт и его спутники вступили на Брошенные Земли, Нечисть не знала, где они. Если они будут вести себя осторожно, их присутствие и передвижения могут остаться ей неизвестными.

До сих пор им везло больше, чем они могли ожидать. Если бы они не набрали на убежище Древних, их бы, вероятно, выследили и убили шедшие за ними по пятам великаны. А во время столкновения с Древними они остались в живых только благодаря редчайшему стечению обстоятельств. Не извлеки Шишковатый из глубин памяти предков слова, сдержавшие Древних, не вмешайся вовремя коробейник (если только это был коробейник), — и их постигла бы такая же участь, как и великанов. А Иоланда — насколько помогла им ее песнь-заклинание?

Он нахмурился. Иоланда оставалась для него сплошным вопросительным знаком. Жан, ее приемный отец, всю свою жизнь был верным слугой рода Харкорттов, а перед тем Харкортам служили его предки — больше сотни лет, а может быть, и несколько сотен, припомнить точнее он не мог. Жан поручился за свою приемную дочь и сказал, что она кое-что знает о Брошенных Землях. Он не скрывал, что она имела дело с Брошенными Землями. Харкорт знал, что Жану можно доверять. А его дочери?

Эта стройная, гибкая, как тростинка, девушка, похожая скорее на мальчишку, постоянно шла впереди,

разведывая местность, находя места для ночлега, отыскивая тропы. Она выполняла все, что обещала, приносила им большую пользу, служила верно и преданно. Однако при всем том она привела их в пещеру коробейника, не предупредив, что он чародей. Она посоветовала им переправиться на остров, где стоят развалины убежища Древних, не сказав, какие опасности их там подстерегают. Конечно, она могла и не догадываться, что из-за каких-то злых чар они столкнутся с Древними. Он долго размышлял об этом, но прийти к какому-нибудь определенному выводу так и не смог.

Солнце уже высоко стояло в безоблачном небе и безжалостно припекало землю, над которой поднимались дрожащие волны горячего воздуха. Он заметил вдали на севере какое-то движение: что-то двигалось, поднимая густую пыль. Харкорт заслонил глаза от яркого солнечного света и попытался разглядеть, что это такое. Судя по облаку пыли, это мог быть скорее всего табун единорогов, но единороги белого цвета, а там виднелось что-то темное. Он потряс головой, чтобы прогнать сонливость, и протер глаза, но так и не мог понять, что там движется, и решил, что это, может быть, не так уж и важно: движение было далеко на севере и направлялось на северо-запад. На западе показалась еще одна стая фей — заметить их можно было только по радужным отблескам на прозрачных крыльях. Кроме этого, ничто больше не двигалось ни на земле, ни, если не считать фей, в воздухе.

Харкорт перевернулся на спину, чтобы дать отдых усталым мышцам, и поглядел в небо. Синее и высокое, оно, казалось, простиралось в бесконечность. «Где кончается небо? — подумал он. — Ведь должно же оно где-нибудь кончаться, все рано или поздно кончается...» Как ни приятно было лежать на спине, он снова перевернулся на живот и продолжал смотреть вокруг.

Солнце уже приближалось к зениту, когда рядом с ним улегся подошедший незаметно Шишковатый.

— Ты пришел рано, — сказал Харкорт. — Я бы продержался еще немного и дал бы тебе поспать.

— Я уже поспал, — сказал Шишковатый, — и прекрасно отдохнул. Иоланда отыскала немного сухого хвороста, который горит без дыма, и сварила чай. Попей, когда спустишься вниз, — он поможет тебе заснуть.

— Тут у меня ничего не происходит, — сказал Харкорт. — Время от времени летают феи, и что-то движется далеко на севере, а что — не могу разглядеть. Больше ничего не видно.

— Теперь буду сторожить я, — сказал Шишковатый. — Иди вниз и поспи. Скажи Иоланде, чтобы разбудила аббата задолго до вечера, пусть тоже сторожит. Все это время он лежит кверху брюхом и храпит, разинув рот, так что туда набилось полно мух.

Харкорт соскользнул по склону вниз, где Иоланда сидела на корточках у костра, который совсем не дымил. Она протянула ему кружку с чаем.

— Выпей-ка это, — сказала она. — Очень помогает. Я сейчас поджарю тебе сыр и мясо на ломтиках хлеба. Это все, что я могу сделать. Хоть что-то горячее.

Он поблагодарил ее, взял кружку и уселся, прислонившись к большому валуну. Аббат, как и сказал Шишковатый, лежал на спине с открытым ртом и раскатисто храпел. Рядом с ним, как часовой, расхаживал взад и вперед попугай, что-то бормоча про себя. Отхлебывая обжигающий чай, Харкорт смотрел, как Иоланда держит над огнем ломтики хлеба с сыром и мясом, надетые на две длинные вилки. Хлеб понемногу подрумянивался, расплавленный сыр стекал по нему и капал в костер.

— Выглядит аппетитно, — сказал он. — Ни разу такого не пробовал.

— Я думаю, тебе понравится, — сказала она. — Шишковатый сказал, что это вкусно. По-моему, уже почти готово.

Она сняла с вилок хлеб и протянула ему.

— Смотри, они горячие, — предупредила она.

Он осторожно взял хлеб и откусил кусочек. Оказалось очень вкусно. Он и не догадывался, что так проголодался, но после первого же куска почувствовал, что просто умирает от голода, и набросился на еду.

Иоланда подошла к нему и села рядом, подобрав под себя ноги. Капюшон ее плаща был откинут на спину, и роскошные золотистые волосы рассыпались по плечам. Она сидела, не сводя с него кротких васильковых глаз. Но несмотря на красоту волос и кротость взгляда, в лице ее была заметна какая-то суровость — может быть, это выражение придавали худоба и резкие очертания губ, как будто прорезанных ножом. Харкорт подумал, что на самом деле она не красива. Но в ее лице

было что-то притягательное — в него хотелось взгляды-ваться снова и снова. «Почему это так?» — спросил он себя, но ответить не мог.

— Мой господин, ты мне не доверяешь, — сказала она вдруг, едва шевельнув губами.

— Почему ты так говоришь? — спросил он, немного озадаченный ее прямотой.

— Ты не позволил мне стоять на страже, — ответила она.

— Но ведь ты не сказала нам, что знакома с коробейником. Ты привела нас к нему, сделав вид, будто случайно наткнулась на его пещеру. Ты не предупредила нас, что он чародей.

Она сама начала этот разговор, подумал он. Давно пора все выяснить.

— Тогда я не могла вам это сказать, — ответила она. — Я не уверена, что вообще стоило это говорить. Он тайный чародей. Его никто не знает и никто не признает. Он не осмеливается раскрыть свой секрет. Все эти годы он втайне оказывает всяческое противодействие Нечисти. Если бы она узнала, кто он такой, он больше не смог бы приносить пользу людям. Ему пришлось бы бежать. Иначе Нечисть напала бы на него, и даже его могучие чары не спасли бы его.

— Но ведь в конце концов он вмешался. Он явился на остров...

— Но ведь иначе мы бы все погибли, — сказала она. — Я уверена, что он все взвесил, зная, что рискует раскрыть свою тайну. Хотя риск, может быть, был не так уж велик...

— Ты хочешь сказать — он знал, что великаны будут перебиты?

— Не знаю. Возможно. Я знаю одно — что Древние, может быть, ненавидят Нечисть еще сильнее, чем людей. Они всех ненавидят, но, должно быть, не всех одинаково. Ведь Нечисть обманом узнала немало секретов, которые хранили Древние. Это было в очень давние времена, когда Древние понемногу слабели, а молодая еще Нечисть только появилась и хотела занять их место. Если бы Нечисть осмелилась ступить ногой на тот остров, Древние, как бы крепко они ни спали, поднялись бы против нее.

— Кажется, понимаю, — сказал Харкорт. — Иоланда, ты знала, что великаны гонятся за нами? И поэтому привела нас на остров, заманив туда великанов?

Ее лицо исказилось. Она хотела что-то сказать, но с усилием удержалась.

— Ну говори же, — настаивал Харкорт.

— Прости меня, мой господин! — воскликнула она умоляющим голосом. — Я не знала, я и помыслить не могла, что произойдет то, что было.

— Это был риск?

— Я чуть нас всех не погубила. Я думала, великаны не пойдут за нами на остров. Можно было найти и другие места для ночлега, где мы были бы защищены на случай нападения. Но я миновала их и привела вас на остров...

— Ты сделала это, потому что знала, что за нами гонятся великаны. Откуда ты знала, что они за нами гонятся?

— Раковина, — ответила она. — Морская раковина.

— Так вот почему ты ее слушаешь! А что она говорит тебе сейчас? Что нам делать дальше?

— Сейчас я слышу только шум моря, — сказала она.

— Значит, она не всегда с тобой разговаривает?

— Может быть, сейчас ей просто нечего мне сказать.

Харкорт доел все, что она для него приготовила, и погрузился в раздумье. Теперь он знал ответ на некоторые вопросы и был склонен верить большей части того, что она говорила. Кое-что, правда, расходилось с тем, что рассказал ему Шишковатый. Он ни слова не говорил о ненависти, которую Древние могут питать к Нечисти. Однако в этом случае он мог оказаться не прав, а Иоланда права. Его версия никак не объясняла, почему Древние перебили великанов.

Но оставался еще один вопрос, который Харкорт не мог ей задать. Кто такая эта худощавая девушка, похожая на мальчишку, которая сидит перед ним? Он чувствовал, что, если он и спросит, она может не ответить, а может быть, и сама не знает, кто она такая на самом деле.

— Ну что ж, спасибо, — сказал он. — Теперь я лучше тебя понимаю.

— Тебе надо бы поспать, — сказала она, одним легким движением встала и вновь пересела к костру.

— Да, надо поспать, — согласился он.

Следующим, что он почувствовал, было как кто-то трясет его за плечи. Он попытался отмахнуться.

— Чарлз! — позвал кто-то. — Чарлз, проснись!

Он с трудом сел и принялся обеими руками тереть глаза. Бросив вокруг затуманенный взгляд, он увидел, что трясет его Шишковатый. Иоланда и аббат сидели у костра. Попугай снова взгромоздился аббату на плечо, спрятав голову под крыло.

— Кто на страже? — спросил Харкорт.

— Я только спустился. Аббат сейчас пойдет на пост. Я хочу поговорить с вами всеми.

— Что-нибудь неладно?

— Думаю, пока нет. Но что-то созревает. Там все в движении. Целые банды Нечисти — великаны, тролли, гномы, гоблины. И все направляются на северо-запад. В воздухе полно гарпий и баньши, целые стаи фей, даже несколько драконов. Видимо-невидимо Нечисти. Но от нас они далеко. Скорее всего, не знают, что мы здесь.

Харкорт быстро поднялся. Аббат и Иоланда подошли поближе.

— Может быть, они думают, что мы погибли там, на острове? — предположил аббат.

— Возможно, — сказал Шишковатый. — Тем не менее нам нельзя здесь оставаться. Рано или поздно отсюда все равно нужно будет уходить. Судя по тому, что видно на севере и на западе, в этих местах скоро совсем не останется Нечисти. Мне кажется, мы должны попробовать прорваться. Может быть, нам удастся уйти довольно далеко, прежде чем они снова нас почувют.

— Может быть, отправимся прямо сейчас? — предложил аббат. — К тому времени, как мы спустимся с холма...

— Нет, — сказала Иоланда. — Тогда нам придется идти в темноте, и мы окажемся в невыгодном положении. Почти вся Нечисть в темноте видит лучше, чем мы. А кое-кто даже лучше, чем днем.

— Дело не только в этом, — сказал Шишковатый. — Они все еще тут, поблизости, а к утру их, возможно, уже не будет. Я думаю, нам нужно направиться прямо на запад. И попробуем идти как можно быстрее. Мы уже и так потратили куда больше времени, чем предполагали.

— Это римляне? — спросил Харкорт. — Ты думаешь, это римляне?

— Очень может быть, — ответил Шишковатый.

— Единственное, что для нас сейчас крайне нежелательно, — это открытая стычка между Нечистой и римлянами, — сказал Харкорт. — Тогда пламя охватит весь мир. Великан, с которым мы говорили...

— Мы не можем ему верить, — перебил его аббат. — Он уверял, что мы будем в безопасности, если будем вести себя тихо. А за нами гнались великаны.

— Не могу утверждать, что это его вина, — возразил Шишковатый. — Он мог говорить вполне искренне. Вы же помните — он объяснил, что они не могут держать в узде молодые горячие головы. Он сказал, что если бы не они, не случился бы и тот набег семь лет назад.

— Все дело в том, — сказал Харкорт, — что кроме самих себя мы не можем доверять никому. Нас всего четверо во враждебной стране.

Глава 16

На следующее утро все пространство к северу и западу от их наблюдательного пункта на вершине холма казалось совершенно безжизненным. На земле не было заметно ни малейшего движения, никто не показывался и в небе. Как только окончательно рассвело, они двинулись вниз по склону.

Они шли без остановки весь день и расположились на ночлег в укромном уголке на берегу ручья, в котором удалось поймать немного рыбы на ужин. Ночь прошла спокойно, и на следующий день задолго до восхода солнца они уже тронулись в путь.

Погода выдалась отменная, и преодолевать горы больше не приходилось. Время от времени на пути попадались холмы, но Иоланде, которая постоянно держалась немного впереди, каждый раз удавалось отыскать между ними какую-нибудь пологую долину, где идти было легко. Высокий холм позади, который послужил им наблюдательным пунктом, опускался все ниже за горизонт, пока во второй половине дня совсем не исчез из вида. По расчетам Харкорта получалось, что они двигаются большей частью прямо на запад, лишь немного отклоняясь к северу. Заметив это, он подумал, что Иоланда, наверное, знает, куда их ведет.

Примерно через час она остановилась и подождала, пока они поравняются с ней. Когда они подошли, она показала на какой-то столб, стоявший у самой тропы и

наполовину скрытый зарослями бурьяна. На нем, держась на одном-единственном гвозде — остальные давно съела ржавчина, — висели остатки деревянной доски. Половина ее сгнила и отвалилась, но другая, с заостренным в виде стрелки концом, еще оставалась на месте, хотя и заметно покосилась. Стрелка указывала в ту сторону, куда они шли. На доске когда-то, очень давно, были вырезаны буквы, ставшие теперь едва заметными. Кроме того, уцелела только часть надписи — лишь самое начало. Харкорт сошел с тропы и присмотрелся к доске. Ему удалось разобрать три буквы — «КОЛ»: остальное безнадежно стерлось от времени.

— «КОЛ», — сказал он. — Не слишком вразумительно. Впрочем, это неважно. Все равно того места, куда показывает стрелка, наверное, уже давно не существует.

— Может быть, это Колодец Желаний? — предположил аббат. — Кажется, коробейник что-то говорил о нем.

— Конечно, — подтвердила Иоланда. — Должно быть, это тот самый и есть. Он говорил, что, если заглянуть в него, увидишь будущее.

— Все это чепуха, — сказал аббат. — Нельзя увидеть будущее, глядя в колодец.

— Возможно, стоило бы попробовать, — возразил Шишковатый. — Не было еще на свете людей, которым нужнее было бы знать будущее, чем нам сейчас.

— Могу тебе сказать, что ты там увидишь, — стоял на своем аббат. — Собственную физиономию, и больше ничего.

— Но ведь мы все равно направляемся в ту сторону, — сказал Харкорт. — Так что идем дальше. Если найдем Колодец Желаний, можно будет посмотреть, что в нем видно. А если не найдем, ничего не потеряем.

Не пройдя и лиги, они увидели Колодец Желаний. Он находился посреди обширной поляны. Его окружала каменная стенка по пояс высотой. Стенка прекрасно сохранилась: камни, аккуратно уложенные на известковом растворе, были все на месте. Рядом стоял колодезный журавль, который покосился, как пьяный, и грозил вот-вот упасть. На том его конце, где когда-то была привязана веревка с ведром, теперь ничего не осталось.

По другую сторону колодца рос могучий древний дуб, а на одной из его ветвей, которая свешивалась над

колодцем, стоял, с трудом удерживая равновесие, троль необыкновенно неказистого и жалкого вида. На нем были драные короткие штаны, а из его куртки мехом наружу во все стороны торчали какие-то клочья, она была покрыта грязью и вся в репьях. Увидев людей, он от удивления разинул толстогубый рот с поломанными клыками. На шее у него болталась веревочная петля, а конец веревки был привязан к ветке, на которой он стоял.

— Это еще что такое? — буркнул аббат. — Помилуй Бог, этот троль определенно собирается повеситься.

— Я пальцем не шевельну, чтобы его остановить, — заявил Шишковатый. — Валяй действуй, — сказал он троллю. — Не обращай на нас внимания. Прыгай!

— Если он отвязал свою веревку от журавля, — заметил Харкорт, — то можно не беспокоиться: она должна быть совсем гнилая и наверняка лопнет от его веса.

— Отойдите! — пронзительно завопил троль. — Не пытайтесь меня остановить! Я не хочу, чтобы меня спасали!

— И не подумаем, — сказал Шишковатый. — Мы таких, как ты, не спасаем. А если надо, можем даже потянуть тебя за ноги, когда ты уже будешь висеть, чтобы ускорить дело. Это все, что я готов для тебя сделать.

— Но это грех! — возразил аббат. — Грешно обрывать свою жизнь собственной рукой. Наша жизнь принадлежит не нам, а Господу Богу.

— Если речь идет о тролле, — заметил Шишковатый, — то я в этом сильно сомневаюсь.

— Я не желаю жить! — вопил троль. — Мне больше незачем жить! Мой мост...

— Я не совсем согласен с моим другом Шишковатым, — сказал Харкорт, — и не настаиваю, чтобы ты поскорее прыгнул, но ради Христа сделай хоть что-нибудь. Или прыгай, или слезай с дерева. Пора как-то кончать.

Троль прыгнул. Высоко подскочив над веткой, он полетел вниз, волоча за собой веревку, и тяжело плюхнулся на землю, перевернувшись на спину. Рядом с ним лежал изрядный кусок веревки. Все четверо подошли к нему.

— Ничего не получилось, — сказал Харкорт с досадой. — Он не рассчитал длину веревки.

— Он с самого начала только притворялся, — сказал Шишковатый. — У него и в мыслях не было вешаться.

Аббат покачал головой.

— Нет, не думаю. По-моему, он просто глуп.

Харкорт шагнул вперед, взялся обеими руками за свисавшую с ветки веревку и дернул. Веревка лопнула.

— Я так и думал, — сказал он. — Это веревка с журавля, она бы его все равно не выдержала.

Он швырнул конец веревки троллю, который пытался сесть.

— Можешь попробовать еще раз, — сказал он, — если уж ты так решил, только смысла в этом я не вижу.

И тут Иоланда крикнула:

— Дракон!

Харкорт резко повернулся, выхватил меч из ножен и увидел, что сверху на них камнем падает чудище. Оно летело с огромной скоростью, вытянув вперед когтистые лапы и злобно разинув клюв. Чтобы не задеть за дерево, под которым они стояли, дракон так круто накренился, что почти коснулся крылом земли.

Харкорт изо всех сил взмахнул мечом, держа его в обеих руках и целясь в хищную голову. Сталь звякнула о твердую чешую, и что-то ударило его в бок. Он упал и покатился в сторону, пытаясь избежать нацеленных на него когтей.

В следующее мгновение дракон скрылся из вида, и Харкорт вскочил. Он увидел, что аббат бежит куда-то из-под дерева.

— Не выходи! — крикнул Харкорт. — Не выходи на открытое место!

Услышав его голос, аббат обернулся и махнул рукой. Ругаясь про себя, Харкорт кинулся к аббату — надо же защитить этого старого осла.

— Смотри! — крикнул аббат, показывая рукой вперед.

Харкорт посмотрел в ту сторону, куда показывал аббат, и увидел дракона — но не в воздухе, а на земле: он изо всех сил хлопал крыльями, пытаясь подняться.

— Он зацепился за дерево! — кричал аббат. — И свалился! Теперь он от нас не уйдет!

Харкорт бросился вперед, к дракону. Краем глаза он увидел сбоку от себя Шишковатого, который бежал в том же направлении, подняв секиру. За спиной у Харкорта пыхтел аббат, стараясь не отставать. Иоланды видно не было.

Теперь дракон уже был на ногах и развернулся им навстречу. По-видимому, он остался невредим. Но чтобы взлететь, ему нужно было разбежаться. Харкорт увидел, что с шеи у него свисает веревка.

— Он мой! — воскликнул он. — Я сам с ним управляюсь. Он принадлежит мне!

— Как бы не так! — рявкнул аббат. — Он принадлежит нам обоим. Я тоже имею на него право.

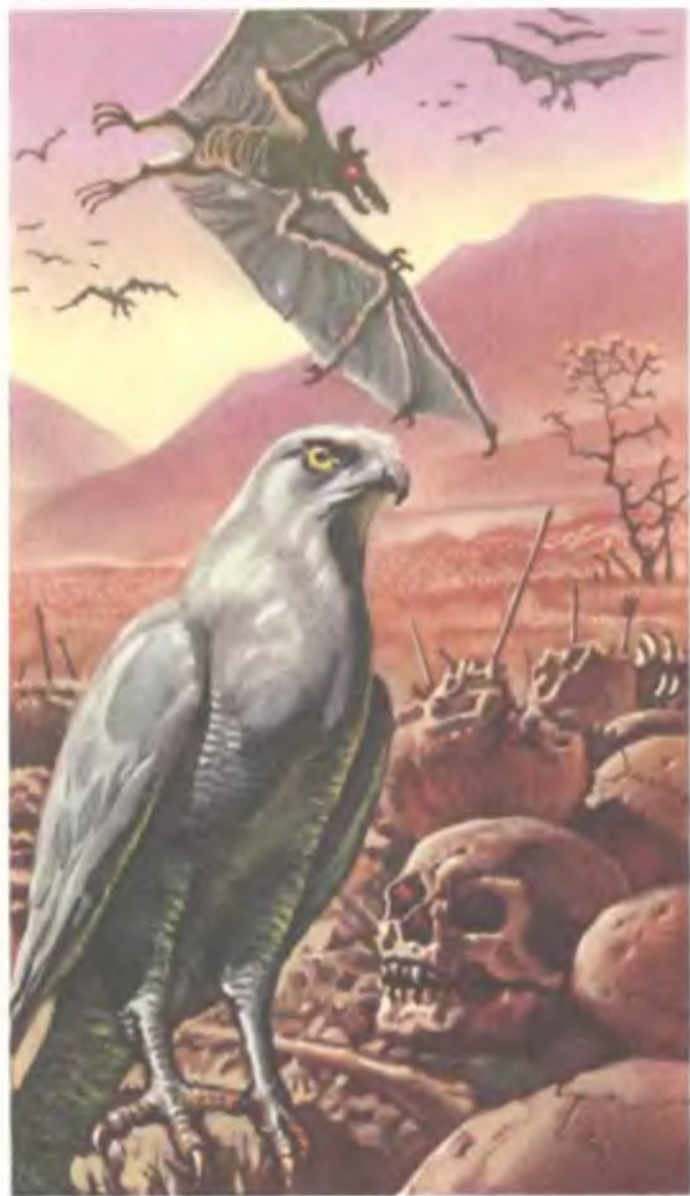
Дракон поднялся на дыбы, вытянув длинную шею и высоко задрал голову, и сделал выпад клювом в сторону Харкорта. Тот услышал, как что-то просвистело у него над головой. Сразу же вслед за этим послышался тупой удар, и Харкорт увидел, что из шеи дракона торчит стрела.

Дракон пришел в ярость. Голова его метнулась вверх и снова опустилась, едва не достав до Харкорта. Хвост с шипом на конце со свистом дергался в воздухе из стороны в сторону, когти глубоко вонзались в землю, отбрасывая комья дерна.

Харкорт еле увернулся от удара клювом и нанес удар мечом, целясь в вытянутую шею дракона. Клинок плашмя скользнул по чешуе на его затылке и отскочил от нее с такой силой, что меч чуть не вылетел из рук у Харкорта. Голова дракона повернулась к нему, и последовал новый выпад. Клюв задел ногу Харкорта, он покачнулся и сделал шаг назад. На голову чудовища обрушилась тяжелая железная булава. Голова дернулась назад, сделала новый выпад и утонула аббату прямо в грудь, отшвырнув его в сторону. Лежа на земле, аббат пытался дотянуться до булавы, выбитой у него из руки. Попутай, нашедший безопасное убежище на дереве, испускал пронзительные крики.

Собравшись с силами, Харкорт снова бросился вперед и встал над своим другом, высоко подняв меч. Голова дракона метнулась в его сторону. Клинок попал по клюву и снес его долой. Обезоруженная голова обрушилась на грудь Харкорта, сбила его с ног, и он свалился на аббата. В воздухе снова просвистела стрела, которая вонзилась дракону в глаз. Из орбиты что-то

брызнуло и потекло по драконьей морде. Голова снова взметнулась вверх, но на шее у дракона уже сидел верхом Шишковатый, прочно обхватив ее ногами и занося секиру. Секира опустилась, поднялась и снова опустилась. Дракон осел на землю.

Харкорт с трудом поднялся на ноги. Вся левая сторона у него болела от удара массивной головы. Дракон, дергая хвостом из стороны в сторону, лежал на земле с напополам перерубленной шеей, придавив собой Шишковатого. Харкорт протянул ему руку и помог высвободиться.

— Это было отчаянное безрассудство, — сказал он.

Шишковатый ничего не ответил и отошел в сторону, все еще сжимая в руке окровавленную секиру.

Аббат встал, поднял с земли свою булаву и замахнулся.

— Уже все, — сказал ему Харкорт. — Кончено.

— Мне здорово досталось, — сказал аббат.

Из-под дерева вышла Иоланда, держа в руке лук со стрелой наготове. Харкорт встал на одно колено, чтобы вытереть о траву клинок. Правда, крови на нем почти не было. Он с трудом поднялся на ноги.

— Мой господин, ты ранен, — сказала Иоланда.

— Да нет, это просто ушиб, — ответил он.

По телу дракона еще пробегали судороги, но торчавшие вверх когтистые лапы уже не шевелились, а хвост с шипом на конце был неподвижен. Веревка, привязанная к его шее, спокойно лежала на земле.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Харкорт Шишковатого.

— Только оглушен немного, — ответил тот. — Когда падал.

— Почему никто не спросит, как я себя чувствую? — воскликнул аббат.

— Ну хорошо, как ты себя чувствуешь? — спросил Харкорт.

— Прекрасно, — ответил аббат. — Немного помят, но чувствую себя прекрасно. Но ты мог бы и поинтересоваться.

— Я поинтересовался, — сказал Харкорт.

— Только после того, как я тебе напомнил.

— Нам всем изрядно повезло, — сказала Иоланда.

— Ничуть не повезло, — возразил аббат. — Это все дело наших рук.

— Не наших, — заметил Харкорт. — Все сделал Шишковатый.

— Всякий делает, что может, — отозвался Шишковатый. — И как может.

— Теперь этой истории конец, — сказал аббат. — Той, что началась много лет назад, когда двое двенадцатилетних мальчишек вздумали поймать дракона.

— Как ты думаешь, помнил он об этом все эти годы?

— Кто знает? — ответил аббат.

Попугай слетел с дерева, опустился на неподвижную тушу дракона и принялся расхаживать по ней взад и вперед, издавая громкие крики и хлопая крыльями.

— Мы можем уже не праздновать победу, — сказал Шишковатый. — Птица нашего аббата делает это за нас.

— Это не моя птица, — недовольно отозвался аббат. — Скорее я ей принадлежу, чем она мне. Я аббат этой птицы. Она ездит на мне, как на лошади. Она требует, чтобы я ее кормил, и нахально гадит мне на сунану. Никакого уважения.

— Надо двигаться дальше, — сказала Иоланда. — Если мы задержимся здесь, мы можем привлечь к себе внимание.

— Это верно, — согласился Харкорт. — Надо идти дальше.

— Ты хромаешь, — сказал Шишковатый. — Тебе под силу будет дальняя дорога?

— Я же говорю, что это только ушиб, — ответил Харкорт. — Кажется, это была голова дракона, но точно сказать я не могу. Слишком быстро все произошло.

— А где наш приятель тролль? — спросил аббат.

— Исчез, — ответила Иоланда. — Как только началась битва. Последний раз, когда я его видела, он во все лопатки улепетывал в лес. На шее у него все еще была веревка, а конец ее он держал в руке.

— Будем надеяться, — сказал Шишковатый, — что он еще найдет себе хороший, крепкий сук и что на этот раз веревка выдержит.

Иоланда двинулась в сторону леса, окружавшего Колодец Желаний. Дойдя до опушки, она остановилась и подождала их.

— До сих пор мы шли точно на запад, и Нечисть это знает, — сказала она. — Если кто-нибудь из них набредет на дракона — а это наверняка случится очень скоро, — они подумают, что мы все еще идем на запад, и будут искать нас там.

— Ты хочешь сказать, что нам нужно изменить направление? — спросил Шишковатый.

— Не совсем, — ответила она. — Ненадолго. Но я думаю, что некоторое время мы должны идти к северу.

— Но там может быть опасно, — возразил аббат. — Когда мы смотрели с верхушки холма, было видно, как толпы Нечисти движутся на север и на запад. Нам с ними встречаться ни к чему.

— Я пойду впереди и буду смотреть в оба, — пообещала она. — Если поблизости окажется Нечисть, я ее почую. И потом, нам не придется долго идти на север. День-другой, и все.

— Но, прежде чем мы отправимся в путь, — сказал Шишковатый, — нужно еще кое-что сделать. Мы же у Колодца Желаний. Надо в него заглянуть. Хотя бы попробуем узнать наше будущее.

— Загляни, если тебе так хочется, — сказал аббат. — Что до меня, то я отказываюсь. Все эти гадания по колодцам — сплошные глупости.

— Пока ты будешь глядеть в колодец, — сказал Шишковатому Харкорт, — я отвязу веревку с шеи дракона. Он долго ее носил. Она моя.

Он повернулся и зашагал назад, туда, где лежал дракон. Как давно это было, подумал он. И какой маленький был тогда этот дракон — ничуть не больше двенадцатилетнего мальчишки, который попробовал его поймать. Но даже тогда он злобно шипел и кидался — видно было, что шутить с ним не стоит.

Харкорт подошел к дракону и отвязал у него с шеи веревку. Петля уже совсем истерлась и только благодаря какой-то случайности еще держалась на шее. Очень скоро веревка должна была лопнуть и свалиться.

Харкорт постоял минуту в раздумье, потом бросил веревку и пошел прочь. Пусть остается дракону, сказал он себе. Он долго ее носил, теперь она принадлежит ему по праву. Когда-то, пусть и не намеренно, я сам отдал ее дракону в подарок. А то, что дарят, обратно не берут. И грабить мертвое тело нехорошо.

Шишковатый вернулся от Колодца.

— Что же ты видел? — спросил Харкорт.

Шишковатый поморщился.

— Самого себя, — ответил он.

Глава 17

Разводить на ночь огонь они не стали, а перекусили тем, что взяли с собой, и запили водой, которую черпали пригоршнями из крохотного родника. На ночлег они устроились в глухом лесу между двух пологих холмов. Огромные деревья теснились вокруг, и где-то поблизости всю ночь ухала сова.

Харкорту приснилась Элоиза. Он стоял на усыпанной цветами весенней лужайке, рядом с лошадьё, на которой сидела она, и смотрел на нее снизу вверх. Вокруг были другие всадники, все они собирались в какое-то долгое путешествие и спешили тронуться. Но он решил, что не даст им уехать, пока не разглядит как следует ее лицо. Легкий весенний ветерок растрепал ей волосы, и прядь их закрыла ее черты. Каждый раз, когда ему казалось, что он вот-вот их разглядит, новый порыв ветра опять бросал прядь волос ей на лицо, и снова он не мог его разглядеть. Элоиза сидела молча, без улыбки, не пытаясь поднять руку, чтобы отвести с лица эту прядь и помочь ему.

— Элоиза! — воскликнул он. — Элоиза!

Но не успел он произнести ее имя, как всадники тронулись с места и поехали прочь, и она вместе с ними. Он побежал рядом с ее лошадьё, но та шла быстрым шагом, а у Харкорта что-то случилось с ногами: они не двигались как обычно — казалось, он идет по колену в быстро бегущей воде. Он умолял Элоизу подождать,

но она ждать не стала, и он все больше отставал. Наконец он остановился и, посмотрев вслед всадникам, увидел, что они пустили лошадей вскачь и быстро удаляются. Он пытался следить глазами за Элоизой, но тут же потерял ее из виду, хотел ее найти, но не мог — она затерялась среди всадников. Он стоял неподвижно, пока они не скрылись из вида и лужайка не опустела. А когда он повернулся, чтобы направиться домой, то увидел, что оказался в какой-то незнакомой стране.

Неподалеку виднелся замок, но не такой, какие ему доводилось видеть. Этот замок был похож на сонное видение, он как будто висел в воздухе, и все его шпили и стройные башни тоже висели в воздухе над ним, между небом и землей, как будто не были его частью. Слева от Харкорта простиралось поле спелой пшеницы, по которому мерно двигались цепочкой, сверкая косами, косари, а женщины укладывали снопы в копны. За полем начинался фруктовый сад, где множество людей карабкалось по деревьям, собирая плоды, а под деревьями валялись ведра и корзины, которые им предстояло наполнить и отнести домой. Откуда-то справа до него донеслись крики; он обернулся и увидел свинопасов, которые, размахивая палками и перекликаясь, загоняли свиней.

Теперь Харкорт как будто начал припоминать это место, показавшееся ему сначала незнакомым. Когда-то он его уже видел. И тут он вспомнил: он видел его на миниатюре, украшавшей одну из страниц часослова, который подарила ему Элоиза. Это был тот самый рисунок, только оживший. Его сердце радостно забилося, и он побежал к замку. Ведь там была Элоиза, там он найдет ее и, найдя, вновь увидит ее лицо. Но как он ни старался, он не мог сдвинуться с места. Замок все так же стоял неподалеку, не приближаясь и не отдаляясь, и по-прежнему казалось, что он висит в воздухе между небом и землей. Харкорту нужно было попасть в замок, ему обязательно нужно было войти в ворота и обойти все шпили и башни в поисках Элоизы, зовя ее, чтобы она знала о его приходе и вышла ему навстречу. Он изо всех сил пытался бежать быстрее, размахивая руками в такт бегу, подавшись всем телом вперед, задыхаясь от усилий.

Позади послышался чей-то крик. Харкорт оглянулся через плечо и увидел, что компания всадников, вместе с которой уехала Элоиза, поспешно возвращается. Лошади скакали во весь опор, всадники сидели, пригнувшись к их шеям, и погоняли их изо всех сил. Впереди с

развевающимися на ветру волосами скакала Элоиза, погоняя лошадь и что-то крича, как и все остальные.

Они неслись прямо на него, и он понял, что они хотят его затоптать. От страха у него захватило дух, он сделал сверхчеловеческое усилие и освободился от чар, которые удерживали его на месте. Он пустился бежать, петляя, как затравленный заяц, а позади, все ближе, раздавался топот копыт, сверкали подковы, скалились зубы. Он задыхался, как будто кто-то огромной рукой стиснул его грудь.

Он споткнулся, упал... и проснулся, все еще задыхаясь от сумасшедшего бега, в той самой позе, в какой упал.

В лесу презрительно кричала сова. Где-то в темноте хихикал про себя попутай аббата. Над головой качались деревья, и сквозь листву время от времени становился виден яркий, холодный блеск звезд. В лесу было темно и страшно.

Он приподнялся на локте. Рядом на земле виднелся какой-то сгусток темноты. Наверное, Шишковатый, подумал он. Не может быть, чтобы это был аббат, попутай наверняка где-то рядом с ним, а его хихиканье доносится совсем с другой стороны.

Харкорт сбросил одеяло и встал. Послышались чьи-то шаги, он обернулся и схватился за меч.

Послышался голос аббата:

— Что случилось, Чарлз?

Попутай что-то проворчал.

— Ничего особенного, — сказал Харкорт. — Мне приснился сон.

— Плохой сон?

— Тревожный сон. Я видел Элоизу.

Аббат придвинулся ближе — бесформенный силуэт в темноте.

— Чарлз, не стоит питать слишком большие надежды. То, что рассказал твой дядя...

— Я знаю. С самого начала знал. Об этих местах много чего рассказывают. Но у меня все-таки появилась надежда.

— Ты должен быть готов испытать разочарование.

— Знаю, Гай. Но я изо всех сил цепляюсь за эту надежду. И все же...

— И все же? Что значит — и все же?

— Во сне Элоиза хотела меня затоптать. Не она одна, и другие тоже, кто был с ней, но она была впереди всех. Они скакали прямо на меня, а я убегал.

— Слишком тяжелым грузом лежит Элоиза на твоей совести, Чарлз. Ты слишком часто о ней думаешь. Ты винишь себя за то, в чем нет ничьей вины. Ты стараешься чаще о ней вспоминать, как будто это какое-то искупление. Может быть, вспоминая ее, ты просто стараешься сохранить надежду.

— Там, в болоте, я слышал множество голосов. И они говорили об Элоизе.

— Я тоже их слышал, — сказал аббат. — Ни о какой Элоизе они не говорили.

— С тобой они и не стали бы о ней говорить.

— И с тобой не говорили. Тебе показалось, что ты слышал ее имя, потому что его подсказали тебе воображение и чувство вины. Чувство, которого ты не должен испытывать, потому что здесь нет никакой твоей вины. Чарлз, долго еще ты будешь себя мучить?

— Я не считаю, что это мучение.

— Ну, конечно, ты считаешь, что это вечное преклонение перед женщиной, черты которой не сохранились в твоей памяти. Ты живешь, как монах, неся покаяние за то, что не требует покаяния. Попытайся сбросить с себя эту ношу.

— Гай, ты безжалостен. Ты не...

— Мое призвание, — сказал аббат, — временами не допускает жалости.

— Может быть, мы с тобой сделали ошибку? — спросил Харкорт. — Может быть, мы зря дали своим чувствам увлечь нас в это отчаянное предприятие? Я — ради Элоизы, ты — ради своего заколдованного святого?

— Может быть, — ответил аббат. — Очень может быть. Но это не умаляет нашу цель. Все равно мы оказались здесь не зря.

— Ты не задумывался о том, чем все это может кончиться? Ты можешь это предвидеть?

— Я не провидец, — сказал аббат. — Все, что у меня есть, — это непоколебимая вера. Мы не должны спрашивать, почему оказались здесь. Здесь, в ночной тьме, в страхе перед Нечистью, может быть, в окружении Нечисти, наши мысли мрачны и безотрадны. Глухой ночью нельзя давать волю своим мыслям: они всегда будут мрачными, а надежды призрачными.

— Может быть, ты прав, — сказал Харкорт. — Давай-ка я посторожу вместо тебя. Мне больше не хочется спать. Я боюсь, что снова увижу тот сон.

— Буду тебе очень признателен, — сказал аббат. — Я еле держусь на ногах. У меня слишком тяжелая туша.

— Оуррк! — произнес попугай.

— Вокруг все спокойно, — сказал аббат. — То и дело кричит эта глупая сова, и где-то на севере бродит много волков. Я всю ночь слышал, как они воют, будто собираются в огромную стаю. Но они далеко, нам нечего беспокоиться.

— Тогда лезь под одеяло, — сказал Харкорт. — Возьми и мое тоже, тебе будет теплее.

Аббат завернулся в одеяло, а Харкорт еще долго стоял неподвижно, прислушиваясь к непрерывным стонам совы. С севера до него время от времени доносился волчий вой. Он подумал, что в это время года волки обычно не воют. Они воют глубокой осенью и ранней зимой, а весной или летом это бывает очень редко. Наверное, там случилось что-то такое, из-за чего они забеспокоились.

Его глаза привыкли к темноте, и он уже мог различить на земле все три спящие фигуры. Аббат причмокнул во сне и захрапел. Попугай что-то проворчал в ответ. Сова наконец умолкла. Сквозь листву понемногу начинал пробиваться свет. Харкорт принялся ходить взад и вперед, чтобы согреться.

Когда еще немного рассвело, он разбудил своих товарищей.

— Еще темно, — недовольно сказал аббат. — Утро еще не наступило.

— Света хватит, чтобы разглядеть дорогу, — сказал Харкорт. — Мы отправимся сразу, без завтрака, и будем идти час или два. Потом, когда встанет солнце, можно будет сделать привал и поесть. Может быть, рискнем развести огонь и что-нибудь приготовить.

Он вопросительно взглянул на Иоланду. Та кивнула:

— Я думаю, это можно. Хотя бы ненадолго. Нам нужно поесть чего-нибудь горячего. Может быть, сварим овсянку.

— И поджарим сала, — с надеждой добавил аббат.

— И поджарим сала, — улыбнулась она.

Аббат повеселел.

— Это другое дело, — сказал он. — Всухомятку есть вредно.

Глава 18

Они шли весь день и все следующее утро. Идти было легко. Местность была большей частью открытая, лишь кое-где попадались небольшие рощи. Много раз они видели заброшенные хозяйства, заросшие бурьяном и сорняками поля, развалины домов. Когда-то эти места изобиловали зажиточными фермами.

Холмов на пути больше не было — повсюду вокруг лежали сырые низины. Путники то и дело поглядывали на небо — не покажется ли там дракон или еще кто-нибудь, но никого не было видно, даже феи не появлялись.

В середине первого дня Шишковатый подстрелил из лука молодого кабана, которого они спугнули в кустах. Вечером они поджарили его на костре и устроили пир, предварительно как следует затоптав огонь. Может быть, необходимости в таких предосторожностях и не было, потому что местность была совершенно пустынная, но на этом настояла Иоланда.

— Чтобы привлечь Нечисть, хватит одной струйки дыма, — сказала она. — Не стоит рисковать.

Во время ужина Харкорт присел рядом с Иоландой и спросил:

— Что говорит тебе раковина?

Он знал, что это глупый вопрос. Раковина ничего не может говорить, у нее нет никакого дара предвидения. Но больше им не на что было полагаться, да и Иоланда

в это верила. Такой вопрос мог придать ей новые силы, показав, что Харкорт принимает раковину всерьез. Сама Иоланда, похоже, относилась к ней очень серьезно — она утверждала, что там, на острове, раковина предупредила ее о приближении великанов.

— Ничего не говорит, — ответила она. — Наверное, это означает, что у коробейника нет ничего такого, о чем он хотел бы мне сказать.

— Или что он ничего такого не знает, — заметил Харкорт.

— Может быть, хотя он мало чего не знает. Он умелый чародей, очень умелый.

— А он работает на нас? В наших интересах? Ты в этом уверена?

После некоторого колебания она ответила:

— Уверена, насколько это вообще возможно. Я давно его знаю и верю ему.

— Значит, все, что говорит тебе раковина, исходит от коробейника?

— Мой господин, — сказала она, смело взглянув на него, — в этом я не очень уверена. Это его раковина, он мне ее дал, но я не знаю, заключена ли в ней только его мудрость. Может быть, в ней есть и мудрость кого-то или чего-то другого, еще более мудрого, чем он.

Харкорт решил больше ни о чем не расспрашивать: он понял, что дальнейший разговор заведет его в такие метафизические дебри, которые окажутся ему не под силу. Он не имел ни малейшего желания предаваться глубокомысленным рассуждениям о тонкостях чародейства.

— Ну ладно, — сказал он, смирившись, — слушай и дальше, если хочешь.

Ночью, перед самым рассветом, разразился короткий весенний ливень, и они выползли из-под одеяла насквозь промокшие и недовольные. Но ливень кончился, и вскоре уже ярко светило солнце, а на голубом весеннем небе плыли лишь последние клочки пронесшейся тучи. Путники быстро обсохли, хотя их одеяла были все еще мокрые.

— Придется остановиться на ночлег задолго до захода солнца, — сказала Иоланда, — чтобы расстелить их и высушить.

Несколько раз они видели, как вдалеке крадутся волки. Потом в небе показались стервятники, летевшие

парами и тройками в одном и том же направлении. Вскоре после полудня к путникам подбежала Иоланда.

— Наверное, мы приближаемся к гнездилищу гарпий, о котором предупреждал коробейник, — сказала она. — Я что-то чую в воздухе. Очень может быть, что это и есть гарпии.

— Где они могут быть? — спросил аббат.

— Как будто вон там, — она указала пальцем. — Чуть севернее.

— По-моему, дело пахнет не просто гарпиями, — сказал Шишковатый. — Слишком много волков. Они всю ночь выли и много раз попадались нам по пути. И еще стервятники.

Харкорт пристально посмотрел на него.

— Ты хочешь сказать...

— Очень может быть, — ответил Шишковатый. — С того высокого холма мы видели великое множество Нечисти. Она спешила куда-то на север и на запад. У нее там какой-то сбор.

— Надо проверить, — сказал Харкорт.

— Только осторожно, — предупредил Шишковатый. — Как можно осторожнее.

Прячась, где только возможно, и стараясь не показываться на открытом месте, путники двинулись в том направлении, куда показала Иоланда. Они еще не успели далеко отойти, когда легкий ветерок донес до них отвратительный смрад разлагающейся плоти. Запах становился все сильнее и сильнее. Впереди возвышался над местностью небольшой пригорок. Они поднялись на него и осторожно подползли к самому гребню. Запах сделался еще сильнее — ясно было, что его источник уже совсем близок. Осторожно заглянув через гребень, они увидели, откуда исходит запах.

Склон пригорка отлого спускался в небольшую низину. В низине и по всему склону неподвижно лежали какие-то темные массы. На одних сидели стервятники, над другими сгрудились волки, то и дело начинавшие грызться между собой из-за добычи. Ветер трепал клочья одежды, которые висели на кустах или еще оставались на трупах. В одном месте валялась мертвая лошадь, задрав вверх все четыре ноги. Многие трупы были неузнаваемы, другие казались человеческими, третьи, несомненно, принадлежали Нечисти. Кое-где они были навалены целыми горами, в других местах лежали

поодиночке. Повсюду блестили на солнце разбросанные щиты и мечи. Волк, угрожающе щелкая зубами, погнался за лисой, которая убегала, лавируя среди трупов. Там и сям белели уже дочиста обглоданные кости. В воздухе над телами тучами летали и дрались стервятники. И над всей низиной поднимался удушливый, тошнотворный запах падали.

— Там, внизу, человек, — с трудом выговорил аббат. — Вон он, вместе с волками потрошит убитых.

— Это не человек, — возразил Шишковатый. — Я давно на него смотрю. Это не человек, а вурдалак.

— Не вижу, — сказал Харкорт.

Иоланда, лежавшая рядом, взяла его за руку.

— Вон он, — сказала она. — Смотри туда, куда я показываю.

Он взгляделся и сначала по-прежнему ничего не увидел, а потом разглядел вурдалака — он склонился над человеческим трупом, разрывая его руками и зубами.

— Он не похож на человека, — сказал Харкорт. — Он похож на...

В этот момент существо подняло голову и посмотрело на верхушку холма, где притаились путники. Харкорту показалось, что оно их заметило, но он тут же понял, что видеть их оно не может.

Черты вурдалака напоминали человеческие. Волосы его мокрыми, сальными прядями падали на лицо и шею. Нижняя губа отвисла, открывая острые белые зубы. Хищные глаза даже на ярком солнечном свете, казалось, горели адским огнем. Все лицо было вымазано чем-то жирным и черным.

Тошнота подступила к горлу Харкерта. Уткнувшись лицом в землю, чтобы не ощущать трупного смрада, он глубоко вдыхал запах травы и почвы, но и сквозь этот запах пробивалась удушливая вонь. Он изо всех сил зажмурил глаза, чтобы не видеть вымазанного в гниющей плоти, почти человеческого лица.

Он припомнил, как всего несколько дней назад, сидя на коне, разговаривал с центурионом, на шлеме которого красовались развевающиеся алые перья. «Наш трибун рвется к славе, — сказал тогда центурион. — Он всех нас утробит». Харкорт приподнял голову и, взглянув вниз, попытался разглядеть среди трупов алые перья. Но если они там и были, он их не увидел.

«Децим. Не просто Децим, а как-то еще — римляне любят длинные звучные имена. Децим Аполлон... нет, не так. Децим Аполлинарий Валентуриан, вот как».

Харкорт припомнил, как пригласил римлянина на обратном пути остановиться у него выпить и поболтать.

«Вряд ли он теперь возвратится, не суждено нам с ним выпить. Неизвестно, возвращусь ли и я сам. Но не стоит об этом думать. Так и погибнуть недолго. Нельзя поддаваться сомнениям».

— Теперь начнется, — почему-то шепотом сказал он Шишковатому.

— Да уж, — тоже тихо ответил тот. — Брошенные Земли сейчас не самое подходящее место для людей.

— Похоже, немногим из римлян удалось уйти, — сказал Харкорт.

— Наверное, никому, — сказал Шишковатый. — Нечисти здесь было видимо-невидимо. Они же собирались на наших глазах, а ведь мы видели только тех, что были поблизости от нас. Они, наверное, сходились отовсюду.

— Где они сейчас?

— Этого мы знать не можем. Может быть, собрались где-нибудь, чтобы отпраздновать победу.

— Я больше не могу вдыхать этот запах, — сказал Харкорт. — Он слишком напоминает то, что было семь лет назад. Я пошел назад.

— Нужно идти тихо. И по возможности незаметно. Лучше всего ползком.

— Но битва уже кончилась. Здесь никого нет, кроме волков и стервятников.

— Все равно двигайся ползком и тихо, — сказал Шишковатый. — Неизвестно, кто еще тут может быть.

Харкорт начал отползать назад по склону пригорка, стараясь не поднимать головы. Оглянувшись, он увидел, что спутники последовали за ним.

Не повезло, подумал он. До сих пор все шло довольно гладко. Но как только Нечисть кончит торжествовать победу, — если только она действительно этим занята, — она вновь рассеется повсюду, неся с собой извечную ненависть ко всему человеческому. Новый прилив ненависти повлечет за собой новые набеги через границу. А уж на самих Брошенных Землях ни один человек больше не может считать себя в безопасности. Если до сих пор Нечисть еще кое-как могла терпеть присутст-

вие людей, то теперь ее терпению пришел конец. Людей будут убивать, как только заметят.

«И за каким дьяволом римлянам понадобилось сунуть сюда нос?» — подумал он. Децим говорил, что это рекогносцировка. Может быть, все и обошлось бы более или менее мирно, если бы это в самом деле была только рекогносцировка — короткая вылазка, чтобы выяснить ситуацию, и сразу обратно. Но случилось несколько стычек — пусть сами по себе они были и незначительны. И слишком долго легион оставался здесь. В этом все дело — слишком долго они оставались здесь, дав время Нечисти собраться во множестве.

Спустившись к подножию пригорка, все четверо остановились под прикрытием небольшой рощицы. Некоторое время они молча стояли, глядя друг на друга, потрясенные, опечаленные и встревоженные тем, что увидели. Наконец аббат спросил Шишковатого:

— Что нам теперь делать? Идти дальше или повернуть назад? Лично я за то, чтобы идти дальше, но не надо ли предупредить людей по ту сторону границы?

Шишковатый покачал головой.

— Не знаю, аббат. Все зависит от того, что сейчас на уме у Нечисти. А этого тебе, наверное, никто не скажет. Кто может так хорошо знать Нечисть?

— Иоланда, — сказал Харкорт. — Она знает эти места лучше нас всех.

Все посмотрели на Иоланду. Она отрицательно мотнула головой.

— Не мне решать, — сказала она. — Я здесь всего лишь для того, чтобы помогать, чем могу.

— Но у тебя должно быть какое-то собственное мнение, — сказал аббат. — И ты вполне можешь его высказать. Мы все в одинаковом положении, и ты тоже.

— Мы прошли полпути, — сказала она. — Может, немного больше. Нечисть всегда опасна. Сейчас, возможно, опаснее, чем обычно, из-за этой битвы, но она опасна всегда. Каждый шаг, который был здесь нами сделан, грозил нам гибелью.

— Наша первая задача — разыскать храм, — сказал Шишковатый, — и переговорить со священником, о котором мы слышали от дяди Чарлза. Мы не знаем, где этот храм. Знаем, что к западу отсюда, но где? Чтобы его найти, нам, возможно, придется немало бро-

дить наугад. Это увеличит риск. Если бы мы точно знали, где он, мы могли бы быстро туда добраться.

— Тихо! — прервала его Иоланда. — Тихо! Я что-то слышу.

Они замолчали и вслушались. Сначала ничего не было слышно, потом до них донесся стон.

— Это вон там, — сказал аббат. — Кто-то лежит в агонии. Может быть, один из тех, кто остался в живых после битвы.

Аббат быстро сделал несколько шагов вперед и остановился перед зарослью кустарников.

— Это здесь, — сказал он. — Кто бы это ни был, он здесь, в кустах.

Харкорт бросился к нему, схватил его за плечо и оттащил назад.

— Осторожнее, — предупредил Шишковатый. — Прежде чем подходить, сначала выясните, кто это.

Харкорт нагнулся и стал всматриваться в гущу кустов. Он увидел, что там сверкнули чьи-то глаза. Над глазами нависали всклокоченные брови. Густые черные волосы с запутавшимися в них репьями и сучками свисали по обе стороны худого и злобного лица, похожего на человеческое, с крючковатым носом и оскаленным ртом, где торчали огромные клыки.

Харкорт сделал шаг назад.

— Это гарпия, — сказал он. — Я знаю, это гарпия.

— Но она ранена, — сказал аббат. — Вон торчит стрела. Она страдает.

— И пусть страдает, — сказал Шишковатый. — Она приползла сюда умирать, так дайте ей умереть.

Аббат нагнулся и заглянул в кусты.

— Это не по-христиански, Шишковатый, — сказал он укоризненно. — В тяжелую минуту мы оказываем помощь даже смертельному врагу.

— Ну, окажи ей помощь, — сказал Шишковатый, — и она уж постарается тебя прикончить, пока ты будешь этим занят. Отойди-ка подальше. Бога ради, отойди подальше.

Аббат не шевельнулся, и Харкорт, снова подойдя к нему, протянул руку, чтобы оттащить его назад. Но он еще не успел до него дотянуться, как гарпия выскочила из кустов и кинулась на аббата. Сбив его с ног, она распростерлась на нем, терзая его ноги когтистыми лапами, а клыкастой пастью подбираясь к его горлу.

Харкорт выхватил меч, но еще раньше, чем он сделал выпад, на гарпию бросилась Иоланда, высоко подняв свой кинжал. Кинжал опустился, снова поднялся и вновь опустился, из-под него брызнула кровь. Гарпия обмякла и свалилась с лежавшего на земле аббата. Иоланда, стоя на коленях, продолжала наносить удары.

Харкорт осторожно оттащил ее и помог подняться на ноги. Аббат сел, и Харкорт опустился рядом с ним на колени. Сутана аббата была в крови.

— Ох, мои ноги! — задыхаясь, простонал аббат. — Они горят огнем там, где вонзились ее когти. И еще она укусила меня в плечо.

Шишковатый склонился над аббатом.

— Давай-ка посмотрим, что там у тебя, — сказал он.

— Она впиалась бы мне прямо в глотку, если бы я ее не оттолкнул, — продолжал аббат. — Если бы она впиалась мне в глотку...

— Знаем, знаем, — перебил его Харкорт. — Только ведь она до глотки не достала. Покажи, что она тебе сделала.

Он принялся развязывать на аббате пояс.

— У меня есть мазь, — сказал Шишковатый, — чтобы лечить раны. От нее будет сильно жечь, но тебе придется потерпеть. Гарпии питаются падалью, и ее пасть могла быть ядовита.

Он отошел и вернулся с баночкой мази, которую достал из своего мешка.

— Теперь перестань голосить, — строго сказал он аббату. — Мы будем тебя лечить, а ты своими воплями нам мешаешь.

Сняв с аббата сутану, они увидели, что его ноги изодраны в кровь, а на плече из глубокого укуса сочится кровь.

— Держите его, — сказал Шишковатый. — Эта мазь жжется, как адское пламя. Держите его как можно крепче. Я должен как следует ее втереть.

Аббат вопил, визжал и бился, но Харкорт с помощью Иоланды держал его, пока Шишковатый втирал свою мазь. Когда аббата наконец отпустили, он сел, скривившись от боли.

— Могли бы быть со мной поласковее, — пожаловался он. — С людьми в моем сане нельзя обращаться так грубо. А ты, — он повернулся к Шишковатому, —

мог бы не так стараться, никакой необходимости в этом не было.

— Я хотел покончить с этим побыстрее, — сказал Шишковатый. — Но мазь надо втирать как следует, иначе от нее не будет никакой пользы.

Харкорт натянул на аббата сутану и принялся снова завязывать пояс. Аббат оттолкнул его руку.

— Я прекрасно могу сделать это и сам, — сказал он.

— Сварливый у нас больной, — заметил Шишковатый. — Никакой благодарности за все, что мы для него сделали.

Иоланда подобрала кинжал, который уронила на землю, и вытерла его сначала о траву, а потом о свой плащ, уже давно не белый, а заляпанный грязью и весь в жирных пятнах. Теперь, когда к этому прибавилась еще и кровь с кинжала, он стал выглядеть особенно живописно. Подойдя к мертвой гарпии, Иоланда ногой перевернула ее на спину. Из тела гарпии торчал обломок стрелы.

— Ничего этого не случилось бы, — сказал Шишковатый, — если бы мы оставили ее в покое. Она бы все равно издохла. И нечего было ее трогать. Когда видишь змею с перебитым хребтом, не надо пытаться ее вылечить. Я ведь тебя предупреждал, — повернулся он к аббату. — Говорил, чтобы ты отошел подальше. Но ты со своей мудреной христианской этикой...

— С самого начала, как только мы отправились в путь, ты позволяешь себе отпускать ехидные замечания по поводу моих христианских чувств, — огрызнулся аббат. — Вот что я тебе скажу — что бы ты ни думал о моей христианской этике, она куда лучше любой другой. И той, которой придерживаешься ты, в том числе.

— Я никакой этики не признаю, — ответил Шишковатый. — С точки зрения любой религии я совершеннейший безбожник, ведь я вообще ни во что не верю. Я только не могу понять, почему так изменились твои взгляды. В первый же день ты со своей огромной булавой набросился как бешеный на тот лесной бутор и сровнял его с землей, даже не зная, что это такое. А теперь, очертя голову и невзирая ни на какие предупреждения, кидаешься на помощь заклятому врагу, и, больше того...

— Прекрати немедленно, — сказал ему Харкорт повелительным тоном. — Ты уже который день пристаешь к аббату. И без всякого повода, а просто чтобы его позлить. Не понимаю, что за удовольствие это тебе доставляет, но, ради бога, прекрати.

— Все дело в том, что при этом он ничего такого в виду не имеет, — сказал аббат. — Говорит, что не признает никакой этики, но это вовсе не так, хотя его этика временами выглядит довольно забавно. Хвастает, будто он безбожник, но он никакой не безбожник, и, больше того...

— И ты тоже замолчи, — перебил его Харкорт. — Замолчите оба.

— Ну хорошо, — сказала Иоланда, — теперь, когда все помирились, что мы будем делать дальше?

— Пойдем вперед, — ответил Шишковатый. — Здесь оставаться опасно. Как только слухи разнесутся по округе, здесь отбоя не будет от любопытных, которые захотят поглазеть на поле боя. И от мародеров тоже, скорее всего. Там много чего можно подобрать.

— Сдается мне, — проворчал аббат, — что с той самой минуты, как Жан перевез нас через реку, мы все время спасаемся бегством. То кто-то за нами гонится, то нам кажется, что кто-то за нами гонится.

— Так или иначе, — решительно сказал Харкорт, — я считаю, что Шишковатый прав. Надо двигаться вперед как можно быстрее. Как насчет этого, Гай? Осилить?

Аббат с трудом поднялся.

— Осилю, — сказал он. — Хуже всего эта проклятая мазь, которой вы меня вымазали. До сих пор еще жжет.

— Раны были довольно глубокие, — сказала Иоланда. — Через некоторое время ты весь одеревенеешь. До тех пор нужно пройти как можно дальше.

— Тогда давайте трогаться, — сказал аббат. — Вопрос в том, в какую сторону.

— По-прежнему на запад, — ответил Харкорт, надеясь, что не ошибся.

Глава 19

Задолго до того, как село солнце, принялся моросить дождь, мелкий, но равномерный и непрерывный. Судя по всему, он зарядил до утра, а то и на весь следующий день. Путники занялись поисками места, где можно было бы укрыться на ночь, но не могли найти ни пещеры, ни заброшенной крестьянской хижины, ни ветхого амбара или навеса, ни даже густого сосняка, который хоть на самом деле и не защищает от дождя, все же может послужить хоть каким-то укрытием.

После нескольких часов ходьбы аббат начал спотыкаться. Ноги его то и дело подкашивались, он что-то бормотал на ходу и, казалось, временами переставал понимать, что происходит. Иоланда шныряла впереди в поисках хотя бы относительно сухого места, а Харкорт и Шишковатый вели под руки шатавшегося аббата.

— Надо бы ему прилечь, — сказал Шишковатый. — Он весь горячий и покраснелся. Видно, что горит в лихорадке. Я был прав, у этой гарпии на когтях и зубах был яд.

Но это еще не все, подумал Харкорт. У них так и не было возможности просушить одеяла, вымокшие накануне ночью во время грозы. Теперь они еще больше намокли, и не во что было завернуть аббата, когда его начинал бить озноб. Можно было, конечно, развести костер, потому что даже в самую дождливую погоду всегда найдется немного сухого хвороста, но им нужен

был не просто костер. У них на руках был больной, который нуждался в уходе, а обеспечить ему уход они не могли.

«Все идет не так, как надо, — думал Харкорт. — С самого начала все шло не так, как надо. Мы с аббатом гонимся за несбыточными мечтами. А другие двое отравились помогать нам в этой бессмысленной погоне. Иоланда — потому, что ее приемные родители с незапамятных времен служат Харкортам, а Шишковатый — из любви к старику, который ему больше чем брат, и ко мне, которого ребенком качал на коленях. Гай ищет кристалл Лазандры, в котором, если верить легенде, заключена душа святого, но нет никаких доказательств того, что такой кристалл существует на свете, что в нем заключена какая бы то ни было душа, не говоря уж о душе святого. А я, Чарлз Харкорт, гонюсь за воспоминанием о женщине, которая скорее всего вот уже семь лет как мертва и лица которой я уже не помню».

Не так давно он запретил себе поддаваться сомнениям, но сейчас сомнения его одолели. Наверное, их порождали дождь, моросивший не переставая, промозглая сырость в воздухе, наступавшие сумерки. Но как он ни пытался с помощью логических рассуждений отогнать тоску, сомнения не уходили.

«Я ничего не знаю, — говорил он сам себе. — Я не могу ничего решить. Прав я или нет? Правы мы все или нет? Не лучше ли было нам оставаться дома? Нужно ли было нам, увлеченным эмоциями и надеждами, пускаться в эту авантюру?»

Аббат покачнулся и начал падать. Харкорт попытался удержать его, но рука его соскользнула. Шишковатый, все еще держа аббата под руку, тоже упал на колени, не выдержав его веса. Лежа ничком, аббат продолжал бормотать что-то невнятное. Попугай взлетел с его плеча и кружил над ними, оглашая воздух отчаянными воплями.

Шишковатый поднял голову и взглянул на Харкорта.

— Мы должны что-то сделать. Надо найти место, где можно укрыться от дождя и согреть его. Иначе ему конец.

Дождь по-прежнему падал на них косыми серебряными струями. Вдруг в серебре мелькнуло что-то белое, и они увидели, что перед ними стоит Иоланда, промокшая до нитки и еще более тоненькая, чем всегда:

пропитанный влагой плащ на ней не драпировался складками, а облепил ее стройную фигурку.

— Я нашла укрытие, — сказала она. — Там, в глубине леса, есть хижина. Из трубы идет дым, а в окне виден свет.

— А кто там живет? — спросил Шишковатый. — Чья она может быть?

— Неважно, — сказал Харкорт. — Чья бы ни была, мы займем ее на эту ночь. Бери его за ноги, а я за плечи. Мы его понесем.

Нести аббата было нелегко — весил он немало. Его свисающий зад то и дело задевал за землю. Но они, согнувшись под его тяжестью, кряхтя и задыхаясь, тащили его дальше и дальше. Время от времени они клали его на землю, чтобы отдохнуть, но ненадолго, а потом снова поднимали, чтобы пронести еще немного.

Наконец они увидели за деревьями огонек и вскоре подошли к двери хижины. Опустив аббата на землю, они остановились, и Иоланда постучала в грубо сколоченную дверь. Хижина была жалкая, кое-как сложенная из неотесанных бревен и жердей, с одним-единственным окошечком. Когда-то оно было застеклено, но несколько стекол разбилось, и проемы были забиты кусками дубленой кожи. Сбоку торчала грубая глинобитная труба, из которой поднимался дым.

Иоланда постучала еще несколько раз, но никто не выходил. Наконец дверь чуть приоткрылась, и в щели показалось чье-то лицо. Но щель была такая узкая, что разглядеть, кто стоит за дверью, было невозможно.

— Кто там? — послышался шамкающий, дрожащий голос. — Кто стучит ко мне в дверь?

— Путники, которые нуждаются в убежище, — ответила Иоланда. — Один из нас болен.

Дверь приоткрылась шире, и стало видно, что за ней стоит древняя старушка, вся седая и с таким сморщенным лицом, что сразу было видно: зубы у нее давно выпали. Одета она была в какие-то лохмотья.

— Смотри-ка, тут девчонка, — сказала она. — Вот уж не думала, что ко мне может постучаться девчонка. А кто-нибудь еще с тобой есть?

— Нас четверо. Один из нас болен.

Старушка распахнула дверь.

— Тогдаходи, дитя мое. И остальные тоже пусть войдут. Старуха Нэн никогда не отказывает в крове

тем, кто в нем нуждается. Особенно больным. Заходите и садитесь поближе к огню, а в скором времени я вас чем-нибудь покормлю, хотя за вкус не ручаюсь.

Харкорт и Шишковатый подняли аббата и внесли его в хижину, а старуха Нэн закрыла за ними дверь. Хижина была крохотная, но все же немного больше, чем она казалась снаружи. В очаге пылал огонь, рядом лежал запас дров. Пол был земляной, и в стенах зияли огромные щели, в которых свистел ветер, но у огня было тепло и сухо. Перед очагом стоял единственный плетеный стул, а у стены — убогая низкая кровать. В углу был большой, прочный стол, на котором валялись миски, кружки и несколько ложек; там, где стол упирался в стену, лежали стопкой несколько свитков пергамента.

Старуха, что-то приговаривая про себя, семенила впереди Харкорта и Шишковатого.

— Положите его вон туда, — сказала она, указав на кровать, — и снимите с него мокрую одежду. Я сейчас найду овчины, чтобы его укрыть. Бедный человек, что это с ним?

— Мадам, его укусила и поцарапала гарпия, — ответил Шишковатый.

— Ох уж эти злобные твари! — воскликнула старуха Нэн. — Они хуже всех. Такие грязные, что даже дотронуться до них смертельно опасно, и воняют за версту.

Харкорт и Шишковатый уложили аббата на кровать, и старуха Нэн, разглядев его, удивленно сказала:

— Да он из духовных! Как же это его сюда занесло? Здесь таким, как он, вовсе не место.

И она поспешно перекрестилась.

— Он здесь по богоугодному делу, — объяснил Харкорт. — Он аббат из аббатства, что на том берегу реки.

— Аббат! — воскликнула она. — Аббат у меня в доме!

— Ты что-то говорила про овчины, — напомнил ей Харкорт.

— И то правда, — спохватилась она. — Сейчас принесу.

Шишковатый раздел аббата, и старуха Нэн, принеся откуда-то несколько овчин, одной из них обтерла его досуха, а остальными укрыла.

— Он или спит, или в бреду, — сказал Шишковатый Харкорт. — Все время что-то бормочет.

Попугай устроился на спинке стула перед очагом, но старуха Нэн, направляясь к очагу, чтобы помешать в горшке, сердито столкнула его оттуда.

— Откуда взялась тут эта птица? — сердито спросила она. — Раньше ее здесь не было.

— Она с нами, — ответил Харкорт. — Это птица аббата.

— Ну, тогда ладно. Только зачем аббату такая нелепая птица?

— По-моему, она ему вовсе не нужна, — сказала Иоланда. — Она сама за ним увязалась.

Старуха, склонившись над огнем, мешала что-то в горшке.

— У меня сегодня большой день. Весь вечер являются незваные гости. А ну-ка, вылезай оттуда! — прикрикнула она, взглянув в угол.

Все повернулись посмотреть, к кому она обращается. В углу лежало что-то похожее на кучу тряпья. Куча нехотя шевельнулась, ожила, разогнулась и встала. В пляшущем свете очага блеснули обломки клыков. Из облезлой меховой куртки во все стороны торчали клочья, а на шее болталась веревочная петля.

— Да это наш тролль! — воскликнул в изумлении Харкорт. — Тот, что хотел повеситься.

— Это несчастное бестолковое существо, — сказала старуха Нэн. — Отвергнутое своим племенем, без единого друга на свете. За неимением лучшего он обратился за помощью ко мне. Я хотела отвязать у него с шеи веревку, но он не дался. Он носит ее как знак своего позора и снять никак не соглашается.

Аббат на кровати застонал. Попугай из темного угла забормотал что-то в ответ. Старуха взяла со стола миску, налила в нее что-то из горшка, стоявшего на очаге, и протянула Шишковатому.

— Вот, влей немного в рот своему приятелю. Это согреет ему кишки.

— Он весь горит, — сказал Шишковатый. — Лицо покраснелось, и лоб горячий. Это яд, который попал в раны. Я втер в них мазь, но толку от этого мало.

— Яд нужно обезвреживать изнутри, а не снаружи, — сказала старуха Нэн. — Возьмите-ка все по миске и поешьте похлебки, что стоит на огне. И ты тоже, — сказала она троллю. — Тебе тоже надо подкрепиться. А пока вы будете есть, я приготовлю для

вашего аббата питье, которое поможет ему бороться с ядом. Подвинь-ка стул вот сюда, — сказала она Харкорту, — залезь на него и достань из-под крыши то, что я скажу.

Харкорт поднял глаза и увидел, что под самой кровлей висят аккуратные пучки трав и корней.

— Я все туда вешаю, чтобы уберечь от мышей, они тут кишмя кишат, — пояснила старуха.

Харкорт пододвинул стул, залез на него и принялся подавать ей травы, на которые она указывала.

— Ну вот, — сказала она наконец, — думаю, этого хватит. Я тут буду кое-что напевать про себя, пока питье варится, так вы не обращайтесь внимания. Не думайте, пожалуйста, что это просто старушечья блажь. Так сказано в рецепте, и хоть я подозреваю, что все это совсем лишнее, все-таки никогда не пропускаю ни единого слова — а вдруг и в самом деле так надо?

Опустившись на колени перед очагом, она принялась толочь и растирать разнообразные травы, которые подавал ей Харкорт, и перемешивать их в большом горшке, куда время от времени добавляла какие-то жидкости из маленьких пузырьков и порошки из причудливо расписанных коробочек. При этом она не переставая приговаривала что-то нараспев — не то заклинания, не то молитвы. Путники во все глаза смотрели на это странное зрелище, продолжая в то же время уписывать похлебку, потому что изрядно проголодались, хотя нельзя сказать, чтобы она отличалась изысканным вкусом. Глотая ложку за ложкой, Харкорт старался не думать о том, из чего она сварена — из крыс, мышей, головастика или жаб.

Наконец питье было готово, и старуха Нэн сказала Харкорту:

— Подержи-ка своего приятеля, пока я буду в него это вливать.

Аббат все еще что-то бормотал и, казалось, не понимал, где находится, но когда Харкорт подошел к нему, крепко схватил его за руку и не хотел отпускать. Когда старуха подносила к его губам ложку с питьем, он делал слабые попытки сопротивляться, но в конце концов ему приходилось глотать понемногу, хотя гораздо больше стекало ему на бороду.

— Ну, наверное, хватит, — сказала наконец старуха. — Кое-что он все-таки проглотил. Через некоторое

время попробуем еще раз. К утру ему должно полегчать.

Она и Харкорт вернулись к очагу, где сидели остальные. Шишковатый подбросил дров, и пламя разгорелось ярче. Иоланда пыталась поддерживать разговор с троллем, но без особого успеха. Он сидел съежившись и крутил в руках конец веревки, свисавшей с его шеи.

— Он рассказал мне кое-что про себя, — сказала старуха Нэн. — Это грустная история. Вы знаете, что тролли могут жить только под мостами. Не знаю почему, на мой взгляд, это какая-то нелепость. Но это факт: единственное подходящее для них место — под мостом. У этого бедняги был свой мостик, очень скверно построенный — может быть, даже временный, всего-навсего несколько бревен, перекинутых через овраг. По оврагу бежал крохотный ручеек, а в жаркое лето, в засуху, он вообще пересыхал. Конечно, этот мостик ни в какое сравнение не шел с большими, настоящими каменными мостами через рекующие потоки, которые никогда не пересыхают. Наш тролль очень переживал по этому поводу. Рядом со всеми остальными троллями он чувствовал себя бедным родственником. Они смотрели на него сверху вниз из-за того, что у него такой скверный мостик. Или, может быть, ему это только казалось, так тоже бывает. Он изо всех сил старался поддерживать свой мостик в приличном виде и даже пробовал его перестроить. Чтобы можно было им гордиться. Но выйти из этого, похоже, все равно ничего не могло, да и строитель из него, по-моему, никудышный. Понимаете, тролли вообще туповаты, но этот особенно. Намного ниже среднего. И что бы он ни делал, о чем бы ни мечтал, его мост становился все хуже и хуже. Ветшал с каждым годом, а бревенчатые сваи, на которых он держался, все больше подмывала вода. К тому же они начали гнить — ведь даже добрые дубовые бревна со временем подгнивают. А недавно случился сильный ливень, вода в овраге поднялась выше обычного, и мост совсем снесло. Так что вот этот наш приятель, что сидит такой несчастный у очага, лишился своего моста и остался бездомным. Будь он человеком, он бы знал, что делать. Срубил бы несколько дубов, если бы, конечно, мог где-то достать топор, подтащил бы их к оврагу и перекинул бы через него. Потом устроил бы поперек настил, и получился бы мост, который мог бы

простоять еще несколько столетий. Но у троллей это не принято. Троль не должен сам строить себе мост. Такой поступок у них считается — как бы это сказать? — наверное, аморальным. Тролли не должны строить мосты, они должны жить под мостами, которые построены кем-то еще. И вот наш приятель остался бездомным и бесприютным. Как он мог поступить? Ну, во-первых, обратиться к себе подобным и воззвать к их милосердию. В минуту слабости он так и сделал. Он обошел несколько других мостов, хороших, крепких мостов, каждый из которых был куда лучше, чем его жалкий мостик, и говорил тем, кто под ними жил: «Прошу вас, дайте мне пожить у вас. Пустите меня под свой мост хотя бы на день-два, дайте мне время прийти в себя и подумать, что теперь делать. Всего несколько дней передышки, больше я не прошу. Всего несколько дней, чтобы собраться с мыслями и решить, что делать дальше. Чтобы залечить свою рану и немного оправиться». А они подняли его на смех и прогнали. Они не сжалились над ним, не проявили милосердия. Как будто он не такой же, как они. Вот почему вы нашли его на дереве у Колодца Желаний с петлей на шее. И вот почему этот бедный дурачок прыгнул с дерева, не рассчитав длины веревки. Кто вы такие, я уже знаю. Молва о вас идет здесь уже много дней, а рано или поздно всякая молва доходит и до меня. Я не догадалась, кто вы, когда вы постучались ко мне, но теперь знаю. Как только вы вошли в мою жалкую хижину, мне все стало ясно. Вы — те, кто убил дракона, того самого, у которого тоже была веревка на шее.

— Что-то я ничего такого не заметил, — сказал Шишковатый. — Чарлз, ты не видел, была у того дракона веревка на шее?

— Точно не знаю, — ответил Харкорт. — Может, и была.

— Кое-кто говорит, что я колдунья, — сказала старуха Нэн. — Но я не колдунья. Во мне нет ничего сверхъестественного, хоть я и интересуюсь этим немного. Я умею готовить кое-какие целебные снадобья, — так, ничего особенного, просто знаю кое-что о свойствах кореньев, древесной коры, листьев и плодов разных растений. Никакого чародейства тут нет, хоть я и приговариваю всякие древние заклинания. На мой взгляд, ничего не надо упускать, даже если иногда это и сушая

чепуха. Вот почему я на всякий случай произношу кое-какие заклинания, хоть и убеждена, что от них нет никакой пользы и придумали их только для того, чтобы морочить голову непосвященным.

Стояла глухая ночь, и ветер бушевал вовсю. Его порывы сквозь зияющие щели проникали и в хижину, но жар от очага согревал ее. Снаружи шумел лес, обступивший хижину, а когда ветер на мгновение ослабевал, издалека слышались завывания волков.

— Несколько дней назад в лиге с небольшим отсюда произошла битва, — сказала Нэн. — Нечисть перебила римский легион. Как же в такое время могли решиться бродить здесь четверо людей? Это верх безрассудства.

— А жить прямо здесь — не большее безрассудство? — возразил Харкорт.

— Ну, мне-то мало что грозит, — ответила старуха Нэн. — Я совершенно безобидна, и это все знают. Кроме того, иногда я приношу им пользу своими снадобьями. Не будь здесь меня, кто бы их лечил? Вы ведь знаете, что у Нечисти нет своих докторов. Если они и пытаются как-то помочь своим больным или раненым, то только чародейством, а чародейство, если не знаешь толком, как им пользоваться, обычно никакой пользы не приносит. Вот они и приходят ко мне — не все и не всегда, но кое-кто приходит, и я зашиваю им раны, перевязываю, даю им очистительного и вообще делаю все что надо. Поймите меня правильно — я не такой уж им друг. Они меня не любят и не слишком уважают, но иногда не могут без меня обойтись. Вот почему они оставляют меня в живых. После той битвы, о которой я говорила, у меня побывало несколько раненых. Одна была фея с крылом, изодранным в клочья. Я попыталась защитить его, кое-как привела в порядок. После этого она снова смогла летать, правда, немного накренившись набок. А потом пришел великан отвратительного вида, у которого отрубили хвост. Он нес этот отрубленный хвост в руках и был уверен, бедняга, что я смогу снова прирастить его на место. Мне пришлось долго ему объяснять, почему это невозможно, он ушел очень недовольный. И хвост унес с собой. Я ему говорила, что мы постигли далеко не все тайны чародейства и владеем только самыми примитивными чарами, но он, по-моему, не поверил, потому что принялся ругаться и угрожать.

Я, конечно, знала, что все это пустые угрозы, и не обратила на них никакого внимания. Хотя то, что я ему сказала, — чистая правда. В чародействе, может быть, и есть много истинного, и если бы это как следует понять, наверняка можно найти способ надежно им пользоваться. Но мало кто этим занимался, и как следует разобраться в этом никто не пытался. Почти для всех, включая и большую часть чародеев, все сводится к заклинаниям. Они, конечно, иногда оказывают действие, но только потому, что на протяжении веков кое-кто случайно наткнулся на те слова, которые оказывают действие, а потом они добросовестно передавались из поколения в поколение. Но хотя они действуют, никто не знает — почему. А чтобы использовать все возможности магии, нужно знать, почему она действует. Кое-что мне, может быть, удастся узнать. Я уже много лет занимаюсь этим здесь — чтобы никто мне не мешал. Если бы я работала в мире людей и они узнали бы, что я делаю, — а они наверняка узнали бы, — они целыми толпами стучались бы ко мне в дверь, умоляя о помощи, стремясь поделиться своими советами, желая помочь или возмущаясь тем, что я делаю. Это затруднило и замедлило бы мои исследования, а мне и так не хватает времени на то, чтобы проникнуть хотя бы в какие-то начатки, которые можно было бы передать другим. Вы видите там, на столе, свитки...

— Да, я их заметил, — сказал Шишковатый. — И подумал, что это может быть.

— Это коллекция самых обстоятельных трактатов и трудов, которую я собрала за эти годы. Кое-что в них, разумеется, сущая чепуха. Но среди них на удивление много знаний, добытых самоотверженным трудом тех, кто на протяжении столетий исследовал магию всерьез. Я надеюсь, что, изучив их труды, смогу сделать те первые шаги, о которых говорила, — приблизиться к пониманию сущности магии, найти некоторые основополагающие начала, которые покажут путь к овладению ею.

— И как идут у тебя дела? — спросил Харкорт. — Успешно?

— Более или менее, — ответила она. — Я, кажется, начинаю видеть первые проблески смысла. Не то чтобы я надеялась дожить до того времени, когда все

тайны будут раскрыты, но, по крайней мере, кое-что я уже могу передать другим.

Шишковатый встал. У очага все еще сидел съезжившись тролль.

— Поглядите на этого дурачка, — сказала старуха Нэн. — Даже когда я о нем говорила, даже когда рассказывала его историю, он и слова не промолвил. Мне в первый раз попадается такой недоумок.

Из темного угла хижины донесся пронзительный голос попутая.

— Недоумок! — прокричал он. — Недоумок! Дурачок! Недоумок!

Никто не обратил на него внимания. Тролль все сидел съезжившись и крутил в руках свою веревку. Шишковатый подошел к столу, взял несколько свитков и вернулся к очагу. Он присел на корточки поближе к огню и принялся осторожно разворачивать их один за другим, низко склонившись и придвинувшись поближе к свету. Через некоторое время он удивленно поднял глаза.

— Да это труды величайших умов прошлого! — сказал он. — Я не читал этих книг, но имена авторов мне знакомы. Как все это к тебе попало?

— Собрала понемногу, — ответила Нэн. — Много переписывалась со своими друзьями. Я потратила на это много лет. А когда у меня собралось все, что я могла заполучить, я уединилась здесь, где обо мне никто ничего не знает и не может мне помешать, где я могу работать спокойно. Вот уже много лет я подолгу сижу за этим столом, перечитывая рукописи, пытаюсь их понять, делая свои записи и размышляя. Время от времени я брожу по лесу, продолжая думать, разговаривая сама с собой, сопоставляя мысли этих ученых, размышляя о том, что ими написано. Кое-что я принимаю, но куда больше отбрасываю. Я стараюсь как можно лучше разобраться, отсеять мякину заблуждений и выделить зерно истины. Нечисть подглядывает за мной — я уверена, что она следит за каждым моим шагом. Видя, как я брожу по лесам, разговаривая сама с собой, они, наверное, думают, что я сумасшедшая. Это, может быть, отчасти спасает меня от их злобы, потому что они по своему неразумию не трогают сумасшедших. Но я, кажется, слишком много говорю о своих делах. Нельзя

так увлекаться. Расскажите мне лучше о себе. Когда ваш спутник поправится, вы думаете двигаться дальше?

— Мы ищем древний храм, — сказал Харкорт. — Он где-то на западе отсюда, хотя неизвестно, где именно и сколько до него еще идти. И как он называется, нам тоже неизвестно. Мы почти ничего о нем не знаем, кроме того, что он существует.

— Это паломничество, в которое мы отправились исключительно из благочестия, — поспешно вставил Шишковатый.

— Погодите! — воскликнула старуха. — Да ведь это, наверное, то самое место, куда я хожу за своими целебными травами!

— Ты хочешь сказать, что знаешь это место? — спросила Иоланда.

— Кажется, да. Никакого другого храма я здесь не знаю, это единственное здание, достаточно большое и величественное, чтобы так называться. Хотя я не знала, что это храм, — я вообще не знала, что это такое. Я знала только одно: что это давно заброшенное место, где когда-то христиане поклонялись Богу. Там есть кресты, и могилы, и древнее кладбище...

— Ты часто туда ходишь, — сказал Шишковатый. — Значит, ты знаешь дорогу?

— Не так уж часто я туда хожу. Только когда у меня кончаются запасы, и еще в определенное время года, когда кое-какие травы созревают или их легче собирать. Мне много чего удастся найти на том кладбище и в саду — когда-то, наверное, это был прекрасный сад, только теперь он весь зарос сорняками и бурьяном, хотя там еще попадаются кое-какие травы, которые остались с прежних времен.

Она поднялась с пола, где сидела, и сняла с огня горшок с питьем, в котором время от времени помещивала.

— Пора дать аббату еще немного, — сказала она.

Шишковатый подошел вместе с ней к кровати, встал на колени и приподнял аббата, чтобы она могла поить его с ложки.

— Он как будто не такой горячий, — сказал Шишковатый, — и лицо у него все в поту.

Нэн склонилась над аббатом и положила руку ему на лоб.

— Ты прав. Жар проходит.

Она приподняла овчины, которыми был накрыт аббат, и осмотрела раны у него на ногах.

— Начинают понемногу затягиваться. На вид совсем неплохо. Должно быть, та мазь, которой ты его мазал, имеет большую силу.

— Это очень древняя мазь, — сказал Шишковатый. — Это мазь моего племени. Она известна нам с незапамятных времен.

— Конечно, мое питье тоже помогло, — сказала старуха, — но я склонна думать, что главное целебное действие оказала мазь. В ней есть какая-нибудь магическая сила?

— Никакой магии. Просто нужно смешать кое-какие составные части, которые, правда, не так легко раздобыть, и тщательно соблюдать все правила при ее приготовлении.

— Он крепко спит, — сказала Нэн, — и это хорошо: сон восстановит его силы и поможет действию лекарств. Утром он проснется другим человеком, хотя раны все еще будут побаливать. Ну-ка, подними его немного повыше.

Она влила в рот аббату ложку питья, тот поперхнулся и закашлялся, но очнулся только на мгновение и сразу же снова погрузился в сон.

Вернувшись к огню, Шишковатый сказал Харкорту:

— Нэн говорит, что ему гораздо лучше и что утром он проснется другим человеком.

— Как быстро, — сказал Харкорт. — Я не думал, что он так быстро оправится.

— Наш аббат здоров, как лошадь.

— Мы явились к тебе незванными, — сказал Харкорт старухе Нэн, — и, возможно, подвергаем тебя опасности. Как ты думаешь, сможем мы двинуться дальше через несколько часов? Скажем, на рассвете? Мы с Шишковатым поможем аббату идти, если понадобится.

— Вам совсем незачем уходить, — ответила Нэн.

— Но стоит Нечисти узнать, что ты дала нам приют...

— Я вот о чем думаю, — перебила его Нэн. — Может быть, когда вы будете уходить, и я пойду с вами. Сейчас как раз подходящее время года, чтобы поискать в саду храма травы, которые мне нужны.

— Ты хочешь сказать, что покажешь нам дорогу?

— Вы могли бы и сами ее найти. Найти ее не так уж трудно. Но если я пойду с вами, то, конечно, доведу вас до храма. Так вам, может быть, будет легче.

— Я думаю, если аббату это под силу, нам надо бы отправляться в путь как можно скорее, — сказала Иоланда. — Я развесила наши одеяла у огня, они уже совсем высохли. Мне станет гораздо спокойнее, когда мы доберемся до храма.

— Мне тоже, — поддержал ее Шишковатый.

— Гроза прошла, — продолжала Иоланда, — и небо почти чистое. Светит луна. Завтра будет хорошая погода.

— Все зависит от того, как чувствует себя аббат, — сказал Шишковатый.

Троль все еще сидел съезжившись в дальнем углу у очага. С шеи у него по-прежнему свисала веревка, и он был занят тем, что пересчитывал пальцы то на одной, то на другой руке, низко наклонив голову и распустив слюнявые губы. Заметив, что Харкорт смотрит на него, он еще ниже опустил голову, но перестал считать пальцы.

Харкорт оглядел крохотную полутемную комнатку. В углу спал аббат. Он уже не метался во сне и не стонал, как прежде. Он глубоко дышал, и грудь его равномерно вздымалась и опускалась.

Слава Богу, прошептал про себя Харкорт. Во время грозы, до того, как они вышли к избушке, он начал серьезно опасаться за жизнь аббата. Если бы Иоланда не разыскала хижину и в ней не оказалось бы Нэн с ее знанием целебных трав, сейчас дело могло быть совсем плохо.

Он спросил Нэн:

— Когда ты бывала в храме, тебе не доводилось встречать там священника?

— Один раз, — ответила она. — Такой маленький суетливый человечек, очень добрый. Но совсем дряхлый, его ветром может унести.

— Ты разговаривала с ним? Не говорил он тебе, что он там делает?

— Только однажды. Мы обменялись несколькими словами, пока я копалась в саду. Он сказал, что когда-то это, наверное, был прекрасный сад. Что очень жалко, когда за таким садом некому ухаживать. И тут же куда-то исчез. — После некоторого колебания она про-

должала: — А как он там оказался и что делает, я не имею ни малейшего понятия. Он, конечно, не назначен туда официально, Церковью. Это место — вы называете его храмом, и, должно быть, так оно и есть, — заброшено уже много лет. Однако в том, что он там живет, нет ничего особенного. По всем Брошенным Землям попадают такие, как он, — перебравшиеся сюда священники или самозванные миссионеры, которые считают, будто само их присутствие означает, что эти места не покинуты Церковью. Кое-кто из них, может быть, думает, что сумеет обратить Нечисть в истинную веру. Это, конечно, глупость, потому что ни у кого из Нечисти нет души, обратить ее можно только формально.

— Да, я знаю, — сказал Харкорт, вспомнив убитого старика и его водяное колесо.

Кто-то потянул его за рукав, он обернулся и увидел, что это тролль.

— Прошу тебя, господин, — сказал тролль, жалобно пришепетывая, — не слышал ли ты, нет ли где хоть какого мостика...

— Поди прочь! — крикнул Харкорт. — Не трогай меня своими грязными руками!

Троль снова забился в угол.

— Что случилось? — спросила Иоланда.

— Да это все тот окаянный тролль. Он спросил, не слышал ли я о каком-нибудь мостике.

— Бедняга, — вздохнула Иоланда. — Ему так нужен мостик...

Глава 20

Отправиться в путь на следующий день, как было решено ночью, они не смогли, а остались, чтобы дать аббату восстановить силы. К вечеру он уже встал с постели и отдал должное жаркому из оленя, которого подстрелил утром Шишковатый. Нэн жаркое понравилось не меньше, чем аббату.

— Мне редко удается поесть мяса, — сказала она. — Охотник из меня никудышный, а те из Нечисти, кто ходит ко мне лечиться, или на перевязку, или еще за какой-нибудь помощью в этом роде, никогда не приносят мне ни еды, ни других даров. Они считают, что и без этого имеют право на мои услуги. Они редко разговаривают вежливо, и ни один еще ни разу меня не поблагодарил.

— Ничего другого и нельзя ждать от этих существ, лишенных души, — сказал аббат. — Они иначе устроены. Они хуже животных. Даже лошадь, собака или кошка могут привязаться к человеку и испытывать благодарность за пищу и заботу.

— Время от времени они приносят мне свитки, — сказала она. — Они находят их в развалинах человеческих построек. По-моему, они думают, что свои познания в медицине и магии я черпаю из книг и что, принося мне книги, они действуют на благо самим себе. Хотя на самом деле от этих свитков мне обычно толку мало. Это по большей части стишки, или древние рыцарские по-

вести, или еще какие-нибудь никчемные писания в том же роде.

Путники с большим удовольствием провели день у старухи Нэн, а вечером, выставив дозорного, рано улеглись спать, чтобы получше отдохнуть и утром пораньше тронуться в дорогу. Правда, аббат все время жаловался на ужасный зуд в заживающих ранах, проклиная Шишковатого с его мазью, но похоже было, что он снова полон сил и рвется возобновить путешествие.

— Сколько еще идти до храма? — спросил он Нэн. — Чарлз сказал, что ты разговаривала со священником, который там живет.

— Самое большее два дня, — ответила она. — И дорога хорошая. Да, я говорила со священником, но только один раз, да и то очень мало. А почему ты о нем заговорил?

— Мы надеемся, — сказал аббат, — что он располагает кое-какой информацией, которая нам необходима.

— Я не спрашивала вас о цели вашего опасного паломничества, — сказала она, — и не хочу совать нос в ваши дела. Но это, наверное, какая-то важная для вас цель.

— Она для нас жизненно важна, — подтвердил аббат. — Может быть, она жизненно важна для самой Церкви.

На следующее утро они двинулись в путь. Старуха Нэн отправилась с ними, а сзади робко плелся троль.

День выдался погожий. Лес был одет в мягкую, нежную весеннюю зелень, а землю под деревьями сплошь покрывал ковер диких цветов. Никаких троп в лесу не было. Нэн шла впереди, остальные следовали за ней, благодарные за то, что она взялась их вести, потому что никаких ориентиров в лесу не было.

Нечисть не показывалась. «Неужели мы наконец от нее оторвались?» — думал Харкорт, но старался отгонять от себя эту мысль и держаться постоянно настороже. Однако за весь день они никого не повстречали.

Аббат держался на удивление хорошо. Харкорт и Шишковатый постоянно поглядывали на него и то и дело устраивали привалы, чтобы он мог отдохнуть, а он ворчал: «Знаю я вас. Нечего со мной нянчиться», — но более категорических протестов не высказывал, и Харкорт подозревал, что он только благодарен им за эти привалы.

На ночлег они остановились под деревьями у родника, который бил из земли у самого подножья небольшого пригорка. Нэн и Шишковатый принялись готовить еду. Харкорт немного поднялся по склону пригорка и сел, прислонившись спиной к огромному дубу и внимательно поглядывая по сторонам, не покажется ли Нечисть.

Через некоторое время он услышал шорох сухих листьев, обернулся и увидел, что это Иоланда. Она подошла и села рядом.

— Мой господин, — сказала она, — ты чем-то озабочен. Ты был озабочен весь день. Могу ли я чем-нибудь помочь?

Он покачал головой:

— Нет, я ничем не озабочен. То есть ничем особенным. Сегодня все шло слишком хорошо, это-то мне и не нравится.

— Тебе не нравится, когда все идет хорошо?

— До сих пор мы с боем пробивали себе дорогу в этих местах, — сказал он. — Ну, может быть, не совсем с боем, потому что большую часть времени от кого-нибудь убегали. Убегали и попадали из огня да в полымя. Мы постоянно чувствовали, что за нами кто-то гонится. А сегодня это была просто какая-то прогулка.

— У тебя слишком много забот, — сказала она. — Ты ни на минуту не даешь себе о них забыть. Все время носишь в себе. Ни с кем не хочешь делиться. Расскажи мне хоть об одной из своих забот. Освободись от нее, раздели со мной.

Он рассмеялся:

— Только об одной, и больше ты не будешь ко мне приставать?

Она кивнула.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Только об одной, не больше.

Сразу же, как только он произнес эти слова, в голове у него всплыла мысль, которая постоянно его грызла, хоть он и не отдавал себе в этом отчета. Мысль, которую он отгонял всеми силами и которая только сейчас возникла из глубин его подсознания.

— Помнишь ту ночь, что мы просидели в болоте на куче камней? — спросил он. — Когда мы с Шишковатым забрались на самую верхушку, чтобы оглядеться?

— Помню. Это было неосторожно, вы рисковали жизнью. Туда подниматься было опасно.

— Когда мы снова спустились, — продолжал он, — Шишковатый рассказал вам, что мы там нашли. Скелет великана, распятого на сколоченном наспех кресте из кедрового дерева и прикованного к нему цепями. Вы с аббатом слушали, но не слишком внимательно, как будто это пустяк, всего лишь еще один случай в пути. Да и Шишковатый не придавал этому особого значения.

— И правильно. Никакого особого значения это не имеет.

— Но как ты не понимаешь? Ведь тот великан умер на кресте.

— Я помню, ты сидел ужасно мрачный, когда Шишковатый об этом рассказывал.

— Тогда, может быть, я не прав?

— А может быть, и прав, только я не понимаю. Скажи мне, что тебя так беспокоит? Не мог же ты пожалеть великана. Ты их не жалеешь. Мой отец рассказывал, как тогда, на стенах замка, ты осыпал их ударами и выкрикивал проклятья, убивая одного за другим.

— Нет, дело не в великане, — сказал Харкорт, — хотя он, наверное, умер мучительной смертью. Должно быть, от жажды. Его приковали там и бросили, и он высох, как лист, упавший с дерева.

— Но если дело не в великане, то в чем же?

— В кресте! — выкрикнул он.

— В кресте?

— На кресте умер наш Спаситель.

— Ну и что? С тех пор еще многие умерли на кресте.

— Крест для нас священен, — сказал он. — Мы молимся перед ним. Мы носим его на шее. Мы венчаем им наши четки. Это святое орудие смерти. Очень плохо, что и другие, как ты говоришь, тоже умирали на кресте. Но великан? Чтобы Нечисть умирала на кресте?!

Она обняла его за плечи и прижала к себе.

— И ты страдал из-за этого? — сказала она. — И никому ничего не говорил?

— Кому мне было об этом рассказать?

— Сейчас ты рассказал об этом мне.

— Да, — ответил он. — Я рассказал об этом тебе. Она убрала руку с его плеч.

— Прости меня, мой господин. Я только хотела тебя утешить.

Он повернулся к ней, охватил ее лицо руками и поцеловал.

— Ты меня утешила, — сказал он. — Я так нуждался в утешении. Наверное, я глупец, что так расстраиваюсь...

— Ты не глупец, — сказала она. — В тебе есть какая-то неожиданная доброта, и за это все должны тебя любить.

— Имей в виду, — сказал он, — что я смог рассказать об этом только тебе.

Он сам не знал, зачем это сказал. Ему пришло в голову, что это неправда. Он мог бы рассказать аббату. Нет ничего такого, о чем он не мог бы рассказать аббату. Однако об этом он аббату все же не рассказал.

— Я должна кое о чем с тобой поговорить, — сказала она. — Нэн все время присматривалась ко мне, и очень внимательно. И пыталась меня расспрашивать. Конечно, исподволь, чтобы это не бросалось в глаза. Но в том, что она говорила, таились вопросы.

— Ты ей ничего не сказала?

— Ничего. Ты же сам мне ничего не говорил. Но из того, о чем разговариваете вы трое, из случайно оброненных слов, я поняла.

— Я не собирался ничего от тебя скрывать, — сказал Харкорт. — Я просто...

— Да нет, ничего страшного.

— Как ты думаешь, Нэн хотела расспросить тебя о нашей цели?

— Мне так показалось. И вот еще что. Она не та, за кого себя выдает.

— Что ты хочешь сказать?

— Она одевается в лохмотья, ходит босая, у нее всклокоченные волосы, к которым она не притрагивается гребнем. Она хочет, чтобы мы считали ее просто старой каргой. Но все равно видно, кто она на самом деле. Харкорт заинтересовался.

— А кто она, по-твоему, на самом деле?

— Когда-то она была благородной дамой. Очень благородной. Такой благородной, что теперь не может этого скрыть. Кое-какие обороты речи, когда она не следит за собой, отдельные движения, манеры. На пальце у нее перстень с камнем, и она хотела бы, чтобы

мы считали камень дешевой стекляшкой. Но я знаю, что это не так. Могу поклясться, что это рубин чистой воды.

— Откуда ты знаешь?

— Любая женщина тебе сразу скажет. Не мужчины — мужчины на такие вещи не обращают внимания.

— Надо будет взглянуть, — заметил Харкорт. — Хорошо, что ты мне об этом рассказала. А теперь пойдем, пора ужинать.

Ужин был готов, и аббат уже приступил к еде.

— Я слышом проголодался, чтобы дожидаться вас, — сказал он. — Садитесь и скажите, как вам понравится угощение. Наша приятельница Нэн — необыкновенно искусная повариха. Кому еще могло бы прийти в голову поджарить нарезанное мясо с натертым сыром, кусочками сала и травами, собранными в лесу, и все это как следует перемешать? Получилось очень вкусно.

И он снова набил полный рот.

— Этот старый козел уже почти такой же, как раньше, — сказал Шишковатый.

— Если не считать того, что у меня по всему телу зуд от твоей гнусной мази, — проворчал аббат.

— Завтра мы дойдем до храма, — сказала Нэн. — Не рассчитывайте, что после этого я смогу вас кормить, — мне будет некогда, буду собирать корни и травы.

К вечеру следующего дня, поднявшись на вершину холма, они увидели храм.

— Вот он, — сказал аббат. — Вот наконец этот храм, куда мы столько времени пробиваемся по этой нечестивой стране.

Храм стоял в небольшой долине, по которой извивался прозрачный ручеек. Он был окружен вековыми деревьями, почти скрывавшими его от глаз.

— Мы устроим здесь привал, — сказал Харкорт, — а туда пойдем утром. Я не хочу блуждать в темноте.

Глава 21

Храм был огромен — Харкорт еще никогда не видел такого величественного здания. Каменные стены колоссальной высоты были увенчаны уходящими ввысь башнями, и даже башни казались столь же массивными, как и несущие их устои. Над стенами возвышались крутые скаты крыш, причудливо пересекавшиеся под всевозможными углами по прихоти неведомого зодчего. Утреннее солнце отражалось в красных, зеленых и синих витражах. Все здание дышало былой роскошью и неумирающим величием. Глядя на него, Харкорт не мог не подивиться тому, как могли такое выстроить обыкновенные люди.

Вокруг храма шла невысокая каменная ограда, кладка которой казалась грубой и примитивной рядом с великолепно выложенными стенами самого храма. Кое-где она обвалилась, и видно было, что за ней растет множество плодовых деревьев, многие из которых стоят в полном цвету.

Торжественной цепочкой путники двинулись вдоль южной части ограды к западу. Немного не доходя до места, где ограда поворачивала на север, оказался пролом, через который можно было подойти к храму. Они обошли западный угол здания и вышли на мощный двор, откуда поднимались ко входу в храм широкие каменные ступени. Одна из створок тяжелых дубовых дверей сорвалась с петель и лежала на камнях, другая,

косо висевшая на месте, была полуоткрыта. С карниза над дверью на путников смотрели оскаленные морды горгулий.

Взглянув на них, Харкорт не то чтобы заметил, а скорее почувствовал, что в них есть нечто странное. Часть их выглядела как-то не так, как другие, — они казались более гладкими и округлыми. Он присмотрелся внимательнее, но не мог понять, есть между ними разница или это ему только почудилось.

— Иоланда, — сказал он девушке, стоявшей рядом, — по-моему, с этими горгульями что-то не так. Они как будто разные.

— Они и не должны быть одинаковые, — ответила она. — Горгульи всегда непохожи друг на друга. Скульптор всегда дает волю фантазии и придает им разное выражение.

— Я не о том, — сказал он. — Дело не в выражении, а в самом материале. Как будто они сделаны из разного камня.

— Это возможно, — ответила она, — но все же... Погоди, я, кажется, поняла, что ты хочешь сказать.

— Некоторые из них, — сказал он, — напоминают мне ту горгулью, что ты показывала мне у себя в мастерской.

У нее перехватило дыхание.

— Может быть, ты и прав. Похоже, некоторые сделаны из дерева. Не из камня, а из дерева. Если так...

— Но какой в этом может быть смысл? Почему одни высечены из камня, а другие вырезаны из дерева?

— Не знаю. Может, в этом и нет никакого смысла. Может, из тех, что стояли здесь с самого начала, некоторые обрушились, и их на время заменили деревянными, пока не найдется кто-нибудь, кто мог бы снова высечь их из камня.

— Временная замена?

— Да, и никакого особого смысла в этом нет.

— Хватит болтать о каких-то там горгульях, — грубо перебил их аббат. — Мы здесь не для того, чтобы обсуждать архитектурные прелести храма. Давайте-ка поищем этого вашего священника.

— Его не так просто найти, — сказала Нэн. — Он не любит показываться на виду. Как будто боится гостей. Чаще всего он шныряет по углам.

— Странно, — сказал Шишковатый. — Ему здесь должно быть довольно одиноко. Другой на его месте был бы рад гостям и вышел бы им навстречу.

Нэн покачала головой.

— Он странный человечек. Всего один раз он говорил со мной. Я видела его и до этого, но всегда только мельком.

— Он живет здесь уже много лет?

— Думаю, что да.

— Но Нечисть наверняка знает, что он живет здесь. Как ты думаешь, может быть, он от нее прячется? А может быть, просто всего боится?

— Нечисть старается держаться отсюда подальше. Благочестивая атмосфера ее отпугивает.

— Что-то не очень она ее отпугнула, когда они напали на наше аббатство, — возразил аббат. — Они перебили всех, кого нашли, и разграбили все, что только можно.

— А что если в вашем аббатстве благочестивую атмосферу малость подпортили те бочонки вина и женщины, которых вы там у себя прятали? — предположил Шишковатый.

— Давайте не будем опять затевать споры, — вмешался Харкорт.

— Я пренебрегаю этим выпадом, — с видом оскорбленного достоинства произнес аббат. — И оставляю его без ответа.

Сказав это, он широким шагом направился к дверям храма. Остальные после секундного колебания последовали за ним. Однако, войдя в дверь, все остановились. Остановился и аббат, шедший впереди. Перед ними простирался погруженный в полумрак главный неф. Лишь несколько солнечных лучей пробивались сквозь стекла витражей, и эти разноцветные лучи усиливали впечатление нереальности происходящего. В огромном пустынном пространстве храма звучали равномерно повторяющиеся низкие, глухие звуки. Харкорт затаил дыхание, пытаясь понять, откуда доносятся эти звуки, похожие на мерное дыхание какого-то чудовища. Аббат сделал несколько шагов вперед, и его шаги гулко отозвались под гигантским куполом, вновь и вновь повторяемые эхом.

По обе стороны главного нефа двумя рядами стояли могучие колонны; между ними призрачно белели над-

гробия — и самые простые, и увенчанные возлежащими каменными фигурами. Одно из них изображало коленопреклоненного ангела. Справа и слева аркады вели в боковые приделы.

Понемногу глаза Харкорта привыкли к полумраку, и он уже мог разглядеть больше подробностей, хотя смотреть было особенно не на что, кроме колонн, надгробий, богато разукрашенной купели, а поодаль — высокого алтаря с хорами над ним. Все это создавало ощущение огромной пустоты, простиравшейся в бесконечную даль. Если священнику, которого мы ищем, подумал он, вздумается от нас спрятаться, в этом здании есть где прятаться. Стены покрывала роспись, когда-то яркая, но теперь выцветшая и плохо различимая в тусклом свете.

Нэн говорила о благочестивой атмосфере, но здесь никакого благочестия не ощущалось. Запах благовоний давно улетучился бесследно. Остались только какие-то таинственные гулки раскаты и пустота, царящая здесь уже много столетий.

Аббат снова двинулся вперед, остальные последовали за ним, разбудив эхо, наполнившее воздух звуками сотен шагов.

Они обошли весь храм, тщательно обыскав даже самые укромные уголки — часовни и ризницу, крытые аркады и крипты, кухню и трапезную, внутренние дворики и библиотеку со шкафами, доверху набитыми рукописными свитками. На всем лежал толстый слой пыли, которая поднималась в воздух, потревоженная их шагами. Они не могли удержаться от чихания, которое эхо повторяло множество раз, как будто вокруг чихали миллионы призраков. Они попробовали позвать священника, хоть и не знали толком, как это сделать, не зная его имени, но скоро были вынуждены отказаться от своих попыток: повторяемые эхом, крики порождали такие громкие и многократные отклики, что они ничего не смогли бы услышать, даже если бы священник был здесь и захотел отозваться.

Повсюду они натыкались на надгробия, разбросанные без всякого порядка, даже в самых неожиданных и уединенных уголках. Каменная крышка одного из них свалилась или была сброшена и лежала расколота на полу, и в саркофаге были видны истлевшие останки его обитателя. У фигуры ангела на другом надгробии была

отбита голова, и ее белые, как снег, осколки валялись вокруг. Купель оказалась перевернута, покрывавшая ее тонкая резьба местами сбита.

Если не считать рукописей, найденных в библиотеке, ничего ценного в храме не осталось. Алтарь был гол, шкафы, где должны были храниться ризы, драгоценные сосуды и другие принадлежности богослужения, стояли пустые.

— Основательно здесь все разграблено, — заметил Шишковатый.

— Может быть, и нет, — сказал аббат. — Благочестивые отцы могли все унести с собой, чтобы ничего не попало в лапы Нечисти.

В конце концов, когда они уже начали отчаиваться в успехе своих поисков, в крохотной часовенке, которая притаилась в укромном углу восточного крыла и была замечена ими только случайно, они нашли того, кого искали. Во всяком случае, то, что от него осталось.

На полу лежали разбросанные в беспорядке человеческие кости. Кое-где среди них валялись клочки черной ткани — по всей вероятности, остатки сутаны. На костях виднелись остатки мяса и хрящей. Шишковатый поднял с пола череп и показал остальным. Нижняя челюсть еще держалась на месте, и видно было, что в черепе не хватает четырех передних зубов — двух сверху и двух снизу.

— Вот он, наш священник, — сказал Шишковатый.

Харкорт кивнул:

— Дядя говорил, что у него не было зубов. Из-за этого он говорил так невнятно, что трудно было разобрать слова.

— Вурдалаки, — сказал Шишковатый.

— Вурдалаки, — согласился Харкорт. — Вурдалаки или гарпии.

— Ты, кажется, говорила, что Нечисть старается держаться подальше от таких мест? — спросил аббат, обращаясь к Нэн.

— Про вурдалаков никогда ничего наверняка не скажешь, — ответила та. — Вся остальная Нечисть — это одно, а вурдалаки — другое. Им бы только набить брюхо мясом, неважно чьим.

В углу часовни, на полу, лежала куча одеял и овчин, служившая ложем. Рядом, у примитивного очага, стояли

сковородка и котелок. Стена над очагом, когда-то украшенная росписью, была сплошь покрыта копотью.

— Тут он и жил, — сказал аббат. — Тут проводил свои дни в благочестивых раздумьях.

— И тут умер, — добавил Шишковатый. — Наверное, они подкрались к нему, когда он спал. Судя по всему, это случилось не так уж давно, всего несколько дней назад.

— А мы оказались в тупике, — сказал Харкорт. — Теперь некому объяснить нам, как добраться до того поместья.

— Надо идти на запад, — сказал Шишковатый. — Это-то мы знаем точно.

— Мы найдем его, — сказала Иоланда. — Найдем, я уверена.

— Нам надо придумать какой-то план, — сказал Харкорт. — Нельзя кидаться во все стороны сразу.

Они собрали кости, завернули их в одно из одеял и вынесли в сад. Там они выкопали неглубокую могилу и предали кости земле под заупокойную молитву аббата.

— Я не знаю, как его звали, — сказал потом огорченный аббат. — Пришлось называть его дорогим усопшим братом, и мне все казалось, что этого недостаточно.

— Ничего, по-моему, все сошло хорошо, — успокоил его Шишковатый. — Ты молился с большим чувством, держался достойно и был трогательно печален.

Аббат сердито взглянул на него:

— Опять надо мной насмехаешься?

— Мой дорогой аббат, ты же знаешь, я никогда ни над кем не насмехаюсь. Мне бы это и в голову не пришло.

Харкорт сделал вид, что не замечает их перебранки, и двинулся назад, к храму. Иоланда шла рядом, остальные следовали сзади.

— У меня почему-то не выходят из головы эти горгульи, вырезанные из дерева, — сказал ей Харкорт. — Они очень похожи на ту, что я видел у тебя в мастерской. Можно, я выскажу одну догадку?

— Если ты это сделаешь, мой господин, ты ошибешься, — ответила она.

— Но ведь ты бывала здесь.

— Нет, здесь я не была. Так далеко я никогда не забиралась. И ни разу не провела здесь столько време-

ни, чтобы успеть вырезать горгулий, если это то, о чем ты подумал.

— Я об этом и подумал. Ты должна понять, почему я так подумал. Сходство между твоей горгульей и теми, что мы видели здесь над входом...

Она покачала головой.

— Я бы не могла их сделать. Здесь видна рука гения. Они вырезаны так, что на первый взгляд кажутся каменными. Нужно как следует взглядеться, чтобы понять, что они из дерева. Может быть, когда-нибудь я достигну такого же мастерства и вдохновения. Но это будет еще нескоро. К тому же у меня нет инструментов, какие нужны для такой работы. У меня есть только то, что сделал для меня Жан.

— Я только хотел выразить свое искреннее восхищение твоей работой, — сказал Харкорт.

— Благодарю тебя, мой господин, — ответила она.

Они дошли до западных дверей храма и остановились, поджидая остальных. Подошел аббат и грузно плюхнулся на ступени. Опустив голову на руки, он проворчал:

— Ну и что мы теперь будем делать?

— Пойдем на запад, — сказал Шишковатый. — На поиски того, что мы ищем.

Аббат поднял голову.

— Но ведь мы идем вслепую, сами не зная куда. Мы можем просто пройти мимо того, что ищем. Может быть, наша цель лежит за холмом, который мы только что миновали, или в укромной долине, а мы даже ничего не заметим. Младенцы, заблудившиеся в дремучем лесу, — вот кто мы такие.

— А что вы ищете? — спросила Нэн.

— Поместье, — ответил Харкорт. — Древнее римское поместье. Иногда его называют дворцом, но скорее всего это поместье.

— Здесь я не могу вам помочь, — сказала она. — Я такого места не знаю.

— Мы двинемся дальше, — сказал Харкорт, — а ты вернешься домой.

— Мне нужно набрать трав и корней, — ответила она, — и после этого я пойду обратно, к себе в хижину. Хотя должна признаться, что чувствую большое искушение отправиться дальше с вами. Я не знаю, что за паломничество вы предприняли, только у меня

давно не было случая побыть с себе подобными, да еще в такой приятной компании. — Она взглянула на Иоланду. — Это милое дитя напоминает мне о моем собственном девичестве. По-моему, в ее возрасте я была очень похожа на нее.

— Ты очень добра, — отозвалась Иоланда.

— Мне не дает покоя одна мысль, — сказала аббат. — Почему они убили старого священника? Он жил здесь много лет, и Нечисть его не трогала. Не могло это быть потому, что они как-то узнали о его встрече с Раулем?

— Возможно, — согласился Шишковатый.

— Вурдалаки убивают только потому, что они голодны, никакой другой причины им не требуется, — возразила Нэн. — Уж их-то я прекрасно знаю. Мерзость ужасная.

Харкорт оставил их сидеть на ступенях и не спеша зашагал через мощный двор. Дойдя до ворот в стене, окружавшей сад, он остановился и долго стоял, разглядывая незнакомую местность, простиравшуюся вокруг. Очень скоро они двинутся дальше, на запад, чтобы продолжать свои поиски. Но на этот раз, как сказал аббат, придется идти вслепую. Они знали только одно: нужно направляться на запад. Но пространства, лежащие к западу, слишком обширны, чтобы можно было тщательно обыскать их в поисках поместья. Конечно, они могли повстречать кого-нибудь по пути — какого-нибудь человека, который поможет им в поисках. Но он знал, что шансы на это невелики. До сих пор за все время странствий им повстречались лишь три человека: коробейник-чародей, старик с попугаем и Нэн.

Приходилось признать, что надежды на успех почти нет. И все же раз уж они зашли так далеко, добрались до самого храма, — о том, чтобы повернуть назад, не могло быть и речи.

Кто-то потянул его за рукав. Он обернулся и увидел, что рядом стоит тролль.

— Господин, ты на меня гневаешься, — сказал он.

— Я просто не люблю троллей, — ответил Харкорт. — А тебя особенно. Ты не только зол, но еще и глуп.

— Я не зол, — сказал тролль. — Я самый ничтожный из троллей. Меня отвергли даже мои соплеменники. Они прогнали меня прочь, когда я пришел просить у

них помощи. А еще раньше они презирали меня за то, что у меня такой маленький и скверный мостик.

— А теперь и никакого нет. Но у меня нет для тебя мостика. Хотя постой. Может быть, мостик будет.

— Ты хочешь сказать...

— Дослушай до конца, — сказал Харкорт. — Если я скажу тебе, где найти мостик, ты от меня отстанешь?

Троль жалобно закивал головой.

— Есть один мост через полноводную реку, который ведет из Брошенных Земель в мое поместье на южном ее берегу. Его давным-давно построили римляне. Я подозреваю, что под его северным пролетом живут тролли, хоть я ничего о них и не слышал. Но под той частью, что упирается в южный берег, никаких троллей нет. Правда, этот мост лежит не на Брошенных Землях, а за их пределами, и местность там будет тебе чужой, а временами даже враждебной.

— Враждебностью меня не испугать, — произнес троль дрогнувшим голосом, — если только она не будет слишком сильной. От моих соплеменников в этой стране я тоже не вижу ничего, кроме враждебности. Но тот мост, о котором ты говоришь, наверное, очень большой.

— Это огромный мост через полноводную реку.

Троль покачал головой.

— Мне там будет неудобно. Я не буду себя чувствовать как дома. Он слишком большой для меня. Всю свою жизнь я прожил под маленьким мостиком, и поэтому...

— Ну тогда проваливай от меня к дьяволу, — сказал Харкорт. — Я рассказал тебе про мост — не хочешь, не бери, только не приставай ко мне больше.

— Но мне так нужен мост, мой господин! Маленький, крохотный мостик, который я мог бы считать своим домом.

— Ничем не могу помочь, — ответил Харкорт. — Если мой мост для тебя слишком велик...

— В этой стране, — сказал троль, — все мосты захвачены и поделены между моими соплеменниками. Они меня к себе не пустят, а я всего лишь маленький троль, мне много не надо, и я такой несчастный...

— Ну хорошо, — сказал Харкорт. — Похоже, придется мне что-нибудь сделать, чтобы ты от меня отстал. Я устрою так, чтобы больше никогда тебя не видеть и не слышать. Я придумаю какой-нибудь способ тебе

помочь, чтобы от тебя избавиться. Тащись с нами, только не попадайся мне под ноги. И не хнычь больше.

— Хорошо, господин, — сказал тролль. — Не буду больше хныкать.

— Если ты вернешься вместе с нами, — сказал Харкорт, — если мы сами вернемся, то я выстрою тебе где-нибудь мостик. Крохотный мостик, жалкий мостик, скверный мостик — как раз такой, какой тебе нужен.

— Мой господин! — вскричал тролль. — Что я могу для тебя сделать, чтобы...

— Отвязаться от меня к дьяволу, — ответил Харкорт. — И держаться от меня подальше. И больше со мной не заговаривать.

— Спасибо тебе, — воскликнул тролль. — Спасибо!

И он убежал.

«Проклятый тролль, — подумал Харкорт. — Как мне надоело его хныканье, и нытье, и шнырянье вокруг, и его несчастный вид, и бесконечные мольбы найти ему этот дурацкий мостик! Когда он потянул меня за рукав, надо было стукнуть его как следует и пинками прогнать прочь. И что это меня дернуло пообещать ему мост — даже пообещать построить мост для него? Наверное, я это сделал, только чтобы избавиться от него. Хотя нет, не только. Как там говорила Нэн: «Бедняга, ему так нужен мост!» Но не одному троллю тут что-то нужно. Нам тоже кое-что нужно. Нужно найти виллу, нужно...»

Вдруг он заметил в глубине леса какое-то движение — сначала что-то будто метнулось от одного дерева к другому, потом что-то еще мелькнуло рядом. Харкорт насторожился и вгляделся в лес, пытаясь разглядеть, что это было. «Наверное, просто птицы перелетают с дерева на дерево, — сказал он себе. — Я слишком возбужден. Целые дни напролет напряженно жду, не покажется ли Нечисть. Уже дошел до того, что Нечисть чудится мне за каждым кустом». Он постоял еще, глядясь, но ничего больше видно не было, среди деревьев ничего не мелькало. Он решил, что у него просто разыгралось воображение — ничего там нет. Сад вокруг храма и окружающие леса тихо нежились в теплых лучах послеполуденного солнца.

Он не спеша зашагал назад, к лестнице, где сидели все остальные. Ему пришло в голову, что зря расслаживаться нечего, надо трогаться в путь. Конечно, приятно

после обеда посидеть на солнышке, но времени на это нет. Вот когда все будет позади, когда их путешествие закончится и они вернутся домой, — тогда можно будет после обеда сколько угодно сидеть на солнце, предаваясь праздности.

Не успел он дойти до нижней ступени лестницы, как аббат внезапно вскочил, подняв над головой булаву. Вскочили и остальные.

— Нечисть! — взревел аббат.

Харкорт мгновенно повернулся, выхватив меч, и увидел, что через ворота хлынула Нечисть. Великаны и тролли, баньши и вурдалаки, гарпии и гоблины — вся Нечисть, какая только бывает на свете, неисчислимой ордой рвалась к ним, теснясь в узких воротах.

Над головой у него просвистела стрела, выросший прямо перед ним великан пошатнулся и схватился за горло, из которого торчало еще дрожащее древко. Но сзади, через тушу упавшего великана, лезли новые и новые чудища, оскалив клыки и протягивая вперед когти. Они надвигались в молчании, совершенно беззвучно, если не считать шороха лап по камням. Харкорт подумал, что это еще страшнее, чем даже самый яростный рев. В их молчании ощущалась жуткая целеустремленность, словно они получили задание и намерены выполнить его без лишней затраты сил.

Харкорт быстро шагнул вперед. Кто-то толкнул его слева. Мельком он увидел, что это аббат, огромный и могучий, с поднятой булавой, несется на врага, как будто нет такой силы, которая могла бы его остановить. Впереди наступал Шишковатый, размахивая над головой сверкающей на солнце секирой.

Перед Харкортom, немного правее, покатился на землю тролль со стрелой в груди. Не поворачивая головы, Харкорт понял, чьи это стрелы. Там на ступенях стояла Иоланда, подняв смертоносный лук и методично, не спеша, посылая точно в цель стрелу за стрелой.

«Значит, в лесу действительно что-то было, — мелькнуло в голове у Харкорта. — Я действительно там что-то видел. Что-то там пряталось, это была не игра воображения. Надо было постоять еще, посмотреть повнимательнее...»

Он изо всех сил ударил мечом надвигавшегося великана. Острая сталь обрушилась великану на макушку. Лицо его развалилось надвое, из разрубленной головы

хлынули кровь и мозг, и Харкорт снова взмахнул мечом, готовый разить снова и снова. Распустив по подбородку слюни, к нему потянулся тролль, но прежде чем Харкорт успел нанести удар, на голову тролля опустился массивный железный шар, размозжив ее вместе со слюнями. Аббат с ревом расчищал себе путь булавой в самую гущу Нечисти, которая лезла и лезла, как будто ей нет конца.

«Слишком их много, — подумал Харкорт. — Сколько мы ни перебьем, их натиск будет продолжаться, и в конце концов они нас просто сомнут».

Гарпия подпрыгнула высоко в воздух, расправив крылья, и ринулась на него сверху. Но она еще не успела дотянуться до него, как стрела угодила ей прямо в разинутую пасть, пронзив насквозь. Гарпия рухнула на Харкорта. Левой рукой он отшвырнул ее прямо в лицо великану, приближавшемуся слева. Великан потерял равновесие и начал падать. Булава аббата угодила ему в голову, и он свалился на землю, под ноги наседавшей Нечисти.

В глазах у Харкорта все заволокла багровая пелена ярости и отчаяния. Больше отчаяния, хотя он этого еще не сознавал. Справа от него возвышался Шишковатый с секирой, столь же багровой, как и пелена, стоявшая перед глазами Харкорта. Острое лезвие секиры раз за разом погружалось в толпу наседавших врагов.

И вдруг Харкорт увидел, что справа от него, между ним и Шишковатым, стоит еще один человек — воин с мечом, разящим точно и насмерть. «Не может быть, — подумал Харкорт. — Из всех нас меч есть у меня одного». Он успел мельком увидеть только силуэт этого человека, лишь ощутил его присутствие, потому что не мог ни на секунду повернуть голову и посмотреть в ту сторону. «Если рядом появился еще кто-то с мечом и бьется вместе с нами, — спасибо ему». Но ни на что кроме благодарности времени у Харкорта не оставалось.

Кто-то из Нечисти наскочил на него с разинутой пастью, и он нанес удар прямо в глотку. Он не успел заметить, кто это был — великан или тролль, сейчас все они казались на одно лицо. Они превратились в одного безликого врага, которого нужно колотить и рубить. У этой чудовищной безликой тени были только сверкающие клыки и безжалостные когти, и нужно было

одно — разить и разить ее, как можно чаще и как можно сильнее.

Он утратил всякое чувство времени. Не осталось ни прошлого, ни будущего, а одно только жгучее настоящее. Он спотыкался о лежащие на земле извивающиеся туши, стараясь не упасть. Ноги скользили по залитым кровью камням. Казалось невероятным, что битва все продолжается, что он и его товарищи еще держатся, а ряды наступающих не редуют. Нечисти не было конца, как будто новые и новые массы ее сыплются в гущу боя по какой-то невидимой трубе, чтобы встать на место убитых.

Снова и снова под звон тетивы у него над головой пролетали стрелы, чтобы повергнуть на землю какое-нибудь истекающее пеной от ярости чудище, которое приблизилось слишком близко. Это значило, что Иоланда еще там, сзади, на ступенях храма. Прорваться к ней Нечисти пока не удалось, а тех, кто пытался это сделать, она валила стрелой, не давая им подойти близко. Справа от него все еще виднелся аббат, а слева должен быть Шишковатый, хотя его что-то давно не видно. Может, Шишковатый уже сражен, а он об этом ничего не знает? Но тут же справа все еще продолжал сражаться кто-то другой с мечом.

И вдруг между Харкортom и аббатом врезалось в гущу врагов что-то очень массивное. Оно обрушилось на Нечисть, раздавая удары направо и налево. Передние ряды Нечисти качнулись назад по всему фронту, потому что массивная фигура оказалась не одна — их было несколько. Теперь, когда атака начала выдыхаться, Харкорт смог бросить взгляд в ту сторону и увидел, что это приземистые, угловатые горгульи. Продвигаясь вперед на крепких кривых ногах, они молотили могучими кулаками, похожими на дубины, повергая на землю Нечисть, которая оказывалась у них на пути. Трещали черепа, ломались кости, а горгульи все дальше вклинивались в толпы Нечисти, передние ряды которой уже не двигались вперед, а пятились назад, пытаясь отбиваться и преодолевая натиск тех, кто напирал сзади.

Горгульи?! Откуда взялись горгульи и почему они пришли на помощь людям против Нечисти? Харкорт не видел здесь никаких других горгулий, кроме тех, что смотрели на них со стены над входом в храм. Неужели это те самые горгульи? Наверное, потому что никаких

других здесь нет. Харкорт бросил быстрый взгляд через плечо и увидел, что над входом в храм сидит как будто меньше горгулий, чем раньше: часть мест, которые они раньше занимали, теперь пустует. Перед входом в храм стояли на ступенях Иоланда и Нэн, обе с луками в руках. Где Нэн могла найти лук и стрелы? До сих пор у нее их не было, да она и сама говорила, что охотник из нее плохой. Но она стояла там, на ступенях, рядом с Иоландой, держа в руках лук.

Бросив назад только один взгляд, Харкорт снова повернулся, чтобы встретить Нечисть лицом к лицу. Но Нечисти перед ним не оказалось — во всяком случае, в пределах досягаемости. Нечисть удирала через ворота, а за ней двигались горгульи, повергая на землю всех, до кого могли дотянуться. Они не издавали ни звука — смертоносные, неумолимые, целиком поглощенные истреблением. И тут он увидел, что это те самые деревянные горгульи, что были вырезаны из дерева взамен упавших каменных.

Он обернулся, чтобы еще раз взглянуть на поредевшие ряды горгулий над входом в храм, и в поле его зрения попал незнакомец, который сражался рядом с ним. Он сразу узнал его.

— Децим!

Римлянин поднял свой меч.

— Приветствую тебя, Харкорт, — сказал он. — Мы с тобой неплохо поработали.

Он был в легких доспехах, на шлеме торчало единственное алое перо, помятое и обломанное. Остальные куда-то исчезли.

Увидев, с каким удивлением уставился на него Харкорт, центурион усмехнулся.

— Вид у меня не самый лучший, — сказал он. — Не слишком похож на того блестящего офицера, какого ты видел там, у реки.

— Я думал, ты погиб, — ответил Харкорт. — Мы нашли поле битвы — то есть мы его видели. Я смотрел, не видно ли там твоих алых перьев.

— Я же тебе говорил, что наш тщеславный трибун всех нас утробит.

— Да, помню.

— Он всех и утробил — кроме меня. Я единственный, кто остался в живых.

К ним, хромая, подошел Шишковатый. Шерсть на левом боку у него была вся в крови.

— Это один великан меня задел, — ответил он на вопросительный взгляд Харкорта. — Ничего страшного, просто несколько царапин. Я немного увлекся и подпустил мерзавца слишком близко.

— Ты хромаешь.

— Получил от кого-то по ноге. Не знаю, от кого. Может быть, от одной из горгулий. Откуда они, кстати, взялись? И что это у нас за новобранец?

— Ты должен был видеть его совсем недавно в замке. Это один из римлян, которые там останавливались по пути.

— А, теперь припоминаю, — сказал Шишковатый. — Кажется, Децим? Не помню, как дальше.

Римлянин поклонился.

— Децим Аполлинарий Валентуриан к вашим услугам. От ворот вернулся аббат.

— Все разбежались, — объявил он. — Горгульи гонятся за ними по лесу. Мне кажется, это те самые горгульи, что гнездились там над входом.

— Это они, — ответил Харкорт.

— Неисповедимы пути Господни, — отозвался аббат и повернулся к Дециму: — А ты ведь тот римлянин? Я заметил тебя в свалке, только не было времени с тобой поздороваться.

— Всем нам было не до приветствий, — сказал Децим.

К ним по ступеням спустилась Иоланда, за которой следовала Нэн.

— Нечисть ушла? — спросила она. — На самом деле ушла?

— Ушла, моя госпожа, — ответил ей аббат, — и во многом благодаря тебе и твоей меткости. И благодаря Нэн тоже. Я вижу, у нее тоже есть лук.

— Это твой лук, — сказала Нэн. — Когда ты уселся на ступенях, ты снял его с плеча, и он остался там лежать. Я не стрелок и мало что могла сделать. Так, постреливала время от времени, когда мне казалось, что это будет полезно. Я старалась не тратить стрел понапрасну. У Иоланды это получалось куда лучше.

Повсюду вокруг, до самых ворот, грудами лежали мертвые тела Нечисти, из многих торчали стрелы.

— Стрелы надо собрать, — сказала Иоланда. — Нечисть может вернуться.

— Только не сейчас, — возразил аббат. — Может быть, позже они смогут перегруппироваться и нападут опять. Но только не сейчас. Тем не менее я пойду соберу стрелы, и если в ком-нибудь из них еще остались признаки жизни, я уж постараюсь, чтобы они передохли окончательно.

— Ты самый кровожадный аббат, какого я видел, — сказал Шишковатый.

— Истории известно много воинствующих священнослужителей, — ответил аббат. — Я и не подозревал, что так к этому склонен.

— Что есть, то есть, — подтвердил Децим. — Мне еще ни разу не приходилось видеть такой смертоносной булавы.

— Ты ранен, — обратилась Нэн к Шишковатому. — Ты весь в крови.

— Ничего страшного, — ответил тот. — Просто царапины.

— Обязательно воспользуйся той своей мазью, — сказал аббат. — Я с удовольствием подержу тебя, пока Чарлз будет ее втирать.

— Мне кажется, не стоит здесь задерживаться, — сказал Харкорт. — Немного погодя Нечисть оправится и вернется сюда. Наши вещи лежат у самого входа в храм. Надо забрать их и не мешкая уходить.

— Опять бежать! — недовольно сказал аббат. — С тех пор как мы оказались в этой проклятой Богом стране, мы только и делаем, что от кого-то бежим.

— Иногда бегство — тоже проявление доблести, — возразил Децим.

В воротах появилась горгулья, за ней другая.

— Я видела, как они слезали с фасада, — сказала Иоланда. — И не могла поверить собственным глазам.

Горгулья с топотом поднялась по ступеням, не произнося ни звука и глядя прямо перед собой. Дойдя до фасада, она начала медленно, с трудом карабкаться по стене. Вторая горгулья тоже поднялась по ступеням и вскарабкалась на место.

— Пойду соберу стрелы, — сказал аббат.

— Я тебе помогу, — вызвалась Иоланда.

Харкорт подошел к римлянину и протянул ему руку. Они обменялись крепким рукопожатием.

— Спасибо тебе, Децим, — сказал Харкорт.

— Не за что, — ответил центурион. — Одно удовольствие драться бок о бок с такими, как ты и те двое. А нельзя мне пойти с вами? Я не помешаю?

— Лишний меч может нам пригодиться, — сказал Харкорт. — Ты доблестный боец.

— Вот и хорошо, — ответил Децим. — А то я остался как-то не у дел.

Еще одна горгулья неуклюже прошествовала через ворота. Она подошла к ступеням, но не стала подниматься по ним, а застыла в неподвижности.

Нэн заставила Шишковатого усесться на ступени, сняла с плеч платок и принялась вытирать им кровь с его левого бока. Он скривился от боли.

— Нечего со мной нянчиться, — сказал он. — Мне доставалось и хуже, однако ничего, выжил.

— Замолчи, — строго приказала она, — и дай мне осмотреть твои раны. Попозже я сварю питье, от которого они быстрее заживут. И натру их той мазью, которая так помогла аббату. Ты говоришь, это просто царапины, и похоже, что так оно и есть, но надо посмотреть как следует.

— Ну а ты? — спросил он. — Останешься здесь собирать свои травы и коренья?

Она покачала головой.

— Теперь ничего не выйдет. Нечисть видела, как я стояла на ступенях и стреляла из лука.

— Но скрыться в своей хижине ты тоже не сможешь. Тебя найдут и убьют.

— Знаю, — сказала она. — Мне остается только отправиться с вами. Я буду идти быстро. Постараюсь вас не задерживать.

— Можешь быть уверена, что медленнее аббата тебе идти не удастся, — сказал Шишковатый. — Он вечно пыхтит, задыхается и умоляет присесть передохнуть.

— Аббат благочестивый человек, — возразила она с упреком, — и к тому же прекрасный боец.

— Что правда, то правда, — согласился Шишковатый.

Одна за другой в воротах появлялись возвращающиеся горгульи. Большинство их снова забиралось на фасад и занимало свои ниши, но две остались внизу и тоже застыли в неподвижности рядом с первой.

Аббат и Иоланда вернулись со стрелами, которые вытащили из поверженных тел. Харкорт и Децим подошли поближе.

— Как он? — спросил Харкорт у Нэн, кивнув в сторону Шишковатого.

— Все так, как он сказал, — ответила она. — Простые царапины. Кровь уже почти не течет. С лечением можно подождать до вечера, когда остановимся на ночлег.

— Она идет с нами, — сказал Шишковатый.

Харкорт кивнул:

— Я так и думал.

Харкорт огляделся. Если не считать валявшихся повсюду трупов Нечисти, все было точь-в-точь как раньше. Сад по-прежнему нежился на солнце. До заката оставалось еще несколько часов, и, если поспешить, можно было до темноты пройти изрядное расстояние.

Он указал на трех горгулий, все еще неподвижно стоявших у подножья ступеней.

— А что делать с этими? — спросил он.

— Не знаю, — отозвалась Нэн. — Это те, кто не стал подниматься назад, на свое место. Не могу понять, чего они тут ждут.

— Пойдем, помоги мне вынести из храма наши вещи, — сказал Харкорт аббату. — И сразу двинемся в путь.

— Интересно, а где наш тролль? — спросила Иоланда. — Кто-нибудь его видел?

Выяснилось, что тролля не видел никто.

— Должно быть, смылся при первых признаках заварухи, — сказал Шишковатый. — Лично я его за это не виню.

Еще одна горгулья появилась в воротах и выстроилась в ряд с тремя остальными.

Харкорт и аббат спустились вниз с мешками, и все принялись пристраивать их на плечи.

— Давай я понесу твой, — сказал Децим Шишковатому. — Тебе, наверное, больно.

После некоторого колебания Шишковатый ответил:

— Пожалуйста. А завтра я уж сам.

Они тесной кучкой направились к воротам. А за ними тяжелой поступью зашагали горгульи с фасада храма.

Глава 22

Попутай, который остался снаружи, когда они вошли в храм, а во время битвы либо куда-то улетел, либо где-то затаился, теперь появился снова. Он сидел на плече у аббата, то и дело раздражаясь громкими криками. Аббат строгим и раздраженным тоном прочел ему целую проповедь о том, что молчание есть добродетель, но попутай или ничего не понял, или не обратил на его слова ни малейшего внимания.

Четыре горгульи разместились, как сторожевые разъезды, по обе стороны путников — две немного впереди, две сзади.

— С тех пор как мы отправились в путь, наша компания выросла больше чем вдвое, — заметил Шишковатый Харкорт. — Даже если не считать попугая, мы выбрали уже шестерых — Нэн, этого римлянина и четырех горгулий.

— И еще один куда-то запропастился, — ответил Харкорт. — Ты давно не видел тролля?

— Давно, — сказал Шишковатый. — Но я его не считал, он просто увязался за нами.

— Не слишком мне нравится наше положение, — продолжал Харкорт. — Правда, горгульи разогнали Нечисть, но зато мы вышли на открытую местность, за спиной у нас теперь нет храма. Через день-два, если не раньше, они нападут на нас снова.

— Мы их хорошо отделали, — возразил Шишковатый. — Впредь будут умнее. Пусть теперь зализывают раны.

— Обычно они не тратят много времени на зализывание ран.

— Боюсь, тут ты прав, — согласился Шишковатый. — Мы должны быть готовы. Спасаться бегством нет смысла: если они на нас навалятся, придется принять бой.

— Лучше бы Иоланда шла вместе со всеми, — проворчал Харкорт. — Но нет, ей обязательно надо шнырять впереди. Уходить так далеко в одиночку опасно.

— Я думаю, она где-то поблизости. Вряд ли она уходит так уж далеко. Я только недавно ее видел — вон там, справа.

— Как твои царапины?

— Жгут немного. И весь бок онемел. Когда остановимся на ночь, можешь втереть мне мази — у меня еще много осталось.

— Я могу сделать это прямо сейчас, это займет всего несколько минут.

— Нам нельзя терять время.

— Ну хорошо, тогда вечером. Аббат сказал, что поможет тебя держать.

— Меня держать не придется, — сердито проворчал Шишковатый.

Лес понемногу редел, в нем все чаще попадались открытые поляны. Деревья стали мельче и стояли уже не так тесно. «Это к лучшему, — подумал Харкорт. — Нечисть не сможет подобраться к нам незамеченной».

Шишковатый ушел вперед, а Харкорт замедлил шаг, и его догнал римлянин. Некоторое время они шли молча, потом Децим сказал:

— Не могу выразить, как я рад, что повстречался с вами. Я несколько дней плутал по лесу, не зная, где нахожусь, и каждую минуту ожидая, что на меня кинется какое-нибудь злобное чудовище. Продвигался я медленно — то и дело приходилось останавливаться, чтобы оглядеться.

— Я тоже рад, что ты нас нашел, — ответил Харкорт. — Нас до смешного мало. Лишний боец нам очень кстати.

— Я очень удивился, когда вас здесь увидел, — продолжал Децим. — Почему ты не сказал мне там, в

замке, что вы собираетесь на Брошенные Земли? Я бы предложил вам идти с нами. Впрочем, кончилось бы это плохо.

— Вас было слишком много, и вы слишком долго здесь пробыли, — сказал Харкорт. — Вы привлекли к себе Нечисть со всей округи. Они спешили к вам отовсюду. Наверное, только благодаря этому мы и смогли проникнуть так далеко.

— Я спорил с трибуном, — сказал Децим. — Говорил ему, что пора повернуть назад. За два дня до нападения мы вышли на старую римскую дорогу. Если бы мы тогда же двинулись по ней обратно форсированным маршем, мы бы очень скоро оказались на том берегу реки.

— А он отказался?

— Ему не терпелось прославиться. Ему нужно было одно — громкая победа. Он сам напросился на это сражение, друг мой.

— А ты?

— Я перетрусил, — признался Децим. — И вот я все еще жив, а все наши храбрецы погибли. В том числе и трибун, надеюсь.

— Ты сбежал?

— Ну, не совсем сбежал. В разгар схватки мне от кого-то здорово досталось по голове. Может быть, даже от кого-то из наших — надеюсь, что не нарочно. Я был неплохим командиром. По крайней мере, мне так казалось. Так или иначе, я получил по голове и свалился на землю. Должно быть, потерял сознание. Очнулся я заваленный грудой тел. Прямо на мне лежал огромный мерзкий тролль, несомненно мертвый. Я осторожно выглянул из-под трупов и увидел, что битва идет к концу. Наши легионеры, рассыпавшись кучками, стояли насмерть, со всех сторон окруженные Нечистью. Кое-кто пытался бежать, но их быстро настигали. Чудища бродили по всему полю боя, добывая раненых.

— И ты остался лежать среди мертвых?

— Долг римлянина требовал, чтобы я вскочил, с криком радости бросился к своим верным солдатам и героически погиб вместе с ними. Но я сказал себе: «Децим, Господь дал тебе возможность отделаться одной только шишкой на голове, ты должен быть ему благодарен». И я остался на месте, притворившись мертвым. Рядом умирал один из наших — так близко,

что я мог бы до него рукой достать. Наверное, надо было попытаться ему помочь, хотя бы протянуть ему руку, чтобы он знал, что умирает не в одиночестве. Хотя, говоря по совести, кроме такого довольно бессмысленного знака сочувствия, я для него все равно ничего не смог бы сделать. И если бы даже попробовал, меня бы тут же обнаружили и прикончили. В конце концов он умер, но длилось это долго, и стонал он временами очень жалостно. Наконец битва окончилась, наступила ночь, крутом было совсем тихо. Я выполз из-под этого грязного вонючего тролля и тихонько смылся с поля боя — большей частью ползком на брюхе. Вот почему я оказался здесь.

Он повернулся к Харкорту.

— Теперь можешь меня осудить. Можешь назвать меня трусом.

— Я никого не берусь осуждать, — ответил Харкорт. — И меньше всего тебя. В таком положении я вполне мог поступить точно так же. Не берусь сказать наверняка, что бы я сделал, но вполне возможно, что то же самое. Поступить так мог бы каждый.

— Приятно знать, что ты меня понял, — сказал римлянин, — пусть даже я не внушаю тебе восхищения.

— Восхищение тут ни при чем. Я же говорю — я рад, что ты с нами. Если бы не твоя помощь, Нечисть, возможно, смяла бы нас еще до того, как горгульи слезли с фасада и вступились за нас.

— А что ты знаешь про этих горгулий?

— Ничего. Меня это приводит в такое же недоумение, как и тебя. Я знаю только одно: те, что пришли нам на помощь, сделаны не из камня, а из дерева. Очевидно, их вырезали взамен каменных, которые упали и разбились о камни внизу. Но кто их вырезал, зачем он это сделал и почему они спустились, чтобы нас выручить, я не имею ни малейшего представления.

— Здесь пахнет чародейством.

— Мне тоже так кажется. Но что это за чародейство, я и подумать боюсь.

— Во всяком случае, оно пошло нам на пользу. Что в этих местах случается довольно-таки редко.

— Да, ты прав, — согласился Харкорт.

— У меня есть привычка задавать на один вопрос больше, чем нужно, — продолжал Децим. — Вот и

сейчас я хочу задать тебе этот лишний вопрос. Не могу понять, что вы вообще здесь делаете.

— Мы выполняем свою миссию.

— О которой ты не хочешь говорить?

— О которой мы не хотим говорить, — подтвердил Харкорт. — Могу только сказать, что миссия опасная — ты это сам видишь.

— Опасности меня не смущают, — ответил римлянин, — если только не считать исключительных обстоятельств. Разве что иногда меня вдруг осеняет обыкновенный здравый смысл. А в остальном я ничуть не хуже других.

Как только начало темнеть, они остановились на ночевку у родника в верховье небольшой долины. Местность была открытая — со всех сторон возвышались безлесные холмы, на склонах которых лишь кое-где стояли кучки деревьев.

Путники развели костер, чтобы поджарить пшеничных лепешек и сала. Вокруг лагеря стояли, как часовые, горгульи. Харкорт втер Шишковатому мазь в раны. Тот лежал смирно, и помощь аббата не понадобилась, хотя он стоял поблизости наготове с попугаем на плече.

Нэн и Иоланда, хлопотавшие у огня, позвали всех есть, и они уселись вокруг костра.

— Приятное местечко для ночевки, — сказал Децим. — Ни деревьев нет слишком близко, ни этого надоедливое болото. И как-то спокойнее себя чувствуешь, когда тебя сторожат горгульи.

— Может быть, нам даже не надо сегодня выстав-
лять своих часовых, — сказал аббат. — Эти горгульи...

— Часовые будут, — решил Харкорт. — Я сторожу первым, Гай вторым, а...

— Поставь следующим меня, — предложил Децим. — Шишковатому надо бы как следует выспаться.

— Ты весь день нес мой мешок, — возразил Шишковатый, — а теперь ты хочешь еще за меня сторожить. Мне вовсе не нужно столько поблажек.

— Мне кажется, тебе бы лучше согласиться, — сказал Харкорт мягко. — Выспаться тебе не повредит. Тогда, если ты не возражаешь, сторожи первый, — обратился он к Дециму. — Я буду третий, а аббат посередине.

— Мне все равно, — ответил центурион.

— Имей в виду, что у нас есть одно правило, — сказал Харкорт. — Часовой не должен задерживаться на посту, чтобы дать подольше поспать тому, кто его сменяет. Мы тут из себя героев не изображаем.

— Хорошо, я это правило выполняю, — не без некоторого высокомерия согласился Децим.

Луна уже спускалась к горизонту, когда аббат растолкал Харкорта.

— Все как будто спокойно, — сказал он. — Я ничего не слышал, горгульи по-прежнему стоят на часах. За все это время они ни разу не шевельнулись. И не произнесли ни единого звука. Я было подошел и попробовал с ними заговорить, но они не отвечают. Как будто не слышат. И не обращают никакого внимания.

— Они так ведут себя с тех пор, как слезли со стены, — сказал Харкорт. — Нас они не замечают, или делают вид, что не замечают. Как будто вообще не знают о нашем существовании. Но они должны о нем знать, ведь они идут с нами и охраняют нас. А если не говорят, то может быть, просто не умеют.

Аббат понизил голос.

— А что это за фокусы с тем, в каком порядке нам сторожить? Ты не совсем доверяешь нашему другоримлянину?

— Я не спал, — сказал Харкорт, — и смотрел за ним, пока ты его не сменил.

— Значит, ты ему не доверяешь.

— Послушай, Гай, ведь я его не знаю.

— Но он доблестно дрался вместе с нами.

— Знаю. Но чтобы доверять человеку, нужно его знать. Тому, кто стоит на посту, мы вверяем свои жизни. Может быть, он и есть такой, каким кажется на первый взгляд, но готов ты вверить ему свою жизнь?

Аббат задумался.

— Не уверен, — сказал он и добавил: — Ты мне иногда перестаешь нравиться, Чарлз. Ты нелегкий человек, и у тебя бывают нехорошие мысли.

Харкорт ничего не ответил, и аббат принялся шарить в темноте, разыскивая свое одеяло. На плече у него что-то бормотал попугай.

Заходящая луна заливала все мягким сильным светом. Она освещала четырех горгулий, и они отбрасывали длинные черные тени. Как и сказал аббат, горгульи стояли неподвижно, словно врытые в землю. Поодаль

справа темным пятном выделялась небольшая рощица. Харкорт внимательно гляделся в ту сторону. Стояло полное безветрие, ни одна ветка не шевелилась. Никакого движения в рощице не было заметно. Вокруг стояла полная тишина. Харкорт отошел на некоторое расстояние от костра и присел. «Где-то там, неподалеку, прячется Нечисть, — напомнил он себе. — Та, что напала на нас в храме, а может быть, и еще более многочисленная. Слух о нашем присутствии должен был распространиться, так же как распространился слух о появлении римской когорты. Теперь, когда когорта уничтожена, очередной жертвой должен стать наш маленький отряд. Четверо мужчин, две женщины, четыре горгульи и попутай — не слишком внушительная сила, чтобы устоять перед натиском. Там, у храма, тыл у нас был защищен самим зданием, а внезапная атака горгулий решила судьбу битвы. Но здесь и, может быть, еще на много лиг вперед, наш тыл будет оставаться ничем не прикрытым, придется обороняться со всех сторон, и в конце концов Нечисть нас одолеет. Может быть, еще не сегодня, может быть, не завтра, но рано или поздно это случится, и тогда придется принять бой. Конечно, было бы очень благородно и мужественно заявить, что нам удастся выстоять, что мы сумеем доблестно отбить атаку или что нас выручит какое-нибудь непредвиденное обстоятельство, что мы уцелеем и сможем продолжать путь. Только рассчитывать на это глупо и бессмысленно».

Он постарался отогнать эти мысли, но не видел никаких доводов, которые могли бы их опровергнуть. «Мы все равно что уже мертвые», — сказал он себе. Прятаться от Нечисти было больше невозможно. Если не сейчас, то в самом скором времени бесчисленные полчища Нечисти должны были окружить их со всех сторон.

«А может быть, наш крохотный отряд не так уж для них и важен?» — подумал он, но тут же отрицательно покачал головой. Пусть он невелик и не представляет большой опасности, не то что целая римская когорта, но это прямой вызов, брошенный в лицо Нечисти. И она удовлетворится только тогда, когда он будет уничтожен. Каких бы понятий о чести ни придерживалась Нечисть, она должна истребить пришельцев.

Он услышал какой-то шорох и резко повернулся. Это была Иоланда, которая почти беззвучно подошла к нему и присела рядом.

Обрадованный, что шорох не грозил никакой внезапной опасностью, Харкорт протянул руку, обнял ее и привлек к себе.

— Я рад, что это ты, — сказал он.

— Кто же еще это мог быть? — шепнула она, тихо засмеявшись. — Кто еще может так бесшумно к тебе подойти? Это я уже второй раз.

Он припомнил тот, первый раз, когда, обхватив ее лицо, поцеловал ее. Теперь он чувствовал угрызения совести за этот поцелуй. Какое право он имел ее целовать? Если ему и суждено кого-то целовать, то лишь пропавшую бесследно Элоизу.

— Ты думаешь о том, что нехорошо поступил тогда, когда меня поцеловал, — сказала Иоланда.

— Откуда ты знаешь?

— У тебя такой виноватый вид. Ты думаешь об Элоизе.

У него перехватило дыхание.

— Об Элоизе?

— По-твоему, никто не знает об этой навязчивой мысли, которая порождена горем и отчаянием и не оставляет тебя ни на минуту? Об этой твоей собственной Голгофе? Про это известно всем, кто живет в твоих владениях. И не только им. Как можно так истязать себя из-за женщины, которая уже семь лет как мертва?

Потрясенный, он изо всех сил старался сдержать гнев.

— Это разрывает тебе сердце, — продолжала она. — Все видят, как это разрывает тебе сердце...

— Иоланда! — резко прервал он ее.

— Я знаю, что вмешиваюсь не в свое дело, — сказала она. — Что мне не подобает говорить с тобой о...

— Иоланда, что тебе известно о нашей миссии?

— Только то, что я слышала и о чем могла догадаться. Ты мне никогда ничего не говорил. Никто мне ничего не говорил, но я знаю, что вы ищете призму Лазандры, в которой заключена душа святого...

— Не только призму. Не только душу святого.

— А что еще?

— Элоизу. Есть надежда, что, найдя призму, мы найдем и Элоизу.

Она посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Разве это возможно? Я была бы так за тебя рада!

— Это возможно, Иоланда. Маловероятно, но возможно. Священник — тот, кого мы нашли мертвым в храме, — рассказывал моему дяде, что слышал имя Элоизы...

— Этому трудно поверить, — сказала Иоланда. — Но я надеюсь...

— Этому почти невозможно поверить, — подтвердил он. — Потому-то я и мучаюсь. Время от времени я говорю себе, что это невозможно, что глупо на это надеяться. А потом у меня снова появляется надежда, и я убеждаю себя, что чудо возможно.

— Тебе нужно спокойнее к этому относиться, — сказала она рассудительно. — Не позволяй себе слишком надеяться. Если тебя постигнет разочарование...

— Я готов испытать разочарование, — сказал он. — Я стараюсь заранее с ним смириться.

Она отстранилась от него.

— Но я пришла поговорить не об этом. Есть еще кое-что.

Она заколебалась. Харкорт молча ждал.

— Я слушала раковину, — сказала она наконец. — Ту морскую раковину...

— Раковина что-то тебе сообщила?

— Да. Она говорит, что для нас есть убежище. Место, где мы будем в безопасности. Мы должны отправиться туда сейчас же. Нечисть собирает силы против нас.

— А она тебе не сказала заодно, где находится это безопасное убежище? — спросил он, усмехнувшись.

— К северо-западу отсюда, — ответила она, не обратив внимания на его усмешку. — В небольшой долине.

— И нам надо трогаться сейчас же?

— Раковина советует отправиться в путь немедленно.

Харкорт встал и протянул руку, чтобы помочь ей подняться.

— Что ж, значит, отправляемся прямо сейчас, — сказал он.

Ниже по склону из рощицы, которую Харкорт так внимательно разглядывал, показалась какая-то фигурка, которая стремглав понеслась в их сторону, пригнувшись, низко опустив голову и нелепо размахивая руками. Харкорт схватился за рукоятку меча, но не вынул

его из ножен. Две горгульи, внезапно придя в движение, тяжелой поступью поспешно направились наперерез фигурке. Однако Харкорт видел, что перехватить ее они не успеют. Он сделал шаг вперед и выхватил меч. Но Иоланда вцепилась в его руку.

— Не надо, — сказала она. — Разве ты не видишь? Это же наш маленький тролль.

Теперь он и сам видел, что это действительно тролль.

— Я думал, мы от него отделались! — рывкнул он и закричал, обращаясь к горгульям: — Назад! Это свой!

Горгульи застыли неподвижно, потом повернулись и снова заняли свои посты.

— Теперь мы, во всяком случае, знаем, что они нас слышат, — сказала Иоланда. — Пусть и не говорят, но слышат.

Тролль, размахивая руками, подбежал к ним и с разбегу остановился.

— Я очень спешил, — сказал он. — Я спешил вас догнать. — На шее у него все еще болталась петля, а в руке был зажат конец веревки.

— Лучше бы ты не появлялся, — сказал Харкорт. — Ты нам совсем не нужен. Но раз уж ты тут, оставайся. Только не попадайся мне на дороге, понятно? Не вертись под ногами.

— Но я должен был вас догнать, — задыхаясь, выговорил тролль. — Я должен быть с вами. Ты обещал, что построишь мне мост.

Иоланда удивленно взглянула на Харкорта.

— Ты ему в самом деле обещал?

— Боюсь, что да, — ответил Харкорт, поворачиваясь, чтобы разбудить остальных и отправляться в путь — к тому безопасному убежищу, о котором сказала им раковина.

Глава 23

Они не успели пройти еще и двух лиг, как Нечисть напала снова. Маленький отряд поднимался на холм, возвышавшийся среди волнистой равнины. Прямо за спиной у них всходило солнце. До гребня холма оставалось совсем немного, когда из-за него показалась Нечисть. Хищные чудища огромными прыжками понеслись вниз по склону, спеша вцепиться в добычу.

Шишковатый, заметив их первым, закричал во весь голос. Харкорт, неловко стоя на косогоре, увидел, что к нему устремились сразу три великана. Нечисть усеяла весь склон холма. На этот раз она наступала не сплошной стеной, как у храма, а небольшими группами. Слева от Харкорта, немного позади, находился аббат, справа, чуть впереди, почти рядом друг с другом, — Шишковатый и римлянин. Иоланда с Нэн прикрывали тыл. Троль со всех ног бежал вниз, к подножью холма. Попутай, слетев с плеча аббата, кружился у него над головой, оглашая воздух резкими криками. Впереди всех на склоне были горгульи.

Сжимая в руке меч и пытаясь найти под ногами опору понадежнее, Харкорт поджидал нападения великанов. Он понимал, что позиция крайне неудачна для боя: под ногами был неровный косогор. Но ничего не поделаешь, придется биться так. «Не повезло, — подумал он. — Надо же было им застать нас врасплох на голом склоне!»

Бежавший первым великан был уже совсем близко, и Харкорт сделал выпад мечом, целясь ему в шею. Сзади слышались торжествующие вопли аббата, но обернуться и посмотреть не было времени.

Великан с наполовину перерубленной шеей, из которой хлестала кровь, обрушился на Харкорта. Он попытался увернуться, но его правая нога соскользнула с камня, на котором он стоял. Он покачнулся и упал под тяжестью великана. Однако он успел заметить, как одна из горгулий, размахивая своими похожими на дубины лапами, столкнулась с двумя другими великанами, и те повалились на землю.

Падая, Харкорт выронил меч, шепотом выругался и на четвереньках метнулся за ним, ожидая нападения. Но нападения не последовало. Он схватил меч, вскочил и, не увидев перед собой ни одного чудища, обернулся. Вся нападавшая Нечисть была уже там, ниже по склону. «Вот идиоты! — мелькнуло у него в голове. — Хотели опрокинуть и раздавить нас, налетев сверху. Могли бы догадаться, что ничего не выйдет: они разогнались под гору и проскочили мимо, а мы остались целы».

Иоланда стояла на одном колене с луком в руке, готовя стрелу. Рядом с ней стояла пригнувшись Нэн. Аббат, оказавшийся немного выше по склону, бросил свою булаву и тоже доставал лук. Нечисть повернула назад и начала вновь подниматься на холм, приближаясь к ним.

«Теперь мы им покажем!» — сказал себе Харкорт.

Он с грохотом бросил меч в ножны и схватил висевший за спиной лук. «Оружие трусов? — подумал он. — Ничего, сойдет и оно». Кидаться вниз по склону с мечом было бы безумием, а из лука Нечисть можно было перестрелять сверху, как кроликов.

У подножья холма упал тролль со стрелой в груди. Еще один тролль с трудом карабкался вверх. Харкорт поднял лук и начал понемногу опускать его. Оттянув тетиву почти до самого уха, он пустил стрелу и тут же схватил другую. Тролль растянулся на земле, между лопатками у него, дрожа, торчала стрела. Великан, поднимающийся рядом с ним, взмахнул руками и упал со стрелой в горле.

Одна из горгулий спустилась ниже по склону и встала рядом с Харкортom. Другая заняла позицию позади Иоланды. Они тут на всякий случай, подумал

Харкорт, если Нечисть подойдет слишком близко. Пока же горгульи ограничивались тем, что наблюдали, как стрелы косят нападающих.

Нечисть помельче, большей частью бесенята и гоблины, уже удирали врассыпную: похоже, такой способ ведения боя был им не по душе. Но те, кто покрупнее, — тролли, великаны и гарпии — все еще наступали. Одна из гарпий, изо всех сил работая крыльями, тяжело поднялась в воздух.

Харкорт бросил взгляд влево. Там стоял Шишковатый, держа наготове лук. Рядом с ним был Децим с мечом в руках.

Гарпия, беспорядочно махая крыльями, перекувырнулась в воздухе, упала и покатилась вниз. Следом свалились два великана, потом тролль. Ряды наступавших дрогнули. Стрелы одна за другой свистели в воздухе, и все новые тела катились на землю. Наконец Нечисть повернула и бросилась наутек.

Харкорт перевел дух и сунул лук в налучье. Отступающий противник был уже вне досягаемости.

К нему подошел Децим.

— Опять одолели, — сказал он.

Харкорт пожал плечами:

— Их была всего горстка. Совсем молодые — хотели отличиться.

Децим кивнул:

— И наделали глупостей. Неудачная тактика — сразу проскочили вниз. Не могли остановиться. А когда смогли, оказались ниже нас.

— В следующий раз они такой ошибки не сделают, — сказал Харкорт.

— Следующего раза может не быть.

— Будет, — уверенно ответил Харкорт. — Там их еще много, и они твердо намерены нас перебить.

— Иоланда говорила, что есть какое-то безопасное убежище.

— Рассчитывать на это нельзя. Может быть, это неправда. А если такое убежище и есть, мы можем его не найти.

Две горгульи бродили по склону среди убитых, собирая стрелы. Подошли аббат и Шишковатый. Иоланда с Нэн тоже поднялись к ним.

— Все целы? — спросил Харкорт.

Все оказались целы. Децим получил рваную рану в плечо — какой-то тролль, падая, задел его когтями, но не очень сильно. У Нэн на левой руке был кровоподтек — она упала, поскользнувшись на камнях. Остальные были невредимы.

— Дай-ка я посмотрю на этот кровоподтек, — сказал Харкорт Нэн.

— Это пустяк, мой господин. Я просто упала.

Она протянула руку и с благодарностью сжала ему запястье. Он взглянул на ее руку и увидел на пальце перстень с ярко-алым камнем. Иоланда говорила, что это рубин. Не дешевая стекляшка, а рубин чистейшей воды. Камень светился на солнце, словно где-то в глубине его пылало пламя. В стекляшке такого пламени не бывает, подумал он.

— Ну хорошо, — сказал он, — значит, можно двигаться дальше.

Они принялись снова подниматься на холм. Нэн семенила рядом с Харкортom.

— Что думаешь ты о наших друзьях горгульях? — спросила она.

— Ничего не думаю, — ответил он. — Но я рад, что они с нами. А раздумывать о них у меня пока не было времени.

— Это могущественные союзники, — сказала она.

— Да, — согласился Харкорт. — Там, у храма, они спасли нам жизнь.

— Тут не обошлось без чародейства, — сказала она. — Наверное, тот, кто их вырезал, вложил в них какие-то чары.

— А ты не знаешь, кто их вырезал?

— Нет, не знаю, — ответила она. — Одно время я думала...

Она умолкла.

— Одно время? — переспросил он.

Она отрицательно покачала головой.

— Неважно, — сказала она. — Это давние надежды, они уже умерли. И пусть остаются мертвыми.

Он ускорил шаг и догнал Иоланду.

— Что говоришь тебе раковина? — спросил он.

— Некоторое время она молчала, — ответила та. — В последний раз она говорила со мной перед тем, как мы начали подниматься на холм, и сказала, что то безопасное убежище лежит как раз впереди.

— Далеко?

— Этого она не сказала.

— Надеюсь, что не очень, — сказал Харкорт. — Я могу ошибиться, но мне сдается, что Нечисти вокруг видимо-невидимо. И в следующий раз она нападет на нас большими силами.

Сверху к ним неуклюже подошла горгулья, схватила Харкорта за руку и показала вниз. Харкорт обернулся и увидел, что по склону поднимается огромное скопище Нечисти. Расстояние было слишком большое, чтобы разглядеть подробности, — видна была лишь сплошная темная масса, медленно продвигавшаяся вперед. Она излучала целеустремленность и смертоносную мощь.

— Они все еще ниже нас по склону, — тихо сказала Иоланда.

— На этот раз несколько стрел их не остановят, — отозвался Харкорт. — Может быть, немного замедлят атаку, но не остановят.

Подошел Децим.

— Этот дурацкий наскок, — сказал он, — для того и был сделан, чтобы нас задержать. Чтобы дать время подойти остальным.

Харкорт кивнул:

— Очень возможно. Может быть, по ту сторону гребня сейчас тоже поднимается Нечисть. Они взяли нас в клещи.

Аббат, подошедший вслед за Децимом, сказал:

— Во всяком случае, давайте займем позицию на макушке холма. Бежать уже нет смысла. Они перебьют нас поодиночке.

— Верно, — поддержал его Децим. — Надо добраться до вершины, чтобы было время выбрать место поудобнее.

До гребня холма было совсем недалеко.

«Аббат прав, — подумал Харкорт. — Только это нам и осталось. Вот, значит, как все кончится. Наш маленький отряд не может устоять против такого множества Нечисти. На этот раз в тылу у нас не будет храма, придется сражаться на открытом месте, и нападать Нечисть будет сразу со всех сторон. Ей это, конечно, не дешево обойдется, но ничто не поможет нам избежать гибели». Сверху донесся крик. Харкорт обернулся и увидел, что на вершине холма стоит человек с мешком за плечами — небольшого роста, с гладко вы-

бритым, дочерна загоревшим лицом. Он размахивал посохом. На нем были изодранные в клочья штаны и овчинная куртка мехом наружу.

Аббат, стоявший рядом с Харкортom, ахнул.

— Коробейник! — воскликнул он. — Клянусь Богом, коробейник!

— Поднимайтесь вверх! — крикнул им коробейник. — Вверх, если вам дорога жизнь!

— Коробейник! — вскричала Иоланда. — Как ты здесь оказался?

— Ну как же, дитя, — отозвался он. — Я пришел спасти тебя. Спасти вас всех, не дать вам глупо погибнуть.

Они принялись поспешно карабкаться вверх по склону, а коробейник, размахивая посохом, кричал во весь голос:

— Скорее! Скорее!

Достигнув гребня, Харкорт увидел внизу глубокую долину, заполненную кипящим туманом, — как будто утренний туман почему-то не исчез с восходом солнца.

— Еще одно проклятое болото, — задыхаясь, проворчал аббат рядом с ним. — Ни в какое болото я больше не полезу.

— Уверяю тебя, это не болото, — сказал коробейник. — Скорее спускайтесь по той стороне холма и прямо в туман. Там вы будете в безопасности. Только скорее!

Харкорт застыл на месте, собираясь возразить. Здесь, на голой вершине холма, они могли, по крайней мере, дорого продать свою жизнь. Если же Нечисть настигнет их, когда они будут спускаться по склону или в туманной глубине этой долины...

— Скорее, идиот! — заорал на него коробейник. — Ты что, не слышал, что я сказал аббату?

— Я туда не побегу, — ответил Харкорт. — Я останусь здесь и буду сражаться.

— Один? — спросил коробейник, и Харкорт увидел, что в самом деле остался один: все остальные уже бежали вниз, в долину.

— Да, один. Если понадобится, я могу сражаться и один.

— Ты мне не веришь, — сказал коробейник.

— Ничуть не верю, — подтвердил Харкорт. — Я верю только в свою правую руку и во Всемогущего Господа.

— Ты ненормальный! — в ярости накинулся на него коробейник. — Неужели ты ничего не понял? Там, внизу, безопасное убежище! Нечисти вход туда закрыт, там вам ничто не будет угрожать.

Харкорт поглядел назад, в ту сторону, откуда они только что пришли. Нечисть приближалась, она была уже на полпути к вершине и стремительно поднималась. Снизу доносился яростный рев, от которого кровь стыла в жилах.

Аббат и все остальные уже почти добежали до края тумана, заполнявшего долину.

— Я ухожу, — заявил коробейник. — Умоляю, пойдем со мной. Это бессмысленный жест — остаться здесь и принять бой в одиночку.

Харкорт пожал плечами:

— Наверное, ты прав. Но если окажется, что эта долина — не то безопасное убежище, о котором ты говорил...

Он зловеще усмехнулся.

— Не окажется. Говорю тебе, это оно.

— Ну смотри, — пригрозил Харкорт.

Коробейник пустился бежать вниз по склону, Харкорт за ним.

Погрузившись в первые полупрозрачные волны тумана вслед за бегущим во весь дух коробейником, Харкорт остановился и обернулся. Нечисть неслась за ними густой толпой, с ревом, брызгая пеной, спеша вцепиться в добычу.

Но это ей не удалось. Как только чудища достигали самого краешка тумана, они мгновенно останавливались, упираясь всеми конечностями. Некоторые падали и катились по земле, цепляясь за нее, чтобы задержаться. Они налетали друг на друга и валялись целыми грудами, пытаясь остановиться на этой непроходимой границе, рыча и ревя от ярости. Те, что стояли выше по склону, приплясывали в бессильной злобе, издавая леденящие кровь вопли, размахивая стиснутыми кулаками, рассекая воздух сверкающими когтями.

Глядя на них, Харкорт почувствовал непреодолимый ужас. Вот с кем он в своей непомерной гордыне собирался принять бой. Ни один смертный не мог бы и секунды устоять против этого сгустка злобы. При первом же натиске он был бы смят, раздавлен, разорван в мелкие клочья. Во мгновение ока от него не осталось бы и следа.

Нечисть остановил туман. Туман и чары: он понял, что сам туман ничего не значит, что он не более чем внешнее проявление чар. Кто и зачем наложил такие могучие чары на это место в самом сердце Брошенных Земель?

Нечисть начала понемногу отходить вверх по склону — нехотя, волоча ноги. Первый порыв злобы и ярости оставил их, и теперь они отступали, поняв, что добыча ушла у них из-под носа и отомстить не удалось.

Харкорт снова повернулся и посмотрел вниз, в глубь долины. Это было узкое ущелье, усеянное скатившимися вниз валунами и заросшее утрюмыми вековыми деревьями. Над ним, как растянутое одеяло, висела тяжелая тишина.

Снизу, пыхтя и задыхаясь, поднимался аббат. Он подошел и остановился прямо перед ним.

— Идиот проклятый! — выкрикнул он. — Ты собирался сражаться с ними? Принять бой, чтобы прикрыть наше отступление? Неужели ты не поверил коробейнику?

— Нет, не поверил, — ответил Харкорт. — С какой стати я должен ему верить? С его дурацкими раковинами, со всеми этими разговорами про Колодец Желаний, про то, что надо опасаться драконов...

— Раковина сообщила нам про это место, — возразил аббат. — А там, в обители Древних, коробейник стоял плечом к плечу с Шишковатым и Иоландой.

— Да, как будто, — сказал Харкорт. — Но даже Иоланда не была в этом уверена.

— Оууууу! — прокричал попугай.

— Пойдем, мой друг, — сказал аббат Харкورتу. — Оставь пока всякую мысль о том, чтобы сражаться с Нечистью. Сейчас, во всяком случае, нет нужды с ней сражаться. Будь благодарен за то, что мы еще живы.

— Я благодарен за это, — ответил Харкорт.

— Тогда пойдем со мной.

Они вместе спустились вниз, обходя валуны и деревья, и увидели, что остальные уселись в кружок между скатившимися вниз валунами.

Иоланда подбежала к Харкорту.

— Значит, ты в безопасности! — воскликнула она. — Я так беспокоилась! Когда я оглянулась, ты все еще стоял на вершине. И как будто спорил с коробейником. О чем ты с ним спорил?

— Он не спорил, — сказал аббат. — Он остался наверху только для того, чтобы прикрыть наше отступление.

— Это неправда, — заявил Харкорт. — Я просто не поверил ни одному его слову.

— Ты не веришь ничему, что не можешь потрогать руками, — сказал ему аббат. — Чарлз, ты полон противоречий. Ты романтик, ты циник...

— Господин аббат, — перебила его Иоланда, — сейчас не время философствовать. Мы наконец в безопасности, это самое главное.

Она взяла Харкорта под руку и подвела его к остальным, сидевшим посреди круга, образованного валунами.

— Я хотел бы знать, что нам делать дальше? — спросил Харкорт. — Теперь, когда мы укрылись в этом безопасном убежище, нам придется сидеть здесь? Мы не сможем выйти отсюда из страха перед вездесущей Нечистью?

— Об этом можно будет поговорить потом, — сказала Иоланда.

К ним подошел Децим.

— Ты когда-нибудь слышал о таком месте? — спросил он.

— Я все еще не могу поверить, — ответил Харкорт. — В любой момент чары могут рассеяться, и Нечисть набросится на нас.

— Можешь не бояться, — сказал коробейник. — Это место существует уже много столетий. Я сам здесь прятался, когда Нечисть начинала особенно свирепствовать и от нее больше нигде было укрыться.

— Но что это? — спросил Харкорт.

— Здесь, — ответил коробейник, — похоронен тот неведомый легендарный святой, чья душа, говорят, заключена в призме. Пусть его душа была украдена, все равно его нужно было где-то похоронить. Вы ведь знаете легенду?

— Значит, призма спрятана где-то поблизости? — выпалил аббат.

Коробейник удивленно взглянул на него.

— Нет, об этом я ничего не слышал, — сказал он.

— Гай, сейчас не время, — остановил аббата Харкорт.

Глава 24

Уже совсем стемнело, с ужином было покончено, в костер подбросили побольше дров, чтобы он ярче горел, и все расположились у огня. Четыре горгульи стояли на часах между валунами, окружавшими привал, вглядываясь в темноту.

Харкорт сидел в задумчивости рядом с остальными, не вслушиваясь в их разговоры. Днем они успели осмотреть зачарованную долину. В том месте, где они в нее вошли, она была похожа на узкое ущелье, но потом становилась шире, окаймлявшие ее холмы понемногу отступали все дальше и обрывались у реки, куда впадал ручеек, бежавший по дну долины. У подножья холмов по обе стороны долины тянулись ряды валунов, которые в незапамятные времена скатились со склонов или отделились от возвышавшихся повсюду скал. Ближе к середине долины валунов было меньше, но вся она заросла вековым лесом; местами могучие деревья теснились почти вплотную друг к другу. Подлеска под ними почти не было, но кое-где землю ковром покрывали цветы.

Над долиной постоянно висел туман, в котором скрывались окружающие холмы. Там, где находилось солнце, в сером пологе тумана проступало светлое пятно, но самого солнца видно не было. Вокруг стояла глубокая тишина, все звуки казались смягченными и глухими.

Даже сухие листья на земле были постоянно влажны и не шуршали под ногами.

Несколько раз Шишковатый и Харкорт поднимались по склонам холмов до тех пор, пока туман не начинал редеть, и смотрели, нет ли поблизости Нечисти. Но никого не было видно.

— Все равно они здесь, — сказал Шишковатый. — Никуда они не ушли. Подстерегают нас.

— Скоро они не уйдут, — сказал Харкорт. — Они знают, что мы в ловушке.

— Можно попробовать пересидеть их, — сказал Шишковатый. — Рано или поздно им надоест.

— Рано или поздно у нас кончатся запасы еды, — возразил Харкорт. — С самого начала у нас их было не так уж много, а теперь прибавилось еще три едока.

— В ручье есть рыба, — сказал Шишковатый. — Тут, пожалуй, найдется и дичь. Я видел несколько кроликов. Время от времени сюда могут забредать олени.

Харкорт покачал головой:

— Наступит день, когда нам придется прорываться отсюда с боем.

— Об этом нужно будет как следует подумать, — сказал Шишковатый. — Может быть, общими усилиями что-нибудь придумаем.

— Я не совсем понимаю, что происходит, — признался Харкорт. — Коробейник дал нам понять, что это место зачаровано, потому что здесь похоронен святой, который пытался изгнать Нечисть. Как по-твоему, может захоронение само по себе стать источником чар?

— Должен сказать, — ответил Шишковатый, — что я не так уж хорошо разбираюсь в чародействе. Но мне кажется, что одно только захоронение вряд ли может быть источником таких могучих чар, какие, по всей видимости, дают знать о себе здесь.

— Значит, чтобы навеки сохранить брэнное тело нашего святого, это место должны были заколдовать несколько чародеев, — сказал Харкорт. — Или один, но необыкновенно одаренный.

— В свое время, — сказал Шишковатый, — в этой стране, наверное, было немало чародеев — и достойных уважения, и злонамеренных. И, может быть, здесь все они объединили свои чары, чтобы воздать должное тому, кто был могущественнее их всех.

— Ты хочешь сказать, что этот святой мог быть чародеем?

— Нет, ничего подобного я не хочу сказать. Скорее всего, он был поистине святым. Только иногда мне кажется, что разница между святым и чародеем не так уж и велика.

— Иоланда сказала мне одну странную вещь, — заметил Харкорт. — Она сказала, что коробейник — чародей с очень скверной репутацией. Намекнула, что он гораздо могущественнее, чем старается казаться, и вынужден притворяться ничтожным, чтобы не привлекать лишнего внимания.

— На мой взгляд, этот чародей и впрямь не такая уж важная персона.

— Возможно, так он только маскируется, — возразил Харкорт.

— Может быть, но я бы на него много не поставил.

Сейчас, сидя у костра, Харкорт припомнил, что, когда они ходили по долине, он испытывал какое-то странное чувство. Вся эта местность казалась не вполне реальной. Там, за завесой тумана, где поджидала Нечисть, все было ясно и просто. Сюда Нечисть вступить не решалась, а под ногами даже не шуршали лежащие толстым ковром сухие листья. Пламя костра отчасти ослабляло ощущение нереальности, а освещенные им валуны и неподвижные фигуры горгулий, стоявших на часах, выглядели вполне реальными, так что странный мир этой долины как будто немного отступил, но отступил совсем недалеко, на какие-нибудь несколько шагов.

— Мне кажется, у нас две проблемы, — говорил тем временем Децим. — Точнее, одна проблема и один вопрос. Проблема в том, как нам отсюда выбраться. А вопрос в том, как мы вообще здесь оказались и куда намерены отсюда двигаться.

— По справедливости, Чарлз, — сказал аббат, — теперь, пожалуй, пора им все сказать. Иоланда, я уверен, кое-что уже поняла, но ни Нэн, ни Децим...

— Да, ты прав, — согласился Харкорт. — Давай Расскажи им все.

В самом деле, какой теперь смысл хранить тайну дальше? Иоланде, наверное, следовало бы знать ее с самого начала. А теперь, когда все они связаны крутой поручкой, оказались в одной и той же ловушке,

окруженные Нечистью, об их замысле должны знать и Нэн, и Децим, и, пожалуй, даже коробейник.

Аббат уселся поудобнее и приготовился рассказывать.

— Это длинная история, — заговорил он. — Я начну с самого начала, а вы понемногу поймете, в чем дело.

Как это похоже на Гая, подумал Харкорт. Начать с самого начала и раскручивать историю не спеша, чтобы ничего не упустить. Сам он, конечно, рассказал бы ту же историю совсем иначе. Впрочем, он не исключал, что у аббата получится лучше.

Все слушали аббата с большим вниманием, не шевелясь и не задавая вопросов. Рассказ длился невероятно долго — аббат не пренебрег ни одной мельчайшей подробностью.

— Вот как было дело, — сказал он в конце концов. — Теперь я рассказал вам все.

Некоторое время все сидели молча, потом Децим сказал:

— Насколько я понимаю, вы точно не знаете, где находится это поместье, в котором надеетесь найти призму, а возможно, и Элоизу.

— Мы знаем только одно, — ответил аббат. — Оно лежит где-то к западу отсюда, и, видимо, не так уж далеко. Думаю, что совсем рядом.

— Да, в этом вся суть, — подтвердил Харкорт. — Оно не может быть далеко отсюда, но где именно, мы не знаем. А ты? — обратился он к коробейнику. — Ты не знаешь? Там, в своей пещере, ты рассказал нам очень мало, и почти все мы знали раньше...

— Ничем не могу вам помочь, — ответил коробейник. — Но возможно, кое-кто из присутствующих может.

— Кое-кто? Это ты про Нэн?

Нэн вскочила.

— Я ничего не знаю, — заявила она. — Я слышала про эту призму, но все, что сегодня рассказал нам аббат, для меня совершенная новость. Я и понятия не имела...

— Леди Маргарет, — тихо сказал коробейник, — не хотите ли вы покончить со своим маскарадом? Я уже несколько часов как понял, кто вы на самом деле. Ведь когда-то, давным-давно, я был с вами знаком. Вы помните, как мы познакомились?

— Помню, — ответила Нэн. — Это было на празднестве.

— Мы тогда говорили о чародействе. Уже тогда вы им очень интересовались. Все хотели обнаружить в нем какую-то логику.

— Верно, — подтвердила Нэн. — Но ты мне ничем не помог. Насколько я помню, ты только смеялся надо мной.

— Время от времени до меня доходили слухи, — сказал коробейник, — о полоумной ведьме, которая живет в лесу и лечит Нечисть. Мне и в голову не приходило, что это можете быть вы — прекрасная, обворожительная дама, с которой я давным-давно был слегка знаком. Я подумывал разыскать эту ведьму, потому что нам есть о чем поговорить, но всякий раз что-то мешало.

— Все это очень мило, — сказала Нэн, — только я ведь уже не та. Совсем не та. Я уже не прекрасна и не обворожительна, даже если когда-то такой и была. Я старуха. Ты, конечно, опытный чародей, но даже ты не должен был ни о чем догадаться.

— Я увидел перстень у вас на пальце, — сказал коробейник. — Рубин, горящий ярким пламенем. Такой камень не скоро забудешь. В тот единственный раз, когда я вас видел, у вас на пальце был этот же перстень. И теперь, заметив его, я стал присматриваться, нет ли других примет, которые говорили бы о вашем высоком происхождении. Ваша горделивая осанка — когда никто на вас не смотрит. Некоторые изысканные обороты речи...

— Можешь не продолжать, чародей. Я ничего не буду отрицать. Но я не могу понять, зачем тебе понадобилось сорвать с меня маску. Не вижу, какая тебе от этого польза. Тебе не станет лучше, а мне — хуже, да и зачем бы тебе желать мне зла? Будь моя воля, я бы так и осталась полоумной старой ведьмой.

— Довольно, — сказал Харкорт коробейнику ледяным тоном. — Не могу понять, зачем ты это сделал. Она была довольна тем, как живет, и...

Коробейник поднял руку и сказал, обращаясь к Нэн:

— В тот день, когда я с вами познакомился, вы были с дочерью. С прелестной крошкой...

— Она умерла, — сказала Нэн. Голос ее был совершенно бесстрастен, в нем не слышалось ни надежды, ни

веры. — Я убеждена, что она умерла. Она убежала с трубадуром, которому взбрело в голову, что своими чудодейственными песнями он способен околдовать Нечисть.

— Вы искали ее?

— Искала. Я расспрашивала всех, кого могла. Даже Нечисть. Но Нечисть только глумилась надо мной. Я убеждена, что она со своим трубадуром убежала на Брошенные Земли. С этим пустоголовым повесой, который надеялся околдовать Нечисть. Я убеждена, что она здесь побывала.

— Она все еще здесь, — сказал коробейник. — И она, и ее трубадур, которому почти удалось околдовать Нечисть. Она лежит здесь рядом со своим трубадуром, и с нашим таинственным святым, и с множеством древних чародеев, с которыми нынешние и сравниться не могут. Которым я в подметки не гожусь. Им, чьи кости истлели, но дух могуществен, вечен и неподвластен смерти, под силу преодолеть барьер между смертью и жизнью, протянуть руку и коснуться нас с вами...

Он на мгновение умолк, потом воздел руки над головой, и из его растопыренных пальцев с легким потрескиванием посыпались маленькие молнии.

— Им, — провозгласил он, — и только им, известен ответ, который мы ищем.

И ответ прозвучал. Откуда-то из тьмы, окружавшей костер, донеслась стройная мелодия. В воздухе разлилось ослепительное сияние, из которого сыпались молнии и раздавались раскаты грома, и все, кто его увидел, упали замертво.

Глава 25

Костер погас, и в темноте слышался чей-то плач. Сияние исчезло вместе со вспышками молний и раскатами грома. В темноте Харкорт мог различить только темные силуэты деревьев на фоне усыпанного звездами неба. Он почему-то сразу понял, что это совсем не те деревья, которые росли среди валунов в зачарованном месте, укрывшем их от Нечисти.

Харкорт приподнялся на локте. Плач не умолкал. Он встал на четвереньки и пополз в ту сторону, откуда он доносился. Плакала женщина. Иоланда? Что с ней могло случиться? Но он тут же понял, что это не Иоланда. Значит, Нэн. Он увидел рядом какую-то смутную тень на земле, подполз к ней, протянул в темноте руки, приподнял ее и прижал ее голову к груди. Крепко держа ее в объятьях, он укачивал ее, как маленькое дитя.

— Тссс, — шепнул он. — Тссс, все хорошо.

Послышались еще чьи-то голоса, среди которых он различил резкий голос коробейника:

— Замолчите все. Ничего не говорите. Лежите тихо. Молчите!

Чьи-то руки нащупали Харкорта, и он услышал хриплый шепот аббата:

— Чарлз, это ты?

— Я, — отозвался Харкорт.

— Где мы, Чарлз?

— Один Бог знает, — ответил Харкорт.

Какая-то волшебная сила перенесла их далеко от этого безопасного убежища. Он чувствовал, что они где-то совсем в другом месте. Здесь было так же тихо, как в зачарованной долине, но не было того безмолвия, того ощущения нереальности. «Где же мы? — подумал он. — В лиге оттуда, в десяти или в сотне лиг? А может быть, еще дальше от цели, чем тогда, когда отправились в путь? В безопасности, вне досягаемости Нечисти? Кто может это знать?»

— Марджори, Марджори, Марджори... — тихо причитала Нэн.

Из темноты показалась какая-то белая фигура.

— Пустите меня к ней, — прозвучал голос Иоланды. — Пустите меня. Она оплакивает свою дочь.

Иоланда придвинулась, оттеснила Харкорта и прижала к себе Нэн.

— Ну ничего. Ничего... — тихо приговаривала она.

Глаза Харкорта начали привыкать к темноте, и он различил вокруг еще несколько движущихся темных силуэтов.

— Оурррк! — прокричал попутай почти над самым его ухом.

— Удавить чертову птицу! — сказал коробейник. — Свернуть ей шею, иначе ее замолчать не заставишь.

— По правде говоря, я бы лучше свернул шею тебе, — сказал аббат. — В какую немыслимую историю ты нас втянул?

Харкорт окинул взглядом склоны холмов, окружавших долину, где они оказались. На них можно было различить силуэты деревьев и еще какие-то бесформенные темные пятна. Одно из них он узнал — это был неуклюжий, сгорбленный силуэт горгульи.

«Значит, они все еще с нами, — подумал он. — И по-прежнему стоят на страже. А какая судьба постигла еще одного из наших — тролля с петлей на шее?» Харкорт припомнил, что в последний раз видел его удирающим вниз по склону во время битвы. Наверное, у него было достаточно оснований удирать. Он пошел с людьми, и попади он в лапы Нечисти, это, конечно, стоило бы ему жизни. Даже если бы он и знал об очарованном убежище за холмом, он должен был сообщить, что ему туда входа нет.

А Нечисть — знала она об этом убежище? Непременно должна была знать. А если так, то почему она не

позаботилась о том, чтобы отрезать от него людей? И тут Харкорт понял, что именно это она и сделала. Кучка Нечисти, что кинулась на них с вершины холма, и была тем отрядом, который послали, чтобы их отрезать. Но что-то у них не получилось. Подумав еще немного, Харкорт догадался, в чем дело. Тот отряд не послушался приказа и кинулся в атаку, вместо того чтобы сидеть в засаде и встретить людей лишь тогда, когда у подножья холма покажутся главные силы Нечисти. В своем чрезмерном усердии они надеялись одержать победу самостоятельно, одним ударом, а не ждать, пока подойдут главные силы. Наверное, это были те самые горячие головы из молодых, что рвались к славе. Но их действия были ошибкой — они могли бы и сами это предвидеть, если бы дали себе труд подумать. Впрочем, молодежь склонна отдаваться минутному порыву, не задумываясь о последствиях. Харкорт мрачно усмехнулся — исхода, более удачного для их отряда, он и сам бы придумать не мог.

— Соберитесь вместе, — слышался хриплый шепот коробейника. — Идите сюда поближе, только тихо. Я должен вам кое-что сказать. Но это нельзя говорить громко.

Рыдания Нэн смолкли. Иоланда все еще сидела, прижав ее к себе. Аббат, до сих пор стоявший рядом с Харкортom, отошел — наверное, ближе к коробейнику.

Харкорт тронул Иоланду за руку.

— Пойдем. Коробейнику не терпится что-то нам сказать.

Все собрались и стояли в темноте вокруг коробейника.

— Только тише, — предупредил коробейник. — Слушайте внимательно и не перебивайте. А если захотите что-то сказать, говорите шепотом.

Справа от Харкорта Шишковатый что-то недовольно проворчал.

— Нечисть все еще здесь, — сказал коробейник. — И, может быть, совсем рядом. Мы в непосредственной близости от поместья, которое вы ищете, хотя я и не могу точно сказать, в какой оно стороне.

— Нечисть охраняет это поместье, — сказал аббат. — Это мы точно знаем. Возможно, большими силами. Там должны быть ловушки и засады, их надо остерегаться.

— Нам нечего остерегаться, пока мы топчемся тут на одном месте, — сказал Шишковатый. — Я предлагаю не торчать тут до утра, а то как бы нам опять не оказаться лицом к лицу с Нечистью.

— Откуда ты знаешь, что мы рядом с поместьем? — спросил римлянин.

— Наши друзья там, в убежище, знали, куда мы хотим попасть, — ответил коробейник. — От них ничего нельзя скрыть. Прежде чем начать действовать, они глубоко заглянули в ваши души.

— Но зачем им...

— Ведь вы ищете призму, верно? — сказал коробейник. — В той священной земле лежит тот, кто больше всех заинтересован, чтобы вы ее нашли. Да и другие заинтересованы немногим меньше. Если не считать дяди Харкорта, то за многие столетия вы первые и единственные, кто отправился на ее поиски, а это их самое горячее сокровенное желание. Так почему бы им не помочь вам, чем можно?

— Согласен, — сказал аббат. — На мой взгляд, в этом есть смысл.

Харкорту пришло в голову, что если коробейник говорит о том самом святом, он говорит что-то не то: ведь если у святого отняли душу, то в земле лежит всего лишь его брменная плоть. Нахмурившись, он пытался разобраться во всей этой путанице, но не мог. Может быть, коробейник говорит и о тех чародеях, кто тоже там похоронен? Но почему это так интересует чародеев? Разве что они действовали общими усилиями — святости отшельника оказалось недостаточно, чтобы изгнать из этого мира Нечисть, и ему понадобилась помощь чародеев. А что если этого святого вообще никогда не было на свете, если вся легенда — плод фантазии, если нет никакой души и никакой призмы, а все их грандиозное предприятие — всего лишь пустая затея?

Он понурил голову, от души благодарный за то, что тьма скрывает от остальных и его, и его сомнения. Он мог бы спросить коробейника, но не хотел: тогда его упрямое неверие станет всем очевидно. А кроме того, задав коробейнику вопрос, он мог получить ответ, которого не хотел услышать. Вопрос задал аббат.

— На мой взгляд, в этом есть смысл, — повторил он. — Меня смущает только одна мелочь. Если наш святой остался без души, которую у него отняли...

— За него говорят другие, — не раздумывая ответил коробейник. — И действуют за него другие.

— Они помогали ему?

— Этого я не знаю. Но в глубокой древности здесь были люди, которые знали о нем и о том, чего он хочет добиться. Они преклонялись перед ним. Говорят, они любили его.

— Не такой уж это обстоятельный ответ, — проворчал аббат, — но придется, должно быть, им удовлетвориться. Но ведь чародей Лазандра...

— Лазандра — совсем другое дело, — сказал коробейник. — Он предал своих братьев. Бывает, что богатства и власть ослепляют.

Шишковатый потянул Харкорта за рукав. Харкорт обернулся и увидел, что тот отошел немного в сторону и манит его пальцем. Не раздумывая, Харкорт подошел к нему.

— Я отправляюсь наверх, — сказал Шишковатый. — Я не намерен сидеть здесь, как боров в хлеву, и ждать, пока не придут меня резать.

— Я иду с тобой, — сказал Харкорт.

— Одна из горгулий уже наверху.

— Да, я ее только что видел.

— Не нравится мне этот коробейник — уж очень он скользкий и слишком гладко говорит, — сказал Шишковатый. — Я сильно сомневаюсь, так ли точно он все это знает, как пытается представить.

— Я тоже, — согласился Харкорт.

Шишковатый начал подниматься на холм, двигаясь медленно, плавно и бесшумно, как тень. Стараясь идти так же тихо, Харкорт последовал за ним.

Они дошли до того места, где стояла на страже горгулья.

— Пойдем с нами, — сказал Шишковатый, обращаясь к ней. — Только не ломись через кусты напрямик, чтобы не наделать шума.

Горгулья ничего не ответила, как будто не слышала. Но, когда они снова начали подниматься по склону — на этот раз Харкорт немного впереди, а Шишковатый позади, — она пошла за ними, двигаясь так же бес-

шумно, как и они. На полпути к вершине Шишковатый остановился. Харкорт подошел к нему.

— Мы очутились между двух холмов, — сказал Шишковатый. — В узкой впадине между ними. Может быть, Нечисть притаилась на этом холме, может, на том, что стоит позади, а может быть, и на обоих. Нельзя, чтобы утро застало нас здесь. А этот безмозглый коробейник как будто всем доволен и даже ухом не ведет.

— У него нет боевого опыта, — сказал Харкорт. — Он просто не понимает.

— Он очень упрям, — сказал Шишковатый.

— Ну, если понадобится, я это упрямство из него вышибу, — пообещал Харкорт.

— Хуже всего то, что это не только упрямство, — сказал Шишковатый. — Еще и самонадеянность.

— Дойдем до вершины, — сказал Харкорт. — Тогда нам будет ясно, что делать.

Они продолжали подниматься на холм, двигаясь в ряд, то и дело останавливаясь, чтобы осторожно осмотреться, и прислушиваясь, чтобы не упустить ни малейшего шороха, готовые к любой неожиданности.

Достигнув гребня холма, оба присели на корточки, а горгулья остановилась как вкопанная между ними. У подножья холма простиралась широкая долина, а по другую ее сторону возвышался еще один холм.

— Там, в долине, что-то есть, — сказал Шишковатый. — Ты не можешь разглядеть, что это?

— Плохо видно, — ответил Харкорт. — Что-то темное. Еще слишком далеко до рассвета. Похоже на какое-то возвышение, а вокруг что-то вроде ломаной белой линии.

— По-моему, это стена.

— Дядя говорил, что поместье окружает стена. Только он не сказал, что за стена, а спросить мы не догадались. Мы много о чем не догадались тогда спросить.

— Судя по всему, здесь, на гребне, Нечисти нет, — сказал Шишковатый.

— Если там находится поместье, — сказал Харкорт, — то белая линия — это стена. Но что за стена?

— Должно быть, каменная.

— Дядя говорил, что она охраняется и что он пытался проникнуть внутрь, но не смог проскользнуть. Значит, можно предположить, что охраняемая полоса не слишком широка.

— Может быть, но охраны наверняка много. Не надо себя обманывать. Проникнуть туда будет нелегко. Надо как следует присмотреться, прежде чем начинать действовать.

— Оставайся здесь, — сказал Харкорт. — Я пойду на разведку вдоль гребня.

— Возьми с собой горгулью.

— Одному будет удобнее.

— А что ты рассчитываешь обнаружить?

— Не знаю. Что-нибудь.

Харкорт осторожно двинулся вдоль гребня вправо. Время от времени он останавливался и, затаившись в кустах, пытался разглядеть темное возвышение посреди долины, которое могло быть заветным помещьем. Но ничего нового ему увидеть не удалось. Оно по-прежнему оставалось всего лишь темным возвышением, опоясанным белой линией, которую он то видел, то вообще терял из виду. Он догадался, что местами ее заслоняют деревья.

Гребень холма был почти весь покрыт лесом, хотя кое-где попадались поляны, которые Харкорт старался перебегать как можно скорее. Через некоторое время он пришел к твердому убеждению, что Нечисть где-то совсем рядом: он все время испытывал давящее ощущение ее близости. Но никаких подозрительных шорохов или других признаков ее присутствия заметно не было.

Гребень холма впереди внезапно прервался, словно выщербленный ударом исполинского кулака, образовавшим выбоину в его гладкой поверхности. Харкорт спустился по крутому склону выбоины и оказался в заваленной камнями ложбине. Повсюду лежали огромные валуны, а над ними, по ту сторону ложбины, поднималась отвесная скала, ярко белевшая в темноте. В ней виднелось отверстие — пещера, не слишком широкая, не слишком глубокая, но уходившая в глубь скалы. Перед входом в пещеру, среди валунов, стояло несколько громадных дубов — таких Харкорту еще не приходилось видеть. У них были приземистые стволы чудовищной толщины и раскидистые ветви, тянувшиеся над самой землей. В промежутках между деревьями была хорошо видна раскинувшаяся внизу долина.

Харкорт обошел деревья и посмотрел вниз. Он мог различить там один только сгусток темноты — может быть, это и было помещье. Отсюда были видны лишь

несколько разрозненных отрезков белой линии. На мгновение Харкорту показалось, что рядом со сгустком темноты мелькнул огонек, но если он и был, то сразу же исчез, и Харкорт никак не мог понять, видел он его на самом деле или ему показалось. Через некоторое время огонек появился снова — он ярко вспыхнул, потом почти угас, разгорелся еще ярче и погас окончательно. Харкорт долго ждал, затаив дыхание, не появится ли огонек еще раз, но видел только тьму. «Может быть, это сигнал? — подумал он. — Кто-то подает сигнал мне? Невероятно, ведь никто не может знать, что я здесь. Хотя Элоиза может знать, она может как-то догадаться, что я наконец пришел за ней». Он мысленно представил себе, как она в развевающемся белом платье, держа в руке тоненькую свечу и заслоняя ее другой рукой от ветра, стоит и вглядывается в темноту, словно надеется его увидеть, а ветер треплет ей волосы, прядь которых по-прежнему скрывает ее лицо, как всегда в его сновидениях.

— Элоиза! — позвал он вслух и, спохватившись, умолк. Ему хотелось снова и снова повторять ее имя, но он чувствовал, что это нелепо, хотя и был убежден, что она здесь.

Чувствуя это, не задумываясь о том, откуда возникло это чувство, но радуясь ему, он начал размышлять, как до нее добраться. Дядя Рауль говорил, что поместье хорошо охраняется. Вряд ли его можно взять в лоб, приступом, даже если иметь настоящую армию. Дядя пытался проскользнуть сквозь сторожевую линию, но не смог, потому что охраны было слишком много. Харкорт подумалось, что дядя, наверное, хорошо умел тайком подкрадываться к цели, невзирая ни на какие препятствия. Он не так уж много знал о своем дяде, потому что, хотя тот и рассказывал множество увлекательных историй, он всегда становился на удивление скрытным, когда речь заходила о его собственных действиях. Стоя здесь, у входа в пещеру, и вглядываясь в темноту, где только что был виден огонек, Харкорт пожалел, что так плохо знал дядю Рауля.

Позади него скатился камешек. Он быстро обернулся и увидел маленькую тень, стоящую рядом с огромным валуном у самого входа в пещеру. Некоторое время он смотрел на нее, чувствуя, как в нем закипает раздражение.

— Так это ты? — сказал он. — Неужели я никогда от тебя не избавлюсь?

— Я рассудил, что рано или поздно ты достигнешь этого места, — прошепелявил тролль. — И я поспешил сюда, потому что я должен быть с тобой, пока ты не построишь мне мост. Без моста я ничто, даже меньше, чем ничто.

— Перестань болтать про свой мост, — прервал его Харкорт. — Ты знал, что я буду здесь?

— Я бежал очень долго и очень быстро, — ответил тролль. — Я совсем обессилел. Сначала нужно было сделать крюк, чтобы обойти скопище моих братьев — Нечисти, которые наверняка сердиты на меня за то, что я пошел с вами. Потом пришлось сделать крюк еще больше, чтобы обойти то зачарованное место...

— Ты знал, куда мы направляемся?

— До меня дошли кое-какие слухи. Я всегда держу ухо востро. Я бы сказал тебе, где лежит это место, но ты очень на меня сердился. Не знаю, правда, за что. Ты просто не дал мне случая это сказать. Я пробовал много-много раз, но ты только отмахивался от меня, как будто я вообще ничего не значу.

Харкорт подошел к троллю, выхватил у него из руки конец веревки и дернул, туго затянув петлю у него на шее.

— Раз уж ты здесь, — сказал он, — можешь ты теперь сказать мне, как прокрасться мимо тех, кто сторожит поместье?

— Ты не сможешь, — ответил тролль. — Ты слишком большой и неуклюжий. Я бы мог туда проскользнуть. Я уверен, что в одиночку мог бы туда прокрасться.

— И какой мне был бы от этого толк?

— Не знаю, добрый господин. Если бы уж я попал туда, я бы мог что-нибудь придумать. Я должен сделать все, что смогу, лишь бы отплатить тебе за тот мост, который ты собираешься для меня построить.

Харкорт в раздражении отшвырнул конец веревки, который тролль тут же поймал.

— Пойдем со мной, — сказал Харкорт, — и води себя тихо. Не говори ни слова.

В сопровождении тролля он вернулся на гребень холма, где ждал его Шишковатый.

— Я вижу, ты отыскал своего приятеля, — заметил тот.

— Это не я его отыскал. Это он меня отыскал. Он готов из кожи лезть, чтобы быть нам полезным.

— Ну что ж, посмотрим, — сказал Шишковатый.

— Я нашел пещеру, — сообщил Харкорт. — В скале под гребнем холма. Она хорошо укрыта валунами и деревьями. Это лучше, чем торчать в том ущелье у подножья холма. От пещеры видна вся долина вместе с поместьем, это прекрасный наблюдательный пункт. А если нападет Нечисть, у нас там будет прикрыт тыл.

— Оставайся здесь и стереги своего троля, — сказал Шишковатый. — Если только шевельнется, пережь ему горло. Не очень-то я ему доверяю.

— Я тоже, — сказал Харкорт.

— До рассвета еще несколько часов. Мы должны добраться до пещеры и занять ее до того, как взойдет солнце. Я спущусь и приведу остальных. А ты оставайся с Чарлзом, — приказал он горгулье, недвижно стоявшей рядом.

Глава 26

Как только забрезжил рассвет, стало видно, что поместье в самом деле находится внизу, в долине, — как и предположили ночью Харкорт с Шишковатым. Белая линия, которую они видели, действительно оказалась стеной.

— По-моему, это каменная кладка, — сказал аббат. — Крепкая и массивная. И высокая. Как ты думаешь, какой она высоты?

— Отсюда трудно сказать, — ответил Шишковатый. — Я думаю, футов шесть, а то и выше. Скорее всего, выше. Я все ищу, где ворота. Кто-нибудь видит ворота? В ней должны быть ворота, и не одни.

— Не вижу никаких ворот, — сказал Харкорт.

Все трое сидели на корточках под огромными дубами, стоявшими у входа в пещеру.

— Мне кажется, время от времени там что-то движется, — сказал аббат. — Только никак не разгляжу что.

— Скорее всего, там кишмя кишит Нечисть, — сказал Шишковатый. — Я на одно надеюсь — что та орава, которая напала на нас перед тем, как мы добрались до зачарованного убежища, не явится сюда к ним на подкрепление.

— Это маловероятно, — возразил Харкорт. — Они все еще там, ждут, когда мы попытаемся прорваться. Они же не могут знать, что нас там давно нет. Они думают, что мы в ловушке.

— Должно быть, ты прав, — согласился аббат.

— Наш тролль сказал мне ночью, что он мог бы проникнуть внутрь.

— А что это нам даст? — спросил Шишковатый.

— Скорее всего, ничего. Я его тоже об этом спросил, но он не знал, что ответить. Он сказал, что, может быть, найдет способ как-нибудь нам помочь, если туда попадет.

— Не верю я ему, — сказал Шишковатый. — По мне, лучше всего стукнуть его как следует по башке, и делу конец.

— Не уверен, — сказал аббат. — Чарлз, ты в самом деле обещал построить ему мост?

— Да. В минуту слабости я дал ему такое обещание.

— Мне кажется, это должно гарантировать нам его преданность, — сказал аббат. — Будь у него душа, он бы с радостью заложил ее дьяволу в обмен на мост.

Шишковатый с недовольным видом что-то невнятно проворчал.

Горгульи стояли на посту среди деревьев. Поодаль на камне сидел Децим и натачивал свой меч маленьким брусом. Аббат кивнул в его сторону.

— Станный человек. Держится так, будто считает, что навязывается. Словно он непрощенный гость. Ему бы сидеть здесь, с нами.

— Он хороший боец, — сказал Шишковатый. — Что, впрочем, неудивительно: война — его профессия.

— Может быть, он чувствует себя чужаком, — сказал Харкорт. — Он присоединился к нам, но не стал одним из нас.

— Я готов его принять, — заявил аббат.

— И мы все тоже, — подтвердил Харкорт. — Но он никак не может избавиться от своего невероятного римского гонора.

Нэн и Иоланда сидели в пещере, у самого входа, рядом с грудой мешков. Рядом с ними неподвижно стоял корабейник, опираясь на посох.

— Также странный человек, — сказал Шишковатый. — Что бы ни происходило, он всегда недоволен. Когда я спустился вниз, чтобы рассказать остальным про пещеру, он как будто ничуть не обрадовался. Помоему, он решил, что я собираюсь его оттеснить.

— А сам он что-нибудь предложил? — спросил Харкорт.

Шишковатый покачал головой.

— Просто заупрямился, и все.

— Мне кажется, эта история ему не нравится, — сказал аббат.

— Может быть, дело в том, что он знает, как велика опасность, — предположил Харкорт.

— Если так, — вмешался Шишковатый, — то почему бы ему не поколдовать малость, чтобы хоть чем-то нам помочь? Ведь это он призвал тех чародеев или кто там был, чтобы перенести нас сюда из того зачарованного убежища.

— Сдается мне, что он немного оробел, — заметил аббат.

— И это мне тоже не нравится, — сказал Шишковатый. — Но раз уж мы здесь, надо что-то делать. Долго раздумывать нечего. Нас может заметить кто-нибудь из тех, кто прячется там, внизу, и тогда они опять кинутся за нами.

Харкорт подумал, что, если дойдет до бегства, у них очень мало шансов выбраться с Брошенных Земель. Вся Нечисть уже поднята на ноги и разыскивает их. Как только у нее появится подозрение, что они покинули зачарованное убежище, множество отрядов тут же примутся прочесывать всю округу.

— Нам надо бы присмотреться поближе, — говорил тем временем Шишковатый. — Нужно пойти на разведку. Пойду я и, наверное, Чарлз. Ты, аббат, оставайся здесь. Разведчик из тебя никудышный.

— Нам лучше идти порознь, — сказал Харкорт. — Меньше шансов, что нас заметят, а увидеть можно больше, чем если пойдем вместе.

— Меч оставь здесь, — посоветовал Шишковатый. — Он слишком громко звякает и может запутаться в ногах. Возьми кинжал. У Децима есть кинжал, пусть отдаст его тебе.

— А что будет делать Децим? — спросил аббат.

— Останется с тобой и коробейником. Римлянам привычнее открытый бой, они не приучены красться по кустам. И, ради бога, держите ухо востро, пока мы не вернемся.

Харкорт встал и пошел к пещере, отстегивая на ходу меч. Он подошел к Нэн, сидевшей на полу пещеры. Сзади нее стояла Иоланда, а рядом — коробейник.

— Вот, — сказал Харкорт, протягивая ей меч с перевязью. — Побереги его для меня. Я иду на разведку.

— Это мое дело, — возразила Иоланда. — Я все время была разведчиком.

— Только не на этот раз, — сказал Харкорт.

— Но ты остался без оружия.

— Я возьму у римлянина кинжал.

— У меня есть кинжал получше. Он у меня постоянно наточен. У Децима кинжал очень неудобный.

Она протянула ему кинжал — тонкий, заостренный на конце, как шило, с трехгранным клинком, острым, словно бритва. Харкорт удивленно осматрел его.

— Он хранится в нашей семье много лет, — сказала она. — Один из предков Жана принес его с собой с какой-то давнишней войны. Отобрал в виде трофея у какого-нибудь язычника, а тот, может быть, в свою очередь, отобрал его у кого-нибудь еще.

— Спасибо, — сказал Харкорт.

— Ты действительно не хочешь, чтобы я пошла с вами?

— Ты нужна здесь, — сказал Харкорт. — Если на вас нападут, без твоего лука не обойтись.

Он снял с плеча свой лук, положил на землю и взглянул на нее. Она стояла, сердито выпятив нижнюю губу.

— Прошу тебя, поверь мне. Ты в самом деле нужна здесь. Пойдем мы с Шишковатым. Мы постараемся вернуться как можно скорее. Нужно узнать, что там нас ждет.

Он огляделся.

— А где тролль?

— Только что был здесь, — ответила Нэн.

— Черт его возьми, вечно он куда-то исчезает, — сказал Харкорт. — Не верю я ему. Если придет обратно, никуда его не отпускайте.

Несколько секунд он стоял в нерешительности, борясь с желанием обнять Иоланду и расцеловать ее перед уходом. Вместо этого он только кивнул ей.

— Я пошел, — сказал он.

— Желаю тебе удачи, Харкорт, — сказал коробейник.

Харкорт ничего не ответил. Коробейник ему по-прежнему не нравился.

На опушке его ждал Шишковатый.

— Готов, Чарлз?

Харкорт кивнул.

— Ты направо или налево?

— Направо, — ответил Харкорт.

— Не спеши, — сказал Шишковатый. — Вспомни, чему я тебя учил, когда ты был мальчишкой. Иди медленно. Держись за кустами. Хорошенько осмотришься, прежде чем двигаться. И не зевай.

Кустарник покрывал почти весь склон холма. То на четвереньках, то ползком Харкорт понемногу спускался вниз. Солнце еще не встало. Когда оно взойдет, оно окажется позади него, и тогда нужно будет прятаться особенно старательно. Но зато оно будет светить в глаза всякому, кто смотрит на холм из поместья, и заметить его станет труднее.

Харкорт полз вперед, то и дело застывая на месте и вглядываясь сквозь кустарник. В поместье не было заметно никакого движения. Стена, окружавшая его, густо заросла кустарником, а кое-где и деревьями. В них могло прятаться сколько угодно часовых. Однако если они там и были, их не было видно. Харкорт самым тщательным образом осмотрел ту часть стены, которая приходилась напротив него, пытаясь обнаружить чью-нибудь притаившуюся фигуру или какое-нибудь малейшее движение, но так ничего и не заметил. Впечатление было такое, будто там никого нет. Однако он знал, что там кто-то есть, не может не быть. Дядя Рауль видел стражу и попробовал, миновав ее, проникнуть внутрь, но повернул назад, поняв, что стражи слишком много, что в одиночку ее не миновать.

Вот уже много лет, подумал Харкорт, Нечисть стоит на страже вдоль стены, притаившись в ожидании нападения, не покидая своего поста, хотя до сих пор никто сюда проникнуть не пытался. Впрочем, как знать, может, кто-то и пытался, но был отбит, и никто об этом так и не узнал? Но если такие случаи и были, то немного. Можно ли отнести к ним попытку дяди Рауля? Пожалуй, нет, ведь о его присутствии они так и не догадались. Будь на их месте люди, им давно надоело бы сидеть в засаде без всякой видимой пользы, они бы ослабили бдительность и только делали бы вид, что стерегут. А Нечисть — могло это ей надоест или нет? Способна она отвлечься, расслабиться? Он пожал плечами. Кто знает? Кто может знать что-нибудь про Не-

чисть? Но полагаться на то, что она потеряла бдительность, не стоит.

Харкорт переползал от куста к кусту, от камня к камню, время от времени останавливаясь и внимательно осматривая долину. И вот он наконец в первый раз заметил стражу — какие-то неопределенные тени, сгрудившиеся в густом кустарнике у самой стены так тесно, что он никак не мог разглядеть их по отдельности. Сначала он подумал, что это ему только почудилось, и только взглядевшись как следует, убедился, что они действительно там. Они не двигались — судя по всему, он все еще оставался незамеченным.

С удвоенной осторожностью он двинулся дальше, к подножью холма. Через некоторое время он снова остановился, но уже никого не мог разглядеть — угол зрения изменился, и теперь они были скрыты зарослями кустарника.

Почему они прячутся? — подумал он. — Почему не стоят открыто? Ведь так легче отпугнуть незваных гостей, если они появятся. Может быть, Нечисть хочет, чтобы поместье казалось неохраняемым, чтобы никто не догадался, что здесь есть что охранять? Заброшенное и, скорее всего, неоднократно разграбленное поместье вряд ли может кого-нибудь заинтересовать. Может быть, это Нечисти и нужно больше всего — чтобы поместьем никто не интересовался?

Кустарник стал гуще, дальше пришлось двигаться ползком и гораздо медленнее. Казалось, зарослям не будет конца. Однако вскоре он подполз к опушке и долго лежал на животе, разглядывая поместье, которое было теперь гораздо ближе. Дом был большой, просторный, но не такой огромный, как показалось ему сначала. Красновато-желтая черепица кровли, выцветшая от времени, мягко светилась в лучах восходящего солнца. Толстые балки выступали на поверхности оштукатуренных стен. Перед домом и, вероятно, со всех сторон его поднималась стена из белого камня, такая высокая, что заслоняла собой нижнюю часть дома. За стеной лежал парк, в центре которого стоял дом. Там виднелось несколько деревьев, а по зеленому газону были разбросаны клумбы с яркими цветами. Красивый парк, подумал Харкорт. Как будто совсем из другого времени. Когда-то по этим лужайкам расхаживали родовитые римляне, а за столиками под деревьями сидели римские

дамы, угощаясь пирожными, потягивая вино и весело болтая между собой. Теперь здесь не было ни души.

Кто-то тронул Харкорта за плечо. Задохнувшись от испуга, он мгновенно перевернулся на спину и занес правую руку с зажатым в ней кинжалом Иоланды, готовый нанести удар.

Перед ним стоял тролль с веревкой на шее.

Левой рукой Харкорт схватил его за горло и опрокинул на землю рядом с собой.

— Это ты! — прошипел он сквозь зубы. — Опять ты!

Тролль бился на земле, задыхаясь и пытаясь что-то выговорить.

— Господин! — прохрипел он. — Господин!

— Зачем ты подкрался ко мне? Говори!

Харкорт немного разжал пальцы на его горле.

— Опасность! — задыхаясь, произнес тролль. — Господин, я хочу показать тебе, где опасность!

Харкорт снова перевернулся на живот, крепко держа тролля и прижимая его к земле. Тролль показал прямо вперед.

— Там западня, господин. Волчья яма.

— Волчья яма? Не вижу никакой волчьей ямы, — ответил Харкорт шепотом.

— Прямо перед нами. Вон в том месте, где нет травы.

— Таких мест здесь много. Я только что полз по голой земле.

— Но здесь западня, господин. Волчья яма, чуть-чуть прикрытая землей. Ты провалишься в нее, а там, на дне, торчат острые колья.

Харкорт пристально взгляделся в пятачок голой земли. На вид в нем не было ничего особенного.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— Знаю. Чутьем. Я знаю своих соплеменников. Я знаю их привычки.

Харкорт не сводил глаз с места, на которое показывал тролль. Оно по-прежнему казалось ему совершенно безобидным.

— Вон там, на полпути к подножью холма, большой валун, — сказал тролль. — За ним прячется великан. Он настороже. Он почуял опасность. Время от времени он выглядывает из-за валуна.

Харкорт посмотрел на огромный камень, торчавший из земли впереди, но не заметил никаких признаков

великана. Однако вдоль всей стены, окружавшей поместье, Нечисть была. Она пряталась, но теперь, с близкого расстояния, он мог без труда ее разглядеть.

— Почему ты не хочешь отступить, господин? — спросил шепотом тролль. — Ты не сможешь туда попасть.

Харкорт ничего не ответил и продолжал вглядываться в кустарник у стены. Там пряталось множество Нечисти. Чем дальше он смотрел, тем больше ее видел. И не только у самой стены. Немного ниже того валуна, за которым, по словам тролля, прятался великан, что-то припало к земле под кустом орешника. «Боже мой, — подумал он, — да они здесь повсюду! Странно, что они до сих пор меня не заметили».

Харкорт подтолкнул тролля, и они поползли назад, в кусты. Тролль полз рядом, всхлипывая с облегчением. Миновав самые густые заросли, они поползли дальше, вверх по склону, стараясь не показываться на открытых местах.

Прошло много времени, прежде чем они остановились, притаившись в густом подлеске.

— И так везде вокруг поместья? — спросил Харкорт. — Со всех сторон?

— Столько же стражи, господин, со всех сторон. Везде вокруг.

— Откуда ты знаешь?

— Ночью я ходил на разведку. Задолго до рассвета. Я обошел поместье со всех сторон.

— И все это ты разглядел в темноте?

— Господин, иногда я могу видеть лучше, чем ты. Я знаю, чего искать. Я сам из Нечисти. Я знаю, где искать и как. Я знаю, как думает Нечисть. Не поворачивайся, не высовывай голову — в небе драконы. А вон на тех холмах, по другую сторону долины, — гарпии.

— Тролль, — сказал Харкорт, — я человек. А ты из Нечисти. Я даже пальцем не шевельнул, чтобы помочь тебе, когда ты собирался повеситься. Я велел тебе прыгнуть и покончить с этим. Почему ты нам помогаешь?

— Я думал, ты понимаешь. Ради моста.

— Ах да, конечно, ради моста! Ну, тебе остается надеяться, что мы вернемся домой целыми и невредимыми, чтобы я мог построить тебе мост.

— И к тому же они меня изгнали, — продолжал тролль. — Я пошел с вами. Я остался с вами. Я предал

Нечисть. Я больше не с ними. Они меня затравят. С вами я или без вас, они все равно будут охотиться за мной.

Харкорт кивнул в знак того, что понял, и сказал:

— Я вижу стражу по эту сторону стены. А внутри она есть?

— Внутрь они не заходят, — сказал тролль. — Они боятся того, что там, за стеной.

— Они стерегут что-то такое, чего сами боятся?

— Только для того, чтобы туда никто не проник. Они боятся того, что там, внутри, но еще больше они боятся, что оно попадет в руки человека.

— А ты знаешь, что там такое?

Тролль замотал головой:

— Ходят разные слухи. Слишком много слухов. Я не могу отличить те, в которых правда.

Лежа в кустах, Харкорт размышлял. «Почему ты не хочешь отступить?» — спросил его тролль, и он промолчал. Может быть, это как раз такой случай, такая проблема — из тех, о которых так любят рассуждать церковники, — когда никакого ответа не существует. А вообще это, конечно, дикая, невероятная глупость, вынужден был он признать. Горсточка людей на Брошенных Землях против всех сил Нечисти! У них нет ни малейшего шанса на спасение. Вперед путь закрыт, назад тоже. Стоит им повернуть назад, как вся Нечисть, сколько ее есть на Брошенных Землях, кинется за ними по пятам. Уже сейчас их, наверное, ищут по всему пространству Брошенных Земель, прочесывая их во всех направлениях. Если бы не римляне, подумал он. Если бы сюда не сунулись римляне... Но римляне вторглись сюда, навлекли гибель на себя и подняли на ноги всю Нечисть.

Идти вперед, прорываться в это римское поместье, стоящее там, в долине, казалось столь же невозможным, как и отступить. Стража стоит вдоль всей стены, в небе летают драконы — он, правда, еще ни одного не видел, приходится верить на слово троллю, — а на холмах по ту сторону долины поджидают гарпии. «Это невозможно, — подумал он. — И то невозможно. Но все же самое невозможное — повернуть назад, когда мы уже в двух шагах от цели. Там, внизу, — призма, в которую заключена душа святого; там, внизу, быть может, и Элоиза, и я не могу отступить, не увидев ни призмы, ни Элоизы. Особенно Элоизы. Даже если боль-

ше никто со мной не пойдет, если все меня бросят, я спущусь с холма с поднятым мечом и выполняю свой долг. Для меня никакого другого ответа быть не может».

— Не пора ли нам идти дальше, наверх? — робко спросил тролль.

— Наверное, пора, — ответил Харкорт.

Они вернулись к пещере, где ждали остальные. Аббат выбежал навстречу и схватил Харкорта за руку.

— Слава Богу, ты вернулся, Чарлз. И, я вижу, не один. Где ты его нашел?

— Это он меня нашел, — сказал Харкорт. — Прежде чем сообразить, кто это, я чуть не задушил его. Шишковатый вернулся?

— Пока нет. Вас долго не было. Мы ждали и очень волновались. Что вы узнали?

— Они в самом деле там, внизу. И их дьявольски много.

— Ты думаешь, мы сможем прорваться?

— Не знаю, — ответил Харкорт. — Это будет нелегко.

— Может быть, Шишковатый что-нибудь подскажет, когда вернется.

— Надеюсь, — сказал Харкорт.

К нему подбежала Иоланда:

— Мой господин, я боялась за тебя. Тебе надо было взять меня с собой.

— Как у вас тут дела? — спросил Харкорт.

— Ничего нового. Римлянин и коробейник стоят на страже. Они клянутся, что ничего не видели.

— И не увидят. Стражу не увидишь, пока не подойдешь вплотную.

Он протянул ей кинжал, она взяла его и сунула за пояс.

— Мне не пришлось им воспользоваться. Так что я его не затупил и не запачкал.

— Сегодня нам придется есть всухомятку, — сказала она. — Разводить здесь огонь нельзя.

— Не могу понять, как это они нас до сих пор не заметили, — сказал он.

— Быть может, заметили. И ждут, что мы будем делать.

— Мы сами еще не знаем, что будем делать, — сказал он. — Все время, пока мы добирались сюда, я только и думал о том, что мы будем делать, когда разыщем поместье. И решил, что там будет видно.

— Мы здесь всего несколько часов.

— Да, я знаю, — сказал он.

Он подошел к Нэн, все еще сидевшей у входа в пещеру, на том же месте, как и тогда, когда он уходил. Его меч с перевязью все еще лежал у нее на коленях.

— Тебе нравится эта девушка, — сказала она.

— Она дочь моего друга.

— Мельника, который служит твоему роду.

— И он и его семья, вот уже много лет. Но, Нэн... или тебя нужно называть леди Маргарет?

— Когда-то я была леди Маргарет. Но это было давно. Я уж останусь Нэн. Убить бы этого вашего коробейника. И что он лезет не в свое дело?

— Чародеи всегда суют нос куда не надо.

— Знаю. Этого можно было ожидать.

Из пещеры показался аббат.

— Шишковатый возвращается, — объявил он. — Я только что его заметил. Он уже близко.

Нэн протянула Харкорту меч с перевязью.

— Вот мы и опять все вместе, — сказала Иоланда.

— С ним все в порядке? — спросил Харкорт.

— Как будто да, — ответил аббат. — Ты сказал, что видел там, внизу, Нечисть?

Харкорт кивнул.

— Не заметили они нас?

— Я ничего такого не видел.

— Пока все как будто тихо, — сказал аббат. — Пожалуй, даже слишком тихо. Мы по очереди стояли на страже. И Децим, и горгульи. Никто ничего не видел.

Из-за огромного дуба появился Шишковатый и начал подниматься к пещере. Попугай, сидевший на плече у аббата, при виде его разразился пронзительными криками.

— Ты не можешь как-нибудь сделать, чтобы эта птица угомонилась? — спросил Харкорт аббата.

— С ней ничего не сделаешь, уж очень горласта. Есть она хочет, что ли?

— Сейчас принесу ей кусок хлеба, — вызвалась Иоланда. — Может быть, тогда замолчит.

— По крайней мере, на то время, пока его не склюет, — сказал Харкорт.

Шишковатый вошел в пещеру и тяжело уселся рядом с Нэн. Он взглянул на Харкорта:

— Рад, что ты вернулся.

- Я только что пришел.
- Там их видимо-невидимо, — сказал Шишковатый. — У тебя тоже?
- То же самое, — подтвердил Харкорт.
- Не вижу, как мы сможем прорваться, — сказал Шишковатый. — Или прокрасться. Я не смог обойти вокруг всей стены, времени не хватило. Но подозреваю, что стража стоит везде.
- Троль тоже так говорит.
- Откуда он может знать?
- Он ходил на разведку. Ночью. И сейчас спускался вниз со мной. Пожалуй, можно сказать, что он спас мне жизнь. Там была волчья яма...
- Не нравится мне это, — вмешался аббат. — С какой стати он нам помогает?
- Ему нужен мост, — сказала Нэн.
- А, опять то же самое, — недовольно отозвался аббат.
- А где римлянин? — спросил Шишковатый.
- Стоит на страже, — ответил аббат. — Вместе с горгульями.
- Надо бы ему быть здесь, — сказал Шишковатый. — Нам пора решать, что делать. Он должен при этом присутствовать.
- Он не считает себя одним из нас, — сказал Харкорт. — Как будто ему просто с нами по пути.
- Это нелепо, — сказал Шишковатый. — Он нас выручил. Конечно, он один из нас. Он это вполне заслужил.
- На таком военном совете, какой будет у нас, от него мало толку, — сказал аббат. — Он привык воевать иначе. Плечом к плечу со своими, лицом к лицу с врагом. Так уж он приучен. А нас слишком мало, чтобы так действовать.
- У него есть боевой опыт, — возразил Харкорт. — Он предостерегал своего трибуна. Будь он командиром, когорта ушла бы с Брошенных Земель до того, как ее перебили, и мы не оказались бы в таком положении. Я не уверен, что нам следует идти в наступление, но и отступать мы не можем. Все Брошенные Земли, должно быть, полны отрядов Нечисти, которые ищут нас. Они нас непременно выследят.
- Не нравятся мне эти разговоры об отступлении, — сказал Шишковатый. — Мы слишком далеко зашли.

— Наверное, мы все-таки можем что-нибудь сделать, — сказал аббат. — Знать бы только — что.

— Рано или поздно Нечисть нас почует, — сказал Шишковатый. — Думаю, что скорее рано. Не надо их недооценивать. Нет ничего хуже, чем недооценивать противника. Нечисть хитра. Не будь она хитра, ее давно стерли бы с лица земли.

— Если мы пойдем прямо на юг, — сказал аббат, — нам, возможно, удастся добраться до реки. А переправившись через нее, мы окажемся за пределами Брошенных Земель.

— Нечисть может погнаться за нами и через реку, — заметил Харкорт. — Кроме того, река течет сначала на запад, а потом поворачивает на юг. Очень может быть, что отсюда до нее далеко.

— Я пока что не намерен удирать к реке, — сказал Шишковатый. — Слишком многое поставлено на карту. И слишком много сил мы потратили, чтобы добраться сюда.

Никто не ответил, все стояли молча. Иоланда подошла к аббату с кусочком хлеба в руке и протянула его попугаю. Тот схватил хлеб лапой и принялся жадно клевать.

— Ну вот, видите, — сказал аббат. — Я же говорил, что он голоден.

Нэн поднялась на ноги.

— По-моему, и мы все тоже проголодались. Но закусывать придется всухомятку. У нас есть хлеб, сыр и кость от окорока, на которой осталось немного мяса. Оно немного пахнет, но есть еще можно.

Из-за большого дуба выскочил Децим и начал бегом подниматься к пещере.

— Нечисть пошла в атаку! — крикнул он. — Они взбираются на холм!

— Похоже, все уже решено без нас, — сказал Харкорт. — Иоланда, не знаешь, где мой лук и стрелы?

Глава 27

Нечисть поднималась по склону холма. Ее было здесь пока еще не очень много — всего несколько маленьких кучек, числом не больше дюжины. Но новые и новые толпы ее выходили из зарослей у стены. Двигались они медленно, словно без определенной цели, неспешной походкой, волоча ноги, временами останавливаясь и вглядываясь вперед, как будто не совсем уверенные, что на холме кто-то есть.

Аббат толкнул Харкорта в бок и показал пальцем вверх. Харкорт поднял глаза и увидел лениво колышущиеся там грязные тряпки — с десяток, а может быть, и больше. Они были довольно высоко и летели тоже медленно и лениво, словно высматривая добычу. Так оно и есть, подумал Харкорт. Высматривают добычу.

Горгульи недвижно стояли, как часовые, там, где кончались дубы. Харкорт подумал, что снизу они должны выглядеть как старые сухие пни, хотя Нечисть, охраняющая поместье, конечно же, наверняка знает, что здесь никаких пней нет. Она слишком долго разглядывала этот косогор, чтобы знать, есть здесь пни или нет.

— Не будем спешить, — сказал аббат. — Придется подождать, пока они подойдут поближе. Мы не можем рисковать промахнуться. На счету каждая стрела.

— Одними стрелами их не остановить, — сказал Харкорт. — Когда они войдут в раж, никакие стрелы не помогут. Они не посмотрят на потери и будут рваться

вперед. Они долго ждали и вот наконец дождались. Там, внизу, хранится что-то очень для них важное, иначе не понадобилась бы такая охрана.

— Мы знаем, что там хранится, — сказал аббат.

— Нам кажется, что мы знаем, — поправил его Харкорт. — Мы не можем быть абсолютно уверены.

Хотя совсем недавно он мог бы поклясться, что уверен. Дядя Рауль не дурак, он должен был знать, о чем идет речь. Однако сейчас у Харкорта начали появляться сомнения. Ни в чем нельзя быть уверенным до конца, подумал он.

— Уж не утратил ли ты веру? — спросил аббат.

Харкорт молча покачал головой. Он, конечно, не прав, только все равно ни в чем нельзя быть уверенным до конца.

— До сих пор мы хранили веру, — сказал аббат. — Мы хранили ее на протяжении всех этих бесконечных лиг, невзирая на опасности. Мы не можем утратить ее сейчас.

— Я-то ее не утратил, — сказал Харкорт. — Я чувствую, что это она меня покидает.

Попугай доел последние крошки хлеба и поудобнее устроился на плече аббата, вцепившись когтями в его сутану.

Харкорт окинул взглядом их не слишком внушительный боевой порядок. Аббат и он стояли на правом фланге — впрочем, их было слишком мало, чтобы говорить о каких-то флангах. Левее его стояла Иоланда, хладнокровно и невозмутимо держа наготове лук. Интересно, подумал он, может что-нибудь нарушить ее спокойствие? Еще левее был римлянин — без лука, но с обнаженным мечом. Он стоял прямо, выпятив грудь, как будто по обе стороны от него простирался тесный строй боевых товарищей с мечами в руках.

А дальше припала к земле Нэн с огромным суком, который где-то подобрала, — он казался слишком тяжелым для ее слабых рук. Рядом с ней стоял, широко расставив кривые ноги, Шишковатый с луком наготове, а за плечами у него висела на ремне секира. Левее всех опирался на свой посох Андре-коробейник.

Харкорт искал глазами тролля, но его не было видно.

Внизу, на склоне холма, Нечисти заметно прибавилось. Понемногу она выстраивалась в цепь — опоздав-

шие подравнивались, а ушедшие вперед поджидали, пока их не догонят остальные. Местами цепь прерывалась, но все же это была цепь, и надвигалась она все быстрее. В тех местах, где Нечисти было больше всего, она теснила друг друга, чтобы занять место в первом ряду. Теперь в ее движениях была видна железная целеустремленность — Нечисть шла в решительный бой. И ни у кого из ее числа не было оружия, только когти и клыки. Харкорт припомнил, что точно так же они наступали на замок семь лет назад. Нечисть не признает оружия. Ей хватает когтей и клыков. «Может быть, она выше этого? — подумал Харкорт. — Может быть, это бешеная гордыня заставляет ее полагаться на один свой яростный напор? Абсолютная уверенность в своих силах? Или первобытная слепота? Может быть, для них было бы позором взять в руки оружие?»

Позади цепи кишмя кишела всякая мелочь — эльфы, гоблины, лесные духи, русалки и все остальные, а в воздухе тучами толклись феи, отливая на солнце стрекозиными крыльями. Мародеры, подумал Харкорт. Застрельщики. Задиры, подстрекатели, подпевалы. Их бесчисленные толпы немногого стоили в бою, но выглядели устрашающе и могли бы напугать более робкого противника. Над головой кружили драконы. Они спускались все ниже, вытянув длинные шеи и поводя ими из стороны в сторону, выискивая жертву и готовые кинуться на нее с высоты. А с севера беспорядочной стаей приближались еще какие-то летучие чудища, поменьше драконов, но такие же неуклюжие в полете.

— Гарпии, — сказал аббат.

«Несколько стрел, — подумал Харкорт, — а когда дойдет до рукопашной, два меча, булава, боевая секира, сук в руках у Нэн и посох коробейника. Это все, чем мы можем встретить полчища врагов, которые поднимаются по склону холма. Безумие! Но выбора нет, бежать уже поздно. Бежать с самого начала было поздно. С того момента, как мы появились здесь, мы были окружены и оказались в западне».

— Пора, — сказал аббат. С этими словами он натянул тетиву и спустил стрелу. Великан в самой середине наступавшей цепи зашатался и повалился ничком, хватаясь за стрелу, которая торчала у него в груди. Чудища падали и в других местах цепи, но таких было слишком мало. «Что такое четыре лука? — подумал Харкорт. —

Какой бы верной ни была рука, какими бы меткими ни были стрелы, им не остановить Нечисть».

Внизу, впереди линии лучников, выступили вперед горгульи. Их массивные лапы, похожие на толстые бревна, разили направо и налево, раскидывая Нечисть, как бирюльки. Цепь качнулась назад, но тут же обтекла горгулий с обеих сторон, как обтекает поток торчащие посреди него камни, и сомкнулась снова, оставив их позади.

Харкорт отшвырнул лук и выхватил из ножен меч: Нечисть была уже слишком близко. Он услышал, как слева от него Шишковатый с яростным ревом кинулся в битву, размахивая секирой и кося ею врагов, словно поглощение Смерти. Рядом с Харкортom Нечисть во множестве валилась на землю под булавой аббата. Над ним с пронзительными криками кружил попугай. Харкорт мимоходом заметил, что коробейник по-прежнему стоит где стоял, лениво — лениво! — опираясь на посох и с тупым равнодушием глядя на сражение, которое шло всего в нескольких футах от него. Хоть не убежал, сукин сын, пронеслось в голове у Харкорта. Остался на месте, пусть даже толку от него немного.

После этого все слилось в какое-то бесформенное месиво. Харкорт колот и резал, делал ложные выпады и уклонялся от ударов, отпрыгивал назад и снова бросался вперед. Перед глазами у него мелькали, сменяя друг друга, отвратительные, искаженные яростью морды, и все они сливались в одну — воплощение злобы и ненависти. Некоторое время бок о бок с Харкортom сражался Децим. Он бился спокойно и уверенно, как боевая машина, не говоря ни слова, не делая лишнего движения. Обученный вести бой, постигший все его секреты, он не испытывал ни радости, ни удовлетворения, ни злобы, ни увлечения. Он дрался, не сжигаемый ненавистью, и потому особенно эффективно. А потом римлянин куда-то исчез. Харкорт не заметил, когда это случилось, и не видел, что с ним произошло. Теперь рядом с Харкортom оказался аббат. То и дело раздражаясь боевым кличем, он размахивал булавой, которую держал в обеих руках, повергая на землю всякого, кто оказывался в пределах досягаемости двадцатифунтового железного шара. А еще мгновение спустя аббат вместе с булавой исчез из вида, и рядом с Харкортom уже стояла тонкая фигурка в развевающемся плаще,

когда-то белом, но за время путешествия сплошь покрывшемся грязью. Лицо ее было хмуро и сосредоточенно, а в руках был меч — это мог быть только меч Децима. «Где же Децим? — мелькнуло в голове у Харкорта. — И как мог попасть к ней его меч?» Но он не успел додумать свою мысль, потому что Нечисть продолжала напирать со всех сторон. Где-то справа слышался боевой клич аббата, над головами с пронзительными криками кружил попутай, а слева доносился яростный рев Шишковатого.

И тут неожиданно, без всякого предвестия, по полю боя пронесся вихрь, а небо закрыла низкая темная туча, которая, яростно клубясь, будто и в небе тоже шла битва, опустилась вниз и окутала сражающихся. Ослепительная молния рассекла тучу. Харкорт вскинул руку, чтобы прикрыть глаза от слепящего света, и в то же мгновение над самой его головой прокатился оглушительный громовой удар. Харкорт упал на колени, попытался встать, но тут снова сверкнула молния, а сразу же за ней раздался новый раскат грома, который опять сшиб его с ног. Он ощутил какой-то странный удушливый запах, словно воздух наполнился серными парами, и в ноздрях у него защипало. А потом шум схватки вдруг сменился пугающей тишиной, призрачной и неестественной, будто молнии и гром стерли бесследно все остальные звуки.

Харкорт, шатаясь, поднялся на ноги. Повинуясь какому-то смутному побуждению, он оглянулся через плечо и увидел коробейника. Тот стоял на том же самом месте, что и раньше, но руки его были подняты вверх, а пальцы широко растопырены. Из каждого его пальца вылетали яркие искры — маленькие копии палящих молний. Пока Харкорт в изумлении глядел на него, искры вдруг погасли, и коробейник, словно переломившись пополам, бессильно осел на землю.

Нечисть в панике бежала вниз, отступая под защиту стены. Драконы, по-прежнему похожие на трепыхающиеся в воздухе тряпки, поспешно поднимались ввысь. Гарпий не было видно, исчезла и мелкая Нечисть, которая кишела позади наступавшей цепи. Склон холма был усеян обгорелыми, дымящимися телами пораженных молнией, многие из которых еще корчились в предсмертных судорогах. Ближе лежали груды убитых во время битвы.

Иоланда, все еще с мечом Децима в руке, подошла к Харкорту, обходя кучи трупов.

— Децим погиб, — сказала она.

Харкорт кивнул. Странно, что мы остались живы, подумал он.

Она подошла к нему ближе, он обнял ее и прижал к себе. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу и глядя вниз, на изуродованные, дымящиеся трупы.

— Это коробейник, — сказал он. — А я все время думал о нем плохо.

— Он хороший человек, только немного странный, — сказала она. — Его трудно понять и еще труднее полюбить. Хотя я его почему-то полюбила. Он мне как отец. Это он вывел меня с Брошенных Земель и велел перейти реку. Он привел меня к мосту, слегка шлепнул по задку и сказал: «Иди через мост, малышка. Там безопаснее». Я пошла и пришла к дому мельника. Там был котенок, я села играть с ним...

— Коробейник! — вскричал Харкорт. — Я видел, как он упал!

Он круто повернулся и побежал вверх по склону, туда, где видел коробейника. Иоланда бежала за ним. Но там уже была Нэн. Она стояла на коленях рядом с коробейником.

— Еще жив, — сказала она. — Мне кажется, с ним ничего не случилось. У него просто иссякли силы. Всю свою энергию он потратил на то, чтобы вызвать молнии.

— Я принесу одеяла, — сказала Иоланда. — Надо его согреть.

Она побежала к пещере, а Харкорт снова взглянул вниз. Там устало поднимался по склону аббат с попутаем на плече. Одной рукой он поддерживал Шишковатого, который, хромая, шел рядом. На груди у него расплывалось ярко-красное кровавое пятно. Харкорт поспешил навстречу, но Шишковатый отмахнулся.

— Этот надоедливый и навязчивый церковник, — сказал он, — делает вид, что мне нужна его помощь. Я не возражаю только потому, что ему это доставляет удовольствие.

Они подошли к коробейнику и Нэн, и аббат помог Шишковатому усесться на землю.

— Он порядком изодран, — сказал аббат. — Но мы его перевяжем, и кровь остановится. Мне кажется, с ним все будет в порядке.

— Я очень на это надеюсь, — отозвался Шишковатый. — Впереди еще хватит работы, — и он показал рукой вниз по склону холма. — Нечисть опять собирается напасть. — Он посмотрел на коробейника. — Что это с ним? Упал в обморок от волнения?

— Это он призвал молнии, — ответила Нэн.

— Так вот оно что, — протянул Шишковатый. — А я-то думал, в чем дело. Никогда еще не видал такой неожиданной грозы. Только что было ясно, и вдруг молнии.

Харкорт снял рубашку и принялся раздирать ее на узкие полоски для перевязки.

— У тебя еще осталась та мазь? — спросил он Шишковатого. — От нее раны лучше заживают.

— По-моему, немного должно быть. Только не забудь, ее нужно втирать посильнее, иначе не подействует.

— Не беспокойся, вотру как следует. Особенно в открытые раны.

— И лучше поспеши, — сказал Шишковатый. — Они вот-вот опять на нас пойдут, я должен к тому времени быть уже перевязан, чтобы взяться за секиру.

Харкорт отошел на несколько шагов, чтобы лучше видеть, что происходит у подножья холма. Действительно, Нечисть как будто снова строилась в цепь, но он решил, что ей понадобится еще некоторое время, чтобы двинуться вперед.

Иоланда принесла из пещеры несколько одеял, и тут же подошел аббат с мазью. Харкорт опустился на колени рядом с Шишковатым. Куском своей рубашки он отер кровь с его груди. Зрелище было страшное — раны оказались более многочисленными и глубокими, чем он подумал сначала. Шишковатого не просто кусали или царапали, его грызли. Харкорт продолжал обтирать раны, Шишковатый терпел не поморщившись, но потом нетерпеливо сказал:

— Давай скорее. Незачем вытирать начисто, просто замотай бинтами и зятяни потуже. А с мазью возиться некогда.

Харкорт взглянул на стоящего над ним аббата и кивнул:

— По-моему, так и надо сделать. Втирать мазь нельзя, пока не перестанет течь кровь. Перевязка ее останется. А мазь можно будет втереть потом.

— Никакого «потом» уже не будет, — задумчиво произнес аббат.

— А если так, то вообще незачем со мной возиться, — сказал Шишковатый. — Только перевяжите потуже. Ничего, отобьемся. Отбились же мы только что.

— Мы отбились благодаря коробейнику, — сказал аббат. — А он выбыл из строя. В следующий раз он нам уже не сможет помочь.

— Перестань каркать, Гай, — оборвал его Харкорт. — Лучше помоги мне перевязать Шишковатого. Он прав, отобьемся.

— Мы отступим к пещере, — сказал Шишковатый. — Вход в нее не шире шести футов, его легко будет защищать. И с нами будут горгульи.

— Последний оплот, — заметил аббат.

— На этот раз мы их остановим, — продолжал Шишковатый. — Им это дорого обойдется. Они отступят.

— А если они бросятся снова?

— Тогда мы снова их встретим. Перебьем всех до последнего. И в конце концов победим.

— Безусловно, — согласился Харкорт и подумал: «Безусловно, победим. В конечном счете победим, если только хоть кто-то из нас останется в живых».

Склонившись с двух сторон над Шишковатым, они туго обмотали бинтами его грудь. Когда перевязка окончилась, Шишковатый с трудом поднялся на ноги.

— Так куда лучше, — заявил он. — Считайте, что вы меня починили.

«Всего трое, — подумал Харкорт. — Меч, секира и булава, и еще Иоланда с мечом Децима, если понадобится. Наверное, понадобится. Еще горгульи помогут. Коробейник и Нэн не в счет, от них помощи ждать нечего. Не может же коробейник два раза подряд преподнести такой чудесный сюрприз».

Шишковатый потопал ногами, поднял с земли свою секиру и помахал ею в воздухе, потом похлопал левой рукой по перевязкам.

— Как новенький, — заявил он. Однако по его виду сказать это было трудно. Сквозь бинты местами уже просочилась кровь, а при каждом взмахе секиры он кривился от боли.

Харкорт спустился по склону до того места, где кончались деревья, и посмотрел вниз. Там, у подножья, Нечисть снова выстроилась в цепь, которая казалась ничуть не реже, чем вначале. В воздухе вновь кружили драконы и гарпии. Ближе, у самой опушки, валялись груды тел, сожженных молнией, — от них поднимались струйки едкого дыма. Горгульи, до сих пор стоявшие на посту немного ниже по склону, повернулись и начали неуклюже подниматься к пещере. Цепь Нечисти пришла в движение и стала медленно приближаться.

— Как, по-твоему, Шишковатый? — спросил аббат, подошедший сзади.

— Плохо его дело, — ответил Харкорт. — Из двух ран шли пузырьки, а на краях была пена. Они очень глубокие. Наверное, легкие задеты.

— Ты ничего об этом не сказал.

— Незачем. Шишковатый знает это не хуже меня. Мы ничего не можем сделать. Будь мы даже в таком месте, где можно найти хирурга, он мало чем мог бы помочь.

— И что дальше?

— Пусть сражается вместе с нами. Он этого хочет. Иначе будет чувствовать себя опозоренным. Он не потерпит, если мы начнем с ним нянчиться.

— Я за ним присмотрю, — сказал аббат.

Горгульи миновали их и продолжали подниматься по склону.

— Надо бы поискать тело Децима, — сказал аббат.

— Не время сейчас разыскивать тела. Нечисть вот-вот подступит.

— Нужно произнести над ним хоть несколько слов. Проявить сострадание.

— Он был солдат, Гай. Он знал, что его могут убить в любую минуту и никто никаких слов произносить над ним не будет. Я думаю, прощальные слова для него не так важны, как для тебя.

— Ты хочешь сказать, что он был язычник?

— Ну, этого я не хотел сказать. Хотя и такое возможно. Христианство не так прочно укоренилось в Империи, как ты думаешь.

Аббат что-то проворчал про себя.

— Пойдем к пещере, — сказал Харкорт, повернулся и остолбенел. — Гай, смотри!

Горгульи подошли к деревьям и начали с большим трудом карабкаться на них, каждая на свое.

— Они дезертируют! — вскричал аббат. — Хотят спрятаться!

Он с криком бросился вперед, но Харкорт схватил его за руку.

— Не трогай их, — сказал он. — Если они собираются выйти из игры, не будем их принуждать.

— Но без них нам крышка, — возразил аббат.

— Да и с ними нам, скорее всего, тоже крышка, — сказал Харкорт.

Они стояли и смотрели, как горгульи, с трудом добравшись до нижних ветвей, которые, правда, росли не так уж высоко над землей, полезли вверх быстрее и вскоре скрылись среди листвы.

Харкорт снова двинулся к пещере. Оглянувшись через плечо, он увидел, что Нечисть набрала скорость и скоро будет здесь.

Аббат потянул его за рукав:

— Ничего, встретим их вместе, Чарлз.

— И Шишковатый.

— Да, и Шишковатый с нами.

Не успел он договорить, как откуда-то сбоку послышался треск. Повернувшись, он увидел, что один из огромных дубов вдруг начал раскачиваться из стороны в сторону, а его раскидистые корни, вырвавшись из земли, оперлись на нее, напряглись и приподняли дерево, а потом собрались в клубок под самым стволом. Снова послышался треск — еще несколько дубов начали раскачиваться, и из земли показались их корни.

Аббат поспешно перекрестился и пробормотал что-то по-латыни. Харкорт стоял, не в состоянии вымолвить ни слова, и глядел, как все четыре дерева, на которые только что залезли горгульи, вырвались из земли. Несколько мгновений они стояли неподвижно, опираясь на корни и чуть покачиваясь, а потом тяжело и величественно двинулись вперед, вниз по склону.

От пещеры к Харкورتу и аббату, хромая, быстро спускался Шишковатый, с боевым кличем размахивая над головой секирой. Дальше шли остальные. Коробейник опирался на руку Нэн и на свой посох. Иоланда обогнала Шишковатого и подбежала к Харкорту.

— Что происходит? — спросила она.

— Точно не знаю, — ответил Харкорт. — Только стой тут, посередине, подальше от деревьев.

Он заметил, что дубы становятся в круг, окружая их: один впереди, по одному с боков и один сзади.

— Это сделали горгульи, — задыхаясь, выговорил аббат. — Они залезли на эти деревья.

Все шестеро сгрудились в тесную кучку. Деревья, шагая на извивавшихся корнях, как многоногие пауки, сомкнулись вокруг, оставив для них посередине немного свободного места, и двинулись вниз по склону. Со всех сторон от них спускались до самой земли ветви и торчали корни.

Аббат лениво помахал булавой.

— Пожалуй, Нечисти сюда не пробиться, — сказал он.

— А если кто и пробьется, — сказал Шишковатый, — мы с ними управимся.

— Будьте осторожны, когда дойдем до подножья холма, — предупредил Харкорт. — Там западни и волчьи ямы.

— Что это за чародейство? — воскликнул коробейник слабым, надтреснутым голосом. — Что за чародейство заставило деревья сдвинуться с места?

Иоланда схватила коробейника за руку и отобрала у него посох.

— Мой посох! — вскричал он.

— Он тебе только мешает, — сказала она. — Того и гляди споткнешься.

Все это время, пока они переговаривались, деревья двигались вниз по склону. Их кроны сомкнулись над головами людей, словно зонтик, закрыв от них небо. Со всех сторон стояла сплошная стена переплетенных ветвей, посреди которых осталось лишь немного места, где люди могли шагать. Толстые, могучие корни, извиваясь, ползли по земле, время от времени больно задевая их за ноги своими концами.

— Смотрите под ноги, — сказал Харкорт. — Старайтесь не споткнуться и не упасть, иначе корни пройдут по вашим телам.

Видимо, деревья уже достигли цепи Нечисти: со всех сторон до людей доносились вопли звериной ярости, бешеной ненависти, безумной злобы. Чудовища были вне себя: они видели, что добыча ускользает.

Харкорт попробовал было выглянуть наружу сквозь листву, но не мог отыскать в ней ни малейшего просвета. Занятый этим, он забыл о том, что нужно смотреть под ноги, как сам же предупреждал остальных, споткнулся обо что-то и чуть не потерял равновесие. Чтобы не упасть, он сделал большой шаг вперед и наступил на что-то скользкое и извивающееся. Он взглянул вниз и увидел, что это искалеченное тело тролля — он угодил под ползущие корни переднего дерева, которые раздавили и расплющили его.

Слева от Харкорта сквозь ветви свалился внутрь еще один тролль — сильно помятый, растерянный и окровавленный. Харкорт занес было меч, но не успел нанести удар: секира Шишковатого опустила тролля на голову, и тот свалился на корни с раскроенным черепом и вывалившимися мозгами. Он так и остался лежать распростертым на корнях, покачиваясь вместе с ними.

Хотя Харкорт не мог видеть, что происходит, но по движению ветвей, обращенных внутрь, он догадался, что наружные ветви яростно молотят кидаящуюся на деревья Нечисть, неумолимо кося все на своем пути. Мало кому из чудовищ удавалось прорваться сквозь эту завесу, чтобы добраться до людей посередине.

Под ногами у них время от времени появлялись мертвые или умирающие чудища, втоптанное в землю шагавшими корнями. Еще несколько великанов, троллей и гарпий ценой отчаянных усилий миновали хлеставшие со всех сторон ветви, но люди были наготове и тут же их приканчивали. Некоторое время они висели на ветках, колыхаясь вместе с ними, но потом срывались и падали под корни, которые всей тяжестью неумолимо наползали на них и оставляли раздавленными позади. Один раз люди внезапно увидели у себя под ногами зияющую волчью яму, но вовремя успели броситься в сторону и повиснуть на ветвях и благополучно ее миновали.

Земля под ногами уже не так круто спускалась вниз, а постепенно стала и совсем ровной. Яростные вопли Нечисти, доносившиеся снаружи, начали стихать — их сменили жалобные завывания, которые эхом отдавались от холмов, окружавших долину.

— Они разбиты, — сказал аббат. — Они знают, что разбиты, что мы их одолели. Они не смогли уберечь свое сокровище. Мы, наверное, уже у самой стены.

Как только он это сказал, все ощутили толчок и услышали треск: деревья уперлись в стену. На мгновение они остановились, но потом снова двинулись вперед, и Харкорт услышал, как стена с грохотом рушится. Деревья переползли через ее остатки, и людям внутри пришлось карабкаться по гудам камней.

Теперь под ногами у них была трава — гладкий, аккуратно подстриженный газон. Деревья расступились, открыв людям выход из тесного пространства между ними, и отодвинулись в стороны. Все было кончено.

Харкорт оглянулся на холм, с которого они спустились. От самой рощицы перед пещерой тянулся по земле двойной ряд убитых и искалеченных чудовищ, поверженных ударами ветвей шагающих деревьев. По обе стороны его поодиночке и кучками стояли те из чудовищ, кто остался в живых. Они оглашали воздух печальными завываниями побежденных, предсмертными воплями потерпевшего поражение врага.

Здесь мы в безопасности, подумал Харкорт, вспомнив, что говорил ему троль с веревкой на шее: «Нечисть не смеет проникнуть за стену, она смертельно боится того, что там хранится». Позади них, среди лежавшей двойным рядом поверженной Нечисти, он заметил какое-то движение — это выползали из-под трупов изувеченные чудовища, в которых еще теплилась жизнь.

«Мы дошли до цели, — подумал Харкорт. — Мы наконец достигли того места, на поиски которого отправились так давно. Всего несколько футов этого ухоженного зеленого газона отделяют нас от Элоизы и от призмы Лазандры. Теперь никаких сомнений уже не осталось». Он вспомнил, как, стоя на холме, видел огонек свечи, который мигнул на ветру и погас. И как он думал, не Элоиза ли держала в руках эту свечу, заслоняя огонь левой рукой, как-то догадавшись, что он здесь, что он видит огонек свечи, посылая ему сигнал, извещающий, что ждет его.

— Элоиза, — произнес он почти неслышно. Ему захотелось вспомнить ее лицо, но его по-прежнему закрывала прядь волос, развеваемых ветром, и он не мог его вспомнить.

К нему подошел аббат с попутаем на плече.

— Чарлз, — сказал он тихо, — Шишковатый зовет. Он хочет поговорить с тобой.

— Шишковатый? Ну, конечно. Как он?

— Он умирает, — сказал аббат.

«Не может быть, — подумал Харкорт. — Только не Шишковатый. Только не мой старый друг. Шишковатый неистребим, Шишковатый вечен!» Но он припомнил кровь, которая пенилась у него в ранах, когда они перевязывали его туго-натуго, как просил он сам.

С тяжелым сердцем Харкорт вслед за аббатом пересек поляну и подошел к тому месту, где лежал на земле Шишковатый. Глаза его были закрыты, но когда Харкорт опустил на колени рядом с ним, они открылись. Он неуверенным движением протянул руку, Харкорт схватил ее и сжал в своей руке.

— Шишковатый, — сказал Харкорт и умолк. Больше он ничего не мог выговорить.

— Хочу сказать только одно, — сказал Шишковатый. — Обещай мне, что не дашь этому святоше ничего надо мной бормотать. Удержи его насильно, если надо будет.

— Обещаю, — ответил Харкорт.

— Еще одно. Не горюй. Я знал, что это случится...

— Откуда ты мог знать? — спросил Харкорт. — Уж не думаешь ли ты...

— Помнишь Колодец Желаний? Я хотел заглянуть в него, но тут тебе понадобилось снять веревку с шеи дракона.

— Я не стал ее снимать, — сказал Харкорт. — Он носил ее все эти годы, она принадлежит ему. Я только протянул руку, чтобы ее снять, и понял, что она по праву принадлежит ему.

— Пока ты этим занимался, я ходил к колодцу.

— Да, и когда я тебя спросил, что ты видел, ты сказал, что себя. Ничего удивительного — обычно себя и видишь, когда глядишь в колодец.

— Я сказал тебе правду, — продолжал Шишковатый. — Я видел себя, только мертвого.

Харкорт хотел что-то сказать, но не смог.

— Я не особенно удивился, — сказал Шишковатый. — Я знал, что смерть близка, что она идет за мной по пятам. Помнишь, я тебе говорил, что люди моего племени живут намного дольше человека и что мы не стареем и не дряхлеем, а умираем раньше, еще в расцвете сил. Раньше, чем начинаем стареть.

— Помню.

— Когда я увидел себя в колоде, я понял, что уже не вернусь домой. Но это не самый плохой способ умереть. Ты расскажешь обо всем своему деду? Он поймет и не удивится. Он знал, что такое может случиться. Мы с ним были как братья. У нас не было секретов друг от друга.

— Ему будет не хватать тебя, — сказал Харкорт. — И мне тоже. И всем нам.

— Расставаться с жизнью мне не жаль, но мне очень не хочется оставлять вас. У вас впереди еще долгий обратный путь. Я надеялся, что успею еще немного вам помочь.

Харкорт опустил голову и вспомнил прежние дни — истории, которые рассказывал ему Шишковатый, птичьи гнезда, лисьи норы и цветы, которые он ему показывал и называл, и как он учил его разбираться в звездах и находить север по небесной Повозке.

Шишковатый снова закрыл глаза. Повязка у него на груди была вся пропитана кровью. Рука его дрогнула, потом опять крепко стиснула руку Харкорта. Он открыл глаза.

— Секира теперь твоя, — сказал он.

— Я буду беречь ее, — ответил Харкорт, стараясь сдерживать слезы. — Я повешу ее на стене замка, рядом с большим камином.

— Не горюй обо мне сверх меры. И запомни, никаких заупокойных слов. Никакого аббатского бормотанья.

— Слов не будет, — пообещал Харкорт.

— Оставьте меня как есть. Не копайте никаких ям. Завалите меня камнями, чтобы не добрались волки. Терпеть не могу волков. Не хочу, чтобы эти грязные пожиратели падали растащили мои кости по всей округе.

— Тут много камней, из которых была сложена стена, — сказал Харкорт. — Я завалю тебя ими. Я сам их принесу.

— Еще одно...

Но глаза его снова закрылись, и он начал задыхаться, хотя рука его все еще крепко сжимала руку Харкорта.

Харкорт увидел, что рядом стоит аббат, и поднял голову.

— Еще не все, — сказал он. — Он еще держится. Хочет еще что-то сказать.

— Я слышал, как он говорил, что не хочет никаких прощальных слов, — сказал аббат. — Я выполню его желание. Я люблю Шишковатого. Я всегда его любил, а в нашем путешествии он проявил себя как настоящий друг. Когда я сам был близок к смерти, он дотащил меня в бурю до хижины Нэн.

Шишковатый пошевелился, и глаза его снова открылись.

— Я слышал, — сказал он. — Я слышал, только как будто издали. Аббат хороший человек, преданный своей вере, и хороший товарищ в пути. Я полюбил его. Передай ему, что я сказал.

— Он стоит здесь. Он слышит, что ты говоришь.

— Да, еще Элоиза, — сказал Шишковатый.

— Что Элоиза?

— Не Элоиза, — сказал Шишковатый. — Ты слишком долго был ослеплен. Не Элоиза. Не она твоя любовь.

Его рука ослабла и выскользнула бы из руки Харкорта, если бы тот не сжал ее крепче.

«Так далеко от дома, — подумал Харкорт. — Умереть так далеко от дома!» Он представил себе деда, сидящего в замке у огня, и подумал, какое у него станет лицо, когда Харкорт сообщит ему эту весть. «И хуже всего, — подумал он, — что я ничего не смогу ему сказать, ничем не смогу его утешить».

Аббат подошел ближе, протянул руки, помог Харкорту подняться на ноги и постоял, поддерживая его. Слезы стекали по щекам аббата в растрепанную бороду.

Потом он нагнулся, поднял с земли боевую секиру и вложил в руку Харкорт.

— Он отдал ее тебе, — сказал он. — Держи ее крепче. Она твоя.

Глава 28

Аббат поднял булаву, постучал в дверь еще раз и подождал. Ответа не было.

— Не открывают, — сказал он. — Они должны знать, что мы здесь. Должны знать, что тут случилось. Почему они не открывают?

Попугай у него на плече что-то проскрипел.

— Мы сделали все, что полагается, — сказал Харкорт. — Они слышали, как ты стучал своей страшной булавой. Не могли не слышать.

— Я постучу еще.

— Не надо, — сказал Харкорт. — Ломай к дьяволу эту дверь.

— Мы сделали все, чего требуют приличия, — согласился аббат. — Отойди в сторонку.

Харкорт сделал шаг назад и наткнулся на Иоланду, которая стояла позади. Протянув руку, он поддержал ее, чтобы не упала.

— Жаль ломать такую дверь, — сказала она. — На ней очень красивая резьба.

Аббат не обратил на ее слова внимания. Он размахнулся булавой, и дверь подалась, треснув сверху донизу. Он нанес еще удар, и дверь рухнула, только одна сломанная, зазубренная доска осталась висеть на петлях. Харкорт ногой отшвырнул в сторону обломки и шагнул внутрь, в маленький вестибюль, за которым лежал атриум.

Атриум освещали пылающие факелы, воткнутые в шандалы на стенах. Пол был вымощен разноцветными плитками, изображавшими лесной пейзаж с деревьями, цветами и пастухом, окруженным овцами. Вдоль стен, между дверей, что вели из атриума в боковые комнаты, стояли стеклянные витрины, полные сверкающих драгоценных металлов и дорогих камней.

В одной из дверей, выходящих в атриум, показался какой-то человек преклонных лет в выцветшем от времени черном одеянии. Лицо его казалось бесформенным белым пятном. Он сделал несколько шагов вперед и остановился, покачиваясь. Вместе с ним появилось еще несколько теней — одни были хорошо видны, о присутствии других можно было лишь догадываться по слабому мельканию на стенах, по мерцанию белых пятен, по едва слышным стонам, доносившимся неизвестно откуда.

— Привидения, — сказал аббат. — Это обитель привидений. Они ее хранители.

«И если бы я не пришел, чтобы спасти Элоизу, — подумал Харкорт, — со временем она тоже превратилась бы в привидение, в тень на стене. Надолго, а может быть и навсегда, она стала бы тенью, издающей жалобные стоны в ожидании, когда по какому-нибудь неведомому стечению обстоятельств не придет освобождение. Может быть, она и старик в выцветшем черном одеянии — единственные живые существа под этой крышей».

Но где же Элоиза? Почему она не ответила, когда дверь грохотала под ударами булавы?

Харкорт шагнул вперед, аббат за ним. Шаги их гулко прозвучали в тишине, раскатившись эхом по залу.

Усыпанная драгоценными камнями диадема в одной из витрин разбрасывала в свете факелов огненные блики. На пурпурной бархатной подушке лежала сверкающая сабля. Браслет чистого золота, блестящий серебряный кубок, украшенный самоцветами, отделанные золотом шпоры, уздечка, усыпанная бриллиантами, чаша, еще один кубок из половины кокосового ореха, рог для вина из слоистой кости с тончайшей резьбой...

— Сокровищница, — сказал аббат. — Добыча, которую много лет свозили сюда из многих стран. Но я не вижу призмы, за которой мы сюда пришли.

— Она здесь, — сказал Харкорт. — Должна быть здесь. Мы еще не все видели. Нечисть боялась этого места, она не могла сюда ступить. Она не стала бы бояться сокровищ, которые мы здесь видим. Призма — единственное, чего она могла бояться.

Он стоял, разглядывая содержимое витрин, и вдруг поднял голову. Из двери, за которой исчез человек в черном, показалась женщина. Что-то в ее манере держаться показалось ему знакомым, он взгляделся в ее лицо, но не мог его разглядеть. Сейчас ему не мешала выбившаяся от ветра прядь волос, здесь не было никакого ветра, и все же он не мог разглядеть ее лицо.

— Элоиза? — спросил он осторожно. — Элоиза, это ты?

— Да, я Элоиза, — прозвучал в ответ ясный, высокий голос. — Но откуда ты, варвар, знаешь мое имя? И что ты здесь делаешь? Ты не имеешь права здесь находиться. Тебя должны были остановить задолго до того, как ты достиг стены.

— Элоиза, это я, Чарлз. Чарлз Харкорт. Ведь ты меня помнишь?

В ее голосе зазвучали хрустальные льдинки.

— Да, кажется, помню. Но ты всего лишь слабое, далекое воспоминание. То, что мы когда-то были знакомы, еще не дает тебе права являться ко мне. Прочь! Собери своих грязных сообщников и иди прочь! ◆

Он все еще не мог разглядеть ее лицо.

— И не смей ничего трогать, — сказала она. — Даже пальцем. Не трогай ничего своими грязными ручищами.

Стоны привидений стали громче, они заполнили весь зал.

— Позволь, дитя мое, — сказал аббат. — Ты как-то странно себя ведешь. Я помню тебя девочкой, милой, очаровательной и по уши влюбленной в Чарлза. Мы искали тебя в замке Фонтен, но не нашли...

— Ну, вот вы меня нашли, — ответила Элоиза. — Вы удовлетворены? Теперь, прошу вас, уходите прочь.

— Но мы пришли, чтобы спасти тебя. Нам удалось...

— Меня не надо спасать. Я хранительница этих сокровищ. Мне поручено святое дело хранить их, и я...

— Дитя мое! — вскричал аббат. — Опомнись!..

— Мой господин! — шепнула Иоланда, стоявшая рядом с Харкортom. — Инструменты! Инструменты для резьбы!

Она схватила его за руку и показала на одну из витрин.

— Это замечательные инструменты!

Элоиза с угрожающим видом шагнула вперед.

— Руки прочь! — крикнула она. — Это не ваше! Это принадлежит мне! Все здесь принадлежит мне!

— Ты имеешь полное право их трогать, — сказал Иоланде коробейник. — Ты имеешь право их взять. Они принадлежат тебе. Это инструменты твоей матери.

— Нет! — взвизгнула Элоиза. — Никто ничего отсюда не возьмет!

Она бросилась к Иоланде, растопырив пальцы, похожие на когти. Харкорт прыгнул ей навстречу, протянув вперед руку, чтобы остановить ее. Элоиза со всего размаха натолкнулась на его руку и отлетела назад. Она пошатнулась, рухнула на пол и покатилась по мозаичным плиткам. Харкорт шагнул вперед и встал над ней.

— Прочь с дороги, — загремел он в гнев. — Твоя стража разгромлена. Там, за стеной, валяются груды Нечисти, мертвой и умирающей. Ты здесь больше не хранительница. Мы возьмем все, что захотим.

Элоиза поползла от него на четвереньках, трясясь от злобы и шипя, словно разъяренная кошка. Достигнув двери, через которую она вошла, Элоиза поднялась на ноги, опираясь на косяк.

— Ты никогда не вернешься домой, — крикнула она Харкорту. — Ты уже покойник. Все вы покойники. Каждого из вас постигнет моя месть. Ваши тела будут разорваны в мелкие клочья и развеяны по ветру, так что даже волкам нечем будет поживиться.

Харкорт повернулся к ней спиной и протянул Иоланде обе руки. Иоланда быстро подошла к нему, и он прижал ее к себе.

— Она целилась мне в глаза, — воскликнула Иоланда. — Она хотела их выцарапать. Если бы ты не оставил ее...

Разразившись рыданиями, она уронила голову ему на грудь.

— Инструменты! — выговорила она сквозь слезы. — Инструменты для резьбы. Я всю жизнь хотела

такие иметь. Жан кое-что мне сделал, он старался, как мог, но они такие неудобные...

— Ты говоришь, это инструменты Марджори? — сказала Нэн коробейнику. — Значит, это она вырезала горгулий? Мне это приходило в голову, но я ничего не сказала. Это показалось мне невероятным.

— Да, леди Маргарет, это она их вырезала. Я видел, как она работала над ними. Она и Джон — трубадур, с которым она убежала.

— А заколдовал горгулий ты?

— Я сделал, что мог. Мои чары слабы. Мы с Джоном подняли горгулий и установили их на место. А потом я заколдовал их, хотя и не был уверен, что мне это удалось.

— Вполне удалось, — сказал Харкорт. — Сегодня они спасли нам жизнь. Коробейник, сегодня ты спас нас дважды.

Иоланда подняла голову с груди Харкорта.

— Значит, ты моя бабушка, — сказала она Нэн. — По-моему, я с самого начала это чувствовала. Ты казалась мне совсем родной. Значит, моя мать тоже работала по дереву?

— Похоже, что и ты этим занимаешься? — ответила Нэн. — Почему же ты мне об этом ничего не сказала, проказница? Ты очень много чего мне не сказала. Я тоже чувствовала, что мы с тобой совсем родные, и я задавала тебе много вопросов, но ты не отвечала.

Нэн подошла к Харкورتу и Иоланде.

— Молодой человек, — сказала она, — уступи-ка мне ненадолго мою внучку. Совсем ненадолго.

С другого конца зала донесся сдавленный голос аббата:

— Чарлз! Чарлз, смотри! Я нашел ее!

Нэн протянула руки к Иоланде. Харкорт обернулся и увидел, что аббат держит высоко над головой что-то похожее на сияющую радугу, горящую всеми цветами в отсветах факелов на стенах.

— Призма, — прошептал Харкорт. — Призма Лазандры.

— Она была в одной из витрин, — сказал аббат. — Я увидел ее, взял в руки, и она всего меня обдала пламенем. Ее пламя светит на весь мир. В ней пламенеет душа святого.

Попугай слетел с плеча аббата и принялся, пронзительно крича, описывать круги в воздухе.

— Значит, все кончилось, — тихо сказал коробейник. — Ваша миссия завершена, и те, кто покоится в зачарованном святилище, теперь могут спать спокойно.

Аббат направился через весь зал к ним, высоко держа призму. Попугай, не переставая возбужденно кричать, круто опустился на призму, задев когтем руку аббата. Призма выскользнула у того из пальцев. Он попытался поймать ее на лету, но не успел. Элоиза, все еще стоявшая в дверях, издала отчаянный вопль.

Призма ударилась об пол и разлетелась на миллион осколков величиной не больше песчинки. Радужное пламя погасло, и атриум заполнился сиянием непостижимого благочестия и святости.

Харкорт упал на колени, охваченный до глубины души глубочайшим благоговением.

— Благослови Господь мою душу! — крикнул попугай, все еще кружа в воздухе.

— Да будет так, — произнес призрачный голос. В воздухе возникла призрачная рука, которая осенила их благословением, и святой, освобожденный после многих веков заточения, исчез.

Над Брошенными Землями пронесся душераздирающий скорбный вопль.

Глава 29

Тело Шишковатого лежало под грудой огромных камней из разрушенной стены. Половинка разбитой двери, все еще висевшая на петлях, болталась на ветру, который подул с запада. По склону холма, усеянному мертвыми телами, крадучись бродили волки.

— Это к лучшему, — сказал аббат. — Если подумать, это к лучшему. То, что случилось, должно было быть нашей целью с самого начала. Не сделать из призмы святыню, чтобы прославить аббатство или какой-нибудь другой храм, а найти и разбить ее, чтобы выпустить на свободу заключенную там душу. Все остальное было бы, пожалуй, кощунством. По совести, как только я взял ее в руки, я должен был швырнуть ее об пол, чтобы разрушить чары Лазандры и освободить плененную душу. Попугай понял это лучше меня, лучше любого из нас. Почему меня так ослепило желание прославить свое аббатство? Чарлз, как может человек быть так слеп?

Харкорт обнял аббата за плечи.

— Все философствуешь, — сказал он. — Все ищешь истину в теологических рассуждениях.

— Я философствующий слепец, — ответил аббат. — Я опозорен и унижен. Мне долго придется это замаливать.

— Оуррк! — сказал попугай.

— Не могу понять, что сделалось с Элоизой, — сказал Харкорт. — Когда-то она была очаровательной девушкой.

— Люди меняются, — сказал аббат. — Или их заставляют меняться. Когда-то, давным-давно, Лазандра тоже, наверное, был праведным и уважаемым чародеем, но потом он не устоял перед искушением. Его привели на вершину горы и показали ему весь мир. Может быть, так случилось и с Элоизой. Нечисть схватила ее в замке Фонтен и, вместо того чтобы унижить и оскорбить ее, предложила ей то, что ее ослепило. Власть и славу, какие ей никогда не снились, показавшиеся ей даже заманчивее, чем царствие небесное, о котором она до того мечтала. Не надо ее винить, Чарлз. Не надо ее ненавидеть.

— Когда-то я любил ее, — сказал Чарлз. — Много лет я любил ее.

— Все последние годы это была слепая любовь, порожденная чувством вины. Ты наказывал себя этой любовью за преступление, которого никогда не совершал. Я видел, что ты с собой делаешь. Шишковатый тоже видел. Он так и сказал тебе, умирая, — сказал то, что не мог сказать, пока не пришел его смертный час, и что он должен был сказать, когда смертный час наступил.

— Я сейчас ходил ее искать. Ее нигде нет. И привидения исчезли, и человек в черном, и Элоиза.

— Не надо больше о ней горевать. Забудь о чувстве вины, которое было для тебя как отрава. Очисти от него свою душу. У тебя теперь есть Иоланда. Я видел, как ты обнимал ее. Ваша любовь сильна и со временем станет еще сильнее. Она поможет тебе избавиться от чувства вины. Как твой духовный наставник я...

— Слишком хорошо я тебя знаю, чтобы считать своим духовным наставником. Ты всегда толкуешь сомнения в мою пользу. Ты недостаточно суров.

— Я могу быть и суров, если понадобится, — сказал аббат. — И придется, если ты не исправись.

— По-моему, уже исправился.

— А если нет, — сказал аббат, — мне придется отлупить тебя как следует. Так, чтобы запомнил. Имей в виду, я непременно это сделаю.

— Нам пора отправляться в путь, — сказал Харкорт. — До дома далеко.

— Мы будем двигаться быстро, — сказал аббат. — Надо только выйти на римскую дорогу. Это всего несколько лиг отсюда. И деревья пойдут с нами. Коробейник сказал, что пойдут. С ними нам нечего бояться Нечисти. Да она и без этого должна была пасть духом. Может быть, она и жаждет мести, но сейчас она обескуражена. Она всегда считала эту призму залогом, за который можно будет торговаться, если Империя слишком ее прижмет. Нечисть могла обменять ее на какие-нибудь уступки, когда оказалась бы приперта к стене. Но теперь призмы у нее нет, и она обескуражена. Это был для нее тяжелый удар. Конечно, рано или поздно она оправится, но это случится нескоро, мы успеем добраться до дома.

Все остальные сидели на лужайке. Харкорт и аббат подошли к ним.

— Я так еще и не видел твоих инструментов, — сказал он Иоланде. — Покажи-ка.

— Она делает это с большим удовольствием, — сказала Нэн. — Ни разу еще не видела, чтобы кто-нибудь так радовался. Я помню, как покупала эти инструменты для ее матери. Ты, конечно, знаешь, что моя дочь работала по дереву. Вот откуда у Иоланды это увлечение. У нее действительно хорошо получается?

— Хорошо, — ответил Харкорт. — Я видел ее работы.

— Коробейник рассказал мне, как все вышло, — сказала Нэн. — Марджори и Джон решили заменить выпавших горгулий. Из благочестия. Без них фасад казался каким-то пустым, и храму чего-то не хватало. Джон сумел своими песнями привлечь на свою сторону кое-кого из Нечисти, и они помогли ему с этими горгульями. Коробейник тоже при этом был. Иоланда тогда была еще маленькой, он нянчил ее и заботился о ней, пока остальные работали. Он помогал установить горгулий на место, но это все, что он сделал: он слишком привязался к Иоланде и все время проводил с ней. Потом дело было кончено, и он вернулся в свою пещеру. Несколько месяцев спустя двое из Нечисти, кто работал с Марджори и Джоном, привели Иоланду к нему. Они спасли ее, когда мою дочь и Джона убили.

— Ты, конечно, ничего этого не знала. И узнала только сейчас.

— Да. Хотя я пришла сюда ради того, чтобы найти свою дочь или хотя бы ее следы. Я была убеждена, что они с Джоном бежали на Брошенные Земли. Я раньше сказала тебе, что перебралась сюда, чтобы иметь время для своих изысканий, но на самом деле это было не так. Заниматься изысканиями я могла и дома — с таким же, а то и большим успехом. Я осталась здесь, общалась с Нечистью, перевязывала ей раны и давала целебные снадобья, а тем временем постоянно задавала вопросы, но никогда не получала ответа. В конце концов я решила, что никогда его не получу. Теперь я знаю ответ — тот самый, какого и ожидала. Но Иоланда — это для меня сюрприз. Я никогда не думала, что найду свою внучку, раз уж не смогла найти дочь.

— Ты пойдешь с нами? Со мной и Иоландой? Замок ждет тебя.

— Только ненадолго, — ответила она. — На юге Галлии есть замок, который, должно быть, все еще принадлежит мне. Я оставила его на попечение верного слуги.

— А твои свитки? Твои записи?

— Мы не можем за ними вернуться. Там слишком лесистая местность, наши деревья не пройдут. Мне потом все доставит коробейник.

Харкорт взглянул на коробейника:

— А ты с нами не идешь?

Коробейник отрицательно покачал головой:

— У меня здесь еще остались дела.

— Вот, я разложила инструменты, — сказала Иоланда Харкورتу. — Посмотри. Это резец, а это стамеска, а вон там рашпиль...

Она обвила рукой шею Харкорта, притянула его к себе и нежно поцеловала.

Глава 30

Они преодолели подъем, и перед ними открылся мост. Дорога спускалась к нему, а на той стороне над домиком мельника вился дымок.

— Вот мы и дома, Чарлз, — сказала Иоланда. — Наконец-то дома!

Аббат достал кусок сыра, припрятанный им где-то в складках сутаны, и принялся его жевать.

— Надо было нам немного раньше устроить привал, — сказал он, — и как следует подкрепиться. Ветчиной и салом. Путешествовать на пустой желудок вредно для здоровья.

— Обжоррра! — проскрежетал попугай. — Грррех, грррех, грррех! Оурррк!

— Не знаю, что делать с этой птицей, — проворчал аббат. — Она становится обузой. Постоянно сидит у меня на плече и меня же поучает. Ни на минутку не оставляет в покое. Как ты думаешь, а вдруг у него есть душа и он почему-то сделался святой птицей?

— Забудь об этом, — ответил Харкорт. — Ты ни о чем больше не думаешь вот уже несколько дней. Это тоже вредно для здоровья.

— И все-таки, — не унимался аббат. — Когда эта глупая птица там, в поместье, крикнула «Благослови Господь мою душу!», кто-то ответил «Да будет так», и

некая рука поднялась в благословении. А ведь никто из нас не просил благословить наши души.

— Скорее всего, это ничего не значит, — сказала Нэн. — Но если уж разубедить тебя никак не удастся, это, по крайней мере, даст тебе пищу для теологических размышлений, когда ты темными ночами будешь сидеть один у себя в аббатстве.

— Не надо мне никакой лишней пищи для размышлений, — возразил аббат. — В аббатстве хватает о чем подумать и без этого.

Он покончил с сыром и вытер руки о сутану.

— Обжорра! — крикнул попугай.

Когда они подошли к мосту, деревья развернулись, встали парами по обе стороны дороги и принялись поспешно вкапываться корнями в землю. Аббат в изумлении остановился.

— Что это они делают? — спросил он.

— Наверное, будут стоять здесь, пока не понадобятся снова, — ответил Харкорт. — Если вообще когда-нибудь понадобятся. Их дело сделано. Они проводили нас до дома.

— А горгульи? — спросила Нэн. — Я уже несколько дней их не видела. Они все еще с нами?

— Они стали частью деревьев, — сказал аббат. — Деревья приняли их в себя. Или, может быть, они просто вернулись на место, не знаю. Они уже покрылись корой. Я думал, что сказал вам, когда это заметил.

— Что-то не помню, — заметила Нэн. — На протяжении многих лет я только и слышала, как ты препираешься с попугаем.

Деревья остались на месте, а они начали спускаться по дороге к мосту. Вдруг из кустов выскочило какое-то жалкое существо с веревкой на шее. Подпрыгивая от нетерпения посреди дороги, тролль возбужденно пропищал:

— Я очень быстро шел и пришел сюда уже давно. Я ждал вас. Под этим концом моста живут очень противные тролли, и пришлось всячески от них прятаться. Если бы они меня увидели, мне пришлось бы плохо.

— Ну хорошо, — сказал Харкорт, — вот ты здесь. Нечего устраивать из этого спектакль. Пошли с нами.

— Наверное, сейчас слишком поздний час, чтобы строить мне мост, — сказал тролль. — А как насчет завтра?

— На днях построю, — пообещал Харкорт. — Только не вздумай мне надоедать.

Нэн и аббат вступили на мост. Харкорт и Иоланда, взявшись за руки, шли за ними.

А впереди всех вприпрыжку бежал троль.

ПЛАНЕТА ШЕКСПИРА

Глава 1

Их было трое, а временами оставался только один. Когда случалось такое — реже, чем следовало бы, — один уже не ведал, что их было трое, поскольку три личности странным образом сплавлялись в нем воедино. Когда трое становились одним, перемена была куда глубже простого сложения, словно бы слияние придавало им новое качество и делало целое большим, чем сумма частей. И только если трое становились одним, не ведающим, что прежде было трое, сплав трех разумов и трех личностей приближал их к цели, ради которой они продолжали существовать.

Они были то же, что и Корабль, а Корабль — то же, что и они. Чтобы стать Кораблем, вернее, чтобы попытаться стать Кораблем, пришлось пожертвовать своими телами и, может быть, значительной долей своей человеческой сущности. А заодно, вполне возможно, и своими душами, хотя на подобное никто, и меньше всех они сами, не согласился бы. И надо заметить, что это несогласие не имело ничего общего с собственной их верой или неверием в бессмертие души.

Они были в космосе, как и Корабль, что неудивительно, поскольку они и были Корабль. И представляли столь же нагими перед безлюдьем и пустотой пространства, как и Корабль. Нагими перед концепцией пространства, которую никто не мог постичь до конца, и перед концепцией времени, в последнем счете доступ-

ной пониманию еще менее. И, как выяснилось постепенно, нагими перед производными пространства—времени, бесконечностью и вечностью, а уж эти две концепции превышали возможности любого разума.

Столетие за столетием — и они вместе пришли к убеждению, что в самом деле хотели бы отбросить все, чем были прежде, и стать Кораблем, только Кораблем и ничем иным, кроме Корабля. Но этой заветной стадии они еще не достигли. Человеческая натура все еще сказывалась, память никак не гасла. Иной раз они ощущали свои прежние личности, хоть ощущения стирались и гордыня тускнела, не выдерживая щемящих сомнений: а так ли благородны были они в своем самопожертвовании, как некогда убедили себя? Коротко ли, долго ли, но они осознали — нет, не все разом, но один за другим, — что преступно передергивали смысл понятий, прикрывая словечком «самопожертвование» первобытный эгоизм. В быстротечные мгновения полной откровенности с собой они осознали один за другим, что одолевающие их непрошенные сомнения могут стать для них же самих важнее самолюбования.

А в других случаях из тьмы давно ушедших лет вновь выныривали прежние успехи и неудачи, и наедине с собой, втайне от других, каждый перебирал давние успехи и неудачи с удовольствием, в котором не посмел бы признаться даже себе. Бывали случаи, когда они, оставаясь порознь, беседовали друг с другом. Как ни постыдно (у них не было сомнений, что постыдно), они оттягивали момент окончательного слияния своих личностей в одну, возникающую через объединение трех личностей. И в секунды откровенности сознавали, что оттягивают этот момент намеренно, инстинктивно уклоняясь от полной потери индивидуальности — от потери, неизбывный ужас которой любое мыслящее существо ассоциирует со смертью.

Однако обычно, и с ходом столетий все чаще, они были Корабль и только Корабль — и находили в том удовлетворение и гордость, а подчас и своего рода святость. Святость — качество, которое не выразишь в словах и не очертишь мыслью, поскольку оно не сводится к ощущениям или достижениям, подвластным созданию под именем «человек»: оно, это качество, превосходит любые иные ощущения и достижения, превосходит все доступное человеку даже в высшем

напряжении его нешуточного воображения. Пожалуй, святость для них была сродни тому, чтобы почувствовать себя братьями меньшими пространства и времени или, как ни странно, отождествить себя с концепцией пространства—времени, с гипотетическими основами возникновения и существования Вселенной. И когда достигалось тождество, они становились как бы близкими родственниками звезд и соседями галактик — пустота и собственная затерянность в пустоте устрасали по-прежнему, но мало-помалу входили в привычку.

А в самые лучшие минуты, когда они подступали к конечной цели ближе всего, даже Корабль уходил из их сознания, и среди звезд оказывались они сами. Объединенный один, возникший из троих, летел сквозь пустоту, преодолевал затерянность в пустоте и больше не чувствовал себя нагим, а полноправным гражданином Вселенной, которая отныне и навсегда стала его родиной.

Глава 2

И однажды Шекспир объявил Плотояду:

— Время близится. Жизнь уходит стремительно — я ощущаю, как она уходит. Будь наготове. Твои клыки да вонзятся в плоть за мгновение до смерти. Не должно меня убивать, должно съесть меня точно тогда, когда я умираю. И уж, конечно, не забудь всего остального. Не забудь ничего, что я тебе изъяснял. Тебе надлежит выступить взамен людей моего племени, которых здесь нет. Как мой лучший и единственный друг, не опозорь меня в минуту расставания с жизнью...

Плотояд припал к земле и задрожал.

— Я не просил об этом, — сказал он. — Не стал бы этого делать по доброй воле. Не привык убивать старых и умирающих. Добыча должна быть полной здоровья и сил. Но как живой живому, как разумный разумному, не могу тебе отказать. Ты утверждаешь, что это праведное дело — исполнить обряд в роли священника. Ты утверждаешь, что от обряда грешно уклоняться, только все мое нутро восстает против того, чтобы съесть друга.

— Надеюсь, — изрек Шекспир, — мясо мое окажется не слишком жестким и без дурного запаха. Надеюсь, ты сумеешь проглотить его не подавившись...

— Не подавлюсь, — пообещал Плотояд. — Я соберу всю свою волю. Я исполню обряд как должно. Сделаю точно как ты просишь. Последую твоим заветам

до мелочей. Да будет дано тебе умереть в мире и достоинстве, в уверенности, что твой последний и самый верный друг исполнит ритуалы, связанные со смертью. Но позволю себе заметить, что это самая странная и неприятная церемония из всех, о каких я слышал на протяжении долгой и несправедливой жизни.

Шекспир чуть слышно хмыкнул и сказал:

— Думаешь, что хочешь.

Глава 3

Картер Хортон вернулся к жизни. Ему мерещилось, что он на дне колодца, наполненного туманной мглой. Он испытал мгновенный испуг и гнев, попытался освободиться от тумана и мглы и выкарабкаться из колодца. Но мгла охватывала, как саван, а туман проникал в мышцы и мешал шевелиться. Тогда он утихомирился. Только разум тикал сбивчиво, искал ответа на вопрос, где он и как сюда попал, — искал и не находил ключей к ответу. Воспоминаний не возникало вообще. Лежа неподвижно, он с удивлением обнаружил, что ему тепло и уютно. Как если бы он был здесь всегда и всегда ощущал тепло и уют, но наконец-то понял, что это такое.

Однако сквозь тепло и уют прорвалась догадка, что время не терпит, надо срочно что-то предпринять, и он изумился, откуда она взялась. Разве недостаточно, спросил он себя, того, что есть, — и какая-то часть подсознания завопила, что нет, недостаточно. Он сделал новую попытку выкарабкаться из колодца, стряхнуть с себя мглу и туман, и опять потерпел неудачу, устав до изнеможения.

«Я слаб, — признался он себе, — но почему? Почему?»

Ему захотелось крикнуть, привлечь к себе внимание — голос не подчинился. И вдруг он обрадовался,

что крика не вышло, потому что неразумно привлекать к себе внимание, пока он не окрепнет. Он же не знает, где он, и тем более не знает, кто или что рыщет поблизости и с какими намерениями.

Он опять погрузился во мглу и туман, удобно устроился в них, довольный, что они прячут его от возможных опасностей. И чуть-чуть развеселился, когда ощутил новый гнев, тихий и настойчивый: почему это я вынужден прятаться неведомо от чего?

Постепенно мгла и туман рассеялись, и, к его удивлению, оказалось, что он отнюдь не в колодце. Скорее это крохотная комнатка, и ее можно рассмотреть, что он и сделал.

С обеих сторон были металлические стены, они изгибались и сходились в каком-то футе над его головой, образуя потолок. В потолке были прорезы, из прорезей выглядывали смешного вида приборы. При виде этих приборов память начала возвращаться, и прежде всего вспомнилось чувство холода. Не то чтобы ему действительно было холодно, но он вспомнил, что такое холод. И едва воспоминание коснулось его, следом волной нахлынули самые разные знания, мысли и представления.

Скрытые вентиляторы обдували его теплом, и он понял, почему ему уютно. Уютно, потому что он лежит на толстой мягкой подстилке, уложенной на дно камеры. На дно камеры, вот именно — даже слова, даже специальные термины начали возвращаться к нему. Смешные приборы в прорезях на потолке — часть системы жизнеобеспечения, и если они видны, значит, он в них больше не нуждается. А если он не нуждается в них, это могло случиться лишь по одной причине: Корабль совершил посадку.

Корабль совершил посадку, и его вывели из холодного сна — разморозили тело, ввели в кровь укрепляющие препараты, а затем, капля за каплей, тщательно отмеренные дозы высокопитательных веществ. Сделали ему массаж, обогрели, вернули к жизни. Да, вернули к жизни, как если бы он был мертв. Теперь он вспомнил, какие бесконечные дискуссии велись по этому поводу: проблему анабиоза волюнили, пережевывали, терзали, крошили на осколки и дотошно пытались собрать из осколков нечто целое. Анабиоз окрестили холодным

сном, — разумеется, другого и ждать не приходилось, надо было найти слова легкие и приятные на слух. Но что это было на самом деле — сон или смерть? Что случилось при этом с человеком — он засыпал и просыпался? Или умирал и воскресал?

А в общем, теперь это уже не имело значения. Умер ли он или заснул — теперь он был жив. «Черт бы меня побрал, — воскликнул он про себя, — а ведь сработало!» И только воскликнув, впервые отдал себе отчет, что кое-какие сомнения у него были — были, несмотря на все опыты с мышами, собаками и обезьянами. Были, хоть он никогда не говорил о своих сомнениях в открытую, пряча их не только от других, но и от себя самого.

Но если он вернулся к жизни, значит, вернулись и другие! Через две-три минуты он выберется из камеры и увидит их. Наверное, они уже ждут его, и вся четверка воссоединится. Кажется, они были все вместе только вчера — как если бы провели вчетвером славный вечерок, а нынче утром проснулись после ночи без сновидений. Хоть он, конечно же, понимал, что провел в камере куда больше, чем ночь, — возможно, целое столетие.

Он вывернул голову набок и увидел люк с иллюминатором из толстого стекла. Сквозь стекло можно было выглянуть в комнатку с четырьмя платяными шкафчиками вдоль стены. Однако в комнатке никого не было, и тут могло быть лишь одно объяснение: остальные все еще в своих камерах. Захотелось прокричать им что-нибудь, но в конце концов он передумал. Это был бы несерьезный поступок, нарочитый, какой-то мальчишеский.

Он потянулся к замку, нажал на ручку. Она подавалась туго, но наконец стронулась. Люк распахнулся. Протиснуть в него ноги стоило больших трудов — не хватало места толком пошевелиться. Но он справился и с этой задачей и, извиваясь всем телом, осторожно соскользнул на пол. Пол показался ледяным, да и металл камеры уже сильно остыл.

Быстро шагнув к соседней камере, он вперился пристальным взглядом в иллюминатор — и увидел, что камера пуста, а система жизнеобеспечения втянута в потолок. В двух других камерах тоже никого не было. Он окаменел от ужаса. Ну не могли трое других,

вернувшись к жизни, бросить его одного! Они бы обязательно дождались его, чтобы выйти наружу вместе. То есть он был убежден: они дождались бы его обязательно, не случись чего-то совсем непредвиденного. Что же могло случиться, что?

Уж Элен бы дождалась его, это точно. Мэри с Томом могли бы и удрать, а Элен дождалась бы.

Терзаемый страхами, он подошел к тому шкафчику, где на дверце значилось его имя. Повернул ручку, а потом пришлось еще и рвануть ее изо всех сил. Вакуум, созданный в шкафчике, сопротивлялся человеку, и все-таки дверца не выдержала и распахнулась с резким хлопком. Одежда висела на плечиках, понизу аккуратно в ряд выстроилась обувь. Он схватил первые попавшиеся брюки и влез в них, кое-как вбил ноги в ботинки. Распахнул дверь в шлюзовый зал и сразу понял, что и там никого, а главный люк Корабля открыт нараспашку. Оставалось подбежать к люку и выглянуть наружу.

Трап спадал на травянистую равнину, простирающуюся влево до самого горизонта. Справа равнина сменялась неровными холмами, а по-за холмами в небо вздымался, синевя вдаль, мощный горный хребет. Равнина была пуста, если не считать травы, по которой под порывами ветра перебегали волны, как в океане. А холмы заросли деревьями с черной и красной листвой. В воздухе ощущался резкий освежающий привкус. Людей нигде не было.

Он спустился до половины трапа, и никто по-прежнему не показывался. Планета оглушала пустотой. Чудилось, что пустота тянется к человеку, мечтает завладеть им. Он чуть было не крикнул: «Ау, есть здесь кто-нибудь?» — но неотступный страх и эта пустота засушили слова в гортани, и он не сумел выдавить их из себя. Его била дрожь, с каждой минутой ему становилось все яснее: произошло что-то скверное, из рук вон скверное. Картина, какую он застал после пробуждения, просто не имела права на существование.

Резко повернувшись, он взбежал обратно по трапу и нырнул в люк.

— Корабль! — заорал он. — Корабль, какого черта, что тут стряслось?

И Корабль отозвался. Спокойные, равнодушные слова зазвучали прямо в мозгу:

В чем дело, мистер Хортон?

— Что стряслось? — повторил Хортон, теперь рассерженный более, чем испуганный. Рассерженный высокомерным спокойствием исполинского чудища — Корабля. — Где все остальные?

Мистер Хортон, — ответил Корабль, — их нет.

— Что ты такое говоришь — их нет? На Земле нас была целая команда.

Вы единственный, — сообщил Корабль.

— Что произошло с остальными?

Они умерли, — сообщил Корабль.

— Умерли? Как это «умерли»? Они были со мной только вчера!

Они были с вами, — сообщил Корабль, — тысячу лет назад.

— Ты сошел с ума! Как это «тысячу лет назад»?

Именно такова, — ответил Корабль, его слова по-прежнему звучали прямо в мозгу, — протяженность времени с тех пор, как мы покинули Землю.

Позади себя Хортон услышал какое-то бряканье и стремительно оглянулся. Через внешний люк ввалился робот.

— Я Никодимус, — заявил он.

Робот был обыкновенным домашним роботом того типа, что на Земле мог бы встретиться в качестве дворецкого или камердинера, повара или посыльного. В нем не было никакого конструкторского изыска — замызганный плоскостопый кусок старого железа, и все.

Не стоит, — сообщил Корабль, — относиться к нему с пренебрежением. Мы уверены, что вы найдете его вполне эффективным.

— Но на Земле перед отлетом...

На Земле перед отлетом, — сообщил Корабль, — вы проходили тренировки с механическим чудом, в котором были тысячи деталей, легко выходящих из строя. Послать столь мудреную машину в длительную экспедицию не представлялось возможным. Слишком велики были шансы, что она сломается. А у Никодимуса просто нет частей, способных выйти из строя. Благодаря простоте конструкции он отличается очень высокой выживаемостью.

— Приношу извинения, — обратился Никодимус к Хортону, — что не присутствовал при вашем пробуждении. Я выходил на небольшую разведку. Полагал, что у меня вполне достанет времени, чтобы вернуться к вам. Очевидно, укрепляющие и адаптационные препараты подействовали быстрее расчетного. Обычно на выход из холодного сна требуется довольно продолжительное время. Тем более из холодного сна столь значительной длительности. Как вы себя чувствуете?

— Обескураженным, — признался Хортон. — Совершенно обескураженным. Корабль сообщил мне, что я единственный оставшийся в живых, и дал мне понять, что все остальные умерли. И еще он упомянул про тысячу лет...

Если точно, — сообщил Корабль, — полет длился девятьсот пятьдесят четыре года, восемь месяцев и девятнадцать дней.

— Данная планета, — заявил Никодимус, — очень приятна. Во многих отношениях напоминает Землю. Кислорода немного больше, гравитация немного ниже...

— Прекрасно, — резко сказал Хортон, — после стольких лет полета мы наконец-то сели на очень приятной планете. А куда делись все другие приятные планеты? Почти за тысячу лет, двигаясь почти со скоростью света, мы должны были найти...

— Очень много планет, — заявил Никодимус, — но ни одной приятной. Ни одной, где мог бы жить человек. Молодые планеты с незастывшей корой, с огромными вулканами, с полями бурлящей магмы и озерами расплавленной лавы, с бешеными облаками пыли и ядовитых паров — воды там еще нет, а кислорода совсем мало. Старые, одряхлевшие планеты на краю гибели — океаны высохли, атмосфера истончилась, а жизнь, если и была когда-то, исчезла без следа. Массивные газовые планеты, плывущие по своим орбитам, как исполинские полосатые мраморные шары. Планеты, слишком близкие к своим солнцам, выжженные радиацией. Планеты, слишком далекие от своих солнц, с ледниками застывшего кислорода и морями водорода, густого, как мокрый снег. А еще планеты, сбившиеся с верной дороги и окутавшие себя атмосферой, смертельной для всего живого. И другие планеты, хотя таких совсем немного, где жизнь чересчур обильна, — по-

крытые джунглями, населенные такими прожорливыми и свирепыми тварями, что высадиться там равносильно самоубийству. Множество пустынных планет, где жизнь никогда не зарождалась и даже почва не сформировалась, — голые скалы, воды почти нет, а кислород связан в горных породах. Некоторые из обнаруженных планет мы облетали по орбите, на другие достаточно было бегло взглянуть. Несколько раз мы совершали посадку. Корабль располагает полной информацией и, если желаете, предоставит вам распечатку.

— Но вот мы нашли подходящую планету. Что теперь — осмотрим ее и вернемся назад?

Нет, — вмешался Корабль, — *мы не можем вернуться.*

— Для чего же нас тогда посылали? Нас и все другие корабли. Все мы вылетели на поиски планет, пригодных для колонизации их человеком...

Мы отсутствовали слишком долго, — сообщил Корабль. — *Мы просто уже не можем вернуться. Нас не было почти тысячу лет. Если бы мы стартовали немедленно, то обратный полет занял бы еще тысячу лет. Вероятно, он был бы немного короче, поскольку мы не снижали бы скорости для осмотра планет, и все же полетное время туда и обратно составило бы без малого две тысячи лет. А на Земле, возможно, прошло еще больше, намного больше, поскольку надо учитывать фактор растяжения времени, а достоверных данных на этот счет у нас нет. Уже сейчас о нас, по всей вероятности, забыли. Конечно, должны были остаться записи, но их легко могли утратить, стереть или потерять. К моменту возвращения мы оказались бы безнадежно устаревшими, и люди не нашли бы нам применения. Ни нам, ни вам, ни Никодимусу. Мы только раздражали бы их, напоминая о неуклюжих потугах давних столетий. Никодимус и мы выглядели бы жуткими техническими уродами. Да и вы выглядели бы не лучше, хоть и на свой манер, — варваром, явившимся из прошлого, чтоб надоедать потомкам. Вы устарели бы социально, нравственно, политически. По их меркам вы, возможно, показались бы злобным, а то и опасным идиотом.*

— Послушай, — запротестовал Хортон, — ты не сешь бессмыслицу. Были же и другие корабли...

Возможно, — согласился Корабль, — что некоторым из них удалось обнаружить подходящие планеты вскоре после старта. В таком случае они могли благополучно вернуться на Землю.

— А ты продолжал лететь и лететь...

Корабль ответил:

Мы исполняли возложенную на нас миссию.

— Ну да, конечно, ты был занят поисками планет.

Не планет, а одной планеты. Такой планеты, где мог бы жить человек.

— И, чтобы найти ее, тебе понадобилась почти тысяча лет.

На поиски не было установлено определенного срока.

— Наверное, так, — сказал Хортон. — Об этом мы как-то просто не подумали. Мы тогда не задумывались о многом. А о многом нам предпочитали не говорить. Скажи мне хотя бы теперь: если б ты не обнаружил эту планету, что бы ты делал?

Мы продолжали бы поиски.

— Даже миллион лет?

Если понадобилось бы, даже миллион лет.

— А теперь, хоть мы и нашли планету, мы не можем вернуться?

Совершенно верно, — подтвердил Корабль.

— Тогда за каким же чертом было ее находить? — вспыхнул Хортон. — Мы ее нашли, а Земля об этом никогда и не узнает. Настоящая правда, по-моему, в том, что тебе неинтересно возвращаться. Уж тебя-то там, на Земле, не ждет ничего хорошего.

Корабль не дал ответа.

— Ну скажи мне, — Хортон сорвался на крик. — Признаться!..

— Вам не ответят, — вмешался Никодимус. — Корабль впал в гордое молчание. Вы его обидели.

— Черт с ним, с Кораблем, — заявил Хортон. — Я их троих наслушался до отрыжки. Теперь ответь мне ты. Корабль сообщил мне, что трое других умерли...

— Была неисправность, — сказал Никодимус. — Примерно через сто лет полета. Отказал один из насосов, и камеры холодного сна начали прогреваться. Мне удалось вас спасти.

— Почему только меня? Почему не других?

— Все очень просто, — рассудительно отвечал Никодимус. — Вы у меня числились первым. Вы были в камере номер один.

— А если бы я был в камере номер два, ты позволил бы мне умереть.

— Я никому не позволял умирать. Но я мог спасти только одного спящего. Когда я это сделал, спасать других было уже поздно.

— Значит, ты выбирал по номерам камер?

— Да, — подтвердил Никодимус, — я выбирал по номерам. Разве есть лучший способ?

— Нет, — сказал Хортон. — Лучшего способа, пожалуй, нет. Но когда трое из четверых умерли, у вас не возникло мысли, что надо прервать полет и вернуться на Землю?

— Такой мысли не возникало.

— Кто принимал решение? Надо полагать, Корабль?

— Не было никакого решения. Никто из нас не упоминал ни о каких решениях.

Все пошло наперекосяк, понял Хортон. Сядь кто-то сиднем и поставь себе целью завалить дело, трудись он над этой задачей со всей прилежностью и упорством, доходящим до фанатизма, все равно бы ему ни за что не добиться лучшего результата.

Один корабль, один человек, один глупый плоскостопный робот — ну и экспедиция, прости Господи! Хуже того, совершенно бессмысленная экспедиция в одну сторону. С тем же успехом, подумал Хортон, можно было вообще не стартовать. Впрочем, пришлось тут же напомнить себе: если бы не экспедиция, он лично умер бы много веков назад.

Он попытался вспомнить других — и не смог. В лучшем случае он видел их смутно-смутно, как сквозь дымку. Образы были неясными, будто размытыми. А когда он решил представить себе их лица, хотя бы лица, опять ничего не вышло, словно у них вовсе не было лиц. Он знал заранее, что позже будет скорбеть о них — позже, но не сейчас. Сейчас они припоминались слишком слабо даже для скорби. Да и времени скорбеть сейчас не найдется — столько надо сделать, столько обдумать. Тысяча лет, повторил он себе, и нет пути назад. Потому что попасть назад можно было только на

Корабле, и уж если Корабль решил, что не вернется, спорить больше не о чем.

— А те трое? — спросил он. — Что с ними сделали? Похоронили в космосе?

— Нет, — ответил Никодимус. — Мы нашли планету, где их никто не потревожит до конца вечности. Хотите узнать подробности?

— Сделай одолжение, расскажи, — попросил Хортон.

Глава 4

С высоты плоскогорья, где сел Корабль, поверхность планеты просматривалась до дальнего и очень резкого горизонта — мощные синие ледники замерзшего водорода, сползающие по склонам черных безжизненных скал. Солнце планеты было так отдалено, что казалось звездочкой, — может, чуть побольше и поярче других. И все же звездочка умирала и тускнела, да и расстояние до Земли было столь велико, что у нее не было ни имени, ни хотя бы номера. На звездных картах не было даже точки, отмечающей ее местонахождение: слабенький ее свет никогда не регистрировался на фотопластинках земных телескопов.

Корабль, — позвал Никодимус, — неужели это все, что мы можем сделать?

Корабль отозвался:

Больше ничего сделать нельзя.

Мне кажется, — настаивал Никодимус, — жестоко оставлять их в таком захудалом месте.

Мы искали место уединения, — ответил Корабль, — место достойного одиночества, где никто не опыщит и не потревожит их, не станет исследовать останки под микроскопом и не выставит в музей. Это, робот, мы должны были для них сделать, но теперь, когда сделали, мы им больше ничего не должны.

Никодимус стоял у тройного гроба, пытаясь запечатлеть это место в памяти навечно, — однако, обеда

взглядом всю планету, уяснил себе, что запечатлевать в сущности нечего. Здесь царило мертвенное однообразие: куда ни глянь, не увидишь ничего нового. А что если, подумалось ему, это даже хорошо, что анонимность мертвецов будет еще и упрочена безвестностью кладбища?..

Нет, это было не небо. На месте неба — лишь черная нагота космоса, сбрызнутая густой россыпью незнакомых звезд. Когда мы с Кораблем улетим отсюда, подумал робот, только эти суровые немерцающие звезды и будут тысячелетиями взирать на троих лежащих в гробу — не охранять их, а наблюдать за ними ледяным взором древних трухлявых аристократов, заведомо не одобряющих любого, кто проникнет извне в их узенький круг. Но это тоже не играет роли, возразил Никодимус самому себе, потому что на свете больше нет ничего, что могло бы повредить усопшим. Им уже нельзя повредить, как нельзя и помочь.

И еще он подумал, что не мешало бы помолиться за них, хотя до сих пор он никогда не молился и даже не помышлял ни о каких молитвах. И он, в общем, подозревал, что молитва в устах такого, как он, окажется неприемлемой ни для людей, простертых в гробу, ни для божества, которое соизволило бы склонить свой слух к его словам, каково б оно ни было. И все-таки молитва выглядела бы подобающим случаю жестом — робкой, неуверенной надеждой, что где-нибудь в неоглядном пространстве скрывается высший заступник.

Но если б он решился на молитву, то что бы сказал? «Господи, мы оставляем эти создания на твоём попечении...» А дальше? Допустим, начало хорошее — а что дальше?

Можешь попробовать прочесть ему наставление, — вмешался Корабль. — Попытайся внушить ему, как незаурядны эти трое, о которых ты печешься. Или проси о снисхождении к ним, отстаивай их право на снисхождение, хоть им-то теперь не нужны ни твои просьбы, ни твои доводы...

Ты насмехаешься надо мной, — сообразил Никодимус.

Мы не насмеемся, — отвечал Корабль. — Мы превыше насмешек.

Но надо же сказать хоть несколько слов, — упирался Никодимус. — Они вправе ждать их от меня. Земля вправе ждать их от меня. Ты же сам прежде жил в человеческой оболочке. Уж по такому поводу, на мой взгляд, в тебе должно бы проснуться что-то человеческое!

Мы горюем, — сообщил Корабль. — Мы скорбим. Мы опечалены. Но опечалены фактом смерти, а не тем, что оставляем мертвецов в подобном месте. Им совершенно все равно, где бы мы их ни оставили.

Все равно надо что-то сказать, мысленно упорствовал Никодимус. Что-нибудь торжественное, официальное, какой-нибудь ритуальный текст, прочитанный внятно и в надлежащих выражениях, — ведь они есть прах Земли, перекочевавший сюда на веки вечные. Да, по логике вещей следовало искать для них место уединенное — но, невзирая на логику, не надо бы бросать их здесь. Надо бы поискать другую планету, зеленую и приятную...

Нет таких, — сообщил Корабль, — зеленых и приятных планет поблизости нет.

Раз у меня не находится подходящих слов, — обратился робот к Кораблю, — ты не возражаешь, если я просто побуду здесь еще немного? Мы должны по меньшей мере проявить деликатность и не взлетать сию же минуту...

Можешь торчать там сколько хочешь, — согласился Корабль. — В нашем распоряжении вечность.

— И знаете, — заявил Никодимус Хортону, — я так и не нашел что сказать...

Но тут заговорил Корабль:

У нас гость. Спустился с холмов и ждет возле трапа. Надо бы выйти к нему. Однако будьте настороже, соблюдайте правила безопасности и захватите личное оружие. Судя по его виду, субъект препротивный.

Глава 5

Гость остановился футах в двадцати от нижнего края трапа и ждал не шевелясь, пока Хортон с Никодимусом спустятся к нему. Он был ростом с человека и держался на двух ногах. Однако руки, праздно свисающие по бокам, заканчивались не пальцами, а пучками щупалец. Одежды он не носил. Тело было покрыто скудной линияющей шерстью. Более чем очевидно было, что это самец. Голова представляла собой попросту голый череп. Она не ведала ни волос, ни меховой опушки, кожа туго обтягивала костный остов. Мощные челюсти выпячивались, образуя здоровенное рыло. Верхние резцы свисали почти как клыки у допотопных саблезубых тигров Земли. А длинные заостренные уши, понизу прижатые к вискам, выдавались над куполом голого черепа и стояли торчком. И каждое ухо было увенчано ярко-красной кисточкой.

Как только они спустились до нижних ступенек трапа, странное существо возвестило голосом гулким, как барабан:

— Приветствую вас на этой хреновой планете...

— Черт побери, — выпалил пораженный Хортон, — откуда ты знаешь наш язык?

— Я усвоил язык от Шекспира, — ответило существо. — Шекспир обучил меня ему. Но Шекспир ныне умер, и мне его безмерно недостает. Без него я вполне безутешен.

— Постой, ведь Шекспир жил в глубокой древности, и откуда же...

— Отнюдь не тот, что в древности, — ответило существо. — Хотя он тоже не был молод, в нем жила болезнь. Шекспир утверждал, что он человек. И был весьма похож на тебя. Делаю вывод, что и ты человек, а другой, что с тобой, не человек, хоть у него имеются человеческие черты.

— Ты прав, — заявил Никодимус. — Я не человек, но почти един с человеком. Я друг человека.

— Тогда прекрасно! — возрадовалось существо. — То есть просто замечательно! Потому что я был этим самым другом для Шекспира. Лучший друг, какой у меня был во все времена, — так говорил Шекспир. Мне его несомненно недостает. Я восхищен им чрезвычайно. У него было столько умений. Одного он не умел — выучить мой язык. Так что пришлось мне вольно-невольно выучиться его языку. Он говорил мне о больших судах, несущихся с грохотом в пространстве. Так что услышав ваш грохот, я поспешил быстро, как мог, в надежде, что судья пожаловали люди Шекспира.

Хортон обернулся к Никодимусу:

— Тут что-то не сходится. Не мог человек забраться в такую космическую даль! Конечно, Корабль валял дурака, тормозил у разных планет, и это съело порядочно времени. И все равно мы почти в тысяче световых лет от Земли...

— А может, на Земле, — возразил Никодимус, — уже построены лучшие корабли, летающие во много раз быстрее скорости света? Мы барахтались в космосе, а тем временем многие корабли опередили нас. Выходит, как это ни удивительно...

— Вы двое рассуждаете о кораблях, — перебило существо. — Шекспир поведал мне о кораблях, однако ему корабль был не нужен. Он прибыл через туннель.

— Послушай, — не выдержал Хортон, начиная сердиться, — попытайся говорить потолковее. Что это за туннель, что ты имеешь в виду?

— Разве тебе неизвестен туннель, проложенный среди звезд?

— Никогда о нем не слышал, — сказал Хортон.

— Погодите, — предложил Никодимус, — попробуем вернуться назад и начать по порядку. Правильно ли я понял, что ты уроженец этой планеты?

— Уроженец?

— Да, я сказал — уроженец. Спрошу иначе. Ты местный? Это твоя родная планета? Ты здесь родился?..

— Ни в коем разе! — воскликнуло существо с пылом. — Будь моя воля, я б на этой планете помочиться побрезговал! Не задержался бы здесь на самое малое время, выпади мне шанс выбраться отсюда. Затем я и поспешал, чтоб выторговать себе возможность отбыть вместе с вами обоими, когда вам придет пора улетать.

— Значит, ты очутился здесь так же, как Шекспир? Через туннель?

— Разумеется, через туннель. Как бы иначе мог я сюда попасть?

— Тогда и расстаться с планетой должно быть легче легкого. Ступай в этот самый туннель и отбывай восвояси.

— Не могу, — захныкало существо. — Треклятый туннель вышел из строя. Совершенно разладился. Работает только в одну сторону. Сюда доставляет охотно, отсюда не хочет нипочем.

— Ты же сказал, что туннель проложен среди звезд. У меня сложилось впечатление, что он ведет ко многим звездам.

— К такому их числу, что разум не в силах сосчитать, но здесь ему требуется починка. Шекспир пытался, и я пытался, но мы не могли его поправить. Шекспир молотил по нему кулаками, пинал его ногами, кричал на него и обзывал ужасными именами. Однако туннель все равно не работает.

— Если ты не с этой планеты, — вмешался Хортон, — то, может, скажешь нам, кто ты такой?

— Охотно. Все очень просто — я Плотояд. Вы двое знаете плотоядов?

— Это пожиратели иных форм жизни.

— Я Плотояд, — объявило существо, — и очень тем доволен. Горд тем, что такова моя природа. Среди звезд живут многие, кто смотрит на плотоядов с неудовольствием и ужасом. Они полагают ошибочно, что поедать других живущих неправильно, недостойно. И даже говорят, что это жестоко, а я утверждаю, что жестокости нет. Быстрая смерть. Чистая смерть. Сво-

бодная от страданий. Куда предпочтительней недутов и старости.

— Хорошо-хорошо, — перебил Никодимус. — Нет нужды продолжать. Мы не имеем ничего против плотоядных.

— Шекспир говорил, что человек тоже плотояд. Но не настолько, как я. Шекспир делил со мной мясо тех, кого я убивал. Мог бы убивать сам, но не с такой ловкостью, как я. Я рад был убивать для Шекспира.

— Нетрудно догадаться, — ввернул Хортон.

— Ты здесь один? — спросил Никодимус. — Здесь нет других таких же, как ты?

— Я одинок, — подтвердил Плотояд. — Прибыл сюда потаенным образом. Никому о том не проболтался.

— А этот твой Шекспир тоже прибыл сюда потаенным образом, как и ты? — спросил Хортон.

— Были безнравственные существа, жаждущие его отыскать, дабы обвинить в том, что он якобы нанес им вред. И он не желал, чтобы его отыскали.

— Но теперь Шекспир умер?

— О да, он умер, не сомневайтесь. Я его съел.

— Что-что?

— Только и исключительно плоть, — сообщил Плотояд. — Весьма старался не есть костей. И не возражаю поведать, что плоть у него оказалась жесткой и жилистой и пахла не так, как я люблю. У Шекспира был неприятный привкус.

Никодимус поспешил вмешаться и сменить тему.

— Мы будем рады, — заявил он, — пойти к туннелю вместе с тобой и посмотреть, нельзя ли его починить.

— Вы согласны предпринять это дружбы ради? — спросил Плотояд, вне себя от признательности. — Я питал надежду, что вы поступите так и именно так. Вы можете починить треклятый туннель?

— Пока не знаю, — сказал Хортон. — Но посмотреть можно. Я ведь не инженер...

— Я, — заявил Никодимус, — могу стать инженером.

— Черта с два, — сказал Хортон.

— Мы посмотрим, что можно сделать, — повторил безумец в облике робота.

— Значит, все решено и условлено?

— Можешь на нас рассчитывать, — заявил Никодимус.

— Хорошо, — откликнулся Плотояд. — Тогда я покажу вам древний город и...

— Тут есть древний город?

— Я выразился преувеличенно, — сказал Плотояд. — Позволил, чтобы радость по поводу починки туннеля отвлекла меня. Может быть, не вполне город. Может быть, лишь сторожевая застава. Очень древняя, вся развалилась, но, может быть, вам интересно. Однако сейчас я должен идти. Звезда спускается низко. Когда на эту планету падает темень, лучше находиться под крышей. Счастлив встретить вас. Счастлив, что прибыли люди Шекспира. Привет и прощайте! Увижу вас утром, и туннель да починится...

Он круто повернулся и рысцой устремился к холмам, ни разу не бросив взгляда назад. Никодимус задумчиво покачал головой.

— Тут много загадок, — заявил он. — Много пищи для размышлений. Много вопросов, которые предстоит выяснить. Но сперва я должен приготовить вам ужин. Вы вышли из холодного сна достаточно давно, чтобы принять еду, не подвергая себя опасности. Добротную, питательную еду, только для начала совсем немного. Сдерживайтесь, не будьте прожорливы. Входите в норму постепенно.

— Погоди-ка минуточку, черт тебя побери, — сказал Хортон. — Ты не находишь, что сперва должен мне кое-что растолковать? Чего ради, например, ты решил отвлечь меня, когда увидел, что я собираюсь расспросить это чучело о съедении человека по кличке Шекспир, кто б он на самом деле ни был? И что ты имел в виду, утверждая, что можешь стать инженером? Ты же чертовски хорошо знаешь, что никакой ты не инженер.

— Всему свое время, — ответил Никодимус. — Как вы справедливо отметили, нужно объясниться. Но прежде всего вам нужно поесть, а солнце уже почти село. Вы слышали совет этого существа, что после захода солнца лучше быть под крышей.

Хортон фыркнул:

— Предрассудок. Бабушкины сказки.

— Бабушкины или не бабушкины, — заявил Никодимус, — но пока мы не выясним все доподлинно, разумно руководствоваться местными обычаями.

Глянув вдаль по-над морем кольшущейся травы, Хортон увидел, что горизонт уже рассек солнце надвое. Травяная ширь обернулась сплошным листом мерцающего золота. На глазах Хортона солнце погружалось в это золотое сияние, и по мере погружения небо на западе приобретало болезненный лимонно-желтый оттенок.

— Странные световые эффекты, — отметил он вслух.

— Хватит, поднимайтесь на борт, — торопил Никодимус. — Что бы вы хотели поесть? Предлагаю протертый куриный суп с овощами — как вы к нему относитесь? А потом ребрышки с печеной картошкой...

— Хорошее меню, — сказал роботу Хортон.

— Я дипломированный шеф-повар, — ответил тот.

— Интересно, есть такая профессия, которой ты не владеешь? Инженер и шеф-повар. И что еще?

— О, профессий у меня много. Я могу выступать в разных качествах.

Солнце зашло, и чудилось, что с неба течет пурпурная дымка. Дымка нависла над желтизной травы, и та немедленно окрасилась под старую полированную медь. Горизонт стал черным как смоль, только на месте заката еще виднелся зеленоватый проблеск цвета молодых листьев.

— Приятно, — заметил Никодимус, наблюдая за игрой красок, — очень приятно для глаза.

Краски стремительно гасли, и с темнотой на планету спустилась прохлада. Хортон стал взбираться по трапу. Но в ту же секунду нечто навалилось на него сверху, схватило его и завладело им. Не то чтобы схватило буквально — не было ровным счетом ничего, чем бы оно могло хватать, — и все же некая сила повязала его, обволокла и обездвижила. Он пытался бороться с этой силой, но не мог пошевелить ни одним мускулом. Вознамерился крикнуть, но гортань и язык окаменели. И внезапно он оказался нагим, ощутил себя нагим, лишенным не столько одежды, сколько всякой защиты, распростертым и вскрытым так ловко, что любой сокровенный уголок его существа оказался выставленным на всеобщее обозрение. Пришло противное чувство, что его изучают, исследуют, подвергают экспериментам, ана-

лизируют. Изучают голенького, освежеванного, распятого, чтоб исследователь мог докопаться до самой тайной его мечты, до последнего чаяния. Словно, мелькнула мысль в закоулках сознания, Бог снизошел с небес и предъявил на него права, быть может, заодно определяя, чего он стоит.

Хотелось удрать и спрятаться, натянуть содранную кожу на тело и отчаянно закутаться в ней, прикрыть ею свое распятое и разверстое убожество, сшить на живую нитку лохмотья человеческой сущности. Но бежать было немыслимо, спрятаться негде, и оставалось лишь стоять столбом и терпеть, что тебя изучают.

Вокруг ничего не было. Ничто ниоткуда не появлялось. И все же нечто схватило его, обволокло и раздело донага — и тогда он нацелил свой разум на то, чтоб увидеть это таинственное нечто и разобраться, что же оно такое. И как только он сделал такую попытку, ему почудилось, что череп раскололся и мозг выбрался на волю, расширяясь, раскрываясь и впитывая в себя истины, каких ни один из людей доселе не постигал. Потом его охватила паника: казалось, мозг расширился до того, что заполнил всю Вселенную, цепляясь шустрыми пальцами мыслей за все непознанное в мерзлом пространстве и быстротечном времени. И на мгновение, только на мгновение, он вообразил себе, что вгляделся в суть конечных целей бытия, укрытую в самых дальних пределах мироздания.

Затем мозг съезжился, кости черепа стали на место, нечто отпустило его. Он пошатнулся и не удержался бы на ногах, если бы не вцепился в перила трапа. Никодимус подскочил, поддержал, осведомился встревоженно:

— Что случилось, Картер? Что на вас нашло?

Хортон держался за перила мертвой хваткой, словно они оставались единственной доступной ему реальностью. Тело ломило от напряжения, однако мысль еще сохраняла остатки небывалой остроты, хоть он и признавал, что острота постепенно тускнеет. С помощью Никодимуса ему наконец-то удалось выпрямиться. Он помотал головой, моргнул раз-другой. Краски на поверхности травяного моря снова переменялись. Пурпурная дымка спускалась в глубокий полумрак. Медный отлив травы смягчился до свинцового оттенка, а небосвод почернел окончательно. В вышине вспыхнула первая яркая звездочка.

— Что случилось, Картер? — повторил робот.

— Ты что, ничего не почувствовал?

— Что-то такое было, — ответил Никодимус. —
Что-то пугающее. Стукнуло по мне и соскользнуло.
Стукнуло не по корпусу — по мозгу. Будто кто-то
замахнулся психическим кулаком, но промазал, только
задел мой мозг по касательной.

Глава 6

Разум, что некогда был монахом, перепутался, и испуг породил честность. Исповедальную честность, уточнил он для себя, хотя никогда ни на одной исповеди не бывал он так честен, как сейчас.

Что это? — спросила светская дама. — *Что такое мы чувствовали?*

Руку Бога, — ответил он. — *Руку Бога, коснувшуюся нашего чела.*

Смехотворно, — объявил ученый. — *Данный вывод не подкреплён ни достоверными данными, ни объективными наблюдениями.*

Какой же вывод делаете вы? — осведомилась светская дама.

Никакого, — ответил ученый. — *Я взял случившееся на заметку, вот и все. Проявление какой-то силы. Возможно, это сила космического порядка. Отнюдь не связанная с данной планетой. У меня сложилось четкое впечатление, что сила не местного происхождения. Однако, пока не накопится больше данных, нерационально давать ей какие-то уточняющие характеристики.*

Сущая белиберда, — объявила светская дама, — *самая жуткая белиберда, какую я слыхивала на своем веку. Наш коллега священник был более убедителен.*

Не священник, — поправил монах. — *Сколько раз повторял и повторяю снова. Монах. Простой монах. Самый завалающий из всех монахов...*

И ведь это правда чистой воды, заявил он себе, продолжая честную самооценку. Он был монахом и никем более. Ничтожнейшим монахом, ополоумевшим от страха смерти. Отнюдь не святым, каким его нарекли, а дрожащим трусом и лицемером, убоявшимся смерти, — ведь тот, кто боится смерти, просто не может быть святым. Ибо для истинного святого смерть должна означать не конец, а обещание нового начала. А он, оглядываясь назад, знал доподлинно, что ни на миг не мог представить себе смерть иначе, чем конец и небытие.

И, задумавшись над этим, он впервые признал то, чего не признавал никогда — по неспособности или от недостатка честности: за возможность послужить науке он ухватился именно затем, чтоб избежать страха смерти. Хотя, конечно, он понимал, что купил себе лишь отсрочку, ибо отвратить смерть нельзя даже став Кораблем. Точнее, нельзя обрести уверенность, что смерть обращена навсегда. Остается шанс, пусть мизерный, — ученый и светская дама обсуждали это много веков назад, а он побоялся вступать в дискуссию и промолчал, — остается шанс, что спустя тысячелетия они трое, если проживут так долго, станут чистым разумом и ничем, кроме разума. В таком случае, размышлял он, они стали бы бессмертными и вечными в самом точном значении этих слов. Но если этого не случится, им все равно предстоит взглянуть смерти в лицо, так как космический корабль, увы, тоже не вечен. Рано или поздно, по той ли, по другой ли причине, Кораблю суждено превратиться в разбитый, изношенный остов, дрейфующий среди звезд, а со временем даже остов рассыплется в пыль на космическом ветру. Однако, обнадежил себя монах и вцепился в эту надежду, такого не будет еще долго-долго. Если не изменит удача, Корабль продержится еще очень долго, быть может, несколько миллионов лет, и такого срока им троим действительно может хватить на то, чтобы стать чистым разумом, — конечно, если чистый разум возможен вообще.

Откуда этот всепоглощающий страх смерти? — спросил он себя. — К чему мне раболепствовать перед нею? Я не просто уклоняюсь от смерти, как всякий нормальный человек, а пресмыкаюсь до одержимости, избегая самой мысли о ней. Не потому ли, что я утратил веру в Бога или, быть может, еще хуже —

никогда и не постигал веры? Но, если так, зачем я стал монахом?

И уж начав предаваться честности, он дал себе честный ответ. Он избрал монашество своим занятием (не призванием, а именно занятием) оттого, что страшился не только смерти, но и самой жизни, и тешил себя надеждой, что монашество — легкая работа и к тому же укрытие от мирских тягот, которых он страшился.

Так или иначе, в отношении легкой работы он ошибся. Монашеская жизнь оказалась отнюдь не легкой, но когда это обнаружилось, он испугался опять — испугался признать свою ошибку, испугался признаться даже себе, что погряз во лжи. И остался монахом, а по прошествии времени неведомо как (вероятно, по чистому стечению обстоятельств) заслужил репутацию монаха набожного и благочестивого и стал объектом полугордости-полузависти со стороны братьев-монахов, хотя кое-кто из них не брезговал подпустить в его адрес едкую, не приличествующую послушникам шпильку. Опять-таки непонятно почему, но с годами слух о нем ширился и достигал все большего числа людей — не потому, что он сделал нечто особенное (ибо, по правде говоря, делал он очень мало), а в силу идеи, которую он якобы отстаивал, в силу избранного им пути. Ныне, размышляя обо всем происшедшем, он спрашивал себя, не было ли тут недоразумения — его благочестивость происходила не от набожности, как все почему-то думали, а попросту от страха и от намеренного самоуничтожения, которое, в свою очередь, являлось следствием страха. Трусливая мышь, сказал он себе, провозглашенная святой мышью именно вследствие своей трусости.

И, как ни парадоксально, он в конце концов стал Символом Веры в материалистическом мире, и некий писатель, взявший у него интервью, назвал его человеком средневековья, уцелевшим до нынешних времен. Интервью было напечатано в журнале с большим тиражом и к тому же подготовлено человеком впечатлительным, не постеснявшимся ради пущего эффекта слегка кое-что приукрасить, — и образ, выписанный интервьюером, дал толчок к тому, что два-три последующих года вознесли его к славе: вот-де простой человек, у которого хватило душевного прозрения вернуться к основам веры и отстаивать ее от лихих наскоков гуманистической мысли.

Он мог бы стать настоятелем, подумалось не без внезапной гордости, а то и подняться еще выше. Ощувив приступ гордости, монах сделал усилие отогнать ее — усилие слабенькое, почти символическое. Ибо гордость, рассудил он ныне, гордость и запоздалая честность — вот и все, что от него осталось. Когда прежнего настоятеля призвал Господь, монаху дали понять разными непрямыми средствами, что он может стать преемником усопшего. Но он убоился снова, на сей раз сана и связанной с ним ответственности, и слезно просил не трогать его, оставить в простенькой келье и с простенькими обетами. Поскольку монашеский орден весьма дорожил им, прошение было удовлетворено. Хотя ныне, проникнувшись честностью, он позволил себе подозрение, возникавшее и прежде, только он подавлял свое подозрение и не формулировал в открытую. А что если прошение было удовлетворено не потому, что орден так уж дорожил им, а потому, что знал его подноготную и понимал, что настоятель из него получится никудышный? Более того: что если само предложение было вынужденным — о нем много писали, его восхваляли выше некуда и тем самым поставили орден перед необходимостью хотя бы выступить с таким предложением? И что если, едва он отказался от сана, по всему монастырю разнесся единодушный вздох облегчения?

Страх, страх, страх. Теперь-то он сознавал, что был затравлен страхом — если не перед смертью, то перед жизнью. А может, в конце-то концов, страшиться было и нечего? Всю жизнь он стращал себя, — а может, не было предмета для страхов? Более чем вероятно, что в великий пожизненный страх его вогнала лишь собственная неполноценность и скудость разума.

Я по-прежнему гумаю как человек из плоти и крови, — уличил он себя, — а не как мозг вне тела. Плоть до сих пор цепляется за душу, и кости не истлели...

А ученый между тем продолжал разглагольствовать: *В особеннности надлежит воздержаться от того, — поучал он, — чтобы автоматически расценивать недавнее проявление как имеющее мистическую или религиозную основу.*

Просто явление природы, — объявила светская дама, всегда расположенная к компромиссу.

Мы должны твердо усвоить, — изрек ученый, — что во Вселенной нет простых явлений. Ни одно явление нельзя отбросить походя, без обдумывания. В любом происшествии есть определенный научный смысл. Есть вызвавшая его причина, и, можете быть уверены, со временем проявятся и следствия.

Желал бы я, — сказал монах, — судить обо всем с такой же уверенностью в себе.

А я желала бы, — объявила светская дама, — чтоб мы вообще не садились на этой планете. Нервотрепное местечко.

Глава 7

— Сдерживайте себя, — посоветовал Никодимус. — Не ешьте слишком много. Куриный супчик, ломтик жаркого, половинку картофелины. Должны же вы понять, что ваш желудок бездействовал сотни лет. Вне сомнения, он был заморожен и не подвержен износу, но даже при этом его надо щадить и дать ему время прийти в форму. Через несколько дней вы сможете кушать как бывало.

Хортон пожирал еду глазами.

— Откуда такие припасы? — требовательно спросил он. — Ведь, ясное дело, ты не мог приволочь их с Земли...

— Я забыл объяснить, — ответил робот. — Вы, конечно, не можете этого знать. У нас на борту самая совершенная модель конвертора материи, какая существовала к моменту нашего отлета.

— Выходит, ты просто-напросто швырнул в воронку лопату песка?

— Ну, не совсем так. Не столь примитивно. Но в принципе верно.

— Погоди-ка минутку, — опомнился Хортон. — Тут что-то не так. Я не припоминаю никаких конверторов материи. Правда, шли разговоры о подобных устройствах, и была надежда, что удастся собрать прототип, но, насколько я помню...

— Есть определенные вещи, сэр, — перебил Никодимус как-то слишком поспешно, — вам неизвестные.

Взять хотя бы тот факт, что после вашего погружения в холодный сон мы стартовали не сразу.

— Ты имеешь в виду, что была отсрочка?

— Ну да. По правде говоря, довольно значительная.

— Черт побери, не пытайся навести тень на плетень.

Что значит значительная?

— Ну примерно лет пятьдесят.

— Лет пятьдесят? Почему так долго? Зачем понадобилось загнать нас в холодный сон, а потом выдерживать пятьдесят лет?

— Торопиться с отлетом не было особой нужды, — отвечал Никодимус. — Расчетное время реализации проекта было столь велико — ведь до возвращения первых кораблей, нашедших пригодные для жизни планеты, должно было пройти лет двести, если не больше, — что задержка в пять десятилетий не казалась чрезмерной, если за это время удалось бы разработать системы, увеличивающие шансы на успех.

— Например, конвертор материи?

— Да, конвертор — одна из таких систем. Конечно, можно бы обойтись и без него, но он из разряда удобств, увеличивающих коэффициент безопасности. Еще более важными представлялись некоторые элементы конструкции самого корабля — если бы их удалось реализовать...

— И удалось?

— По большей части да, — отвечал Никодимус.

— Но нас никто не предупреждал ни о каких отсрочках! — воскликнул Хортон. — Ни нас, ни другие экипажи, проходившие подготовку вместе с нами. Если бы кто-нибудь из любого экипажа прослышал об этом, нам бы непременно шепнули словечко...

— Вам, — отвечал Никодимус, — не было нужды знать об этом. В противном случае с вашей стороны могли бы последовать неоправданные и нелогичные возражения. И представлялось важным, чтоб экипажи были в полном порядке к моменту, когда корабли будут готовы взять старт. Видите ли, все вы были люди особенные. Возможно, вы помните, с какой тщательностью вас подбирали.

— Еще бы не помнить! Бесконечные компьютерные проверки на факторы выживаемости. Измерения психологических характеристик — снова, и снова, и снова. Физические тренировки, измотавшие нас к чертовой

матери. А потом нам засадили в мозги эту телепатическую хреновину, чтоб общаться с Кораблем, и это оказалось муторнее всего остального. Ясно помню — прошло много месяцев, прежде чем мы выучились обращаться с этой штукой как следует. Но к чему было затевать такие хлопоты, если потом нас засунули на хранение в морозильный шкаф? Мы могли бы просто подождать.

— Иного выхода не было, — сообщил Никодимус, — вы же старели с каждым годом. При подборе экипажей одним из факторов был возраст — вы должны были уйти в полет не то чтоб молодыми, но и не слишком старыми. Посылать в космос стариков толку мало. А как только вы заснули холодным сном, то перестали стареть. Время уже не имело для вас значения — в состоянии холодного сна вы не ощущали времени. Таким образом экипажи содержались в полной готовности, и все их индивидуальные способности и умения не потускнели за годы, которые ушли на доводку технических мелочей. Корабли-то могли стартовать и сразу после того, как вас заморозили, но за пятьдесят последующих лет шансы на успех значительно выросли — и для кораблей, и для вас лично. Систему поддержания деятельности мозга довели до совершенства, какое в ваше время считалось недостижимым. Связь между индивидуальным мозгом и Кораблем стала более эффективной и чуткой, почти застрахованной от неполадок. Да и сама технология холодного сна претерпела улучшения.

— Твой рассказ вызывает у меня двойственные чувства, — сказал Хортон. — Хотя догадываюсь, что для меня теперь пятьдесят лет больше или меньше — значения не имеет. Раз уж не дано дожить в своей эпохе, то, наверное, все равно, когда дожить. Сокрушаюсь я о другом — о том, что остался один. У меня, похоже, были недурные перспективы с Элен, да и двое других мне нравились. Надо думать, во мне живет еще и чувство вины за то, что они погибли, а я уцелел. Ты, по собственным твоим словам, спас меня потому, что я находился в камере номер один. Если бы не это, уцелел бы кто-то другой, а я был бы мертв.

— Вы не должны ощущать вины, — увещевал Никодимус. — Если искать тут виновных, то виновен я, но я не знаю за собой вины, поскольку логика говорит мне,

что я не был способен на большее и действовал на пределе возможностей, отпущенных современной техникой. А вы не принимали в этом никакого участия. Вы не могли ничего сделать и не несете ответственности за чужое решение.

— Знаю, знаю. И все равно невольно думаю, что...

— Кушайте суп, — перебил Никодимус. — А то жаркое остынет.

Хортон съел ложку супчика и похвалил:

— Вкусно.

— Конечно, вкусно. Я же сказал, что могу быть квалифицированным шеф-поваром.

— Можешь быть поваром? Странная манера излагать свои мысли. Ты или повар, или не повар. А ты твердишь, что можешь быть поваром. Точно так же ты заявлял, что можешь стать инженером. Не что ты инженер, а что можешь им стать. Сдается мне, друг мой, что ты многовато на себя берешь. Чуть раньше ты прозрачно намекал, что был еще и умелым техником холодного сна.

— Но я выражаюсь совершенно точно! — вознегодовал Никодимус. — Именно так и обстоит дело. Сейчас я шеф-повар, но могу быть инженером, или математиком, или астрономом, или геологом...

— Тебе нет нужды становиться геологом. В экспедиции уже есть геолог — это я. Элен была биологом и химиком...

— А может, когда-нибудь нам понадобятся два геолога, — заявил Никодимус.

— Не болтай ерунду, — отрезал Хортон. — Ни человек, ни робот не могут иметь сразу столько профессий, сколько, по твоим словам, ты приобрел или можешь приобрести. Каждая из них требует многих лет изучения, а пока учишь новые предметы и овладеваешь новой специальностью, волей-неволей забываешь что-нибудь из того, что знал прежде. Да больше того — ты же обыкновенный домашний робот без всякой специализации. Взгляни фактам в лицо — объем твоего мозга невелик, система реакций относительно примитивна. Корабль сказал, что тебя взяли в полет именно потому, что твоя конструкция очень проста и в тебе почти нечему выйти из строя.

— И все это более или менее справедливо, — согласился Никодимус. — Я таков, как вы описали. Сбе-

гай да принеси — я не пригодеен, пожалуй, ни на что большее. Объем мозга у робота-слуги и впрямь невелик. А если у меня не один мозг, а два или три...

Хортон швырнул ложку на стол.

— Ты спятил! Так не бывает!

— Нет, бывает, — спокойно ответил Никодимус. — У меня сейчас два мозга — прежний стандартный, тупой мозг слуги и мозг шеф-повара, а если бы я захотел, то мог бы прибавить еще один, только не знаю, какого рода мозг хорошо сочетался бы с мозгом повара. Быть может, мозг врача-диетолога, но такого мозга в комплекте не обнаружилось.

Хортон сумел сдержать себя, хоть это стоило ему немалых усилий.

— Давай-ка начнем сначала, — предложил он. — Объясняй с азов и не торопись, чтобы мой дурной человеческий мозг поспевал за тобой.

— Это все пятьдесят лет, — заявил Никодимус.

— Какие пятьдесят лет, черт возьми?

— Пятьдесят лет отсрочки после того, как вас заморозили. Если люди возьмутся за дело целенаправленно, то за такой срок можно добиться многого и в теории, и на практике. Вы тренировались с весьма хитроумным роботом — с шедевром человекоподобия, самым совершенным из всех когда-либо созданных, не так ли?

— Твоя правда, — сказал Хортон. — Помню его ясно, словно это было вчера...

— Для вас, — заметил Никодимус, — только вчера. Что с тех пор прошла тысяча лет — для вас звук пустой.

— Порядочный был паршивец, — вспоминал Хортон. — Сухарь и зануда. Знал втрое больше нашего, а умел в десять раз больше. И обожал давать нам это понять самым гнусным способом, вежливо и елейно. Так елейно, что и не подкопаешься. Да все мы в глубине души ненавидели его, мерзавца, лютой ненавистью!..

— Вот видите! — торжествующе воскликнул Никодимус. — Это не могло продолжаться. Создалась ситуация поистине нетерпимая. А если б его послали с вами в полет? Только подумайте о бесконечных тренингах, о неизбежном столкновении характеров! Вот почему с вами я, а не он. Его оказалось невозможно использовать. Непременен нужен был смиренный олух вроде меня, робот, каким вы привыкли помыкать, не возража-

ющий, чтоб им помыкали. Но простой смиренный олух вроде меня оказался бы неспособен без посторонней помощи прыгнуть выше собственной тупой головы — а в экспедиции возможно всякое. Вот они и напали на идею дополнительных мозгов, которые можно подключать к неповоротливому мозгу вроде моего основного.

— Значит, у тебя есть целый короб дополнительных мозгов, которые тебе остается только включать по мере надобности?

— Это не совсем мозги, — пояснил Никодимус. — Они называются «трансмоги», хоть я и не знаю почему. Кто-то мне однажды говорил, что это сокращение от слова «трансмогрификация»*. Существует такое слово?

— Понятия не имею, — ответил Хортон.

— Ну и ладно, — заявил Никодимус. — Короче, в моем распоряжении есть трансмог шеф-повара, трансмог врача, трансмог биохимика, — в общем, идея вам понятна. И в каждом трансмоге записан полный курс соответствующего колледжа. Как-то раз я пересчитал их все, да запомнил, сколько получилось. Дюжины две, наверное.

— Выходит, ты и в самом деле можешь починить туннель, о котором толковал Плотояд?

— Не поручусь, — признался Никодимус. — Я же не знаю, что там заложено в трансмог инженера. Есть столько видов инженерии — инженер-химик, инженер-механик, инженер-электрик...

— По крайней мере ты наверняка получишь общеинженерную подготовку.

— Обязательно. Но ведь не исключается, что туннель, о котором говорил Плотояд, построили не люди. Вряд ли людям хватило бы времени...

— А может, и хватило? У них же была почти тысяча лет, а за такой срок можно успеть очень многое. Вспомни, сколько нового наворотили за пятьдесят лет, про которые ты рассказывал.

— Знаю. Возможно, вы правы. Возможно, они решили, что хватит полагаться только на корабли. Если бы люди полагались только на корабли, они не могли бы уже сегодня очутиться так далеко в пространстве, и...

* В позднем средневековье этим мудреным словом обозначали чудесные превращения, метаморфозы. — Здесь и далее примеч. пер.

— Могли, если превысили скорость света. А если превысили, то дальше, может статься, нет никакого предела. Достаточно взять световой барьер — и пожалуйста, летайте себе быстрее света во сколько угодно раз...

— Не думаю, что они сумели построить сверхсветовые корабли, — заявил Никодимус. — С тех пор как меня включили в проект, я наслушался разговоров на эту тему. И ни у кого не было никакой отправной точки, не было даже отдаленного представления о том, с чего начинать. Гораздо вероятнее, что люди высадились на какой-то планете, не столь отдаленной, как наша, обнаружили там один из туннелей и теперь пользуются им.

— Ну, положим, пользуются не только люди.

— Нет, не только. Это совершенно очевидно хотя бы по Плотояду. А сколько еще рас путешествует по туннелям, немыслимо и гадать. Но что делать с Плотоядом? Если мы не сумеем наладить туннель, он захочет лететь вместе с нами.

— Только через мой труп.

— Знаете, я, в общем, разделяю ваши чувства. Он неотесанный тип, и погрузить его в холодный сон будет серьезной проблемой. Кроме того, прежде чем рискнуть, пришлось бы изучать его биохимию.

— Ты напомнил мне о том непреложном факте, что мы не возвращаемся на Землю. Но какая в том выгода? Может, ты знаешь, куда все-таки Корабль держит путь?

— Нет, не знаю. Разумеется, мы обсуждали это наряду с прочими темами. Уверен, что Корабль не пытался ничего от меня утаить. У меня такое чувство, что Корабль сам толком не решил, что делать дальше. Кажется, просто лететь и лететь и осматривать все, что по дороге. Вы, конечно, отдаете себе отчет, что при желании Корабль не затруднится подслушать все, о чем мы тут говорим.

— Меня это не беспокоит, — отозвался Хортон. — Сложилось так, что все мы попали сейчас в одну мышеловку. Причем ты на много больший срок, чем отпущено мне. И мне уж в любом случае придется цепляться за эту мышеловку до конца моих дней — у меня просто нет другой жизненной базы. Я в тысяче лет от дома и на тысячу лет отстал от нынешних землян. Корабль несомненно прав в своем утверждении, что, вернись я на Землю, я оказался бы ни к чему не годен.

Конечно, я соглашаюсь с этим теоретически, а в глотке все равно встает ком. Будь со мной трое остальных, все, наверное, выглядело бы по-другому. Мной владеет чувство чудовищного одиночества.

— Вы не одиноки, — заявил Никодимус. — С вами Корабль и я.

— Да, вроде бы. Только я как-то все время забываю об этом. — Он отодвинулся от стола. — Ужин был превосходный. Жаль, что ты не мог отведать его вместе со мной. Как ты полагаешь, моему желудку не повредит, если я съем еще ломтик жаркого в холодном виде перед сном?

— На завтрак, — заявил Никодимус. — Если пожелаете, я подам вам ломтик на завтрак.

— Ладно, так и быть, — согласился Хортон. — Но меня, признаться, смущает еще одно. При такой организации, как у вас в экспедиции, зачем вам вообще человек? В эпоху, когда я проходил предполетные тренировки, иметь экипаж из живых людей казалось целесообразным. А сейчас? Ты и Корабль могли бы спокойно справиться с делом и без меня. Коль на то пошло, почему было попросту не выбросить нас на помойку? Зачем понадобилось утруждать себя и загружать нас на борт?

— Вы стремитесь унижить себя и человечество, — заявил Никодимус. — Это не более чем шоковая реакция на то, что вы сегодня узнали. В самом начале казалось существенным загрузить на борт как можно больше научных и технологических знаний, и этого можно было достичь только взяв с собой людей — носителей знаний. Правда, к моменту старта были найдены иные способы передачи знаний в виде трансмогов, превращающих даже простейших роботов вроде меня в многосторонних специалистов. Тем не менее и при этих условиях мы, роботы, лишены одного фактора — странного фактора человечности, видимо, чисто биологического. Его у нас нет, и его не удалось до сих пор воспроизвести никому из конструкторов, никому из робототехников. Вы упоминали о роботе — вашем партнере по тренировкам и о том, как вы его ненавидели. Вот что происходит, если конструкторы, совершенствуя роботов, пересекут определенную черту. Вы закладываете высокие потенциальные возможности, но человечность, уравнивающая эти возможности, отсутству-

ет в принципе — и роботы вместо того, чтобы все более походить на людей, становятся самонадеянными до полной невыносимости. Вполне возможно, что так и будет всегда. Возможно, человечность — фактор, который нельзя воссоздать искусственно. Экспедицию к звездам можно бы осуществить вполне успешно с роботами и наборами трансмогов на борту, но это была бы уже не человеческая экспедиция, а ведь цель этой и всех других экспедиций — отыскать планеты, где могли бы жить люди Земли. Само собой разумеется, роботы могли бы провести наблюдения и прийти к каким-то решениям, и в девяти случаях из десяти наблюдения были бы точными и решения правильными, а в десятом случае — нет, потому что роботы глядели бы на все вокруг электронными глазами и принимали бы решения электронными мозгами, лишенными этого важнейшего фактора человечности.

— Твоя речь утешительна, — произнес Хортон. — Остается лишь надеяться, что ты не ошибаешься.

— Поверьте мне, сэр, не ошибаюсь.

Вмешался Корабль:

Хортон, пора бы вам на боковую. Поутру к вам зайвится Плотяга, и вам надо выпасться.

Глава 8

Но сон не приходил.

Он лежал на спине и пялился в темноту — и темнота низвергала на него необычность и одиночество, ощущения, которые он до этих самых минут не подпускал к себе.

Только вчера, — так ведь сказал ему Никодимус. — Вы заснули холодным сном как бы только вчера, а столетия, что пришли и ушли потом, для вас звук пустой, меньше чем ничего...

«А ведь действительно, — подумал он с удивлением и горечью, — я заснул как бы только вчера. А теперь я один, и остается лишь вспоминать и скорбеть». Скорбеть, лежа в темноте на планете столь отдаленной от Земли, но для него лично явившейся в мгновение ока. Скорбеть оттого, что родная планета и люди, которых он знал вчера, скрылись в бездне времени.

Элен мертва, подумал он. Мертва и лежит под суровым сиянием чужих звезд на неизвестной планете незарегистрированного солнца, а кругом громады ледников из замерзшего кислорода на фоне черноты космоса и первобытных скал. Скалы не подвержены эрозии, неизменны тысячами и миллионами лет, и планета в целом неизменна, как сама смерть.

Они трое вместе — Элен, Мэри и Том. Только его не хватает, и не хватает потому, что волею судеб он оказался в камере номер один, а бестолковый, плоско-

стопый, придурковатый робот не додумался ни до чего другого, как руководствоваться номерами камер.

Корабль, — позвал он про себя.

Спите! — ответил *Корабль* повелительно.

Да пошел ты! — вспыхнул Хортон. — *Ты не вправе меня баюкать. Ты не вправе указывать, что мне делать. Спите, учишь ты. Расслабьтесь, советуешь ты. Забудьте обо всем, погрязеваешь ты.*

Мы не советовали и не советуем забывать, — ответил *Корабль*. — *Воспоминания драгоценны. До той поры, пока в вас не иссякла скорбь, держитесь за воспоминания изо всех сил. И когда вы скорбите, то знайте, что мы скорбим вместе с вами. Ведь мы тоже помним Землю.*

Но ты не хочешь на нее возвращаться. Напротив, планируешь лететь дальше. После этой планеты ты намерен лететь дальше. Что ты рассчитываешь найти? Чего ищешь?

Узнать об этом заранее невозможно. Мы не рассчитываем ни на что.

И я полечу с вами?

Разумеется, — ответил *Корабль*. — *Мы одна компания, и вы неотъемлемая часть ее.*

А планета? У нас есть время осмотреть планету?

Спешки нет, — ответил *Корабль*. — *В нашем распоряжении все время Вселенной.*

Что это мы почувствовали нынче вечером? Это толика целого? Толика неизведанного, к которому мы стремимся?

Спокойной ночи, Картер Хортон, — сказал *Корабль*. — *Мы еще поговорим. А сейчас подумайте о чем-нибудь приятном и постарайтесь заснуть.*

«О чем же таком подумать?» — спросил он себя. Приятное осталось в прошлом, там, где синее небо с проплывающими по нему белыми облаками, там, где картинный океан ласкает своими длинными пальцами картинный пляж, а тело Элен кажется блее песка, на котором она лежит. Там, где горят костры пикников и ночной ветерок шуршит в листве почти невидимых деревьев. Там, где пламя свечей отражается на белоснежной скатерти, в выставленном на стол мерцающем фарфоре и искрящемся хрустале, и играет чуть слышная музыка, и все вокруг дышит покоем и довольством.

А здесь где-то в окружающем мраке неуклюже переступает Никодимус, стараясь не шуметь, и сквозь открытый внешний люк издалека доносятся какие-то скрипучие рулады. Наверное, насекомые, сказал он себе. Если, конечно, здесь водятся насекомые.

Он сделал попытку думать о планете, раскинувшейся за входным люком, но оказалось, что думать о ней невозможно. Она была слишком новой и странной для того, чтобы думать о ней. Зато выяснилось, что он способен вызвать к жизни пугающую картину необъятного безмолвного пространства, отделяющего эту планету от Земли, и перед мысленным взором предстала крошечная точка Корабля, блуждающая по подавляюще огромному ничто. Не спрашивая Хортонa, ничто вновь преобразилось в одиночество, и он, тяжело вздохнув, повернулся на бок и зарылся в подушку с головой.

Глава 9

Плотояд явился, едва рассвело.

— Прекрасно, — возвестил он. — Вы готовы. Мы двинемся не спеша. Идти недалеко. Перед отбытием я проверил туннель. Туннель не исправился.

Он повел их вверх по крутому склону холма и сразу же вниз в ложину, такую глубокую и вдобавок заросшую лесом, что на дне еще не рассосалась ночная мгла. Деревья уходили ввысь, стволы в нижней части, футов на тридцать от почвы, были почти лишены ветвей. Лес, в общем, напоминал земной, хотя, как заметил Картер Хортон, кора выглядела чешуйчатой, а листья — скорее пурпурно-черными, чем зелеными. Под деревьями было почти голо, подлесок практически отсутствовал, лишь кое-где торчали редкие хрупкие кустики. Время от времени среди опавших ветвей перебежали крошечные верткие зверушки, но Хортому так и не выпало случая их рассмотреть.

На склонах там и сям виднелись скальные обнажения, а когда путники перевалили следующий холм и пересекли узкий, но шумный ручей, на дальнем его берегу их поджидали настоящие небольшие утесы. Плотояд показал им расщелину, тропинка стала еще круче, взобраться наверх удалось с трудом. Утесы, как определил Хортон, были сложены из пегматита. Осадочных напластований не было и в помине.

Расщелина вывела их на холм, который перешел в гребень повыше двух предыдущих. На верхушке были набросаны валуны, вдоль гребня бежал невысокий скальный уступ. Плотояд опустился на каменную плиту и похлопал по ее поверхности, приглашая человека сесть рядом.

— Здесь задержимся и переведем дух, — объявил он. — Местность сильно пересеченная.

— Далеко нам еще? — поинтересовался Хортон.

Плотояд взмахнул пучком щупалец, служившим ему рукой.

— Еще два холма, — объявил он, — и мы почти пришли. Да, между прочим, уловили вы вечером божий час?

— Божий час?

— Шекспир прозвал его так. Что-то спускается с небес и трогает каждого.словно там наверху кто-то есть.

— Да, — подтвердил Хортон, — мы это уловили. Ты не можешь объяснить нам, что это такое?

— Не знаю, — ответил Плотояд, — мне оно не нравится. Без спроса заглядывает в нутро. Отворяет все мозги до печенок. Вот почему я покинул вас стремительно. Оно меня нервирует. Лишает сил. Но я вчера промедлил. Оно захватило меня на поддороге.

— Выходит, ты знал заранее, что оно придет?

— Оно приходит каждый день. Почти каждый день. Бывает иногда, хоть и неподолгу, что оно не показывается. А потом приходит опять и движется по часам дня. Нынче оно приходит вечерами. Каждый вечер на малое время позже. Движется и днем и ночью. Час меняется, хоть перемена почти незаметна.

— И это происходило в течение всех лет, что ты здесь?

— Всех-всех, — подтвердил Плотояд. — Оно не оставляет в покое.

— Ты не догадываешься, что это?

— Шекспир говорил, оно из космоса. Он говорил — оно вроде как далеко в космосе. Оно приходит, когда точка планеты, где мы есть, поворачивается к некоей точке в дальнем пространстве.

Пока шел разговор, Никодимус бродил по скальному уступу, то и дело наклоняясь и подбирая отдельные

каменные осколки. Теперь он гордо направился к Хортону, протягивая штук пять мелких камушков.

— Изумруды, — объявил он. — Освобождены выветриванием и лежат просто так на земле. В основной породе их еще больше.

Хортон принял добычу, высыпал на ладонь и принялся разглядывать, помогая себе указательным пальцем. Плотояд подошел поближе, наклонился, любопытствуя, и высказался:

— Красивенькие камни...

— Нет, черт побери, — отозвался Хортон. — Куда лучше, чем камни. Это действительно изумруды. — Он смерил Никодимуса подозрительным взглядом. — А ты-то откуда узнал?

— Я взял трансмог охотника за минералами, — ответил робот. — Вставил трансмог инженера, но там еще оставалось место, вот я и добавил трансмог охотника...

— Охотник за минералами, подумать только! Какого дьявола тебе понадобился такой трансмог?

— Каждому из нас, — степенно ответил Никодимус, — было разрешено включить в комплект один трансмог — увлечение. Для нашего личного удовольствия. Существуют трансмоги филателиста, и шахматиста, и множество других. Но мне подумалось, что трансмог охотника за минералами...

Хортон вернул робота к вопросу об изумрудах.

— Ты говоришь, там еще есть?

— Предполагаю, что здесь целое состояние. Изумрудные копи.

Плотояд так и вскинулся:

— Состояние?

— Он прав, — сказал Хортон. — Весь холм может оказаться сплошным месторождением.

— Эти красивенькие камни имеют ценность?

— У моего народа имеют, и немалую.

— Никогда не слышал ничего подобного, — объявил Плотояд. — Для меня звучит совершенно безумно. Всего-навсего камни, красивенькие, приятные глазу. Но что с ними делать? — Он неспешно поднялся на ноги. — Пора идти дальше.

— Хорошо, — согласился Хортон. — Пойдем дальше. И вернул изумруды Никодимусу.

— Надлежало бы осмотреть все вокруг...

— Еще успеем, — сказал Хортон. — Никуда они не денутся.

— Надо провести основательную разведку, — настаивал робот, — в интересах Земли...

— Землю можно больше не принимать во внимание, — сказал Хортон. — Вы с Кораблем не оставили на этот счет сомнений. Что бы ни случилось, что бы мы ни нашли, Корабль возвращаться не намерен.

— Вы говорите непостижимо для меня, — вставил Плотояд.

— Извини нас, — успокоил его Хортон. — Просто небольшая шутка, понятная нам двоим. Не стоит и объяснять.

Они спустились с холма, пересекли еще одну лощину, потом полезли на новый склон. Передышек больше не было. Солнце поднялось выше и отчасти растопило лесную мглу. Становилось тепло.

Плотояд двигался вроде бы неуклюже, но шаг его был удивительно быстр и легок. Хортон пытался не отставать, а Никодимус замыкал шествие. Но на работа Хортон не оборачивался, все его внимание было сосредоточено на идущем впереди: он напряженно соображал, что это все-таки за существо. Дикарь и неряха, на сей счет не может быть двух мнений, но норовистый, нацеленный на убийство и потенциально опасный. Пока что держится достаточно дружелюбно, болтает без конца про своего сердечного друга Шекспира, но держи ухо востро. Вроде бы никаких признаков, что он может изменить добродушную и утратить хорошее настроение. И нет сомнения, что к этому человеку, Шекспиру, дикарь был привязан вполне искренне — а ведь не постеснялся признаться, что сожрал Шекспира. Тревожно. Совершенная загадка, что Плотояд не распознал ценности изумрудов. Кажется невероятным, что разум, каков бы он ни был, неспособен догадаться о стоимости драгоценных камней. Если только нет культур, полностью равнодушных к украшениям.

Они вскарабкались еще на один холм и стали спускаться, но не в лощину, а в чашеобразную впадину, опять-таки окруженную со всех сторон холмами. И вдруг Плотояд остановился так резко, что Хортон, шедший за ним по пятам, налетел на него.

— Вот, — указал Плотояд куда-то. — Отсюда можно увидеть. Мы почти добрались.

Хортон взглянул в предложенном направлении, но не разглядел ничего, кроме леса.

— То белое? — спросил Никодимус.

— Именно, — радостно откликнулся Плотояд. — В белизне все и дело. Я держу его чистым и белым, соскребаю траву, что норовит вырасти меж камней, отмываю от пыли. Шекспир называл его греческим. Поведай мне, сэр, или ты, робот, что значит «греческий»? Я спрашивал у Шекспира, однако он смеялся в ответ. Качал головой и твердил, что это долгая история. Мне кажется иногда, он сам не знал ответа. Просто повторял слово, от кого-то услышанное.

— Греческий — от имени земного народа, который назывался «греки», — сказал Хортон. — Греки добились величия много-много веков назад. Здания, построенные в стиле, какой они предпочитали тогда, именуют греческими. Но это очень общее выражение. У греческой архитектуры много особенностей.

— Построено просто, — объявил Плотояд. — Стена, крыша и дверь. Вот и все. Но добротное жилище, должен вам сказать. Не пропускает ни ветра, ни дождя. Ты его еще не видишь? — Хортон покачал головой. — Скоро увидишь. Мы прибудем очень скоро.

Они спустились с холма на дно чаши, и тут Плотояд остановился опять. Показал на тропинку.

— В эту сторону домой. А в эту, не более двух шагов, к роднику. Желаешь испить доброй водицы?

— Не откажусь, — сказал Хортон. — Марш был утомительный. Не так уж далеко, но все время вверх-вниз.

Родник бил прямо из склона. Вода собиралась в промоине, выточенной в камне, и стекала по каплям через край, образуя маленький ручеек.

— Ты пьешь первым, — предложил Плотояд. — Ты мой гость. Шекспир учил, что гость получает все первым. Я был гостем Шекспира. Он явился сюда до меня.

Хортон опустился на колени и, наклонив голову, коснулся губами воды. Она была такой холодной, что обжигала горло. Потом он сел на корточки, а Плотояд стал на четвереньки, припал к воде и принялся не пить, а лакать — как лакал бы кот, подхватывая воду языком.

А Хортон, сидя на корточках у родника, впервые по-настоящему оценил мрачную красоту окружающего леса. Деревья казались мощными и темными, невзирая

на яркий солнечный свет. Они не были хвойными и все же напоминали о темных сосновых лесах северных окраин Земли. Вокруг родника и вверх по склону, с которого только что довелось спуститься, росли кусты не более трех футов в высоту, зато броского кроваво-красного цвета. Ни с того ни с сего подумалось, что до самой этой минуты он не замечал ни на одном из растений ни цветов, ни плодов. Он взял эту странность на заметку и решил, выждав момент, навести справки.

Наполовину одолев подъем по тропинке, он разглядел наконец дом, который давно и безуспешно показывал Плотояд. Дом стоял на бутре посреди небольшой прогалины. И действительно показался Хортону греческим, хоть он никак не был знатоком ни греческой, ни какой-либо иной архитектуры. Маленький дом жестких и простых линий, почти коробочка. Ни портика, ни малейшего изыска — четыре стены, гладкая неукрашенная дверь да крыша с пологими скатами, конек не слишком высоко.

— Шекспир жил здесь, когда я прибыл, — сообщил Плотояд. — Я поселился вместе. Мы жили счастливо здесь. Планета не лучше старой задницы, но счастье светит нам изнутри.

Они вышли на прогалину и подошли к дому тесной группой. До двери оставался десяток футов, когда Хортон поглядел вверх и неожиданно увидел деталь, прежде не примеченную: линия ее белизна терялась на фоне белого камня. Теперь он застыл, пораженный ужасом. Над дверью был прикреплен оскаленный человеческий череп.

Плотояд перехватил его взгляд.

— Шекспир приветствует нас, — сообщил он. — Это череп Шекспира.

Рассматривая череп зачарованно и боязливо, Хортон обратил внимание, что у Шекспира не хватало двух передних зубов.

— Трудно было прибить Шекспира там наверху, — повествовал Плотояд. — Плохое для него место, кость выветривается и крошится, однако так он просил. Череп над дверью, учил он меня, кости в мешках повесить внутри. Я выполнил все, как он сказал, хоть задача была прискорбной. Я делал так вопреки себе, но из чувства долга и чувства дружбы.

— Шекспир сам просил тебя сделать это?

— Разумеется. Неужели ты думаешь, что я дерзнул бы сам?

— Право, не знаю, что и думать.

— Обычай смерти, — сообщил Плотояд. — Съесть его точно тогда, когда он умирает. Исполнить обряд в роли священника, сказал он. Я сделал, как он велел. Обещал не подавиться и не подавился. Собрал всю волю и съел, какого бы дурного вкуса он ни был, до последнего хрящика. Обгрыз кости тщательным образом, чтобы на них ничего не осталось. Было больше, чем я хотел. Живот чуть не лопнул, а я ел и не прервался ни на мгновение, пока он не кончился совсем. Сделал все как полагается. Сделал со всей праведностью. Не опозорил своего друга. Я был его другом, единственным на планете...

— А что, может быть, — объявил Никодимус. — Человечество подчас возрождает специфические обычаи. Друг поглощает друга в знак преданности и уважения. Доисторические племена практиковали ритуальный каннибализм — лучшему другу или великому человеку оказывали особую честь тем, что его поедали.

— Но то доисторические племена, — возразил Хортон. — Никогда не слышал, чтобы в нынешнюю эпоху...

— Миновала тысяча лет, — напомнил Никодимус, — с той поры, как мы были там, на Земле. Время более чем достаточное для развития любых самых странных верований. Возможно, доисторические племена знали что-то, чего мы не знаем. Возможно, в ритуальном каннибализме была своя логика, и за последнюю тысячу лет ее открыли заново. Даже если логика извращена, в ней могут быть привлекательные черты.

— Ты говоришь, — встревожился Плотояд, — что у твоей расы нет такого обычая? Тогда я не понимаю...

— Тысячу лет назад не было, а сейчас, возможно, и есть.

— Тысячу лет назад?

— Мы покинули Землю тысячу лет назад. Даже, не исключается, много раньше, чем тысячу лет назад. Нам неизвестна математика растяжения времени. Может статься, прошло много больше, чем тысяча лет.

— Но ни один человек не живет тысячу лет!

— Верно, но я спал холодным сном. Мое тело было заморожено.

— Заморожено — значит мертвое.

— Нет, не мертвое, если заморозить умеючи. Когда-нибудь я объясню подробнее.

— Вы двое не думаете обо мне плохо оттого, что я съел Шекспира?

— Разумеется, нет, — ввернул Никодимус.

— Прекрасно, что нет, — объявил Плотояд. — А то бы вы не взяли меня с собой, когда вам придет пора улетать. Самое сокровенное мое желание — удалиться с этой планеты скороспешно, как только сумею.

— А вдруг нам удастся починить туннель? — напомнил Никодимус.

— Если да, ты сможешь покинуть планету по туннелю.

Глава 10

Туннель был десять футов на десять — квадрат зеркальной тьмы, врезанный в небольшую скалу, которая выдавалась вверх из скального же основания совсем неподалеку от греческого домика, чуть ниже по склону. Между домиком и этой скалой бежала тропа, протоптанная до камня и даже, казалось, углубленная в самый камень. Когда-то в прошлом здесь, по-видимому, ходили много и часто.

— Когда он работает, — Плотояд указал жестом на зеркальную тьму, — он не черный, а ослепительно белый. Войдешь в него, и второй шаг выведет куда-нибудь в другое место. Теперь идешь, а он пихается. Нельзя подойти. Там ничего нет, а все равно пихается.

— Но при пользовании туннелем, — сказал Хортон, — я имею в виду, если он работает и может куда-то вывести, как определить, куда именно он выведет?

— Определить никак нельзя, — ответил Плотояд. — Когда-то, может быть, путник заказывал, куда ему надо, но не сейчас. Вон там рядом, — он помахал щупальцами, — есть такой механизм, контрольный ящик называется. Когда-то, может быть, с помощью ящика выбирали нужное направление, а сейчас никто не помнит, как с ним обращаться. Только ведь это на самом деле неважно. Не понравилось там, где высадился, шагай

назад в туннель и попадешь в другое место. Может, не с первого раза, но всегда попадешь куда-нибудь, где понравится. Я бы рад убраться отсюда куда угодно.

— Звучит не вполне логично, — заявил Никодимус.

— Конечно, нелогично, — подхватил Хортон. — Должно быть, вся система пошла наперекосяк. Никто в здравом уме не станет строить неизбирательную транспортную сеть. Этак понадобятся века и века, чтоб добраться до места назначения, — если тебе повезет и ты доберешься до него вообще.

— Хорошо зато, — безмятежно заметил Плотояд, — для того, кто хотел бы уклониться от неприятностей. Никому, и даже тебе самому, неизвестно, куда занесет. Погоня видит, как ныряешь в туннель, ныряет следом, а он берет и доставляет их в другое место, нежели тебя.

— Ты знаешь это по опыту или строишь догадки?

— Полагаю, догадки. Кто может знать про то достоверно?

— Вся система несостоятельна, — заявил Никодимус, — если она действует наудачу. Это не путешествие. Это азартная игра, и туннель всегда выигрывает.

— Но этот туннель никуда не ведет, — плакался Плотояд. — Я не привередничаю, куда попасть. Куда угодно, подальше отсюда. Пламенная моя надежда, чтобы вы починили туннель и он забрал бы меня хоть куда-нибудь.

— Подозреваю, — сказал Хортон, — что туннель построили тысячи лет назад, а потом забросили и оставили на несколько веков без присмотра. Перестали ремонтировать, вот он и сломался.

— Однако это не главное, — объявил Плотояд. — Главное — возможно ли для вас починить его?

Никодимус пододвинулся к контрольному устройству, расположенному у кромки туннеля и утопленному в скалу заподлицо.

— Не знаю, выйдет ли, — признался Никодимус. — Не могу даже прочесть показания приборов, если это приборы. Некоторые выглядят так, будто ими можно управлять, но это тоже не наверняка.

— Почему бы не попробовать и не посмотреть, что получится? — предложил Хортон. — Вреда это точно не принесет. Хуже, чем есть, не будет.

— Тоже не могу, — пожаловался Никодимус. — Не могу до них дотронуться. Похоже, они прикрыты каким-то силовым полем. Толщиной оно, может, с папиросную бумагу, но кладу пальцы на приборы, вернее, думаю, что кладу, а контакта нет. На самом деле я до них не дотрагиваюсь. Чувствую их под пальцами, а притронуться не могу. Будто их покрыли скользкой смазкой. — Он поднял руку и пристально оглядел ее. — Но тут и смазки никакой нет...

— Треклятая штука работает лишь на прибытие, — скулил Плотояд. — А должна работать и на прибытие, и на отъезд...

— Держи себя в руках, — бросил Никодимус.

— Ты по-прежнему думаешь, что сумеешь справиться? — обратился к роботу Хортон. — Ты сказал, тут силовое поле. Смотри, еще взорвешься. Что ты вообще знаешь о силовых полях?

— Ничего, — весело сообщил Никодимус. — До настоящей минуты я не знал даже, что они существуют. Просто взял и назвал их так. Термин возник у меня в голове сам собой. Я не знаю, что он означает.

Он достал коробку с инструментами, положил ее наземь и, опустившись на колени, принялся раскладывать ключи и приспособления на скальной тропе.

— Это вещи для того, чтоб его чинить! — возликовал Плотояд. — У Шекспира не было таких вещей. Нет у меня треклятых инструментов, говорил он.

— Очень бы ему помогло, если б они у него и были, — заявил Никодимус. — Мало их иметь, надо еще знать, как ими пользоваться.

— А ты-то знаешь? — съязвил Хортон.

— Вы чертовски правы, я-то знаю, — заявил Никодимус. — Я включил трансмог инженера.

— Инженеры не пользуются инструментами. Ими пользуются рабочие, а не инженеры.

— Не раздражайте меня, — заявил Никодимус. — Довольно мне взглянуть на инструмент и взять его в руки, и мне сразу же все понятно.

— Ну не могу я смотреть на эту чепуху! — воскликнул Хортон. — Я лучше уйду. Плотояд, ты упоминал о развалинах какого-то города. Пойдем-ка осмотрим их.

Плотояд разволновался.

— А если ему потребуется помощь? Может быть, кто-то должен подавать ему инструменты. Или понадобится моральная поддержка...

— Понадобится не просто моральная поддержка, — заявил робот. — Понадобится удача большими дозами, и озарение свыше тоже не повредит. Ступайте, осматривайте свой город.

Глава 11

Даже при самом пылом воображении назвать это городом было нельзя. Дюжины две зданий, и ни одного большого. Продолговатые каменные постройки имели барачный вид. Располагались они примерно в полумиле от домика, украшенного черепом Шекспира, на невысоком взгорке над стоячим прудом. Меж постройками росли густые кусты, а кое-где и деревья. Отдельные деревья утнездились так близко к стенам, что сдвинули или развалили кладку. По большей части постройки совсем утонули в зарослях, и все же там и сям змеились тропинки.

— Шекспир прорубил тропинки, — пояснил Плотояд. — Он постигал и исследовал, а кое-что приносил домой. Немного и иногда. Когда что-то захватывало его внимание. Он говорил, не подобает тревожить мертвых.

— Мертвых?

— Видимо, я выражаюсь чрезмерно и неестественно. Правильнее сказать, ушедших, тех, что удалились. Хотя это тоже звучит неправильно. Можно ли потревожить тех, что удалились?

— Постройки все одинаковые, — отметил Хортон. — Мне они напоминают бараки.

— Бараки — слово, какого я не постигаю.

— Дома, где ютилось много людей.

— Ютилось? Это значит — они тут жили?

2455•4784

— Верно. Когда-то здесь жили какие-то люди. Торговая фактория, скорее всего. Бараки и склады.

— Здесь не с кем торговать.

— Ну хорошо, пусть это были следопыты, охотники, рудокопы. Тут есть изумруды, которые нашел Никодимус. Планета может быть богата залежами драгоценных камней или золотиносным песком. Или пушными зверями...

— Никаких пушных зверей, — уверенно заявил Плотода. — Только мясные звери. Горстка слабосильных хищников. Ничего способного внушить страх.

Несмотря на белизну камня, использованного для кладки, постройки производили убогое впечатление, словно строились просто лачуги. Не приходилось сомневаться, что в свое время здесь расчищали поляну, — лес пробирался на бывшую поляну, теснил ее, и все-таки поодаль деревья стояли более плотной стеной. А постройки, пусть убогие, возведены были основательно, прочно.

— Их строили на века, — заметил Хортон. — Это не было временное поселение, или, по меньшей мере, его не считали временным. Странно, что домик, где поселились вы с Шекспиром, поставлен отдельно от остальных. Можно, по-моему, допустить, что он служил сторожевой будкой, чтобы не спускать глаз с туннеля. А эти бараки — вы их обследовали?

— Только не я, — заявил Плотода. — Они меня отвращают. В них что-то противное. Небезопасное. Войти туда как угодить в ловушку. Я бы не поборол опасения, что ловушка замкнется за мной и я никогда не выйду наружу. А Шекспир любопытствовал и лазил, к моему беспокойству. Выносил всякие маленькие штучки и восторгался. Хотя, я говорил уже, трогал он очень мало. Повторял, что надлежит оставить для других, которые разбираются.

— Для археологов?

— Таково слово, что я искал. Оно неудобное для языка. Шекспир говорил, постыдно портить до археологов. Они познают многое разное там, где мы не познаем ничего.

— Но ты же упоминал...

— Маленькие штучки исключительно. Легкие на подъем и, возможно, ценные. Он говорил, негоже отворачиваться, когда состояние плывет в руки.

— А думал Шекспир о том, что здесь было раньше?

— У него были об этом частые мысли. Главным образом он спрашивал после тяжких раздумий, не было ли устроено здесь место для злоумышленников.

— Исправительная колония?

— Чтоб он применял такие слова, мне не припоминается. Однако он предполагал место, где держат тех, кого в других местах не хотят. Он думал гадательно, не работал ли этот туннель всегда в одну сторону. Никогда в обе стороны, но только в одну. Чтобы кого послали сюда, тот не мог вернуться.

— А что, предположение имеет смысл, — сказал Хортон. — Хотя это и не обязательно. Если туннель забросили в далеком прошлом, он был долгое время без надзора и постепенно сломался. Ты говорил, что, войдя в туннель, ты не знал, куда попадешь, и что двое вошедших подряд могут очутиться в разных пунктах, — но так не должно быть. Создавать транспортную сеть, действующую без определенной системы, нецелесообразно. При подобных условиях непохоже, что нашлось бы много желающих пользоваться туннелями. Чего я никак не возьму в толк, так это одного: вам-то с Шекспиром зачем вздумалось лезть в туннель?

— Туннели привлекают тех и только тех, — жизнерадостно заявил Плотояд, — кому на все наплевать. Тех, кто лишен выбора и согласен попасть в места, куда никто бы в здравом уме не сунулся. Однако все туннели без исключения ведут на планеты, где можно жить. Где есть воздух дышать. Где не слишком жарко и не слишком холодно. Ни одной такой, где сразу умрешь. Но много планет никчемных. Много планет, где нет никого, а то и никогда не было.

— У тех, кто создавал туннели, наверное, были причины проложить их на много планет, в том числе и на те, которые ты называешь никчемными. Интересно бы выяснить, что это за причины.

— Ответа нет ни у кого, — заявил Плотояд, — только у тех, кто придумал туннели. Они ушли. Они теперь где-то или нигде. Никому неизвестно, кто они были и где их искать.

— Но ведь некоторые миры, куда ведут туннели, населены? Населены людьми, я имею в виду...

— Это воистину так, если есть склонность смотреть на людей широко и не слишком волноваться от их вида.

На многих туннельных планетах того и гляди беда. На самой последней, где мне выпало быть перед этой, беда пришла очень скоро, и весьма большая.

Они неспешно шли по тропинкам, выющимся меж строениями. И зашли в тупик, тропинка уткнулась в непролазно густой чащобник. Впрочем, нет: она доводила до двери в одно из зданий.

— Войду, — решил Хортон и добавил, обращаясь к Плотояду: — Если не хочешь со мной, подожди снаружи.

— Подожду непременно, — ответил тот. — Когда я внутри, у меня ползает по спине и прыгает в животе.

В здании была темень. А еще сырость, затхлость и озноб, пробирающий до костей. Хортон напрягся, ощутив потребность бежать, вынырнуть вновь на солнечный свет. Все вокруг было чужеродным — это не определялось точно, но чувствовалось. Словно он попал куда-то, куда не имел права попадать, вторгся во что-то, чему следовало оставаться во мраке на веки вечные.

Поставив ноги как можно тверже, он усилием воли заставил себя остаться, хоть по спине все отчетливее бежали мурашки. Глаза мало-помалу привыкли к темноте, из нее проступили контуры предметов. У стены справа высилось деревянное сооружение, которое не могло быть ничем иным, кроме шкафа. Сооружение обветшало от времени — Хортон не сомневался, что толкни и обрушится. Дверцы держались на запоре с помощью каких-то деревянных кнопок. Подле шкафа стояла скамья на четырех подпорках, тоже деревянная, с большими трещинами по верху. На скамье виднелось нечто вроде глиняного горшка с треугольным сколом на горловине, возможно, кувшин для воды. С другого бока на скамью был поставлен сосуд наподобие вазы, и это уж точно была не глина. Материал был похож на стекло, хотя лежащая повсюду мелкая пыль не давала судить об этом с уверенностью. Неподалеку от скамьи торчал еще один предмет, по всем признакам, стул. Четыре ножки, сиденье, наклонная спинка. На спинке висел кусок ткани, формой напоминающий шляпу. А на полу перед стулом лежало, по всей вероятности, блюдо — овал керамической белизны — и на нем кость.

Некое существо, сказал себе Хортон, сидело на этом стуле с блюдом на коленях — сколько же лет прошло? — сидело и ело мясо, быть может, обладывало

кость, держа ее в руках или в конечностях, заменяющих руки, и под боком у существа был кувшин с водой, а может, даже с вином. Покончив с костью или съев столько, сколько ему хотелось, существо опустило блюдо на пол и — почему бы нет? — откинулось на спинку стула и удовлетворенно похлопало себя по набитому брюху. Потом оставило блюдо с костью на полу и ушло, но почему-то не вернулось. И никто не вернулся, а блюдо осталось.

Хортон застыл в полумраке, заворуженно глядя на скамью, стул и блюдо. Чувство чужеродности частично улетучилось: ему открылся кусочек прошлого существ, которым, каков бы ни был их облик, были присущи какие-то элементы человечности, не исключено, общие для всей Вселенной. Может, существо решило устроить себе легкий ужин на сон грядущий — но что случилось после этого легкого ужина?

Стул, чтобы сидеть на нем, скамья, на которую можно поставить кувшин, блюдо, на котором держали мясо, — а ваза? Что можно сказать о вазе? Круглая колба с длинным горлышком и широким устойчивым дном. Пожалуй, скорее бутылка, чем ваза, решил Хортон.

Сделав шаг вперед, он потянулся за вазой, но нечаянно задел шляпу, висящую на спинке стула, — если это была шляпа. При первом же прикосновении она распалась. В воздухе поплыло невесомое облачко пыли.

Нашупав вазу-бутылку, Хортон поднял ее и заметил, что на круглой колбе вырезаны какие-то картинки и символы. Крепко взял вазу за горлышко, поднес ее поближе к лицу и стал вглядываться в отделку. Первым в глаза бросилось диковинное существо: оно стояло внутри какой-то загородки с островерхой крышей, увенчанной шариком. Ни дать ни взять, подумал он, как если бы существо забралось в жестяную кухонную коробку, например для чая. А само существо — можно ли считать его гуманоидным или это просто животное, поднявшееся на спичкообразные задние лапы? У него была только одна передняя конечность и тяжелый хвост, задранный вверх под углом к прямостоящему телу. Вместо головы был гладкий пузырь, от которого отходили шесть совершенно прямых линий — три налево, две направо и одна вертикально вверх.

Поворачивая бутылку (или все-таки вазу?) туда-сюда, он разглядел и второстепенные подробности гравировки. Одна под другой шли две горизонтальные черты, связанные друг с другом частоколом вертикальных черточек. Если это здания, тогда вертикальные черточки, быть может, обозначают столбы, подпирающие крышу? Вокруг виднелось множество закорючек и наклонных овалов, а также короткие ряды меток неправильной формы, — возможно, слова на неизвестном языке. А что может означать башня, на верхушке которой расположены три фигуры, смахивающие на лисиц из древних земных легенд?

Снаружи, с тропинки, раздался зычный зов Плотояда:

— Хортон, у тебя все в порядке?

— В полном порядке, — откликнулся Хортон.

— Я терзаюсь за тебя. Пожалуйста, выходи. Пока ты остаешься там, я снедаем беспокойством.

— Ладно, — сказал Хортон, — выхожу, не беспокойся.

Бутылку он не бросил и вышел наружу, держа ее в руках.

— Ты нашел образчик для интереса, — отметил Плотояд, поглядывая на трофей с опаской.

— Да, погляди-ка. — Хортон поднял бутылку и медленно повернул ее, показывая со всех сторон. — Здесь изображена какая-то форма жизни, хотя трудно сказать определенно, что это такое.

— Шекспир находил похожие. Тоже с разными пометами, но не точно такими же. Он тоже мыслил с недоумением и долго, что это есть.

— Может, это изображение людей, которые жили здесь.

— Шекспир говорил так же, однако уточнил суждение, что это лишь мифы о людях, которые здесь были. Пояснил он мне, что мифы означают расовые воспоминания, события, какие память нередко ошибочно полагает случившимися в прошлом. — Тут Плотояд беспокойно пошевелился, добавив: — Пошли бы мы назад. Мой живот рычит и требует насыщения.

— Мой тоже, — признался Хортон.

— Имею мясо. Убитое только вчера. Составишь ты мне компанию съесть его?

— С удовольствием, — отозвался Хортон. — У меня есть припасы, но не столь замечательные, как мясо.

— Мясо еще не очень тухлое, — объявил Плотожд. — Завтра пойду убивать опять. Люблю мясо свежим. Потребляю тухлое только по крайней нужде. Полагаю, ты подвергаешь мясо воздействию огня, в точности как Шекспир.

— Да, я люблю мясо приготовленным.

— Сухой древесины в достатке, дабы развести огонь. Сложена возле дома, только поджечь. Топка перед домом. Ты ее, полагаю, видел.

— Да, конечно, я видел на дворе место для костра.

— А тот другой? Он тоже потребляет мясо?

— Он вообще не ест.

— Непостижимо, — объявил Плотожд. — Каким же образом держит он свою силу?

— У него есть так называемая батарея. Она снабжает его пищей иного рода.

— Думаешь, твой Никодимус не исправил туннель моментально? Там, около, ты как будто предполагал так.

— Думаю, что починка может занять определенное время, — сказал Хортон. — У Никодимуса не было представления, как устроен туннель, и никто из нас не в состоянии ему помочь.

Они шли обратно по извилистой тропинке, когда Хортон спросил:

— Откуда так несет? словно рядом дохлятина, если не хуже...

— Это пруд, — пояснил Плотожд. — Ты должен был заметить его.

— Да, заметил по дороге сюда.

— Запах совершенно невыносимый, — объявил Плотожд. — Шекспир именовал это место «Вонючий Пруд».

Глава 12

Хортон сидел на корточках у огня, надзирая за куском мяса, шипящим на углях. Плотояд, расположившись по другую сторону костра, вгрызался в ломоть, зажатый в щупальцах. Рыло его было испачкано кровью, она ручейками сбегала по шее.

— Ты не возражаешь? — справился Плотояд. — Мой живот страдал чрезвычайно, требуя пропитания.

— Нисколько не возражаю, — отозвался Хортон. — Мой собственный живот получит пропитание через минуту.

Предвечернее солнце пригревало спину. Жар костра бил в лицо, и Хортон ощутил позабытую радость и комфорт походного лагеря. Костер горел прямо перед фасадом белоснежного домика, со стены весело скалился череп Шекспира. В тишине отчетливо слышалось, как бормочет ручей, бегущий от родника.

— Когда справимся с едой, — объявил Плотояд, — я покажу тебе вещи Шекспира. Я их упаковал бережно. Ты заинтересован их посмотреть?

— Конечно, — ответил Хортон.

— Во многих отношениях, — продолжал Плотояд, — Шекспир был назойливый малый, хоть мне он нравился очень. Никогда не уверен, нравился я Шекспиру или нет, хоть полагаю, что да. Мы жили в мире. Работали вместе ладно. Беседовали подолгу. Рассказывали друг другу о многом и разном. Однако я чувствовал

неустранимо — он потешается надо мной, хоть зачем ему потешаться, не постигаю. Полагаешь ли ты, Хортон, что я смешной?

— Ни в коем случае. Тебе, наверное, померещилось.

— Можешь ли ты сообщить мне, что значит «треклятый»? Шекспир постоянно говорил так, и я впал в привычку вслед за ним. Но никогда не постигал смысла. Вопросал его, а он не объяснял. Только смеялся надо мной, глубоко внутри себя.

— У этого слова нет какого-то особого смысла. Обычно нет. Его применяют для выразительности, не придавая этому значения. Просто присловье такое. К тому же в большинстве своем люди пользуются этим словом нечасто. Некоторые пользуются, но большинство воздерживается и вспоминает это слово только при эмоциональной нагрузке.

— Тогда оно ничего не значит? Всего лишь фигура речи?

— Совершенно верно.

— Когда я говорил о магии, он обозвал ее треклятой дурью. Выходит, он не имел в виду особенную разновидность дури?

— Нет, он имел в виду дурь вообще.

— Ты тоже полагаешь магию дурью?

— Я не готов к ответу. Честно говоря, никогда особенно об этом не задумывался. По-моему, если применять магию легкомысленно, она может стать дурью. А возможно, магия — это то, чего вообще никто не понимает. Ты что, веришь в магию? Или даже занимаешься магией?

— Мой народ разработал за много лет великую магию. Иногда она помогает, иногда нет. Я говорил Шекспиру: давай сложим наши две магии, может быть, вместе они откроют туннель. Тогда он и обозвал магию треклятой дурью. Сказал, нет у него никакой магии. Сказал, магии вовсе нет на свете.

— Подозреваю, — заявил Хортон, — что он выступил предубежденно. Нельзя порицать то, о чем ничего не знаешь.

— Да, — согласился Плотояд, — мой Шекспир вполне мог поступить так. Хотя я и полагаю, он мне лгал. Полагаю, у него была магия. Он имел вещь по имени «книга» и говорил — шекспирова книга. Книга могла беседовать с ним. Что это, как не магия?

— Мы называем это чтением, — пояснил Хортон.

— Он брал книгу, и она с ним беседовала. Потом он беседовал с ней. Наносил на нее мелкие метки специальной палочкой, которую имел с собой. Я спрашиваю, что он делает, а он только ворчит. Он всегда ворчал мне в ответ. Это значило оставить его в покое и не докучать.

— Ты сохранил его книгу?

— Я покажу тебе ее позже.

Бифштекс поспел, и Хортон принялся за еду.

— Вкусное мясо, — похвалил он. — Что за зверь?

— Не такой большой, — отвечал Плотояд. — Нетрудно убить. Не пробует сражаться. Убегает, и все. Однако лакомый. Много мясных зверей, а этот самый вкусный из всех.

По тропинке тяжело взобрался Никодимус, прижимая к себе ящик с инструментами.

— Опережаю ваши вопросы, — объявил робот. — Я его не починил.

— Однако дело продвинулось? — осведомился Плотояд.

— Не знаю, — честно ответил Никодимус. — Думаю, что догадываюсь теперь, как отключить силовое поле, хоть окончательно я ни в чем не уверен. По крайней мере стоит попробовать. Главным образом я пытался разобраться, что там за этим силовым полем. Я делал всевозможные зарисовки, вычертил несколько схем, чтоб получить хотя бы примерное представление, как эта штука устроена. Пожалуй, у меня появились кое-какие соображения, но все они ни к чему, если я не сумею отключить поле. И я, конечно, могу заблуждаться и вообще и в частности.

— Но ты не опустил руки?

— Нет, я продолжу свои попытки.

— Это хорошо, — объявил Плотояд и проглотил последний кусище истекающего кровью мяса. Потом добавил: — Спущусь к роднику умыться. Я неряшливый едок. Желаешь, я подожду тебя?

— Нет, — отказался Хортон. — Я умоюсь потом. Видишь, я же съел пока только полбифштекса.

— Вы да извините меня, пожалуйста, — произнес Плотояд, поднялся и вприпрыжку понесся по тропке вниз. Человек и робот остались сидеть, провожая его глазами.

— Как прошел день? — поинтересовался Никодимус.

Хортон пожал плечами:

— Отсюда чуть к востоку есть что-то вроде покинутой деревни. Каменные постройки, совсем заросшие кустарником. Судя по всему, там никто не живет уже много веков. Никакого намека ни на то, почему они были здесь, ни на то, почему ушли. Шекспир, по словам Плотояда, считал, что тут была исправительная колония. Если так, ловко придумано. Раз туннель не работает, не надо волноваться, что кто-нибудь сбежит.

— А Плотояд не знает, что это были за люди?

— Не знает. И, по-моему, ему наплевать. Он лишен подлинной любознательности. Все, что его интересует, это настоящий момент. Кроме того, он боится. Прошлое, по-видимому, пугает его. Мое предположение, что они были гуманоидами, но не обязательно людьми в нашем понимании. Я заходил внутрь одной из построек и нашел там что-то вроде бутылки. Сперва я подумал, что это ваза, но скорее все-таки бутылка.

Пошарив подле себя, Хортон нашел бутылку и вручил Никодимусу. Робот долго вертел ее в руках.

— Грубая работа, — изрек он. — Картинки способны дать лишь приблизительное представление о действительности. Трудно сказать, что они изображают. А эти значки похожи на письменность...

— Верно, — кивнул Хортон, — и все-таки у них зародилось понятие об искусстве. Что можно расценивать как отличительный признак культуры на подъеме.

— Все равно, — заявил Никодимус, — с изощренной технологией туннелей этот уровень несопоставим.

— Я не собирался утверждать, что они те самые, кто построил туннели.

— А Плотояд больше не заикался о том, что присоединится к нам, когда мы будем улетать?

— Нет. Очевидно, он уверен, что ты сумеешь починить туннель.

— Лучше ему, пожалуй, этого не говорить, но вряд ли. В жизни не видел такой путаницы на контрольной панели.

На тропинке показался Плотояд, возвращающийся вперевалку.

— Теперь я чистый, — возвестил он. — Вижу, что ты закончил еду. Понравилось мясо?

— Мясо восхитительное, — сказал Хортон.

— Завтра будет свежее мясо.

— Пока ты будешь охотиться, мы закопаем то, что осталось, — сказал Хортон.

— Нет нужды закапывать. Сбросьте в пруд. Только зажмите плотнее нос, когда пойдете сбрасывать.

— Ты всегда так поступаешь?

— Точно, — подтвердил Плотояд. — Легкий способ разделаться. В пруду есть пожиратель обьедков. Может быть, он счастлив, когда я прихожу и бросаю.

— Ты видел этого пожирающего?

— Нет, однако мясо исчезает. Мясо обычно плавает. А если бросить в пруд, не плавает никогда. Значит, его пожрали.

— А может, потому пруд и воняет? От твоего мяса?

— Не так, — возразил Плотояд. — Вонь всегда одинаковая. Даже перед тем, как бросаешь мясо. Шекспир был здесь до меня и мяса вовсе не кидал. Однако пруд, говорил он, воняет с тех пор, как он прибыл впервые.

— У стоячей воды может быть запашок, — сказал Хортон, — но чтоб такой скверный...

— А что если это не совсем вода? — заявил Плотояд. — Она гуще воды. Течет, как вода, выглядит как вода, но не такая жидкая, как вода. Шекспир обозвал ее супом.

Длинные тени от стены деревьев на западе подползли к костру, потянулись дальше. Плотояд нахохлился, глянул на солнце прищурясь.

— Божий час близится, — объявил он. — Пошли бы мы вовнутрь. Под крепкой каменной крышей его можно стерпеть. Не то что на открытом месте. Все равно чувствуется, но камень не пропускает худшего.

Убранство домика Шекспира было незатейливым. Пол выстилали каменные плиты. Потолок отсутствовал, единственная комната простиралась вверх до крыши. В центре комнаты стоял большой каменный стол, а по стенам на уровне колен шел каменный уступ. Плотояд счел необходимым пояснить:

— Для сидения и для сна. А также чтобы класть вещи.

В дальней части комнаты уступ был заставлен кувшинами и вазами, диковинками, напоминающими статуэтки, и другими безделушками, для которых при первом знакомстве не находилось названия.

— Из города, — пояснил Плотояд. — Предметы, выбранные Шекспиром в городе. Примечательные, возможно, но ценности мало.

На краю стола торчала оплывшая свеча, припаянная к камню своими собственными слезами.

— Дает свет, — пояснил Плотояд, — Шекспир смастерил ее из жира убитого мной мяса, дабы заниматься с книгой. Иногда она беседует с ним, иногда он берет магическую палочку и беседует с ней.

— Ты говорил, — напомнил Хортон, — что я могу на нее взглянуть.

— Не подлежит сомнению, — откликнулся Плотояд, — Может быть, ты объяснишь ее мне. Расскажешь, что она и зачем. Я просил Шекспира многократно, однако объяснения, какие он избирал, не говорили мне ничего. Я сидел и погибал от жажды понять, а он не снисходил никогда. Скажи мне, пожалуйста, хоть одно. Почему ему был надобен свет беседовать с книгой?

— Это называется «читать», — сказал Хортон. — Книга беседует с помощью нанесенных на ней значков. Свет нужен, чтобы разглядеть эти значки. Чтобы книга заговорила, значки должны быть четко видны.

— Странные странности, — заявил Плотояд, недоверчиво качая головой. — Вы, люди, странное племя. Шекспир странный. Всегда смеялся надо мной. Не снаружи смеялся, а внутри. Мне он нравился, но смеялся. Насмехался с целью показать, что он лучше меня. Смеялся по секрету, однако давал мне знать, что смеется.

Шагнув в угол, он подобрал мешок, выделанный из звериной шкуры. Зажал в щупальцах и встряхнул — в мешке что-то зашуршало и сухо скрипнуло.

— Его кости! — выкрикнул Плотояд. — Ныне он смеется лишь своими костями. Даже кости смеются. Прислушайтесь и услышите их смех. — Он потрянул мешок сильно, со злобой. — Слышите смех? Слышите?..

Ударил божий час.

Это было по-прежнему чудовишно. Невзирая на толстые каменные стены и крышу, сила воздействия почти не уменьшилась. Хортон ощутил, что его вновь распластали и раздели донага для изучения, — нет, на сей раз не столько для изучения, сколько для поглощения, и, хоть он барахтался что было мочи, пытаясь остаться самим собой, он был побежден и слился с тем, что навалилось на него. Он чувствовал, как растворяется в неодолимой сущности, становится ее частью, и, когда осознал, что противиться невозможно, постарался переступить через унижение — еще бы не унижение, если тебя против воли делают частью чего-то неведомого, — и провести собственное расследование, понять

наконец, чьей же частью он стал. И на миг ему почудилось, что это удалось: на один быстротечный миг поглотившая его сущность, частью которой он стал, казалось, растянулась бесконечно и вобрала в себя всю Вселенную, все бывшее когда-либо в прошлом и имеющее быть в будущем, демонстрируя ему последовательность, демонстрируя логику и отсутствие логики, намерение, причину и цель. И в тот же миг его человеческий разум восстал против соучастия в таком познании, пораженный и даже оскорбленный тем, что подобное мыслимо, что можно не только показать всю Вселенную, но и познать ее. Разум и тело съезжились и поникли, предпочитая не познавать.

Как долго это длилось, Хортон определить бы не смог. Он безвольно висел в тисках неведомого, а оно, очевидно, поглотило не только его, но и самое чувство времени, словно умело управлять временем на свой манер и ради собственной выгоды. Мимолетно подумалось, что, если уж сущность умеет манипулировать временем, устоять против нее не сможет никто и ничто: ведь время — самый неуловимый фактор во всем мироздании.

Рано или поздно все кончилось, и Хортон, к собственному изумлению, обнаружил, что скрючился на полу, прикрыв голову руками. Пришлось Никодимусу поднимать его, ставить на ноги, выпрямлять. Осерчав на свою беспомощность, он оттолкнул робота и, добравшись с грехом пополам до каменного стола, отчаянно вцепился в столешницу.

— Вам опять было плохо, — участливо заметил Никодимус.

Хортон потряс головой, пытаясь прояснить мысли.

— Плохо, — признался он. — Так же плохо, как и раньше. А тебе?

— Тоже как раньше, — заявил Никодимус. — Скользящий психический удар, и все. Можно сделать вывод, что это воздействует резче на биологический мозг.

Как сквозь туман Хортон различил реплику Плотояда.

— Что-то там наверху, — провозгласил тот, — сильно не интересуется нами.

Глава 13

Хортон раскрыл книгу на титульной странице. Самодельная свеча чадила у его локтя, отбрасывая неверный мерцающий свет. Пришлось склониться над самой страницей. Шрифт был незнакомым, а слова какими-то не такими.

— Что там? — осведомился Никодимус.

— Как будто Шекспир, — ответил Хортон. — Чего еще можно было ожидать? Но правописание иное. Странные сокращения. И некоторые буквы выглядят иначе. Вот погляди для примера. «Полное собрание сочинений Уильяма Шекспира». Могу прочесть эти слова только так. Ты согласен со мной?

— Дата публикации не обозначена, — подметил Никодимус, заглядывая Хортону через плечо.

— Позже нашего времени, по всей вероятности, — ответил Хортон. — Язык и правописание с годами меняются. Дат нет, но напечатано в Ло... Ты можешь разобрать это слово?

Никодимус склонил голову ниже.

— В Лондоне. Нет, не в Лондоне. Где-то еще. Никогда не слышал про такое место. Возможно, вовсе не на Земле.

— По крайней мере, мы знаем, что это Шекспир, — сказал Хортон. — Вот откуда и кличка. Он присвоил ее себе в шутку.

Плотояд проворчал с другой стороны стола:

— Шекспир был весь полон шуток...

Хортон перевернул страницу. Следующая, изначально пустая, была густо заполнена карандашными строчками. Он сгорбился над книгой, разгадывая их смысл. Сразу бросилось в глаза, что писавший придерживался той же грамматики и словоупотребления, что и на титульной странице. Буква за буквой, слово за словом, Хортон разобрал первые несколько строк, переводя написанное как бы с иностранного языка:

Если вы читаете это, то вполне вероятно, что вам уже довелось столкнуться с несусветным чудищем, Плотоядом. В подобном случае умоляю вас не доверять злополучному сукину сыну ни на одно мгновение. Я знаю, что он таит намерение убить меня, но сперва я сыграю с ним последнюю шутку. Тому, кто знает, что так или иначе вот-вот умрет, последняя шутка дается легко. Ингибитор — тормозящий препарат, что был у меня с собой, почти кончился, и как только не останется ни грана, злокачественный процесс возобновится, и вновь начнет пожирать мой мозг. И покуда меня не обессилила последняя смертельная боль, я выносил убеждение, что гораздо легче умереть в челюстях слюнявого чудища, чем в слабости от нестерпимых страданий...

— Что он пишет? — спросил Никодимус.

— Никак не пойму, — ответил Хортон. — Трудно разобрать...

И оттолкнул книгу.

— Он беседовал с книгой, — решил напомнить Плотояд, — при помощи магической палочки. И никогда не сообщал мне, о чем беседует. Ты ведь тоже не скажешь мне, правда? — Хортон покачал головой. — Умелое вы племя, люди. Ты человек, в точности как он. Что один говорит значками от палочки, другой способен узнать.

— Но есть еще фактор времени, — высказался Хортон. — Прежде чем прибыть сюда, мы провели в пути без малого тысячу лет. А может, и много больше, чем тысячу. За тысячу лет или даже скорее значки, оставляемые пишущей палочкой, могут сильно измениться. Да и начертание значков в данном случае оставляет желать лучшего. У него дрожала рука.

— Ты попытаешься сызнова? Великое любопытство снедает узнать, что сообщил Шекспир, в особенности обо мне.

— Я продолжу свои попытки, — пообещал Хортон. И опять подвинул книгу к себе.

...от нестерпимых страданий. Он притворяется, что испытывает ко мне великую приязнь, и играет свою роль столь убедительно, что требуются значительные аналитические усилия, чтоб распознать его подлинные настроения. Раскусить его непросто, вначале надо понять, что он за существо, ознакомиться с его родословной и с мотивами поступков. Постепенно, очень медленно я осознавал и осознал, что он и впрямь является тем, чем кажется и чем хвалится, — не только убежденным мясоедом, но и хищником не в меньшей мере. Убийство для него не только образ жизни, но и влечение, и религия. Он не единственный в своем роде — вся его культура зиждется на искусстве убийства. По малым долям мне удалось, живя с ним совместно, развить в себе довольно пронизательности, чтобы воссоздать историю его жизни и воспитания. Если вы спросите его самого, он несомненно скажет вам гордо, что происходит из расы воинов. Но это не вся правда. Даже среди своего племени он существо особенное, с их точки зрения — сказочный герой или, по меньшей мере, вот-вот станет сказочным героем. Задача всей его жизни, насколько я понимаю (а я убежден, что понимаю правильно), — путешествовать с планеты на планету и на каждой бросить вызов самому опасному зверю из всех там имеющихся, одолеть его и убить. Почти как легендарные североамериканские индейцы прежней Земли, он ведет символический счет противникам, которых убил. Насколько я понимаю, он уже достиг результата, наивысшего в истории своей расы, и упоенно мечтает стать чемпионом всех времен, величайшим убийцей среди соплеменников. Что это ему даст, я не знаю точно, могу только догадываться, — возможно, бессмертие в расовой памяти, право быть увековеченным в племенном пантеоне...

— Ну что там? — спросил Плотояд.

— Что тебе?

— Книга теперь беседует с тобой. Ты водишь пальцем по строчкам.

— Ничего, — отболтался Хортон. — Ничего особенного. Преимущественно молитвы и заклинания...

— Однако так я и знал, — проскрежетал Плотожд. — Так я и знал! Он обозвал мою магию треклятой дурью, а сам предавался собственной магии. Он не упоминает меня? Ты уверен, он меня не упоминает?

— Пока что нет. Может быть, дальше...

Но на этой мерзкой планете он оказался в ловушке вместе со мной. Как и мне, ему никогда не попасть на другие планеты, где он мог бы выследить самые могущественные виды, сражаться с ними и к вящей славе своей расы уничтожить их. Вследствие чего я улавливаю, и отчетливо, что в умонастроении великого воина тихо зреет отчаяние, и не сомневаюсь — скоро, как только иссякнет всякая надежда на иные миры, он решит включить последней строкой в список своих побед и меня грешного, хотя, Бог свидетель, убить меня не такое уж достижение, ибо он безнадежно сильнее меня. Я старался как мог косвенно внушить ему, что я противник слабый и не стоящий усилий. Я полагал, что именно в моей слабости единственный мой шанс на выживание. Однако ныне я понял, что ошибался. Вижу, повседневно вижу, как им завладевают безумие и отчаяние. Если это продолжится, то знаю заведомо — однажды он меня убьет. Когда его безумие, как увеличительное стекло, обратит меня во врага, достойного его внимания, он на меня набросится. Какую это сулит ему выгоду, не стану и гадать. Вроде бы мало толку убивать, если его соплеменники не получают, не смогут получить о том известия. Но у меня создалось впечатление, не ведаю как и почему, что даже в нынешнем его положении, когда он затерян среди звезд, убийство станет известно и будет отпраздновано иными представителями его расы. Сие превосходит мое понимание, и я оставил попытки даже примерно понять, как это возможно.

Он сидит за столом напротив меня, покада я пишу, и оценивает меня, разумеется, прекрасно сознавая, что я никак не объект, достойный риту-

ального убийства, и тем не менее стараясь настроить себя на веру, что я являюсь таковым. Однажды он преуспеет, и наступит мой последний час. Но я его одолею. Я припас туза в рукаве. Он и понятия не имеет, что во мне уже притаилась смерть и мне осталось совсем недолго. Я созрею для смерти раньше, чем он подготовит себя к убийству. А поскольку он сентиментальный болван — все убийцы сентиментальные болваны, — я уговорю его на убийство как бы во исполнение священного обряда, по собственной моей просьбе, с разъяснением, что он единственный, кто способен выполнить сие в качестве последнего жеста сострадания. И таким образом я выиграю двояко: использую его, дабы сократить неизбежную мучительную агонию, и украду у него последний подвиг, поскольку убийство из милосердия ему не засчитается. Удар, нанесенный мне, останется вне списка его побед. Скорее уж я одержу победу над ним. И, когда он убьет меня из милосердия, я буду смеяться ему в лицо. Ибо это и только это — победа полная и окончательная. Для него убийство — для меня издевка. Таков между нами последний расчет.

Хортон оторвался от текста, поднял голову и долго сидел ошеломленный. Этот человек — безумец, сказал он себе. Это холодное, даже ледяное, концентрированное безумие, что куда хуже безумия буйного. Шекспир был не столько безумен рассудком, сколько безумен душой.

— Итак, — заметил Плотояд, — он наконец-то упомянул меня.

— Да, упомянул. Он заявил, что ты сентиментальный болван.

— Звучит не очень-то ласково.

— Это, — разъяснил Хортон, — выражение великой привязанности.

— Ты уверен в том? — спросил Плотояд.

— Совершенно уверен, — ответил Хортон.

— Стало быть, Шекспир и впрямь любил меня.

— Нимало не сомневаюсь, что впрямь любил, — ответил Хортон.

И, вновь обратившись к книге, перелистал ее. «Ричард III», «Комедия ошибок», «Укрощение строптивой»,

«Король Джон», «Двенадцатая ночь», «Отелло», «Король Лир», «Гамлет». Все они, все шекспировские пьесы одна за другой. И на полях, на полупустых страницах там, где пьесы подходили к концу, — неразборчивые каракули.

— Он беседовал с книгой то и дело, — вспоминал Плотояд. — Почти каждый вечер. А иногда в дождливую погоду и днем, если не выходил из дому...

«Все хорошо, что хорошо кончается», страница 1038, нацарапано на левом поле:

Пруд воняет сегодня скверно, как никогда. Это запах зла. Не просто плохой запах, но порочный и пагубный. Словно пруд живой и сочится злом. Словно в глубинах своих он прячет некую величайшую непристойность...

«Король Лир», страница 1143, на сей раз на правом поле:

Я нашел изумруды, высвобожденные выветриванием из породы, примерно в миле от родника. Лежали себе на земле и ждали, когда их подберут. Набил ими карманы. Не могу понять, зачем утрусил себя. Вот я и богат, только это здесь ни черта не значит...

«Макбет», страница 1207, нижнее поле:

В домах сокрыто нечто. Его еще предстоит обнаружить. Загадка, на которую следует найти ответ. Не ведаю, какова она, но ощущаю, что она есть...

«Перикл», страница 1381, на нижней половине листа, которая осталась незанятой, потому что пьеса завершилась:

Мы заблудились в безмерности Вселенной. Мы утратили родину, и нам теперь некуда податься или, что еще хуже, слишком много мест, куда мы могли бы податься. Мы затеряны не только в безднах нашей Галактики, но и в безднах наших рассудков не в меньшей мере. Покуда люди держались одной планеты, они знали, где они. Пусть для измерения расстояний у них была просто-напросто палка, а для предсказания погоды — лишь большой палец, смоченный собственной слюной. Но ныне, даже когда

мы воображаем, что знаем свое местонахождение, мы затеряны все равно: либо нам неведом путь обратно домой, либо во многих случаях у нас нет дома, куда стоило бы возвращаться.

Где бы ни был наш дом, нынешние люди, хотя бы интеллектуально, неисправимые странники. Даже если мы при случае склонны называть какую-то планету домом, даже если сохранилась горстка людей, которая вправе называть своим домом Землю, родины у нас теперь нет. Человечество расколото на частички, разбежавшиеся по звездам, и упорно продолжает разбегаться по звездам. Нас раздражает прошлое нашей расы, а многих раздражает и настоящее — мы оставили себе одно-единственное направление, в будущее, и оно уводит нас от родины еще дальше. Мы как раса — неизлечимые странники, мы не желаем быть привязанными ни к чему, а потому нам и не на что опереться, и настанет день, неизбежно настанет для каждого из нас, когда мы осознаем свое заблуждение: мы вовсе не свободны как ветер, мы скорее потеряны как раса, утратившая родину. И только когда мы вызываем память предков и пытаемся понять, где мы были раньше и почему, мы отдаем себе в полной мере отчет в масштабах нашей утраты.

Оставаясь на одной планете, и даже в одной солнечной системе, мы могли психологически почитать себя центром Вселенной. Ибо у нас были ценности, пусть ограниченные с нынешней точки зрения, но они по крайней мере создавали систему критериев, внутри которой мы жили и перемещались. Ныне эта система раздроблена, наши ценности столь много раз расщеплены новыми освоенными мирами (ибо каждый новый мир либо навязывал нам иные ценности, либо лишал нас каких-то прежних, за которые стоило бы держаться), и в результате у нас не осталось самой основы, чтобы строить и отстаивать свои суждения. У нас ныне просто нет масштаба, на который можно бы наложить наши потери и стремления. Даже бесконечность и вечность стали понятиями, толкуемыми в существенных своих чертах по-разному. Некогда мы использовали науку, дабы упорядочить место, где мы живем, придать ему определенный образ и смысл — ныне

мы в замешательстве, поскольку узнали так много (хотя всего лишь частичку истин, достойных узнавания), что уже не можем соотнести принятые человечеством научные постулаты с обзримой Вселенной. Вопросов у нас ныне больше, чем когда-либо прежде, и куда меньше шансов найти ответ. Мы, возможно, провинциальны, не найдется никого, кто посмел бы это отрицать. Однако многим, не только мне, должно было прийти в голову, что именно провинциализм давал нам комфорт и известное чувство безопасности. Любая жизнь начинается в окружении много более обширном, чем жизнь сама по себе, но на протяжении двух-трех миллионов лет любая жизнь ознакомится с окружением довольно, чтоб ужиться с ним. А вот мы, оставив Землю, презрев планету-мать ради дальних и более ярких звезд, расширили наше окружение до беспредельности, и нам уже не дано этих миллионов лет. Мы так спешили, что времени у нас не осталось совсем.

Запись оборвалась. Хортон захлопнул книгу и оттолкнул ее в сторону.

— Ну и что? — спросил Плотояд.

— А ничего, — ответил Хортон. — Сплошные заклипания. Я их в сущности не понимаю.

Глава 14

Хортон лежал у костра, завернувшись в спальный мешок. Никодимус шатался туда-сюда, подбрасывая дрова в огонь, и его черный металлический панцирь посверкивал в отблесках пламени красными и голубыми искорками. Вверху ярко сияли незнакомые звезды, а где-то у родника какая-то тварь горько жаловалась на жизнь.

Он устроился поудобнее, ощущая, как к нему подползает сон. Закрыв глаза, но не слишком крепко, и стал спокойно ждать минуты, когда сон подползет вплотную.

Картер Хортон, — раздался в мозгу зов Корабля.

Слушаю, — откликнулся Хортон.

Я ощущаю присутствие разума, — сообщил Корабль.

Плотояд? — осведомился Никодимус, присевший у огня.

Нет, не Плотояд. Мы узнали бы Плотояда, поскольку встречались с ним ранее. Его мыслительная система не являет собой ничего исключительного и не слишком разнится с нашей. Это присутствие разнится. Оно сильнее, пронизательнее, острее, оно очень отлично, но смазанно и неотчетливо. Словно этот разум старается укрыться и не привлекать к себе внимания.

Близко? — осведомился Хортон.

Близко. Рядом с местом, где находитесь вы.

Тут никого нет, — заверил Хортон. — Поселение покинуто. Мы никого не видели за целый день.

Если оно в укрытии, вы и не могли его видеть. Будьте настороже.

А может, это пруд? — предположил Хортон. — Может, кто-то живет в пруду? Плотояд предполагает, что живет. И пожирает мясо, которое он взял себе в привычку туда швырять.

Может быть, — согласился Корабль. — Кажется, Плотояд говорил, что в пруду не вода, а что-то больше похожее на суп. Вы не подходили близко к пруду?

Он воняет, — ответил Хортон. — К нему не пойдешь.

Мы не можем засечь этот разум прицельно, — продолжал Корабль, — знаем только, что он где-то в вашем районе. Не слишком далеко от вас. Возможно, в укрытии. Избегайте риска. Оружие у вас при себе?

Разумеется, при себе, — заверил Никодимус.

Это правильно, — одобрил Корабль. — Не теряйте бдительности.

Хорошо, — ответил Хортон. — Спокойной ночи, Корабль.

Минуточку, — произнес Корабль. — Еще один вопрос. Когда вы читали книгу, мы старались следовать за вами, но не сумели разобрать все до слова. Этот Шекспир — не древний граматург, а друг Плотояда, — что вы думаете о нем?

Человек, — ответил Хортон. — Вне всякого сомнения, человек. По крайней мере, череп у него человеческий и почерк неподдельно человеческий. Но в нем жило безумие. Возможно, вызванное злокачественной опухолью, по всей вероятности, раком мозга. Он пишет об ингибиторе, видимо, антираковом, о том, что препарат кончается и как только кончится, ему суждена смерть в страшных мучениях. Потому он обманом вынудил Плотояда пойти на убийство, потешаясь над дикарем при этом.

Потешаясь?

Он потешался над Плотоядом непрерывно. И давал тому понять, что потешается. Плотояд часто говорит об этом, так как был глубоко уязвлен и обида запала в память. Поначалу мне подумалось, что этот самый Шекспир был просто паршивец с комплексом неполноценности, желающий во что бы то ни стало,

не подвергая себя опасности, потешить свое гурное самолюбие. А можно ли придумать для этого лучший способ, чем втайне издеваться над другими, поддерживая в себе иллюзию мнимого превосходства над ними? Так я, повторяю, предполагал поначалу. Теперь я думаю, что этот Шекспир просто помешался. Он подозревал Плотояда, внушал себе, что тот намерен его убить. И в конце концов убедил себя, что Плотояд рано или поздно с ним расправится.

А сам Плотояд? Что вы думаете о нем?

Он нормален, — ответил Хортон. — Большого зла не причинит.

Никодимус, а ты что думаешь?

Согласен с Картером. Он не представляет собой угрозы для нас. Да, я собирался сообщить вам — мы нашли изумрудные копи.

Мы знаем, — заявил Корабль. — Открытие взято на заметку. Хотя подозреваем, что оно нам ни к чему. В настоящий момент нас не интересуют изумрудные копи. Впрочем, раз уж вы их обнаружили, на всякий случай прихватите с собой ведерко изумрудов. Нельзя ручаться, что где-нибудь, когда-нибудь они нам не пригодятся.

Будет выполнено, — заверил Никодимус.

А вот теперь, — смиростивился Корабль, — спокойной ночи, Картер Хортон. Никодимус, стой бдительно на вахте, пока он не проснется.

Я так и намерен сделать, — заверил Никодимус.

Спокойной ночи, Корабль, — беззвучно сказал Хортон.

Глава 15

Никодимус тряс Хортонa, пока тот не проснулся.

— К нам посетительница!..

Хортон подскочил и стал выбираться из мешка. Он долго тер замутненные сном глаза, не в силах поверить тому, что увидел. Буквально в двух шагах от него, подле костра, стояла женщина. На ней были желтые шорты, белые ботинки, достигающие середины голени. И больше ничего. На одной из грудей была вытатуирована темно-красная роза. Женщина казалась высокой и гибкой, как ива. Талию охватывал пояс, а с него свисало оружие странного вида. На плечо был наброшен рюкзачок.

— Пришла по тропинке, — сообщил Никодимус.

Солнце еще не взошло, но первые лучи рассвета уже озарили планету. Утро выдалось мягкое, сырое и нерешительное.

— Если вы пришли по тропинке, — сказал Хортон не слишком внятно, полупроснувшись, — значит, вы прибыли по туннелю?

Она восторженно захлопала в ладоши.

— Как замечательно! — воскликнула она. — Вы тоже говорите на старшем языке! Какое удовольствие встретить вас двоих! Я изучала ваш язык, но до самого этого дня мне ни разу не выпало случая им воспользоваться. Я всегда догадывалась, а теперь отдаю себе отчет, что произношение, какому нас учили, потускнело

с годами. Я удивилась, но и была довольна, когда робот заговорил на этом языке, однако я не могла и надеяться, что встречу других...

— Странно звучат ее речи, — подметил Никодимус. — Плотояд выражается таким же языком, а он перенял язык от Шекспира...

— От Шекспира? — переспросила женщина. — Шекспир был древний...

Никодимус, ткнув пальцем вверх, показал на череп.

— Познакомьтесь с Шекспиром, вернее, с тем, что от него осталось.

Женщина взглянула в указанном направлении и опять захлопала в ладоши.

— Какое очаровательное варварство!

— Вот именно, — буркнул Хортон.

Она была худощава почти до костлявости, но в худобе как бы просматривался оттенок аристократизма. Серебряные волосы были туго зачесаны назад и собраны небольшим узлом на затылке, что подчеркивало худобу еще более. Глаза были пронзительно голубые, а губы тонкие, блеклые и без следа улыбки. Даже когда она радостно хлопала в ладоши, улыбка не возникала. Хортон поневоле задумался: а способна ли она улыбаться вообще?

— Вы путешествуете в диковинной компании, — заявила она Хортону.

Хортон оглянулся. Из домика показался Плотояд, со сна помятый до смешного. Он потянулся, задирая руки высоко над головой, и зевнул, продемонстрировав свои клыки во всей красе.

— Сейчас приготовлю завтрак, — решил Никодимус. — Вы голодны, мадам?

— Умираю от голода, — ответила женщина.

— Мясо у нас есть, — вернул Плотояд, — хоть и не свежеебитое. Поспешаю приветствовать тебя в нашем лагере. Называй меня Плотояд.

— Но плотояд — это нечто неодушевленное, — возразила она. — Это классификация, а не имя собственное.

— Он плотояд и гордится этим, — заверил Хортон. — Так он себя и прозвал.

— Шекспир наименовал меня так, — сообщил Плотояд. — Раньше я имел иное имя, но оно ныне не играет роли.

— Меня зовут Элейн, — сказала она, — и я рада познакомиться с вами.

— А меня Хортон, — отозвался Хортон. — Картер Хортон. Можете звать меня Картер, или Хортон, или и так и эдак.

Он выкарабкался наконец из мешка и встал.

— Плотояд упомянул мясо, — сказала она. — Не мог же он иметь в виду живую плоть?

— Именно ее он и имел в виду, — сказал Хортон.

Плотояд стукнул себя в грудь.

— Мясо хорошо для всех, — заявил он. — Оно движет кровь и кости. И взбадривает мышцы.

Она слегка содрогнулась.

— У вас нет ничего, кроме мяса?

— Можно устроить что-нибудь еще, — сказал Хортон. — Из наших походных запасов. Только пища в основном обезвоженная и, боюсь, не слишком вкусная.

— Ну ее к черту, — сказала Элейн. — Поем с вами мяса. Это же чистый предрассудок, что я воздерживалась от него столько лет.

Никодимус, заходивший ненадолго в домик Шекспира, появился с ножом в одной руке и куском мяса в другой. Отрезал от куска толстый ломоть, вручил Плотояду. Тот не медля присел на корточки и принялся рвать мясо зубами. По рылу, как обычно, потекла кровь. Хортон не мог не отметить выражение ужаса, мелькнувшее на лице гостя.

— Наше мясо будет не сырое, а приготовленное, — заверил он. Подошел к штабелю дров для костра и, усевшись, приглашающе похлопал по соседнему полену. — Присоединяйтесь ко мне. А Никодимус будет кухарничать. Это займет определенное время. — И добавил повелительно, обращаясь к роботу: — Ты бы прожарил ее порцию хорошенько. Мне тоже пожарь, но с кровью.

— Тогда я начну с ее доли, — заявил Никодимус.

Поколебавшись, Элейн все же приблизилась к поленице и, устроившись рядом с Хортоном, сказала:

— Знаете, это самая странная ситуация, с какой я сталкивалась когда-либо. Человек и робот, разговаривающие на старшем языке. Плотоядный, также владеющий им, и человеческий череп, прибитый над порогом. Вы двое, наверное, с одной из отсталых планет...

— Нет, — ответил Хортон, — мы прямым с Земли.

— Быть того не может, — отозвалась она. — Никто не прибывает прямо с Земли. И сомневаюсь, чтобы даже там старший язык был сегодня еще в ходу.

— Но мы прилетели прямым. Вылетели давно, более чем...

— Никто не вылетал с Земли вот уже более тысячи лет, — перебила она. — Земля не оснащена для дальних путешествий. Послушайте, с какой скоростью вы летели?

— Почти со скоростью света. С несколькими короткими остановками.

— А вы лично? Вы, наверное, спали?

— Разумеется, спал.

— Если скорость была почти равна световой, — сказала она, — тогда точно сосчитать невозможно. Мне известно, что проводились расчеты, предварительные математические расчеты, но они в лучшем случае были черновыми и приблизительными. И практика полетов со скоростью света была не столь длительной, чтобы получить достоверные данные о растяжении времени. Межзвездных кораблей, движущихся со скоростью света или около того, было отправлено совсем немного, а вернулось назад еще меньше. И прежде чем они вернулись, были найдены другие, лучшие способы дальних странствий. А старушка Земля тем временем потерпела полный экономический крах да и ввязалась в войны, — нет, не в какую-нибудь всеобщую войну, а во множество подлых мелких войн, — и земная цивилизация постепенно разрушилась. Старушка по-прежнему на месте. Оставшееся население, возможно, мало-помалу вновь карабкается вверх. Никто толком не знает, и никому нет до этого дела, никто не хочет больше возвращаться на Землю. Вижу, что для вас все это — совершенная новость.

— Совершеннейшая, — подтвердил Хортон.

— Значит, вы отбыли на одном из первых световых кораблей.

— На одном из самых первых. В 2455 году. Или что-нибудь в этом роде. Может статься, в самом начале XXVI века. С полной точностью сказать не могу. Нас погрузили в холодный сон, а потом была задержка вылета.

— Вас оставили в резерве.

— Вероятно, у вас это теперь называется именно так.

— Мы не полностью уверены, — сказала она, — но предполагается, что мы живем ныне в 4784 году. По существу точности нет и здесь. История каким-то образом вся перепуталась. Я имею в виду историю человечества. Есть ведь много других историй, помимо земной. Была эпоха всеобщего смятения. Затем настала эпоха рассредоточения в пространстве. Когда появился относительно недорогой космический транспорт, никто, если он мог уехать, уже не хотел оставаться на Земле. Не требовалось больших аналитических способностей, чтобы догадаться, что ожидает Землю. Никому не хотелось оказаться в западне. Потом в течение многих, многих лет записи почти не велись. Те записи, что существуют, возможно, ошибочны, другие утрачены. Как вы теперь догадываетесь, человечество переживало кризис за кризисом. Не только на Земле, но и в космосе. Далеко не все колонии выжили. А были выжившие, но впоследствии по тем или иным причинам не сумевшие войти в контакт с другими колониями, и их тоже сочли потерянными. Некоторые потеряны до сих пор — потеряны или погибли. Люди устремились в космос во всех направлениях, в большинстве своем не имея определенных планов, просто надеясь, что рано или поздно сыщется планета, где они смогут обосноваться. Притом двигались они не только в пространстве, но и во времени, а временных факторов до конца не понимает никто. Мы, во всяком случае, не понимаем. При таких условиях легче легкого прибавить век-два или, напротив, утратить столетие-другое. Так что даже не просите меня, я не смогу точно сказать, какой ныне год. А история? С ней еще хуже. У нас нет истории, есть только легенды. Иные легенды, вероятно, историчны, но нам не дано судить, какая легенда исторична, а какая нет...

— И вы прибыли сюда по туннелю?

— Да. Я вхожу в команду, которая составляет карту туннелей.

Хортон глянул на Никодимуса — тот, наблюдая за мясом, присел у костра — и спросил:

— Ты что, ничего ей не сказал?

— Мне не выпало случая, — принялся оправдываться Никодимус. — Она не дала мне слова молвить.

Она была так возбуждена оттого, что я умею говорить, по ее выражению, на старшем языке...

— О чем он должен был мне сказать? — поинтересовалась Элейн.

— Туннель закрыт. Им нельзя пользоваться.

— Но он же доставил меня сюда!

— Он доставил вас сюда. Но не доставит вас обратно. Он вышел из строя. Работает, как улица с односторонним движением.

— Но это же невозможно! Там есть контрольная панель...

— Знаю я о контрольной панели, — заявил Никодимус. — Над ней и работаю. Пытаюсь починить.

— И как успехи?

— Не слишком, — признался Никодимус.

— Мы в западне, — вставил Плотожд, — если только треклятый туннель не починится...

— Возможно, я смогу в этом помочь, — сказала Элейн.

— Если сможете, — подхватил Плотожд, — заклинаю вас применить все свои способности. Таил я надежду, что, ежели туннель не починится, я смогу улететь на корабле с Хортоном и роботом, но обдумал сызнова, и мне уже так не хочется. Сон, про который мне объяснили, связанный с замораживанием, страшит меня. Не испытываю желания быть замороженным.

— Мы тоже об этом тревожились, — заверил Хортон. — Никодимус знает толк в замораживании. У него есть трансмог техника холодного сна. Но он знает толк лишь в замораживании людей. А у тебя могут быть отличия от людей, иные биохимические реакции. И у нас нет приборов, чтобы выяснить твою биохимию.

— Стало быть, это исключено, — заключил Плотожд. — Так что туннель обязан починиться.

Хортон посмотрел на Элейн и сказал:

— А вы не выглядите слишком обескураженной...

— О, я полагаю, что обескуражена в достаточной мере. Но не в обычаях моего народа сетовать на судьбу. Мы принимаем жизнь как она есть. И в хорошем и в плохом. Мы знаем заранее, что предстоит и то и другое.

Плотожд, покончив с едой, попытался, обтирая окровавленное рыло щупальцами.

— Иду охотиться, — объявил он. — Принесу домой свежее мясо.

— Подожди, пока мы поедим, — предложил Хортон, — и я пойду с тобой.

— Лучше нет, — отказался Плотояд. — Ты распугаешь мне дичь. — Он потопал прочь, затем обернулся. — Можешь сделать одно и только одно. Можешь выбросить старое мясо в пруд. Однако зажми хорошенько нос, когда будешь выбрасывать.

— Как-нибудь справлюсь, — заверил Хортон.

— Ну и превосходно, — отозвался Плотояд и бесшумно удалился на восток по тропинке, ведущей к заброшенному поселению.

— Как вы на него напорились? — спросила Элейн. — И кто он, собственно, такой?

— Он ждал нас, когда мы совершили посадку. Понятия не имеем, кто он и что он. Заявляет, что оказался здесь в западне вместе с Шекспиром.

— Шекспир, по крайней мере судя по черепу, был человеком.

— Да, но мы знаем о нем едва ли больше, чем о Плотояде. Хотя, может статься, узнаем больше. У него с собой был полный Шекспир, и он заполнил всю книгу своими каракулями, используя поля и незаполненные страницы. Любое местечко, где сохранилось хоть немного белой бумаги.

— И вы прочитали его каракули?

— Частично. Осталось еще много нечитанного.

— Мясо готово, — объявил Никодимус. — Однако у нас лишь одна тарелка и один набор столового серебра. Вы не возражаете, Картер, если я передам их в распоряжение леди?

— Вовсе нет, — сказал Хортон. — Управляюсь руками.

— Тогда условлено, — объявил Никодимус. — Отбываю к туннелю.

— Как только поем, — сказала Элейн, — приду поглядеть, как у тебя дела.

— Хотелось бы, — честно признался робот. — Пока что я не могу понять там ровным счетом ничего.

— Да ведь все очень просто! — воскликнула Элейн. — Там две панели, одна побольше, другая поменьше. Меньшая управляет защитным полем большей, контрольной панели.

— Нет там никаких двух панелей, — объявил Никодимус.

— Но они должны быть!

— Прекрасно, что должны, но там их нет. Там одна панель, закрытая силовым полем.

— И следовательно, — сообразила Элейн, — это не просто неполадка. Кто-то закрыл туннель сознательно.

— Мне это и самому пришло в голову, — сказал Хортон. — Закрытый мир. Но почему закрытый?

— Надеюсь, — заявил Никодимус, — нам не придется это выяснить на собственной шкуре.

И с этими словами подобрал свой ящичек с инструментами и отбыл.

— Но это же вкусно! — воскликнула Элейн, обтирая жир с губ. — Мой народ не потребляет мяса. Хотя мы знаем, что есть такие, кто потребляет, и презрительно считаем их варварами.

— Все мы тут варвары поневоле, — отрезал Хортон.

— Что вы такое говорили о холодном сне применительно к Плотояду?

— Плотояд ненавидит эту планету. Хочет любой ценой убраться отсюда. Вот почему он так страстно желает, чтобы туннель открылся. А если не откроется, он выразил желание отправиться с нами.

— С вами? Ах да, у вас же есть корабль. Или я неверно понял?

— Есть. Неподалеку отсюда, на плато.

— Где это?

— Всего-то несколько миль.

— Значит, вы намерены улететь отсюда. Могу я осведомиться куда?

— Будь я проклят, если знаю, — ответил Хортон. — Это по части Корабля. Корабль утверждает, что вернуться на Землю мы не можем. Кажется, мы отсутствовали слишком долго. Корабль боится, что если бы мы вернулись, то выглядели бы безнадежно устаревшими. Что земляне не захотели бы нас принять, мы бы их только раздражали. Да и из вашего рассказа следует, что возвращаться нам нет никакого резона.

— Корабль боится... — повторила Элейн. — Вы говорите о корабле так, словно это человек.

— В известном смысле так оно и есть.

— Но это же смешно! Могу понять, что с течением времени у вас развилось чувство привязанности к кораблю. Люди всегда одушевляли свои машины, оружие и приборы, однако...

— Черт побери, — перебил Хортон, — ничего вы не поняли. Корабль действительно личность. Вернее, три личности. Три человеческих разума...

Пальцами, заляпанными жиром, она ухватила его за руку.

— Повторите, что вы сказали. Повторите помедленнее.

— Три разума. От трех разных людей. Связанные с Кораблем воедино. Теоретически предполагалось...

Отпустив руку Хортон, она воскликнула:

— Значит, это правда! Это не легенда! Значит, такие корабли были на самом деле...

— Да, черт возьми! И даже не один, а несколько. Правда, не знаю, сколько именно.

— Я уже упоминала о легендах. О том, что невозможно различить, где легенда, а где история. О том, что нельзя быть уверенным ни в одном историческом факте. И это одна из легенд — корабли, которые были отчасти людьми, отчасти машинами.

— Тут нет ничего особенного, — заверил он. — То есть, конечно, это было удивительное достижение. Но вытекающее из наших технологических традиций. Сплавить механику и биологию — замысел на грани возможного. И в обстановке наших дней он был этически вполне приемлем.

— Легенда обернулась былью, — произнесла Элейн.

— Мне, признаться, забавно, что меня причисляют к легендам.

— Да не вас лично, а вашу одиссею в целом. Нам это представлялось недостоверным, знаете, из разряда рассказов, которым нельзя верить до конца.

— Вы говорили, что найдены лучшие способы дальних странствий.

— Да, найдены иные способы. Сверхсветовые корабли, основанные на новых принципах. Однако расскажите мне о себе. Вы, конечно, не были единственным живым членом экипажа. Никто не стал бы отправлять корабль с командой из одного человека.

— Были трое других, но они погибли. Несчастный случай, как мне сказали.

— Сказали? Вы ничего не знали об этом?

— Я же спал холодным сном, — напомнил Хортон.

— Значит, если мы не сумеем починить туннель, у вас на борту найдется свободное место?

— Для вас — да, — ответил Хортон. — И для Плотояда, наверное, тоже — в том случае, если придется решать, взять ли его с собой или бросить здесь. Но не могу не признаться, что рядом с ним мне как-то неспокойно. И еще его загадочная биохимия...

— Не знаю, как и быть, — сказала она. — Если не будет другого выхода, то лучше уж мне, пожалуй, улететь с вами, чем остаться здесь навсегда. Планета не кажется слишком обворожительной.

— У меня такое же чувство, — согласился Хортон.

— Однако улететь с вами — значит оставить мою работу. Вы, должно быть, недоумеваете, что мне понадобилось в туннеле.

— Просто не успел спросить. Вы упоминали, что составляете карту туннелей. В конце концов, это меня не касается.

Она рассмеялась:

— Тут нет ничего секретного. И ничего таинственного. Наша команда наносит туннели на карту, вернее, пытается наносить.

— Но Плотояд утверждает, что они действуют бессистемно.

— Это потому, что ему о них неизвестно ровным счетом ничего. Возможно, ими пользуются многие существа, лишенные знаний, и для таких туннели действуют бессистемно. Робот сказал, что там только одна панель?

— Верно сказал. Одна-единственная продолговатая коробка. Выглядит действительно как контрольная панель. С какой-то защитой поверху. Никодимус полагает, что панель защищена силовым полем.

— Обычно коробок две. Чтобы выбрать место назначения, вы прежде всего вводите в действие первую панель. Для этого нужно засунуть пальцы в три отверстия и нажать на три выключателя. Тогда ваше так называемое силовое поле исчезнет, и можно, дотронувшись до главной панели, выбрать кнопку маршрута. Снимете пальцы с первой панели, и защитное поле восстановится. Чтобы добраться до главной панели, надо обязательно вначале воспользоваться малой панелью. Потом, когда маршрут выбран, можно войти в туннель.

— Но как определить, куда попадешь? Там что, есть символы, подсказывающие, на какую кнопку нажать?

— В том-то и сложность. Никаких маршрутных символов нет, и вам неизвестно, куда вас занесет. Наверное, у строителей туннелей был какой-то способ определять место назначения. Была определенная система, позволяющая заказывать точный маршрут, но, если она и была, нам не удалось ее обнаружить.

— Выходит, вы нажимаете кнопки наобум?

— Идея заключалась в том, — разъяснила Элейн, — что, хоть туннелей много, а маршрутов в каждом из них еще больше, ни то ни другое число не может быть бесконечным. Если странствовать достаточно долго, очередной туннель непременно выведет на планету, где уже довелось бывать. А если при этом точно записывать, какая кнопка нажата перед тем, как войти в туннель, и если такие записи ведет достаточно число людей, и если оставлять копию записи на каждой панели перед тем, как отправиться дальше, с тем чтобы коллеги по команде увидели их, случись им последовать тем же путем... Я объясняю сбивчиво, но вам должно быть ясно, что рано или поздно, после многих проб и ошибок, вероятно, удастся установить соответствие маршрутов и кнопок.

Хортон не мог побороть скепсиса:

— Похоже на очень долгую затею. И случилось вам хоть раз попасть на планету, где вы уже были?

— Пока еще нет.

— И сколько вас всего? Я имею в виду — в составе команды?

— Точно не скажу. В нее все время добавляют новых и новых участников. Вербуют и добавляют. Это считается как бы патриотичным. Если, конечно, в ком-то из нас сохранился патриотизм. Убеждена, что слово означает отнюдь не то, что в прежние времена.

— Но как вы доставите собранные сведения на базу? Или в штаб, или куда там вы должны их доставить... Если, допустим, вам удастся выяснить что-то стоящее...

— Вы, видимо, не уловили. Некоторые из нас, а быть может, многие, не вернутся никогда — ни со сведениями, ни без них. Мы знали, когда брались за эту работу, чем рискуем.

— И вас это, кажется, вовсе не волнует.

— Нет, почему же, волнует. Меня, по крайней мере, волнует. Но работа важная. Разве непонятно, насколько

важная? Большая честь, что тебе разрешили включиться в поиск. Разрешают не каждому. Есть требования, которым надо соответствовать, чтобы получить разрешение...

— Например, уметь наплевать на то, вернешься ли домой.

— Вовсе не это, — сказала Элейн, — а чувство самодостаточности, развитое настолько, чтобы человек сохранил себя, куда бы его ни занесло, в какой бы ситуации он ни очутился. Чтобы для поддержания личности ему не нужен был непременно отчий дом. Чтобы ему хватало для этого самого себя. Чтобы он не зависел рабски от какой-то определенной обстановки или родственных уз. Вам понятно, о чем я?

— Кажется, начинаю улавливать.

— Если мы составим карту туннелей, если установим, как туннели связаны друг с другом, их можно будет использовать осмысленно. А не просто нырять в них вслепую, как ныне.

— Но Плотояд воспользовался туннелями. И Шекспир. Вы утверждаете, что надо выбрать место назначения, даже если не имеешь понятия о том, что именно выбираешь...

— Нет-нет, можно пользоваться туннелями совсем без выбора. Можно, за исключением туннеля на этой планете, просто войти и махнуть — куда получится. При таком использовании туннели действуют и впрямь бессистемно. Хотя мы предполагаем, что, если назначение не задано, бессистемность не случайна, а как бы запрограммирована. Пользуясь туннелями таким образом, три путника подряд, — а может, и сто подряд — никогда не придут в одно и то же место. Мы склонны думать, что это сделано специально, чтоб отвадить непосвященных.

— А сами строители туннелей?

Элейн покачала головой:

— Никому ничего не известно. Ни кто они были, ни откуда взялись, ни как эти туннели строились. Ни малейшего представления о принципах, лежащих в их основе. Кое-кто считает, что создатели туннелей до сих пор живут себе где-нибудь в Галактике и в той ее области используют свои туннели сами. А тут у нас лишь беспризорные участки туннельной сети, часть древней транспортной системы, которая больше не нуж-

на. Как заброшенная дорога, по которой не ездят, потому что она ведет куда-то, куда уже нет желающих попасть, куда давным-давно нет смысла стремиться.

— А нет сведений о том, что за существа были эти строители?

— Есть, но мало. Понятно, что у них были руки. Руки как минимум с тремя пальцами или конечности с какими-то иными манипуляторами, соответствующими по меньшей мере трем пальцам. Их должно быть не меньше трех, чтоб управляться с контрольной панелью.

— И все? Больше ничего не известно?

— То тут, то там, — сказала Элейн, — мне попадались изображения. Рисунки, резьба по дереву, гравировка. В старых зданиях, на стенах, на керамике. Изображения разных форм жизни, но один вид, отличный от других, присутствует повсеместно.

— Погодите-ка, — попросил Хортон. Поднялся с поленицы и, сбегав в домик Шекспира, принес бутылку, найденную накануне. Передал бутылку Элейн и спросил: — Вы не о таких существах?

Она медленно повертела бутылку в руках и наконец указала пальцем.

— Вот оно. — Палец уперся в существо, стоящее внутри кухонной банки. — Только здесь оно изображено плохо. И под непривычным углом. На других изображениях можно увидеть тело подробнее, различить больше деталей. Например, эти штуки, торчащие у него из головы...

— Мне они напоминают антенны, какие древние земляне ставили для приема телевизионных сигналов, — сказал Хортон. — А может статья, это что-то вроде короны...

— Это антенны, — заверила Элейн. — Я совершенно уверена, это биологические антенны. Возможно, своеобразные органы чувств. Голова похожа на пузырь. И на всех изображениях, какие я видела, были головы-пузыри. Ни глаз, ни ушей, ни рта, ни носа. Может, эти органы существу просто не нужны. Может, антенны были способны принимать все необходимые ему чувственные сигналы. Тогда и головы могли оставаться просто-напросто пузырями, подставками для антенн. И еще хвост. Здесь не разберешь, но хвост у него пушистый. А остальная часть тела — не только здесь, но и на всех изображениях, какие мне попадались, — представле-

на всегда без всяких подробностей, так сказать, тело вообще. Конечно, нельзя ручаться, что они выглядели именно так. Вся картинка может оказаться символической и не более того.

— Художественный уровень низкий, — дополнил Хортон. — Грубый и примитивный. Вас не посещала мысль, что те, кто мог придумать туннели, должны были бы создать и лучшие изображения самих себя?

— Я тоже задумывалась об этом, — ответила Элейн. — Но можно допустить, что картинки рисовали и не они. Может, у них самих понятие об искусстве просто отсутствовало? Может, картинки созданы иным народом, более отсталым в своем развитии? И к тому же этот народ мог не зарисовывать прямые впечатления, а иллюстрировать мифы. Разве исключено, что мифы о строителях туннелей живут в значительной части Галактики и являются общими для многих народов, для разных вариантов расовой памяти, пронесенной сквозь века?

Глава 16

Пруд испускал ужасающую вонь, но по мере того как Хортон приближался к нему, вонь вроде бы уменьшалась. Первое слабое ее дуновение было много тошнотворнее, чем ощущение на самом берегу. А может, предположил Хортон, запах хуже всего как раз тогда, когда он рассеивается и слабеет? Может, здесь, где вонь должна бы лежать сплошняком, ее дурнотность подавляется и маскируется другими, невонючими, компенсирующими запахами?

Теперь он заметил, что пруд куда обширнее, чем показалось на первый взгляд сверху, от развалин. Поверхность стелилась ровненько, без морщинки. Береговая линия была совершенно чиста — ни кустик, ни тростинка, ни какая-либо сорная травка на нее даже не посягали. Да и как посягнешь на сплошной гранит, который лишь кое-где прикрыт мелкими ручейками песка, снесенного с холмов дождями? Очевидно, пруд заполнил какую-то чашу, выемку в скальных обнажениях. И поверхность тоже была чиста под стать берегу. Не плавало на ней ни мусора, ни пены, каких можно бы ждать в стоячей воде. Похоже, что в глубине пруда не могла существовать никакая растительность, а возможно, и вообще ничто живое. Но, несмотря на чистоту, пруд не был прозрачным. Казалось, он таит в себе некую темную хмарь. Он выглядел не синим и не зеленым, а почти черным.

Хортон замер на скальном берегу, сжимая в руке остатки мяса. В самом пруду и в принявшей его чаше сквозила какая-то невнятная утрюмость, граничащая с меланхолией, если не с испутом. Гнетущее местечко, сказал себе Хортон, хоть и не лишенное своеобразного обаяния. Здесь бы съежиться и думать думы, мрачные, болезненно романтические. Художнику, вероятно, место показалось бы достойным того, чтобы запечатлеть на полотне не просто горное озеро в крутых берегах, а и навеваемое им ощущение одиночества, отрешенности, разлуки с реальностью.

Мы заблудились. Мы затеряны, — так начал Шекспир длинное рассуждение в конце «Перикла». Он писал в аллегорическом смысле, но здесь, едва ли в миле от домика, где он корпел над книгой при неровном свете самодельной свечи, обитала та самая затерянность, какую он хотел передать. Он вообще написал точно, этот странный человек из иного мира. Здесь, у пруда, Хортон почувствовал с полной ясностью: люди действительно заблудились, заблудились непоправимо. Корабль, Никодимус да и он сам, вне сомнения, затерялись в безбрежности невозвращения, но ведь из того, что рассказала Элейн у костра, явствовало, что остальное человечество затерялось не менее безнадежно. Не затерялись, быть может, только те, пусть их была горстка, кто все еще жил на Земле. Как бы ни обнищала нынешняя Земля, она по-прежнему оставалась их родным домом.

Впрочем, если задуматься хорошенько, можно допустить, что Элейн и другие разведчики туннелей затеряны несколько иначе, чем все остальные. Затеряны в том смысле, что понятия не имеют, куда их занесет, на какую планету, — и ничуть не затеряны, поскольку и не нуждаются в определении своего точного местонахождения, их самодостаточность развилась до такой степени, когда они не испытывают потребности ни в знакомой обстановке, ни в себе подобных. Эти странные люди переросли потребность иметь свой дом. Но тот ли это путь, спросил себя Хортон, стоит ли добиваться победы над чувством затерянности ценой утраты потребности в собственном доме?

Подступив к самому краю воды, он швырнул мясо далеко, как только мог. Оно упало со всплеском и тут же исчезло, словно пруд принял его в дар, обволок и забрал, всосав в глубину. От места всплеска пошли

концентрические крути, но берега не достигли. Рябь была подавлена. Она пробежала какое-то расстояние, а потом измельчала и прекратилась, и пруд вернулся к безмятежному покою, к черной своей разглаженности. Будто, мелькнула у Хортона мысль, пруд ценил безмятежность и не выносил длительного беспокойства.

Настала пора уходить. Он выполнил то, зачем пришел, и настала пора уходить. Однако он не ушел, а остался. Словно что-то шептало ему «Не уходи», словно по неведомой ему самому причине приличествовало потянуть время. Как самый решительный человек может засидеться у постели умирающего друга, тайно желая уйти, чувствуя себя неудобно в присутствии подступающей смерти — и все же не уходя из опаски, что уйти слишком рано значило бы предать старую дружбу.

Он выпрямился и осмотрелся. Слева нависал взгорок, где располагался заброшенный поселок. Однако с точки, где стоял Хортон, поселка было не разглядеть — дома прятались за деревьями. Прямо за прудом стелилась, по-видимому, болотная топь, а справа виднелся конический холм, или курган, которого он до сих пор не замечал: вероятно, с обрыва у края поселка курган отчетливо не просматривался.

Курган поднимался, по примерной оценке, футов на двести над поверхностью пруда. Симметричный конус, издали почти идеальный, сужающийся к острой вершине. Чем-то конус напоминал вулкан, хотя Хортон понимал заведомо, что вулканом тут и не пахнет. Гипотезу, что это вулканический холм, он отверг не задумываясь и все же не мог бы определить почему. Там и сям к конусу прицепились одинокие деревца, а больше на кургане не было ничего, кроме поросли, отдаленно схожей с травой. Глядя на это образование, Хортон лишь озадаченно морщил лоб: на планете, повторял он себе, просто не было видимых геологических факторов, способных объяснить феномены такого рода.

Вновь обратив внимание на пруд, он припомнил слова Плотояда: это не совсем вода, это больше похоже на суп, гуще и тяжелее, чем вода. Подошел к самой кромке, присел на корточки, осторожно коснулся поверхности пальцем. Она слегка сопротивлялась, словно сила поверхностного натяжения была выше обычной во много раз. Палец не погрузился в жидкость, а вдавился в нее, и то не сразу. Хортон нажал решительнее —

палец наконец одолел сопротивление. Погрузив следом всю ладонь, он вывернул ее лодочкой и медленно поднял. Теперь жидкость лежала в ладони, но даже не думала просачиваться сквозь неплотно сжатые пальцы, как просачивалась бы вода. Она оставалась вроде бы цельным куском. Бог ты мой, подумал Хортон, надо же — цельный кусок воды!

Хотя теперь-то он и сам понял, что это не вода. Странно, мелькнула мысль, что Шекспир не узнал о ней ничего, кроме того, что она похожа на суп. А может, и узнал. Записей в книге было не счесть, а он, Хортон, прочел пока лишь несколько абзацев. По словам Плотояда, Шекспир обозвал жидкость супом, однако она ничуть не напоминала суп. Она была гораздо теплее, чем можно было себе представить. И тяжелее, хоть это еще надо доказать — хорошо бы ее взвесить, но где взять весы? На ощупь она казалась скользкой. Как ртуть, хоть это, конечно же, была и не ртуть — в чем-в чем, а в этом можно было не сомневаться. Повернув ладонь, он позволил жидкости стечь — и ладонь оказалась сухой. Жидкость не была влажной!

Ну невероятно, сказал он себе. Жидкость теплее воды, тяжелее, с высоким коэффициентом сцепления, а главное — не влажная. Может, у Никодимуса найдется подходящий трансмог — да нет, черт с ним, с Никодимусом! У робота есть задание, а как только с заданием будет покончено, они уберутся отсюда, с этой планеты, в космос, к другим планетам, а скорее просто в пространство, где нет никаких планет. Тогда он будет себе спать холодным сном, и его не станут больше будить. Но и такая перспектива вроде бы не слишком испугала его, хоть по логике вещей и должна бы пугать.

Наконец-то — и, наверное, впервые — Хортон согласился признать то, что ощущал душой, по-видимому, с самой посадки. Планета была никчемной. Плотояд высказался на сей счет откровенно с первой минуты знакомства — хреновая планета. Не страшная, не опасная, не отталкивающая, просто не годная ни на что. И уж, разумеется, не такая, где хотелось бы поселиться и жить.

Он попытался обосновать свой вывод, но нет, для подобного вывода вроде бы не было явных, поддающихся перечислению причин. В основе вывода была интуиция, подсознательная психологическая реакция. Воз-

можно, вся беда сводилась к тому, что планета слишком походила на Землю — на неопрятную, халтурно вылепленную Землю. Он лично ждал от чужой планеты, что она будет чужой, а не бледной плохонькой копией Земли. Вероятно, любая другая планета была бы более приемлемой, потому что более чужой. Надо бы расспросить об этом Элейн — она-то уж должна знать. Не странно ли, подумал он, что, выйдя из туннеля, она сразу же направилась по тропинке. Не странно ли, что именно на этой планете пересеклись две человеческие жизни — и даже не две, а три, если не забывать Шекспира. Судьба покопалась в мешке с сюрпризами и наворожила им троим очутиться здесь на коротком отрезке времени — столь коротком, что они встретились или, применительно к Шекспиру, почти встретились и уж во всяком случае оказали влияние друг на друга. Элейн сейчас у туннеля с Никодимусом. Вскоре он присоединится к ним, но сперва, наверное, надо обследовать конический курган. Как обследовать, зачем, чего ожидать от такого обследования — ответить ни на один из вопросов он бы не смог. Но почему-то казалось важным поглядеть на курган поближе. Не потому ли, мелькнула догадка, что тот торчал паразитически не на месте?

Он поднялся с корточек и не спеша пошел по краю пруда, направляясь к кургану. Солнце поднялось уже довольно высоко по восточному небосводу, начало пригревать. Небо было бледно-голубым, без единого облачка. Еще подумалось: интересно, какая погода господствует на этой планете? Надо бы спросить Плотояда — тот прожил здесь достаточно долго, чтоб не затрудниться с ответом.

Обойдя пруд, Хортон добрался до подножия конуса. Склон оказался таким крутым, что пришлось опуститься на четвереньки и ползти, судорожно хватаясь за подобие травы, чтобы, не дай бог, не скатиться вниз. И все-таки на половине подъема пришлось притормозить: дыхание стало напряженным до свиста. Растянувшись на склоне во весь рост и вцепившись в почву, чтобы не соскользнуть, он вывернул голову и посмотрел на пруд с высоты. Отсюда пруд выглядел не черным, а синим: зеркальная черная гладь отражала голубизну неба. Хортон дышал так тяжело, что ему мерещилось — курган дышит вме-

сте с ним или, быть может, в толще кургана мерно бьется чье-то исполинское сердце.

Так и не отдышавшись, он снова стал на четвереньки и в конце концов вскарабкался на вершину. Ее венчала маленькая ровная площадка, откуда было легко убедиться, что курган в самом деле представляет собой правильный конус. По всей окружности склон вздымался под тем же самым углом, что и на стороне, какую Хортон выбрал для восхождения.

Он уселся на площадке скрестив ноги и, всмотревшись по-над прудом в противоположный берег, различил на гребне кладку заброшенного поселка. Впрочем, контуров отдельных построек было не разглядеть, как он ни старался: любой намек на прямые линии терялся в гуще зарослей. Чуть левее виднелся домик Шекспира. От кухонного костра к небу тянулась струйка дыма, но вокруг никого не было. Плотояд, вероятнее всего, еще не вернулся со своей охотничьей прогулки. Туннель из-за неровностей почвы не просматривался отсюда совсем.

Сидя и размышляя, он машинально потянул на себя пучок травяного покрытия. Несколько травинок выдернулось — на корнях налип ил. Ил, отметил Хортон про себя, вот это смешно! Откуда здесь взялся илу? Достав складной ножик, он щелкнул лезвием и, потыкав в грунт, вырыл неглубокую ямку. Ил, сплошной ил. Можно ли заподозрить, что курган целиком сложен из ила? Что в незапамятную эпоху древняя болотная топь вспучилась наподобие гигантского донного пузыря, топь высохла, а пузырь остался на веки вечные? Обтерев лезвие, он сложил ножик и засунул обратно в карман. Интересно бы, если б хватило времени, разобраться в геологическом строении этих мест. Но, по правде сказать, чего ради? На это потребуются недели, если не месяцы, а он вовсе не расположен застревать здесь на столь долгий срок.

Поднявшись на ноги, Хортон осторожненько спустился с кургана.

У туннеля он обнаружил Элейн вместе с Никодимусом. Она присела на камень и следила за тем, как робот трудится. В руках Никодимус держал зубило и молоток. Вокруг контрольной панели уже наметилась борозда.

— Наконец-то вы вернулись, — сказала Элейн, заметив Хортона. — Что вас так задержало?

— Обследовал кое-что.

— В городе? Никодимус рассказал мне про город.

— Нет, не в городе. Да это никакой и не город.

Никодимус повернулся к Хортону, не выпуская зубила и молотка, и пояснил:

— Хочу отделить панель от скалы. Если получится, попробую залезть в механизм и разобраться в нем с тыльной стороны.

— Все, чего ты добьешься, — сказал Хортон скептически, — это перервешь провода.

— Там нет проводов, — возразила Элейн. — И вообще ничего столь примитивного, как провода.

— А может, — продолжил Никодимус, — если я высвобожу панель, то сумею отковырять защитную крышку.

— Какую крышку? Ты же говорил — там силовое поле.

— Не знаю я, что там такое, — признался Никодимус.

— Делаю вывод, — сказал Хортон, — что второй коробки не оказалось. Той, которая управляет защитой.

— Не оказалось, — подтвердила Элейн, — и, значит, кто-то вмешивался в конструкцию. Кто-то не пожелал, чтобы эту планету можно было покинуть.

— По-вашему, планета закрыта?

— Видимо, так. Возможно, когда-то на других туннелях были какие-нибудь знаки, предупреждающие, что селектором, выводящим на эту планету, пользоваться не следует. Но знаки давно стерлись или они там есть, а мы не знаем, как их искать.

— Если бы вы и нашли их, — вставил рассудительный Никодимус, — то наверняка не сумели бы прочитать.

— Верно, — согласилась Элейн.

В этот момент на тропинке бесшумно возник Плотояд.

— Я прибыл со свежим мясом, — возвестил он. — Как вы тут управляетесь? Разрешили вы эту задачу?

— Нет, — бросил Никодимус и вернулся к работе.

— Долговато вы копошитесь, — заметил Плотояд.

Никодимус стремительно обернулся.

— Не висни у меня на шее! — вспыхнул он. — Ты меня понукаешь с тех самых пор, как я взялся за эту работу. Ты со своим дружкой Шекспиром слонялся тут годами, не делая ни черта, а теперь тебе хочется, чтобы

мы пустили систему в действие за какой-нибудь час или два...

— Но вы обеспечены инструментами, — захныкал Плотояд. — Обеспечены инструментами и обладаете навыками. Шекспир не располагал ни тем ни другим, я тем паче. Казалось бы, с инструментами и навыками...

— Слушай, Плотояд, — вмешался Хортон, — мы никогда не говорили тебе, что справимся. Никодимус пообещал, что попробует. Гарантий тебе никто не давал. Прекрати вести себя так, будто мы нарушаем данное тебе обещание. Никто не обещал тебе ничего.

— Возможно, лучше бы, — предложил Плотояд, — испробовать магию? Три магии, сложенные воедино. Мою магию, твою магию и, — он указал щупальцем на Элейн, — ее магию...

— Магия не поможет, — отрезал Никодимус. — Если эта самая магия вообще существует на свете.

— Магия существует, нельзя усомниться, — заявил Плотояд. — Сие не подлежит обсуждению. — И вдруг обратился за поддержкой к Элейн: — Разве ты не подтвердишь это?

— Я видела магию, — сказала она, — или то, что выдавали за магию. Иногда она как будто срабатывала. Конечно, не всякий раз.

— Чистая случайность, — изрек Никодимус.

— Нечто большее, чем случайность, — возразила Элейн.

— Послушайте, — вмешался Хортон, — почему бы нам не убраться отсюда и не дать Никодимусу возможность делать, что он считает нужным? Если, — добавил он, обращаясь к роботу, — ты не считаешь, что тебе понадобится помощь...

— Помощь мне не понадобится, — заявил Никодимус.

— Давайте пойдем осмотрим город, — предложила Элейн. — Умираю от желания осмотреть город...

— Только сперва заглянем в наш лагерь и прихватим фонарик, — откликнулся Хортон. Потом запоздало справился у Никодимуса: — У нас ведь есть фонарик, не правда ли?

— Есть, — ответил Никодимус. — В походном мешке.

— А ты пойдешь с нами? — спросил Хортон у Плотояда.

— С вашего разрешения, нет. Город — то место, что берedit мне нервы. Я останусь здесь. Роботу будет со мной веселее.

— Только держи рот на запоре, — предупредил Никодимус. — Даже не дыши на меня. И не подавай советов.

— Я буду вести себя, — пообещал Плотояд смиренно, — словно меня здесь нет.

Глава 17

Что была моя жизнь? — спросила себя светская дама. И ответила честно: — Ее заполняли заседания всяческих комиссий и комитетов. И ведь была пора, когда даже нынешняя экспедиция представлялась мне просто очередным общественным начинанием. Я твердила себе тогда: вот еще один комитет, призванный побороть страх перед экспериментом, на который я дала согласие. Комитет, призванный выразить суть эксперимента в обыденных и понятных (прежде всего мне самой) словах, с тем чтобы страху стало негде гнездиться. Хотя, как ей припоминалось, с самого начала страх перед экспериментом не мог перевесить иного, более глубокого страха.

И в принципе, вправе ли страх выступать движущим мотивом? — задала она себе новый вопрос. — Разумеется, в те времена я нипочем, разве что в самую откровенную минуту, не согласилась бы с тем, что страшусь. Я повторяла себе и внушала другим, что действую из чистого бескорыстия, что нет у меня иных помыслов, кроме счастья человечества. И мне верили — или по меньшей мере я полагала, что мне верят: подобная мотивировка и мой поступок сам по себе так ловко вязались с тем, чем я занималась всю жизнь... Меня же ценили за добрые дела, за глубокое сочувствие всем страдальцам, и напрашивался вывод, что раз я посвятила себя благотворительности в поль-

зу людей Земли, то не остановилась и перед этим последним жертвоприношением...

Правда, насколько она была в силах припомнить, она-то сама никогда не считала свое решение жертвенным. Однако ничуть не возражала, чтобы другие считали именно так, более того, время от времени прямо провоцировала их на такие мысли. Ибо это рисовалось столь благородным — пожертвовать собой, а ей мечталось остаться в памяти людской символом благородства, и чтобы последнее ее решение венчало всю ее карьеру. Репутация и слава, — подумала она, — вот и все, что я ценила по-настоящему. Но, — пришлось добавить волей-неволей, — не репутация в узком кругу и не скромная слава, ибо тогда никто бы меня не заметил. А этого я снести не могла — мне хотелось, чтобы меня замечали и восхваляли. Председатель, президент, экс-президент, ответственный представитель, почетный секретарь, казначей — и так далее, и тому подобное. Огня обязанность нанизывалась на другую, пока у меня не осталось ни секунды на размышления, пока каждый миг не оказался заполнен какими-нибудь делами и спешкой.

Ни секунды на размышление? — переспросила она себя. — Так не тут ли скрывалась тайная пружина всей моей лихорадочной деятельности? Даже не погоня за почестями и славой, а просто чтобы не осталось времени размышлять? Чтобы не осталось времени вспоминать о рухнувших замужествах, о сбежавших от меня мужчинах и об углубляющейся год за годом душевной пустоте...

Теперь она осознала четко: именно поэтому она здесь. Потому, что потерпела жизненный крах, обманув не только ожидания других, но не в меньшей степени свои собственные. И в конце пути поняла: она лихорадочно ищет то, что упустила в жизни как женщина, упустила по той причине, что не догадывалась о ценности упущенного, пока не стало слишком поздно.

И с учетом сказанного, это она сознавала тоже, нынешнее предприятие обернулось вполне успешно, хотя в прошлом ей случалось терзаться по этому поводу серьезными сомнениями.

А я не терзался никогда, — вмешался ученый. — У меня сомнений не возникало. Ни разу.

Вы подслушивали, — возмутилась дама с горечью. — Вы подслушивали мои мысли! Неужели у нас нет права на личную тайну? Наши личные мысли должны быть секретными. Подслушивать — очень дурной тон...

Мы едины, — заявил ученый, — или нам надлежит обрести единство. Нет более трех отдельных личностей, одной женщины и двух мужчин. Есть разум, единый разум. И все же мы живем порознь. Мы существуем порознь чаще, чем вместе. В этом смысле предприятие провалилось.

Ничего подобного, — подал голос монах. — Это не провал, это только начало. У нас впереди вечность, и я, в отличие от вас, способен дать определение вечности. Весь мой земной век я жил во имя вечности и, невзирая на это, пребывал в подозрении, что для меня вечность недостижима. Для меня и для кого бы то ни было. Ныне я вижу, что ошибался. Мы трое обрели вечность, и если не подлинную вечность, то нечто сопоставимое с нею. Мы уже изменились и будем меняться дальше, а в предстоящие тысячелетия, прежде чем этот материалистический корабль рассыплется в пыль, мы, вне сомнения, обратимся в вечный разум, не нуждающийся ни в Корабле, ни в биологическомместилище, обязательном для индивидуальных разумов. Мы станем единой и самостоятельной силой, способной к вольному странствию до самых пределов вечности.

Кажется, я упоминал, что могу дать определение вечности. В сущности это не определение, но расскажу вам красивую сказку. Понимаете, за долгие годы церковь накопила множество красивых сказок. Эта повествует о могучей горе высотой в милю и крохотной птичке. Каждую тысячу лет птичка, срок жизни которой ради поучительности не ограничен, пролетает над вершиной и, задев ее крылом, понижает гору на бесконечно малую величину. И, пролетая над вершиной раз в тысячу лет, птичка в конце концов стесывает крылышком гору, сравнив ее с полем. Вы можете решить: стесать гору прикосновением крылышка раз в тысячу лет — на это нужен срок, равный вечности. И будете не правы. Этот срок — лишь самое начало вечности.

Глупая сказка, — высказался ученый. — Вечность не поддается точному определению. Это всеохватывающая приблизительная концепция, для которой нельзя

попытаться измерение, точно так же, как нельзя поговорить измерение для бесконечности.

А мне понравилось, — объявила дама. — Сказка оставляет приятное впечатление. Именно такие простые аллегории получались у меня всего выразительнее в речах, какие мне доводилось произносить в разных аудиториях и по разным поводам. Только не просите меня припомнить, что это были за аудитории и каковы были поводы. Я не в силах их перечислить. Однако мне хотелось бы, сэр монах, знать вашу сказку ранее. Уверена, я нашла бы случай пересказать ее в одной из речей. Это прозвучало бы привлекательно. Это покоило бы зал.

Все равно сказка глупая, — не сдавался ученый. — Задолго до того, как ваша птичка с неограниченным сроком жизни оставила бы на вершине даже малую отметину, гора разрушилась бы до основания под воздействием естественной эрозии.

У вас перед нами неоспоримое преимущество, — заявил монах неодобрительно. — Вы обладаете научной логикой и руководствуетесь ею и в размышлениях, и в осмыслении собственного опыта.

Житейская логика человечества, — провозгласил ученый, — ненадежна, как тростник. Она исходит из непосредственных наблюдений, а наши наблюдения, несмотря на целый ряд чудесных приборов, весьма и весьма ограничены. Ныне нам троим предстоит сформулировать новую логику, основанную на нашем нынешнем опыте. Не сомневаюсь, что мы найдем в так называемой земной логике множество ошибок.

Я почти не знаю логики за пределами той, что изучалась мною как служителем церкви, — заявил монах, — а церковная логика гораздо чаще основывалась на смутных умственных построениях, чем на научных наблюдениях.

А я, — объявила дама, — вообще не прибегала к логике, а пускала в ход набор приемов, преследующих цель продвинуть какую-то затею, которой я в тот момент была предана, хоть ныне я вовсе не уверена, что слово «предана» правильно отражает суть дела. Мне трудно вспомнить, была ли я в самом деле предана тому или иному начинанию, которым вроде бы служила. А если честно, то меня привлекало не столько само начинание, сколько возможность с его помощью

занять и удерживать какой-нибудь влиятельный пост. Хотя сегодня эти посты, так привлекавшие и радовавшие меня в свое время, кажутся мне почти пустопорожними.

Но, должно быть, в глазах общественного мнения я выдвинулась достаточно заметно — иначе меня не удостоили бы чести, выпавшей нам троим. Как только было решено, что в составе тройки должна быть женщина, предложение сделали мне. Остается предположить, что все эти бесчисленные комитеты и поручения, участие в семинарах по вопросам, о которых я не имела никакого понятия, выступления перед малыми и большими аудиториями казались кому-то достойным занятием. А теперь, когда я провела с вами столько лет и столько раз спрашивала себя, имею ли я на это право, я рада, что случилось так, а не иначе. Я счастлива быть здесь вместе с вами. Ибо иначе меня бы просто не стало. Не думаю, сэр монах, что я хоть однажды преуспела в том, чтобы всерьез поверить в ваши построения о бессмертии души.

Разве это мои построения! — отмежеввался монах. — Я и сам никогда не верил в вечное блаженство. Старался заставить себя поверить, потому что при моей профессии представлялось важным, чтоб я поверил. Однако мной владел страх смерти и, как догадываюсь, одновременно страх перед жизнью.

Вы приняли предложение, — подытожила дама, — оттого, что испугались смерти, а я из тщеславия. Я была не в силах отказаться от почестей и знаков уважения. Чувствовала, что меня втягивают во что-то, о чем, возможно, придется пожалеть, но я слишком долго рвалась к общественному вниманию и стала органически не способной отвергнуть любое предложение, лишь бы оно было почетно. И уговаривала себя: мол, в самом крайнем случае это способ уйти из жизни с такой помпой, какая мне и не снилась.

А теперь с вами все в порядке? — осведомился ученый. — Вы довольны, что приняли предложение, и уверены, что не совершили ошибки?

Я довольна, — ответила она. — Я даже начинаю забывать, и это забвение во благо. У меня был Ронни, Дуг, а потом Альфонс...

Это еще кто такие? — осведомился монах.

Те, за кого я выходила замуж. Была еще парочка других — имен не помню. Не могу не признаться, хотя в той жизни не призналась бы ничем, что вела себя как порядочная стерва. Возможно, царственная стерва — и все равно грязная стерва.

Сдается мне, — заметил ученый, — что все идет, как было задумано. Вероятно, немного медленнее, чем планировалось. Но еще какая-нибудь тысяча лет — и мы, кажется, сумеем стать тем, что задумано. Мы честны с собой и груст с грутом, и, по-моему, это часть задуманного. Мы не могли полностью сбросить с себя старую человечью кожу за столь короткий срок. Человечество затратило два миллиона лет на то, чтобы выработать свои повадки, и их нельзя сбросить с такой же легкостью, как старую одежду.

А вы сами, сэр ученый?

Что я?

Как насчет вас? Двое из нас наконец-то честны с собой. А вы?

Я? Никогда не задумывался об этом. У меня не было никаких сомнений. Любой ученый и в особенности астроном, как я, продал бы душу за право участия в таком предприятии. В образном смысле, коль на то пошло, я ее, пожалуй, и продал. Я способствовал тому, чтобы меня включили в этот конгломерат индивидуальностей — называйте его как хотите. Я добивался, чтобы меня включили. Если понадобилось бы, я пустил бы в ход кулаки и зубы. Исподтишка, тайком я умолял влиятельных грузей поддержать мою кандидатуру. Я пустился бы во все тяжкие. Причем я не смотрел на свое участие в экспедиции как на особую честь. И не страх руководил мной, не то что вами двоими, — а впрочем, может, и страх, только иного рода. Понимаете, я старел, и мной овладевало безумное чувство, что времени почти не осталось, что оно утекает меж пальцев, как песок. Да, если разобраться, какой-то страх, подсознательный страх мог иметь место. Но прежде всего мной владела уверенность, что нельзя бесповоротно уйти во тьму, когда столько еще не сделано. Хотя ни одно из нынешних моих наблюдений, ни один из нынешних моих выводов не будут иметь для землян никакого значения — ведь я больше не землянин.

Однако, в последнем счете, не гадая, что эта оговорка могла бы повлиять на мое решение, осознай я ее заранее. Я всегда работал не для Земли, не для соотечественников, а для себя, для собственного удовлетворения. Я не гонялся за аплодисментами. Не в пример вам, дорогая леги, я предпочитал скрываться от людей. Я избегал известности, не давал интервью и не выпускал книг. Разумеется, я писал статьи для профессионалов, способных оценить достигнутые мной результаты, но ни строки, понятной широкой публике. Если попытаться сказанное, я, наверное, законченный эгоист — или был эгоистом. Я не заботился ни о ком, кроме себя самого. А ныне я рад сообщить вам, что нахожу свое положение рядом с вами очень для себя удобным. словно мы давние друзья, хотя никогда прежде друзьями не были и, вероятно, ни одного из нас нельзя назвать другом двух других в классическом понимании слова «дружба». Но если мы можем поладить друг с другом, то при создавшихся обстоятельствах этого довольно, чтобы говорить о дружбе.

Ну и компания подобралась, — съязвил монах. — Самовлюбленный ученый, дамочка, жаждущая слав, и монах, который боялся всего и вся.

Боялся? Или боится по-прежнему?

Больше я ничего не боюсь. Нет ничего на свете, что могло бы затронуть меня или любого из вас. Этого мы добились.

До цели еще долгий путь, — объявил ученый. — Рано торжествовать победу. Скромнее, скромнее!

Я скромничал в течение всей моей земной жизни, — ответил монах. — Мне надоело скромничать.

Глава 18

— Что-то не так, — сказала Элейн. — Что-то не сходится. Нет, я не нахожу слов. Но на этой планете есть какая-то необычность, которой мы пока не обнаружили. Здесь что-то зреет, ждет своего часа — мы тут, может, и ни при чем, но что-то зреет...

Она напряглась, почти оцепенела и вдруг напомнила Хортону сеттера, с которым он, бывало, охотился на перепелок. Тот так же сосредоточенно замирал, едва учуяв что-то, но не сразу разобравшись, что именно, и принимал стойку на всякий случай, демонстрируя острую готовность. Хортон просто выждал не шевелясь, и в конце концов женщина, хоть и с заметным усилием, заставила себя расслабиться. И взглянула на него умоляющими глазами, видимо, опасаясь недоверия.

— Не смейтесь надо мной, — попросила Элейн. — Я знаю, здесь что-то есть, что-то необыкновенное. И не знаю что.

— Я не собираюсь смеяться, — ответил он. — Верю вам на слово. Но каким образом...

— Тоже не знаю. Однажды в подобной же ситуации я переступила через предчувствие. Больше не стану. Это случалось со мной и раньше, случалось много раз. Почти как внутренний голос. Как предостережение свыше.

— По-вашему, это «что-то» может быть опасным?

— Не берусь определить. Просто ощущение необычности, и все.

— Пока что мы ничего не нашли, — сказал он.

И это было, в общем, справедливо. Они обследовали три здания, и нигде не нашли ничего, кроме пыли, подгнившей мебели, керамики и стекла. Для археолога, сказал себе Хортон, во всем этом, наверное, открылся бы некий смысл, но им двоим открывалась только дряхлость, пыльная, заплесневелая, назойливая дряхлость, бесполезная и угнетающая. Когда-то, в далеком прошлом здесь обитали разумные существа, но его неподготовленное зрение не распознавало никакого намека на то, что им понадобилось здесь, на планете.

— Я часто спрашивала себя, — сказала Элейн. — Удивлялась и спрашивала. Я ведь не единственная, кому это дано. Есть и другие. То ли новая способность, то ли заново обретенный инстинкт — кто разберется? Когда люди проникли в космос и высадились на иных планетах, им пришлось приспосабливаться — как бы выразиться получше, — пожалуй, к неправдоподобному. Им пришлось развить в себе новые навыки выживания, новые привычки в мышлении, новые чувства, новую интуицию. Может, это именно чувство нового типа, новая догадливость, новый нюх. У земных пионеров, когда они продвигались в неведомые края, вырабатывалось что-то в таком роде. Допускаю, что подобной интуицией обладали и первобытные люди. Но потом настали иные времена. На устроенной и цивилизованной Земле люди перестали нуждаться в интуиции и утратили ее. Цивилизованная среда почти не оставляет места неожиданностям. Каждый знает, чего ждать. Но, как только человек отправился к звездам, нужда в прежней интуиции возникла опять.

— Не оглядывайтесь на меня, — ответил Хортон. — Я ведь как раз представитель той Земли, которую вы называли цивилизованной.

— А она в ваше время была цивилизованной?

— Чтобы ответить, надо договориться о терминах. Что, по-вашему, значит «цивилизованный»?

— Не знаю. Не встречала ни одной полностью цивилизованной планеты — в том смысле, в каком говорят о цивилизованной Земле. Или, точнее, не думаю, что встречала. В наши дни ни в чем нельзя быть уверенной.

Я и вы, Картер Хортон, — люди разных эпох. Может случиться, что каждому из нас, чтобы понять другого, придется призвать на помощь все свое терпение.

— Судя по вашим словам, вы видели множество миров.

— Видела, — подтвердила она. — На нынешней своей работе. Когда попадаешь на планету, то остаешься там на день-другой, иногда чуть больше, но надолго все равно не задерживаешься. Ровно на столько, сколько нужно, чтобы провести начальные наблюдения и вкратце записать их, составить себе какое-то впечатление о том, что это за планета. Короче, чтоб узнать ее без ошибки, если окажешься там повторно. Потому что важно понять, может ли система туннелей вывести куда-то, где ты уже был. На некоторых планетах хочется побыть подольше. В кои-то веки случается попасть в действительно приятное место. Но это редкость. Чаще всего испытываешь облегчение при мысли, что можно удрать.

— Скажите мне одно, — произнес Хортон. — Я, признаться, в недоумении. Вы участвуете в этой, как вы ее называете, картографической экспедиции. А по мне она похожа на стрельбу наобум по кустам. Ваши шансы на успех — не больше одного на миллион, и тем не менее...

— Я же говорила вам, что я в экспедиции не одна, есть и другие.

— Но если б вас был даже миллион, лишь одному выпадет шанс вернуться в мир, который он уже посещал. И, если лишь один человек найдет путь домой, вся затея сведется к пустой трате времени. Нужно, чтоб успеха добились минимум человек десять, прежде чем возникнет статистическая вероятность, что туннели можно нанести на карту или хотя бы начать наносить на карту.

Она смерила его холодным взглядом:

— Там, откуда вы прибыли, вы, конечно, слышали о вере.

— Разумеется, я слышал о вере. Вера в самого себя, вера в свою страну, вера в свою религию. Но какое это имеет отношение к делу?

— Вера — зачастую единственное, что нам остается.

— Вера, — сказал он, — означает, что вы допускаете возможность чего-либо, несмотря на то что вам прекрасно известно, что оно невозможно.

— Зачем так цинично? — спросила она. — И так недальновидно? И так материалистично?

— Я ничуть не циничен. Просто беру в расчет теорию вероятности. И нас никак нельзя упрекнуть в недальновидности. Напоминаю, мы были первыми, кто полетел к звездам, кто оказался способен полететь к звездам или убедил себя в том, что способен полететь, именно исходя из материалистических воззрений, которые вы, по-видимому, так презираете.

— Это правда, — согласилась она, — но я говорила вовсе не о том. Земля — одно, а звезды — совсем другое. Когда вы оказываетесь среди звезд, ценности изменяются, углы зрения тоже. Есть старое выражение: игра идет по другим правилам, — кстати, вы не могли бы объяснить мне, что оно значит?

— Вероятно, это намек на какие-то спортивные соревнования.

— Вы имеете в виду дурацкие упражнения, которые когда-то были в моде на Земле?

— А что, у вас их больше нет? Никаких спортивных соревнований вообще?

— Слишком многое надо сделать, слишком многое познать. Мы не испытываем больше нужды в том, чтоб изобретать искусственные развлечения. У нас нет на них времени, а если б и было, они бы никого не заинтересовали. — Вдруг Элейн показала на строение, почти поглощенное кустами и деревьями. — Я думаю, это оно.

— Что «оно»?

— Дом, где гнездится странность. Та самая необычность, о которой я говорила.

— Войдем и посмотрим?

— Не вполне уверена, стоит ли. Сказать вам по правде, я немного боюсь. Понимаете, боюсь того, что мы там найдем.

— А что найдем, вы не догадываетесь? Вы сказали, что чувствуете необычность. Но ваше восприятие не настолько развито, чтобы по крайней мере намекнуть, что именно?

Элейн покачала головой:

— Нет, я знаю лишь, что там нечто странное. Нечто за пределами обыденности. Может быть, и страшное, хоть я не ощущаю настоящего страха. Просто какой-то толчок в мозгу и следом опасение необычного и непредвиденного. Мной владеет неприятное чувство странности, только и всего.

— Туда будет нелегко проникнуть, — заметил Хортон. — Заросли очень густые. Могу вернуться в лагерь и захватить мачете. По-моему, у нас в багаже оно было.

— Не беспокойтесь, — сказала она и расчехлила оружие, свисающее с пояса. — Это прожжет нам дорогу.

Оружие оказалось массивнее, чем выглядело в кобуре, — остроносое и довольно громоздкое оружие. Он присмотрелся внимательнее.

— Лазер?

— Вероятно, да. Точно не знаю. Не только оружие, но и инструмент. На моей родной планете это стандартная вещь. Каждый житель носит его с собой. Его можно отрегулировать, видите? — Она показала на диск, встроенный в рукоятку. — Можно собрать лучи режущим острием, можно пустить веером, как хотите. Но почему вы спрашиваете? Ведь у вас есть собственное оружие...

— Мое оружие другое, — ответил Хортон. — Довольно грубое, но эффективное, если умеешь с ним обращаться. Оно выбрасывает снаряд. Пулю. Сорок пятый калибр. Это оружие, но никак не инструмент.

— Я слышала о таком принципе, — нахмурилась Элейн. — Концепция восходит к глубокой древности.

— Может, и так, но, когда я вылетал с Земли, у нас не было ничего лучшего. В руках человека умелого оружие действует точно и весьма смертоносно. Высокая начальная скорость, огромная убийная сила. Патроны заряжаются взрывчатым веществом, кажется, нитроглицерином, а может, кордитом. Я не знаток химической стороны дела.

— Но никакое взрывчатое вещество, никакая химическая смесь не могли сохраниться в течение такого срока, что вы провели на корабле. Все они со временем распадаются.

Хортон взглянул на нее внимательно, удивленный ее познаниями, и согласился:

— Я не подумал об этом. Но вы правы. Разумеется, тут не обошлось без конвертора материи...

— У вас есть конвертор?

— По словам Никодимуса, да. Я сам его не видел. И вообще, честно говоря, не видел ни одного конвертора в глаза. Когда нас загнали в холодный сон, никаких конверторов материи еще не было. Их изобрели позднее.

— Еще одна легенда, — сказала она. — Утраченное искусство...

— Вовсе не искусство, а технология.

Она пожала плечами:

— Так или иначе, это утрачено. У нас нет конверторов материи. Как я и сказала — еще одна легенда.

— Ладно, — прервал ее Хортон, — так мы собираемся выяснить, что это за необычность? Или мы просто...

— Нет, мы пойдем и посмотрим, — сказала она. — Я устанавливаю самый низкий уровень излучения.

Она опустила свое устройство — из дула вырвалось бледно-голубое сияние. Заросли задымились с жутковатым шорохом, в воздухе поплыла пыль.

— Осторожнее, — предостерег он.

— Не тревожьтесь, я умею обращаться с этой штукой, — отрезала она. И было очевидно, что действительно умеет: в кустах открылась ровная узкая тропинка, аккуратно обогнувшая попавшееся на пути дерево. — Незачем его жечь, — пояснила Элейн. — Не будем расточительны сверх необходимости.

— Все еще ощущаете это? — поинтересовался Хортон. — Эту вашу странность? И все еще не разобрались, что она такое?

— Она по-прежнему там. А что это, я не догадываюсь точно так же, как и прежде.

Женщина убрала оружие в кобуру. Засветив фонарик, Хортон вступил в здание первым.

Внутри было темно и пыльно. Вдоль стен торчала полуразвалившаяся мебель. Какая-то мелкая зверюшка пискнула, объятая ужасом, и метнулась через комнату, ускользнув смазанной тенью во тьму.

— Мышь, — предположил Хортон.

— По всей вероятности, нет, — спокойно ответила Элейн. — Мыши — это принадлежность Земли, по

крайней мере так нас уверяют старые детские стишки. Например, такой: «Побежала мышка-мать, стала кошку в няньки звать...»*

— Выходит, детские стишки дожили до вашей эпохи?

— Некоторые дожили. Подозреваю, что далеко не все...

Перед ними была запертая дверь. Но едва Хортон толкнул ее рукой, она обрушилась за порог грудой хлама. Подняв фонарик, он осветил следующую комнату. И комната словно вспыхнула. Ослепительный золотой блеск ударил им в лица — они поневоле отступили на шаг-другой. Хортон опустил фонарик, потом стал медленно поднимать снова. Блеск появился опять, но на этот раз они сумели разобрать, что именно блестит. В центре комнаты, занимая ее почти целиком, стоял куб.

Отражение было все еще слишком ярким — пришлось снова опустить фонарик. Затем Хортон осторожно переступил порог. Теперь куб больше не отражал лучи, а, напротив, словно поглощал их, впитывал и рассеивал по своему своему объему. Казалось, что куб осветили изнутри.

В освещенном пространстве лежало, как бы ни на что не опираясь, некое существо. Существо — вот и все, что можно было сказать, более подробное описание не приходило в голову. Оно было огромным, заполняло собою куб почти без остатка, тело уходило за пределы видимости. На мгновение возникло ощущение глыбы, но не просто аморфной глыбы. В ней ощущалась жизнь, что-то в изгибе линий тела безотчетно подсказывало: глыба живая. То, что казалось головой, склонялось на то, что казалось грудью. А тело, все тело — но тело ли? — было покрыто замысловатым, будто выгравированным узором. Как рыцарские латы, мелькнула мысль, как драгоценный образчик кузнечного искусства.

Элейн, подойдя вплотную к Хортону, выдохнула восхищенно:

— Что за красота!

Хортон замер, парализованный удивлением пополам с испугом, но, наконец, выговорил:

— У него есть голова. Чертова бестия живая...

* Стихи С. Я. Маршака.

— Она не шевелится, — сказала Элейн. — А была бы живая, должна бы шевельнуться. Как только на нее упал свет, она бы шевельнулась.

— А может, спит?

— Не похоже, что спит.

— Она наверняка живая, — настаивал Хортон. — Вы ее чувствовали. Это и есть та странность, которую вы чувствовали. И вам по-прежнему непонятно, что это такое?

— Совершенно непонятно. Ни о чем подобном я никогда не слышала. Ни легенд, ни старых сказок. Вообще ничего. И оно такое красивое. Ужасное и одновременно красивое. Взгляните на эти изящные, сложные узоры. Это его одежда — нет, теперь я понимаю, что не одежда. Узоры на чешуе...

Хортон попытался хотя бы представить себе общие контуры тела, но потерпел неудачу. Раз за разом он начинал проследживать какую-нибудь линию, и до поры все шло хорошо, но затем линия неизменно терялась, растворяясь в заполняющем куб золотом сиянии и путанице перевитых форм самого существа.

Тогда он попробовал подступиться к кубу на шаг ближе для более пристального осмотра — и его вдруг остановило. Остановила сама пустота. Не было совершенно ничего, что могло бы его заstopорить, и все-таки он словно налетел на невидимую и неосязаемую стену. Нет, не на стену, поправил он себя. Память отчаянно забилась, стараясь подыскать сравнение, пригодное для такого случая. Но сравнение не отыскивалось, потому что остановила его сама пустота. Свободной рукой он ощущал все перед собой. Рука не обнаружила ничего, но продвинуться не смогла. Никакого физического ощущения, никакого препятствия, доступного чувствам. Будто, наконец-то сравнение пришло на ум, он натолкнулся на конец реальности и достиг точки, откуда нет дальнейшего пути. Будто некто прочертил линию и сказал: мир кончается здесь, никто и ничто не вправе превзойти сей предел. Однако, если это было так, что-то осталось недодуманным: ведь заглянуть за дозволенный предел он мог по-прежнему!

— Тут ничего нет, — заметила Элейн, — и все-таки что-то есть. Мы же видим куб и существо в кубе...

Хортон отступил на шаг, и в тот же самый момент золотистость, объявлявшая куб, как бы выпрыгнула из него

и охватила их обоих. Они как бы сделались частью куба и существа, весь мир уплыл куда-то в золотой дымке, и на мгновение они остались вдвоем, только вдвоем, отрешенные от времени и от пространства. Элейн стояла совсем, совсем близко, и довольно было опустить глаза, чтобы увидеть заново розу, вытатуированную у нее на груди. Он потянулся к розе рукой и произнес:

— Красиво...

— Спасибо, сэр, — сказала она.

— Вы не против, что я обратил внимание на розу?

Она покачала головой.

— Я уже была почти разочарована тем, что ты ее упорно не замечаешь. Следовало бы догадаться, что она там специально для того, чтобы привлекать внимание. Роза задумана как магнит, притягивающий взгляды...

Глава 19

— Вот, полюбуйте́сь, — пригласил Никодимус.

Наклонившись, Хортон различил слабенький след, выбитый зубилом по периметру контрольной панели.

— На что любоваться? Не вижу ничего особенного. Разве то, что ты ухитрился почти не сдвинуться с места.

— В том-то вся и загвоздка. Я ничего не могу сделать. Зубило вгрызается в камень на два-три миллиметра, а потом он твердеет. Будто это не камень, а металл, только самый внешний слой подъела ржавчина.

— Но это вовсе не металл!

— Совершенно верно, это камень. Я проверял и другие участки скальной поверхности. — Он показал на скалу: там и сям на ней виднелись царапины. — Повсюду то же самое. Самый верхний слой немного выветрен, а глубже, куда выветривание не добралось, камень неправдоподобно тверд. Словно молекулы связаны куда прочнее, чем положено по законам природы.

— Где Плотояд? — осведомилась Элейн. — А вдруг он знает что-нибудь на этот счет?

— Весьма сомневаюсь, — сказал Хортон.

— Я его выпроводил, — заявил Никодимус. — По-рекомендовал ему убираться ко всем чертям. Он дышал мне в спину и торопил меня...

— Ему так нестерпимо хочется расстаться с этой планетой, — сказала Элейн.

— Кому бы не захотелось? — откликнулся Хортон.

— Мне его от души жаль, — продолжала Элейн. — Неужели его в самом деле никак нельзя взять на корабль? Разумеется, в случае, когда все другие средства будут исчерпаны...

— Не вижу, как это сделать, — сказал Хортон. — Конечно, можно бы попробовать холодный сон, но это почти наверняка убьет его. А ты как думаешь, Никодимус?

— Холодный сон рассчитан исключительно на людей, — ответил робот. — Как он действует на другие виды, не имею представления. Может, не слишком хорошо, а может, вообще не действует. Прежде всего, как быть с анестезирующим препаратом, приостанавливающим деятельность клеток перед тем, как подвергнуть их замораживанию? Для людей препарат почти безвреден, что и неудивительно, — он же разработан для людей. Но чтоб он воздействовал на другие формы жизни, в его состав, наверное, надо внести изменения. Скорее всего, изменения должны быть небольшими и очень тонкими. Я не оснащен для их проведения.

— Значит, ты полагаешь, что он умрет даже раньше, чем начнется замораживание?

— Подозреваю, что именно так.

— Но нельзя же бросить его здесь одного! — воскликнула Элейн. — Нельзя взлететь, а его оставить, как мусор!

— Можно бы просто взять его на борт... — сказал Хортон.

— Нет, нельзя, — перебил Никодимус. — Если я буду на борту, то не потерплю его. Я прикончу его в первую же неделю полета. Он царапает мне нервы, как наждак.

— Даже если твои маниакальные намерения не сбываются, ему-то что за выгода? Не знаю, что замышляет Корабль, но могут пройти столетия, прежде чем мы сядем на какую-нибудь другую планету.

— Можно сделать специальную остановку и высадить его.

— Так поступили бы вы, — сказал Хортон. — Или я. Или Никодимус. Но не Корабль. Корабль, насколько могу судить, преследует более долговременные цели. И какие есть основания полагать, что мы отыщем другую подходящую планету через десять лет или даже через сто? Корабль провел в космосе целое тысячелетие,

прежде чем обнаружил хотя бы эту планету. Не забывайте, наша скорость ниже световой.

— Ваша правда, — ответила Элейн. — Я действительно забываю об этом. В эпоху депрессии, когда люди бежали с Земли, они устремились во всех направлениях...

— На сверхсветовых кораблях.

— Нет, не на сверхсветовых. На кораблях разрывного времени. Не спрашивайте меня, как они действовали. Но у вас теперь есть какое-то представление...

— Крайне туманное, — признался Хортон.

— И тем не менее, — продолжала она, — на поиски землеподобных планет им требовались многие годы. Некоторые корабли исчезли — то ли в глубинах пространства, то ли во времени, то ли выпали из нашей Галактики. Что случилось с ними, установить невозможно. Они взлетели — и больше о них никто никогда не слышал.

— Теперь вы сами поняли, что проблема с Плотоядом неразрешима.

— Но, может, нам удастся все-таки разгадать загадку туннеля? По сути Плотояд хочет только этого и ничего другого. Да и я тоже.

— Я исчерпал свои возможности, — высказался Никодимус. — У меня нет новых идей. Ситуация не сводится к тому, что кто-то взял и закрыл данную планету. Этот кто-то потратил немало сил на то, чтобы ее нельзя было открыть. Крепость скалы превышает любые естественные факторы. Ни один камень не может быть таким твердым. Кто-то сделал его сверхтвердым, и намеренно. Догадался, что кто-то другой может попробовать покопаться в контрольной панели, и принял меры.

— Значит, на планете есть что-то особенное, — заявил Хортон. — Есть же какая-то причина, по которой туннель решили заблокировать! Уж не клад ли?

— Нет, не клад, — уверенно ответила Элейн. — Чем оставлять клад, они бы утащили его с собой. Так что скорее всего не клад, а угроза.

— Ну почему нет? Кто-то спрятал здесь что-то для пущей сохранности...

— Не думаю, — отозвался Никодимус. — В один прекрасный день они решат забрать спрятанное, и что

дальше? Забрать-то они его заберут, а как им отсюда выбраться?

— Они могут прилететь на корабле, — предположил Хортон.

— Не похоже, — заявила Элейн. — Куда вероятнее, что им известно, как обойти блокировку.

— Значит, по-вашему, такой способ все-таки существует?

— Склоняюсь к мысли, что способ есть, но из этого не следует, что мы сумеем найти его.

— Тогда, — заметил Никодимус, — дело сводится к тому, что туннель закрыли, чтобы кто-то не ускользнул отсюда. Кого-то или что-то заперли здесь, отрезав от остальных туннельных планет.

— Но если так, — подхватил Хортон, — кто это или что это? А если наше существо из куба?

— Может быть, — согласилась Элейн. — Не исключено, что его не только замуровали в кубе, но и привязали навсегда к планете. Вторая линия защиты на случай, если ему удастся вырваться из куба. Хотя в это почему-то трудно поверить. Уж очень оно красивое.

— Оно может быть красивым и одновременно опасным.

— Что за существо в кубе? — поинтересовался Никодимус. — Я о таком не слышал.

— Мы с Элейн нашли его в одном из строений в городе. Какая-то бестия, запертая в кубе.

— Живая?

— Трудно сказать наверняка, но, по-моему, живая. Чувствую, что живая. Элейн сумела ощутить ее на расстоянии.

— А куб? Из чего сделан куб?

— Из странного материала, — ответила Элейн, — если это вообще материал. Он останавливает тебя, а ты не ощущаешь ровным счетом ничего, словно никакого препятствия и нет...

Никодимус принялся собирать инструменты, разбросанные по гладкому каменному ложу тропинки.

— Стало быть, сдаешься, — констатировал Хортон.

— С тем же успехом могу и сдаться. Больше не могу ничего придумать. Моими инструментами с этим камнем не справиться. А значит, мне не снять защитную крышку панели, будь это силовое поле или что-то еще.

Я выдохся, если только у кого-нибудь не мелькнет свежая идея.

— А если поглядеть повнимательнее шекспирову книгу? — предложил Хортон. — Вдруг всплывет что-нибудь новенькое?

— Шекспир сюда и близко не подходил, — усомнился Никодимус. — Да и не умел ничего, кроме как пинать туннель ногами и осыпать проклятьями...

— Я и не рассчитываю найти у Шекспира стоящие технические идеи. В лучшем случае какое-то наблюдение, подлинное значение которого от него ускользнуло.

Никодимус по-прежнему не избавился от сомнений.

— Даже если так, — пробурчал он, — не очень-то много читаешь, когда рядом крутится Плотояд. Ему опять позарез захочется узнать, что написал Шекспир, а Шекспир в своих записках не слишком щедр на комплименты в адрес своего старого приятеля...

— Но Плотояда тут нет, — отметила Элейн. — Он не сказал, куда денется, когда ты прогнал его?

— Сказал, прогуляется. И что-то такое опять бормотал про магию. У меня сложилось впечатление, хоть и не очень четкое, что он решил собрать какую-то магическую дрянь — листья, корни, кору.

— Он ведь говорил про магию и раньше, — напомнил Хортон. — Вынашивал мыслишку, что нам надо объединить наши три магии.

Элейн встрепенулась.

— Вы знаете магию?

— Нет, — ответил Хортон, — магии мы не признаем.

— Тогда не надо глумиться над теми, кто в нее верит.

— А вы что, верите?

— Сама не знаю, — наморщила лоб Элейн, — но мне доводилось видеть магию, которая действительно помогала или казалось, что помогает.

Никодимус сложил инструменты в коробку и хлопнул ее.

— Ладно, пойдем в дом и заглянем в книгу, — согласился он милостиво.

Глава 20

— Этот ваш Шекспир, — сказала Элейн, — был, по-видимому, философ, однако не слишком уверенный в себе. Лишенный серьезной подготовки.

— Он был человек одинокий, больной и испуганный, — ответил Хортон. — И записывал все подряд, что приходило на ум, не заботясь ни о логике, ни о слоге. Он писал для себя, не предполагая, что кто-нибудь когда-нибудь прочтет его каракули. Если бы такое пришло ему в голову, он, наверное, предпочел бы выражаться осмотрительнее.

— По крайней мере он был честен сам с собой, — сказала Элейн. — Вот послушайте хотя бы:

У каждого времени свой запах. Возможно, это самоуверенно с моей стороны, но я убежден, что прав. Состарившись, время пахнет кислым и затхлым, а запах юного времени в начале творения должен был быть сладким, пьянящим и неудержимым. Размышляю: что если по мере того как события следуют к неведомому нам концу, мы будем отравлены едкими запахами прежних времен, вполне подобно тому и с тем же финалом, как бывшая Земля была отравлена рвотой заводских труб и гноем ядовитых газов? А если и смерть самой Вселенной грядет в отравлении временем? Если запахи прежних времен сгустятся до того, что никакая жизнь не сможет существовать ни на одном из тел, составляющих космос, и, возможно, сама материя

Вселенной обратится в злокачественную гниль? Если эта гниль так засорит физические процессы, действующие во Вселенной, что они попросту прекратятся и сменятся хаосом? Но, если так, что принесет с собой хаос? Не обязательно конец Вселенной. Хаос сам по себе есть отрицание всей физики и всей химии и, допуская, положит начало непредставимым комбинациям, отвергающим все предшествующие концепции, а потому способным привести к беспорядку и неточности, которые, в свой черед, сделают возможными события, по мнению нынешней науки, совершенно невероятные...

А послушайте дальше:

Возможно, некогда была такая ситуация — чуть не написал «было время», но это привело бы к путанице в понятиях, — что до возникновения Вселенной не существовало ни времени, ни пространства, а соответственно не существовало и координат той массы, которой предстояло взорваться, дабы положить начало Вселенной. Разумеется, разум человеческий не в силах представить себе ситуацию вне времени и пространства, хотя можно допустить, что и то и другое было потенциально заложено в космическом яйце, — а оно само по себе есть тайна, не поддающаяся воспроизведению в зрительных образах. И тем не менее интеллекту ведомо, что подобная ситуация действительно имела место, если только вся наша наука не заблуждается в корне. Однако закрадывается и сомнение: если не было ни времени, ни пространства, в какой же среде пребывало космическое яйцо?

— Звучит дерзко, — высказался Никодимус, — но не содержит никакой информации, ничего, что было бы полезно узнать. Этот тип пишет так, будто живет в вакууме. Такую околесицу можно было сочинить где угодно. Он почти не упоминает эту планету, разве что мимоходом бесцельно смеется над Плотоядом.

— Он старается забыть об этой планете, — предположил Хортон, — старается уйти в себя и не обращать на нее внимания. В сущности, он пытается создать себе псевдомир, который принес бы ему нечто иное, чем постылая планета.

— По каким-то причинам, — продолжила Элейн, — его очень заботило загрязнение окружающей среды. Вот послушайте еще одно рассуждение на этот счет:

Убежден, что появление разума ведет к нарушению экологического равновесия. Другими словами, разум — величайший загрязнитель природы. Как только существо начинает овладевать своим окружением, все ввергается в беспорядок. Пока этого не случилось, в природе действует система проверок и противовесов, логичная и эффективная в своей основе. Разум разрушает и видоизменяет эту систему даже если усердно старается оставить ее в покое. Нет и не может быть разума, живущего в гармонии с биосферой. Пусть он полагает, что достиг гармонии, пусть хвалится этим, но интеллект дает ему преимущество над природой, и всегда есть соблазн использовать преимущество к собственной выгоде. Итак, разум может дать огромный выигрыш в борьбе за существование, однако выигрыш этот краткосрочен, и в последнем счете разум оборачивается не созидателем, а разрушителем.

Она пролистала страницы, бегло вглядываясь в записи, и сказала:

— Так забавно читать на старшем языке! Я была не вполне уверена, что смогу.

— Шекспир владел пером не самым лучшим образом, — заметил Хортон.

— Достаточно хорошо, чтоб его писанину можно было прочесть. Надо только чуть-чуть приноровиться. Слушайте, тут что-то диковинное. Он пишет про божий час. Странное выражение...

— Однако довольно точное. По крайней мере, на этой планете такой час существует. Надо было сказать вам об этом раньше. Что-то нисходит с неба, хватает вас и раздает душу донага. Нисходит на всех, кроме Никодимуса. Никодимус едва замечает божий час. Похоже, что источник божьего часа — вне пределов планеты. По словам Плотояда, Шекспир считал, что час приходит из какой-то точки дальнего космоса. А что пишет он сам?

— Очевидно, запись сделана на основании долгого опыта, — ответила Элейн. — Судите сами:

Чувствую, что наконец-то научился я мириться с явлением, которое окрестил, за неимением лучшего определения, божьим часом. Плотояд, бедняга, все еще негодует на божий час и боится его, да и я, наверное, тоже боюсь. Однако к настоящему времени, испытывая его день за днем в течение многих лет и осознав, что от него не спрячешься и не убережешься, научился я принимать его как нечто неизбежное. В то же время обладает он свойством выводить человека за собственные пределы и выставлять перед лицом Вселенной, хотя, правду сказать, будь у меня выбор, вряд ли я или кто-либо другой пожелал бы выставляться подобным образом столь часто.

Беда, разумеется, в том, что в божий час видишь и испытываешь слишком многое и большую часть — а если не лукавить, то все без исключения — не понимаешь и потом остаешься как был, удерживая в памяти лишь обрывки испытанного. И, ужасаясь, спрашиваешь себя: а если человеческий интеллект и не годен на большее, если он способен воспринять лишь самую малость из того, перед чем его обнажали? Подчас недоумевал я: не есть ли это преднамеренный обучающий механизм? Но если так, то обучение ведется сверх всякой меры и развернутые научные тексты предъявляются бестолковому студенту, не ведающему азов того, чему его пытаются учить, а потому бессильному даже смутно уловить принципы, необходимые хотя бы для зачаточного понимания предмета.

Истинно, возникало во мне недоумение, однако и оно не шло дальше первичного и зачаточного. А с течением времени все более и более склонялся я к выводу, что божий час, как я воспринимаю его, не предназначен ни для меня, ни для кого бы то ни было из людей; божий час, каков бы ни был его механизм, исходит от сущности, совершенно не ведающей о нашем человеческом бытии. Возможно, сущность сия задохнулась бы в космическом хохоте, узнай она о том, что во Вселенной обитает такая козявка, как я. И постепенно пришел я к убеждению, что меня просто задевает рикошетом, отдельными шальными дробинками, а выстрел нацелен в иную, более крупную дичь.

Однако и к данному убеждению пришел я не ранее, чем осознал со всей остротой, что источник божьего часа каким-то образом и хотя бы мельком учуял меня, а потом непонятно как покопался в моей памяти и в душе, поскольку время от времени я стал обнажаться не перед космосом, а перед самим собой. Я обнажался перед прошлым и в течение некоего времени переживал вновь, пусть с известными искажениями, события прошлой жизни, почти неизменно неприятные до крайности, разные моменты, выхваченные из навоза моей души, где они лежали доселе глубоко захороненными, где я в стыде своем и раскаянии и держал бы их вечно. Но вот их выкопали и раскрыли передо мной, покуда я корчился, смущенный и оскорбленный при виде их, принужденный переживать заново те страницы жизни, какие я спрятал тщательно не только от взора других, но и от себя самого. И даже того хуже — не только события, но и фантазии определенного свойства, возникавшие исподволь в тайниках моей души. Я же и сам ужасался, когда сознавал, о чем фантазирую, — и все же, как ни извивался я, протестуя, их вытащили из моего подсознания и в безжалостном параде продемонстрировали мне сызнова. И не ведаю я, что хуже: раскрыться перед Вселенной или раскрыть собственные тайны перед самим собой.

И отдал я себе отчет, что божий час каким-то образом учуял меня, — вероятно, не меня как личность, а искорку материи, мерзкой и отвратительной, — и отразил на меня свое раздражение, что такая мерзость живет на свете. Не удосужился он причинить мне вреда, не раздавил меня, как раздавил бы я насекомое, а попросту смахнул или попытался смахнуть в сторону. И как ни странно, приободрило меня это отчасти, ибо, если божий час еле-еле ощутил меня, не угрожает мне от его лица никакая действительная опасность. И коль скоро уделяет он мне лишь мимолетное внимание, стало быть, нацеливается он на более крупную дичь. А единственно страшно в божьем часе то, что дичь сия должна быть поблизости, на этой самой планете. И не просто на планете, а на данном участке

планеты, — она должна быть поистине очень близко от нас.

Вывернул я себе мозги в потугах сообразить, что это за дичь и обитает ли здесь она и поныне. Был ли божий час нацелен на тех, кто населял заброшенный город, а если так, как могло случиться, что сила, ответственная за божий час, не ведает, что они ушли? Чем больше думаю, тем явственнее убеждаюсь, что и люди города ни при чем, что божий час нацелен на нечто пребывающее здесь и поныне. Осматриваюсь тщетно, что бы это могло быть, и не приближаюсь к ответу. Одержим я чувством, что гляжу на цель день за днем и не опознаю ее. Горестное это чувство и жуткое — размышлять подобным образом. Приходишь к тому, что глуп и невосприимчив, а по временам пугаешься, и отнюдь не шуточно. Если человек столь невосприимчив к реальности, так слеп по отношению к среде, так бесчувствен к повседневному окружению, тогда человечество и впрямь более немощно и неприспособленно, чем мы порою воображали.

Дойдя до конца записи, оставленной Шекспиром, Элейн подняла голову над страницей и спросила, смеив Хортон пристальным взглядом:

— Вы согласны с ним? Как вы реагируете на этот божий час — так же или по-другому?

— Я пережил его пока только дважды. Итог моим впечатлениям можно выразить просто — полное замешательство.

— Шекспир уверяет, что от божьего часа нет спасения. Что от него никак и нигде не спрячешься...

— А Плотояд прячется, — заметил Никодимус. — Залезает под крышу. Утверждает, что под крышей ощущение не столь скверное.

— Сами все поймете, осталось недолго ждать, — сказал Хортон. — Интуитивно я пришел к выводу, что пережить божий час легче, если не пытаешься сопротивляться. А описать его невозможно. Надо испытать самому, чтобы понять.

Элейн рассмеялась, звонко и немного нервно, и сказала:

— Жду не дождусь...

Глава 21

Плотояд вернулся, тяжело ступая, за час до заката. Никодимус уже нарезал мясо и присел над костром, обжаривая бифштексы. Небрежным жестом он показал на самый толстый ломоть, который лежал отдельно на подстилке из листьев, сорванных с ближайшего дерева.

— Это для тебя. Тебе я выбрал самый вкусный кусок.

— Пропитание, — отозвался Плотояд, — есть то, в чем я испытываю нужду. Благодарю тебя от имени моего живота.

Без промедления он подхватил мясо щупальцами обеих рук и скрючился перед самой поленницей, где сидели Элейн и Хортон. Поднял кусок к рылу и решительно вонзился в него клыками. По щекам заструилась кровь. Увлеченно жуя, он поднял взгляд на двух сотоварищей по лагерю.

— Надеюсь всячески, что не раздражаю вас своей неопрятной едой, — произнес он. — Великий голод терзал меня. Возможно, долженствовало немного подождать.

— Ничуть, — ответила Элейн. — Валяй ешь. Наши тоже будут готовы спустя минуту-другую.

И все же она не могла отвести болезненно-восхищенных глаз от кровавого пиршества — кровь стекала не только по рылу, но и по щупальцам Плотояда.

— Любишь хорошее красное мясо? — поинтересовался он.

— Привыкаю помаленьку.

— Никто вас не заставляет, — сказал Хортон. — Никодимус может найти для вас что-нибудь еще.

— Когда путешествуешь по многим мирам, — покачала она головой, — встречаешь множество обычаев, странных на первый взгляд. Иные из них наносят удар по давним предрассудкам. Однако при моем образе жизни предрассудкам нет места. Надо сохранять беспристрастие и восприимчивость, надо заставлять себя быть непредубежденной.

— Именно поэтому вы заставляете себя есть мясо вместе с нами?

— Поначалу так оно и было. Да отчасти и сейчас еще так. Но я, пожалуй, могу развить в себе любовь к животной плоти без большой натуги. Ты уверен, — обратилась она к Никодимусу, — что моя порция будет хорошо прожарена?

— Уже прожарена, — заверил Никодимус. — Я начал жарить для вас гораздо раньше, чем для Картера.

— Много раз говорил мне мой старый друг Шекспир, — вернул Плотояд, — что я совершенный неряха без всякого представления о приличиях, зато с грязными слюнявыми привычками. В опустошение, сказать вам правду, ввергает меня такая оценка, но слишком я стар, чтоб менять привычки, и ни при каких обстоятельствах не мог бы я стать завзятым денди. Если уж я неряха, то счастливый неряха, ибо неряшливость весьма уютна для того, кто ее исповедует.

— Ты неряха, спору нет, — откликнулся Хортон, — но, если это делает тебя счастливым, не обращай на нас внимания.

— Благодарен я вам за вашу доброту, — заявил Плотояд, — и рад, что не придется мне изменяться. Изменить себя мне трудно весьма. — Тут он, в свою очередь, повернулся к Никодимусу. — Ты уже почти исправил туннель?

— Не только не исправил, — ответил робот, — но почти пришел к убеждению, что исправить его нельзя.

— Ты имеешь в виду, что он не поддастся починке?

— Именно так, если только кого-нибудь не посетит какая-нибудь блестящая идея.

— Ну что ж, — заявил Плотояд, — хоть надежда всегда дрожит в печенках, я не удивлен. Длительно я гулял сегодня, беседа с собой, и внушал себе, что слишком многого ожидать не приходится. Уговаривал я себя, что жизнь не обходилась со мной сурово и давала мне много счастливых минут, стало быть, с учетом этого не должен я угнетаться отдельными несчастливыми событиями. И искал я наедине с собой каких-то альтернативных путей. Сдается мне, что стоило бы испробовать магию. Ты говорил мне, Картер Хортон, что не доверяешь магии и не понимаешь ее. Ты и Шекспир — одно и то же. Потешался он над магией нещадно. Говорил, что нет от нее проку ни на грош. Но, может, наша новая подруга не думает так жестоко?

Он умоляюще посмотрел на Элейн.

— Ты пробовал применять свою магию? — спросила она.

— Пробовать-то я пробовал, — ответил он, — но под презрительное улюлюканье Шекспира. Улюлюканье, понял я, лишает магию силы, ослабляет ее вплоть до полной недееспособности.

— Не знаю, лишает ли силы, — сказала Элейн, — но уверена, что не доводит до добра.

Плотояд глубокомысленно кивнул.

— И спросил я себя: если магия откажет, если робот не справится, если окажется все ни к чему, что мне делать тогда? Остаться здесь на планете? Я ответил себе, что нет, разумеется, нет. Разумеется, новые друзья найдут для меня местечко, когда отлетят отсюда в глубины пространства...

— Теперь ты решил напирать на нас, — посетовал Никодимус. — Валяй хнычь. Катайся по земле, сучи ногами, вой волком. Только все это ни к чему. Мы не можем ввести тебя в холодный сон, и...

— По крайней мере, — заявил Плотояд, — я среди друзей. И буду, пока не умру, среди друзей и далеко отсюда. Я не займу много места. Скорчусь где-нибудь в уголке. Умерю себя в еде. Не встряну у вас на пути. И буду держать свой рот на запоре.

— Вот будет праздник! — отозвался Никодимус.

— Решать Кораблю, — сказал Хортон. — Я потолкую с Кораблем насчет тебя. Но не могу обещать ничего определенного.

— Вы сознаете, — продолжал Плотояд, — что я есть воин. А воину пристойно умереть лишь одним образом, в кровавой схватке. Хотел бы я умереть именно так. Но возможно, такая смерть мне не выпала. Склоняю голову перед судьбой. Тем не менее не желаю умереть здесь, где некому свидетельствовать мою смерть, некому погоревать о бедном Плотояде, покинувшем сей мир. Не желаю влачить свои последние дни в ненавистной никчемности этой планеты, обойденной временем...

— Вот оно! — вдруг воскликнула Элейн. — Время! Как же я раньше не подумала!

Хортон удивленно взглянул на нее:

— Время? Что вы имеете в виду? При чем тут время?

— Куб, — сказала она. — Куб, найденный нами в городе. С существом. Этот куб — замороженное время.

— Замороженное время? — переспросил Никодимус. — Время нельзя заморозить. Можно заморозить людей, и пищу, и многое другое. А время не замораживают.

— Хорошо, — согласилась она, — остановленное время. Есть рассказы, легенды, что время можно остановить. Оно ведь течет. Двигается. Остановить поток, застопорить движение. Ни прошлого, ни будущего, одно настоящее. Вечное настоящее. Настоящее, выхваченное из прошлого и продленное в будущее, которое для нас ныне стало настоящим.

— Ты просто как Шекспир, — пробурчал Плотояд. — Шекспир всегда извергал тарабарщину. Блям, блям, блям. Говорил вещи, лишённые смысла. Только чтоб послужить собственной речи.

— Ничего подобного, — настаивала Элейн. — Я говорю правду. На многих планетах рассказывают, что временем можно управлять, что существуют способы его контролировать. Правда, никто не может назвать никаких имен...

— Может, это умели строители туннелей?

— Никогда никаких имен. Только легенда, что это возможно.

— Но почему именно здесь? Зачем понадобилось замораживать во времени это существо?

— Быть может, чтоб оно дождалось чего-то. Быть может, наступит день, когда в нем возникнет нужда. Быть может, те, кто заморозил существо во времени, не знали точно, когда такая нужда возникнет.

— И оно ждало здесь века, — подхватил Хортон, — и будет ждать еще тысячелетия...

— Но вы не поняли! — ответила Элейн. — Века или тысячелетия — для него нет разницы. В замороженном состоянии оно не ощущает времени. Оно живет и продолжает жить в одной застывшей микросекунде...

И тут ударил божий час.

Глава 22

В первое мгновение Хортон разбрызгало по Вселенной, и он испытал то же мучительное ощущение бесконечности, что и раньше, — но затем брызги собрались воедино, Вселенная сузилась, странные ощущения прекратились. Время и пространство вновь вступили в согласие, скрепились друг с другом, и он понял, где находится, хотя при этом его собственное «я» почему-то раздвоилось. Впрочем, раздвоенность не причиняла ему никаких неудобств и даже казалась вполне естественной.

Он сидел на корточках на теплой, черной и тучной земле меж двумя овощными грядками. Грядки убегали вдаль двумя зелеными линиями, разделенными полоской черноты. А слева и справа шли еще и еще зеленые линии, параллельные и бессчетные, с разделительными черными полосками, хоть эти полосы приходилось додумывать: зелень грядки сливалась, образуя сплошной темно-зеленый ковер.

Он сидел на корточках, и почва грела его босые подошвы. Глянув через плечо, он увидел позади себя, далеко-далеко, край зеленого ковра — тот упирался в здание такой высоты, что крыша терялась в пухлых белых облаках, пришипленных к голубизне неба.

Он был маленьким мальчиком и собирал бобы, густо облепившие каждое растение на поле. Левой рукой раздвигал кустики, чтобы легче добраться до стручков, прячущихся в листве, а правой срывал стручки и бросал

в корзину, стоящую перед ним на черном междурядье. Корзина была полна наполовину.

Но тут он заметил то, на что до сих пор не обращал внимания: впереди между грядок поджидали и другие корзины, расставленные примерно с равными интервалами. Кто-то заранее прикинул, на каком расстоянии корзина заполнится и понадобится новая. А позади него тоже были корзины, но уже полные доверху и готовые к погрузке в тележку, которая пройдет по междурядьям и подберет корзины с бобами, только она прибудет попозже.

И еще одно он осознал не сразу: на поле он был не один, было много других сборщиков, по большей части дети, но еще старики и старухи. Некоторые сборщики обогнали его — работали то ли быстрее, то ли менее тщательно, — другие поотстали.

Небо было испятнано облаками, ленивыми курчавыми облаками, но в данный момент они не прикрывали солнце, и оно палило свирепым теплом, прожигаящим тоненькую рубашку. Он полз вдоль грядок, стараясь работать добросовестно, оставляя мелкие стручки висеть, чтоб дозрели через день-два, и срывая остальные, — а солнце жгло спину, пот сбегал от подмышек и щекотал ребра, зато ноги нежились в мягком тепле хорошо вспаханной, окультуренной земли. Мозг бездействовал, сосредоточившись на настоящем, не заглядывая ни в прошлое, ни в будущее, а довольствуясь настоящим, словно он был не мальчик, а тоже растение, поглощающее тепло и странным образом извлекающее пропитание из почвы, в точности как созревшие для сбора бобы.

И все-таки дело обстояло сложнее. На поле был мальчик лет девяти-десяти, а рядом или где-то невдалеке расположился нынешний Картер Хортон, отдельный и как будто невидимый, наблюдающий за мальчиком, каким он сам был когда-то, заново ощущающий и испытывающий то, что ощущал и испытывал тогда. Но знающий неизмеримо больше мальчика, знающий то, о чем мальчик и не догадывался, впитавший в себя годы и события, что пролегли между обширным бобовым полем и нынешней секундой в космосе, за тысячу световых лет от Земли. И, в частности, знающий недоступную мальчику истину, что взрослые мужчины и женщины в гигантском здании за полем и во множестве таких же

зданий по всей Земле уже утадали приближение очередного кризиса и в тот самый момент искали, как его разрешить.

Ну не странно ли, размышлял Хортон нынешний, что даже по второму кругу человечество не поумнело: надо было дойти до кризиса, чтобы додуматься наконец, что единственный выход из тупика — перебраться на другие планеты, в другие гипотетические солнечные системы, и попробовать начать там все сначала. Пусть на каких-то планетах попытки потерпят крах, зато на других, не исключено, приведут к успеху.

Ведь менее чем за пять столетий до этого утра на бобовой деланке Земля уже пережила нечто подобное, обессилев не вследствие войн, а в результате развала экономики в мировых масштабах. Когда система, основанная на погоне за прибылью и частном предпринимательстве, развалилась по трещинам, которые стали заметны еще в начале XX века, когда большая часть основных природных ресурсов исчерпала себя, когда население росло не по дням, а по часам, а заводы, не считаясь с этим, вырабатывали все больше сберегающих труд устройств, когда былой избыток пищи ушел в прошлое и земляне уже не могли прокормиться, — когда все это накопилось, грянули и последствия: голод, безработица, инфляция и потеря доверия к мировым лидерам. Правительство рухнуло, промышленность, связь и торговля заглохли, и на Земле воцарились анархия и хаос.

Затем из недр анархии вылупился новый образ жизни, рекомендованный не политиками, не государственными мужами, а учеными, экономистами и социологами. Но прошло всего несколько сот лет — и новое общество опять предъявило симптомы, пославшие ученых в лаборатории, а инженеров к чертежным столам с задачей сконструировать звездолеты, способные унести человечество в космос. Симптомы были прочитаны правильно, сказал себе второй, невидимый Хортон, поскольку не далее как поутру (но в какой день? в этот же самый или в какой-то другой?) Элейн сообщила ему, что и тот образ жизни, который экономисты с социологами мастерили столь тщательно, рухнул необратимо.

Земля слишком тяжело больна, подумал он, слишком опозорена, истощена и отравлена прошлыми ошибками человечества. Выжить она просто не может.

Он вновь ощутил почву под босыми ногами и дуновение ветерка, что пронесся над полем и овеял пропотевшую, перегретую солнцем спину. Уронив в корзину горсть бобов, он передвинул ее немного вперед, переполз следом и потянулся к новому кустику. Кустикам, казалось, не будет конца. Корзина была почти полна, но уже совсем рядом его поджидала следующая, пустая.

Он начал уставать. Глянул на солнце и убедился, что до полудня остается еще час, если не больше. В полдень вдоль грядки покатит обеденная повозка, потом получасовой перерыв, а потом предстоит опять собирать бобы до самого заката. Вытянув правую ладошку перед собой, он принялся сгибать и разгибать пальцы, чтоб перестали хрустеть и чуть-чуть отдохнули. Ладошка и пальцы были перепачканы зеленью.

Он устал, ему было жарко, он уже проголодался, а впереди лежал еще весь долгий день. Но продолжать сбор бобов — это был его долг, как и долг сотен других сборщиков, самых малых и самых старых: каждый обязан делать то, что ему посильно, освобождая более умелых для иных, более важных работ. Опершись понадежнее на пятки, он уставился на необъятный зеленый простор. Сейчас бобы, а позже пойдут другие овощи сообразно сезону, и весь урожай надо убрать в срок, чтоб жители башни могли прокормиться.

Прокормить жителей башни, подумал Хортон (второй, бестелесный, невидимый Хортон), прокормить свое племя, свой клан, свою общину. Свой народ. Наш народ. Один за всех и все за одного. Башни для того и строили высокими, выше облаков, чтоб они занимали как можно меньше земли. Города торчали вертикальными карандашами, чтоб почва оставалась свободной и давала пищу, необходимую жителям башен-карандашей. А внутри башен люди жили в тесноте, потому что, как бы ни наращивать башни, они должны строиться экономно до предела.

Довольствуйся малым. Не расточай. Обходись без излишеств. Выращивай и собирай пищу, ползая на карачках, поскольку топлива совсем мало. Питайся углеводами, поскольку на их производство уходит меньше энергии, чем на производство белков. Строй и производи товары на длительный срок, а не потому, что прежние вышли из моды, — как только люди отказались от погони за прибылью, выбрасывать устаревшие вещи

стало казаться преступным, да что там, просто смешным.

Когда промышленность развалилась, подумал он, мы начали выращивать пищу сами для себя, мы стали сами стирать белье для себя и для соседей. Главное — уцелеть, свести концы с концами! Мы вернулись к племенным обычаям, разве что предпочли примитивным хижинам здания-монолиты. В свое время мы насмеялись над прежними временами, над участием в прибылях, над производственной этикой, над частным предпринимательством, но сколько бы мы ни насмеялись, в нас по-прежнему живет хворь, присущая всему человечеству. Что бы мы ни затевали, сказал он себе, в нас живет хворь. Неужто человек органически не способен достичь гармонии со своим окружением? Неужто человечество, чтобы выжить, должно каждые несколько тысячелетий насиловать новые планеты? Мы что, навек обречены мигрировать, как стая саранчи, по Галактике, по всей Вселенной? И что, Галактика, космос обречены нас терпеть? Или настанет день, когда Вселенная поднимет бунт и сметет нас — не во гневе, а из раздражения? Да, в нас есть, подумал он еще, известное величие, но величие разрушительное и самовлюбленное. С тех пор как возник человеческий род, Земля вытерпела около двух миллионов лет, хоть по большей части эти годы не были столь разрушительными, как сейчас, — понадобилось время, чтоб наша разрушительность набрала полную силу. Но коли мы начали, как сейчас, осваиваться на других планетах, долгий ли срок нужен для размножения смертельного вируса, овладевшего человечеством, много ли надо, чтобы болезнь пошла в рост?

Мальчик в очередной раз раздвинул кустики и в очередной раз потянулся сорвать выглянувшие из кустиков бобы. Какой-то червяк, сидевший на листьях, а теперь потерявший опору, отвалился и плюхнулся вниз. Стукнувшись оземь, червяк свернулся шариком. Едва ли отдав себе отчет в том, что он делает, и не прерывая работы, мальчик шевельнул ногой, поднял ее и опустил, вдавливая червяка поглубже в почву.

Вдруг откуда-то поднялся серый туман, стирая бобовое поле да и здание-монолит, поднявшееся в небо на целую милю, и там вдали, посреди неба, укутанный в серый туман, появился череп Шекспира. Туман вился

прихотливыми прядями, а череп взирал на Хортон сверху вниз — не глядел презрительно, не усмехался, а взирал почти общительно, словно оба они существовали во плоти, словно барьера смерти между ними не было вовсе.

К собственному удивлению, Хортон обратился к черепу:

— Что это значит, давний товарищ?..

Обращение, что ни говори, было странным, поскольку Шекспир не был и не мог быть его товарищем. Если только в том смысле, что все люди — товарищи по несчастью, ибо все принадлежат к небывалой и устрашающей расе, размножившейся на одной планете, а затем не от смелости, а скорее с отчаяния ринувшейся в Галактику и забравшейся бог весть как далеко: ведь сегодня ни один человек не скажет точно, как далеко забрались остальные.

— Что это значит, давний товарищ?..

И выбор слов был странен не в меньшей мере, поскольку Хортон знал, что в такой манере не говорил ни с кем и никогда, — словно он прибег к адаптации речи, какую использовал в своих пьесах тот, первоначальный Шекспир, и адаптация-то была дурацкой, достойной Матушки Гусыни *. Словно и сам он был уже не Картером Хортоном, а еще одной адаптацией в духе Матушки Гусыни, механически изрекающей истины, о каких он, человек, в свое время грезил. Он даже осерчал на себя за то, что изображал кого-то другого, — но как ни старался, найти себя прежнего больше не мог. Душа чересчур запуталась с этим мальчишкой, раздавившим червяка, и с внезапно заговорившим иссохшим черепом, и у него не осталось ни дороги, ни тропинки к самому себе.

— Что это значит, давний товарищ? — спросил он. — Ты говоришь, что мы все заблудились, что мы затеряны. Где мы заблудились? Как? Почему? Докопался ли ты до истоков нашей затерянности? Она в наших генах или с нами что-то случилось? И только ли мы одни такие заблудшие или есть и другие такие же? А может,

* От имени Матушки Гусыни в Лондоне в 1760 году была издана одна из первых детских книжек.

затерянность — врожденное свойство разума, любого разума?

И череп ответил, клацая костлявыми челюстями:

— Мы затеряны. Вот и все, что я сказал. Я не стал копаться в философских основах этой затерянности. Мы заблудились, потому что утратили Землю. Заблудились, потому что не знаем, где мы и куда идем. Потому что не можем найти дороги домой. Для нас не осталось места, где преклонить голову. Мы бредем диковинными дорогами по диковинным землям, и все, что попадает на пути, для нас лишено смысла. Когда-то мы знали какие-то ответы, потому что знали, какие задать вопросы, — теперь мы не можем найти ответ ни на один вопрос, ибо не знаем, что спрашивать. Когда другие, кто населяет Галактику, протягивают нам руку и пытаются вступить в контакт, мы не ведаем, что им сказать. Мы попали в положение безмозглых идиотов, лишившихся не только цели, но и здравого смысла. Там и тогда, на твоей замечательной бобовой полянке, тебе было всего-то десять, но у тебя было какое-то чувство цели и понимание, куда идти, а теперь у тебя не осталось ни того ни другого...

— Да, — согласился Хортон, — наверное, не осталось.

— Точно, черт тебя побери, не осталось. Тебе хочется знать ответы, не так ли?

— Какие ответы?

— Любые. Любые ответы лучше, чем совсем никаких. Пойди, задай свои вопросы Пруду.

— Пруду? Что может Пруд мне сказать? Просто лужа грязной воды...

— Это не вода. Сам знаешь, что не вода.

— Верно. Не вода. Тебе известно, что это такое?

— Нет, неизвестно, — сказал Шекспир.

— Ты пробовал говорить с Прудом?

— Не хватало смелости. В глубине души я трус.

— Ты боялся Пруда?

— Да не его. Боялся того, что он может мне сказать.

— Но ты что-то знал о Пруде. Ты догадался, что с ним можно разговаривать. И тем не менее не написал об этом ни слова.

— Откуда ты знаешь? — спросил Шекспир. — Ты еще не прочел всего, что я написал. Впрочем, ты прав:

я никогда не писал про Пруд ничего, кроме того, что он воняет. И не писал потому, что не желал даже думать об этом. Во мне поднималась большая тревога. Это же не просто пруд. Даже если бы там была только вода, это был бы не просто пруд.

— Но почему тревога? Почему тебя обуревали такие мысли?

— Человек гордится своим разумом, — ответил Шекспир. — Хвалится своим рассудком и своей логикой. Но и то и другое — его недавние приобретения, совсем недавние, говоря по правде. До того у нас было кое-что еще. Наверное, это кое-что проснулось во мне и подсказало держаться подальше от Пруда. Назови это внутренним чувством, интуицией или как тебе заблагорассудится. У наших доисторических предков это было и служило им верой и правдой. Они знали, хоть и не могли бы объяснить, почему и откуда. Они знали, чего бояться и избегать, и по большому счету именно такое знание всего нужнее для выживания вида. Чего бояться, от чего уклоняться, чего не трогать. Ощутил — выжил, проворонил — не взыщи...

— Кто говорит со мной — твой дух? Твоя тень? Твой призрак?

— Сначала скажи мне, — ответил череп, клакая челюстями без двух передних зубов, — сначала скажи мне, что есть жизнь и что есть смерть. Тогда я смогу ответить тебе насчет духов и теней.

Глава 23

Череп Шекспира висел, как прежде, над дверью и ухмылялся, посматривая на них сверху вниз, — а ведь мгновением раньше, напомнил себе Хортон, череп не ухмылялся, а разговаривал, как живой человек. Это было странно, но нисколько не страшно, и, главное, он тогда не ухмылялся. И два выбитых передних зуба были всего-навсего выбитыми зубами, а теперь за ними пряталась сверхъестественность, действующая на нервы. Теперь, в наступивших сумерках, на гладкой кости играли отблески костра, и мерещилось, что челюсти продолжают двигаться, а бездонные черные ямы на месте глаз подмигивают саркастично.

— Ну вот, — заявил Никодимус, поглядев на бифштексы, — этот божий час безжалостно угробил мою стряпню. Мясо почти сгорело.

— Да ладно, — отозвался Хортон. — Я люблю с кровью, но это не так уж важно...

Элейн рядом с Хортоном, казалось, с большим трудом выбралась из транса.

— Почему вы не предупредили меня? — выговорила она с упреком. — Почему не предупредили, на что это будет похоже?

— А как это передашь, — заступился за Хортона Плотояд. — Как выразишь, когда все внутри ежится...

— И на что же это было похоже? — перебил Хортон.

— Это было ужасно, — сказала она. — И замечательно. Словно кто-то взял тебя и отвел на огромную космическую гору, и перед тобой расстелена вся Вселенная — все ее величие, все чудеса и все печали. Вся любовь и ненависть, все сострадание и безразличие. Стоишь в своей хрупкой брэнности, а тебя обдувают ветры, способные поколебать миры. Сперва чувствуешь себя потерянной и смущенной, словно попала куда-то, где тебе не положено быть, потом вспоминаешь, что не сама напросилась сюда, что тебя забрали помимо воли, и все встает на место. И сразу понимаешь, на что глядишь, и это совершенно не то, что можно было себе представить, — если тебе когда-нибудь приходило в голову, что такое можно представить, чего, разумеется, не было. Стоишь на этой горе и таращишься, сначала не понимаешь вообще ничего, потом мало-помалу до тебя что-то доходит, будто тебе терпеливо растолковывают, что же такое ты видишь. И в конце концов охватываешь всю картину целиком, используя истины, о которых ты и не подозревала, и вот уже почти отдаешь себе отчет в том, как оно все устроено, но прежде чем успеваешь отдать себе отчет, картина исчезает. Как раз в тот момент, когда ты готова осознать увиденное хотя бы отчасти, все исчезает...

А ведь довольно точно описано, подумал Хортон, по крайней мере, раньше для него это тоже было так. Но на сей раз все было иначе, как Шекспир и написал: божий час может изменяться. И какова же логика этих изменений, в чем их причина?

— Сегодня я засек время, — заявил Никодимус. — Воздействие длилось чуть меньше четверти часа. А вам показалось меньше или больше?

— Больше, — ответила Элейн. — Мне показалось, это длилось целую вечность.

Никодимус перевел вопросительный взгляд на Хортон.

— Чего не знаю, того не знаю, — сказал тот. — У меня не сохранилось ясного ощущения времени.

Разговор с Шекспиром был не слишком продолжительным, но сколько времени было проведено на бобовом поле? Он попытался мысленно прикинуть — и не нащупал даже примерной догадки.

— А для вас это было так же? — допытывалась Элейн. — Вы видели то же или почти то же, что и я? Этого-то вы и не могли описать?

— Сегодня было по-другому. Я вернулся в собственное детство.

— И только-то? — удивилась она. — Вернулись в детство, и все?

— И все, — подтвердил Хортон. Он не мог заставить себя рассказать о разговоре с черепом. Рассказ прозвучал бы дико, а Плотояд еще, чего доброго, впал бы в панику. Лучше уж, решил он, просто промолчать.

— Одного я желал бы, — заявил Плотояд, — чтоб божий час поведал нам, как починить туннель. Ты уверен вполне, — обратился он к Никодимусу, — что не сумеешь продвинуться с ремонтом далее?

— Не представляю себе, куда продвигаться и как, — признался робот. — Я старался снять с контрольной панели крышку и не сумел. Старался вырубить панель из скалы зубилом, но камень оказался твердым как сталь. Зубило просто отскакивает. Это не обычный камень. Его каким-то образом подвергли молекулярной перестройке.

— Магию должно бы попробовать. Если мы вчетвером...

— Не знаю я никакой магии, — отрезал Никодимус.

— Я тоже, — примкнул к роботу Хортон.

— Кое-какую магию знаю я, — заявил Плотояд, — и, может статься, миледи тоже...

— Какую магию ты знаешь, Плотояд?

— Магию корней, магию трав, магию танцев.

— Это все примитивные виды магии, — сказала Элейн. — Они не принесут большой пользы.

— По самой своей природе любая магия примитивна, — объявил Никодимус. — Магия есть обращение невежества к силам, которые оно полагает могущественными, хоть и не уверено в их существовании.

— Не обязательно, — возразила Элейн. — Я встречала народы с действенной магией, на которую можно положить. Их магия имеет, если не ошибаюсь, математическую основу.

— Но это, наверное, другая математика, не та, какую применяем мы, — сказал Хортон.

— Верно. Совсем не та, какую применяем мы.

— И этой магии вы не постигли! — возопил Плотояд. — Потребной математики не постигли!..

— Извини, Плотояд. Не знаю даже самых ее начатков.

— Мою магию вы отвергаете, — завывал Плотояд. — Вы, все вы, отвергаете меня самым раздражительным образом. Над простой моей магией, магией трав, коры и листьев, глумитесь вы с уверенностью в своей правоте. А потом вы сообщаете мне об иной магии, какая могла бы сработать, могла бы открыть туннель, и, оказывается, этой магии вы тоже не знаете!..

— Еще раз, — сказала Элейн, — прими мои извинения, Плотояд. Мне очень хотелось бы, ради твоего блага, владеть нужной магией. Но мы здесь, а она далеко-далеко, и даже если бы я могла отправиться на ее поиски, на поиски тех, кто владеет ею, нет уверенности, что они заинтересовались бы нашей проблемой. Они же, вне всякого сомнения, высокомерные гордецы, и договориться с ними было бы нелегко.

— И никого, — заявил Плотояд с чувством, — это по-настоящему не заботит. Вы трое в любой момент вернетесь на корабль...

— Поутру можно будет пойти к туннелю снова, — сказал Никодимус примирительно, — и осмотреть там все еще раз. Может, заметим что-нибудь, на что раньше не обратили внимания. В конце концов, я сосредоточился на контрольной панели, а в сам туннель никто не заглядывал. Может, там отыщется какой-нибудь ключ к решению.

— Вы и впрямь поступите так? — воспрял духом Плотояд. — Вы и впрямь согласны сделать это ради старины Плотояда?

— И впрямь, — откликнулся Никодимус. — Ради старины Плотояда чего только не сделаешь...

Ну вот и все, подумал Хортон. Завтра поутру они опять отправятся к туннелю и осмотрят там все снова. И ничего не найдут. И ни черта больше не смогут сделать — хотя, если начистоту, это неточное выражение, потому что вплоть до настоящей минуты они и не сделали ни черта. Потребовалось несколько тысяч лет — принимая на веру даты, какие сообщила Элейн, — чтобы они наконец нашли планету, пригодную для человека, и вот с места в карьер бросились спасать иное

существо, из чего тоже не вышло ни черта. Вроде бы нелогичные мысли, попытался он остановить себя, но ведь честные! Ни черта они не нашли ценного, кроме изумрудов, но в той ситуации, в какой они оказались, изумруды не стоило даже с земли поднимать. Нет, пожалуй, если разобраться, им все-таки удалось обнаружить нечто стоящее затраченного времени. Но и на это они, по крайней мере на первый взгляд, не вправе претендовать. Наследником Шекспира по справедливости следует считать Плотояда, а значит, и шекспировский томик должен принадлежать ему...

Хортон поднял глаза на череп, прибитый над дверью.

Мне хотелось бы иметь твою книгу, — обратился он к черепу, не говоря вслух. — Хотелось бы взяться и прочесть все до слова, попробовать пережить вместе с тобой, изгнанником, здешнюю жизнь день за днем, рассудить, где кончается твое безумие и начинается мудрость, и несомненно обнаружить в конечном счете больше мудрости, чем безумия. Ибо и в безумии подчас проявляется величайшая мудрость. Хотелось бы привести твои записи в хронологический порядок — ты писал отрывочно и бессистемно, а хотелось бы понять, что ты был за человек и как сумел поладить с одиночеством и со смертью.

Слушай, я действительно говорил с тобой? — спросил он, обращаясь к черепу. — Ты преодолел границу смерти для того, чтобы вступить со мной в контакт, а может, специально для того, чтобы сообщить мне про Пруд? Или ты искал любого, любую каплю интеллекта, лишь бы она была в данный момент расположена отбросить естественный скепсис и потому могла вступить с тобой в беседу? Ты сказал мне: пойди, задай свои вопросы Пруду. А как их задать? Просто подойти к Пруду и заявить: Шекспир решил, что мне хорошо бы поговорить с тобой, так валяй, разговаривай? И что ты на самом-то деле знаешь про Пруд? Может, ты хотел сообщить мне про него больше, да не успел? Сейчас я спрашиваю тебя без опаски, поскольку ты сейчас не способен ответить. Но ведь мне самому легче поверить, что я действительно говорил с тобой, если я сейчас обрушу на тебя шквал вопросов, на которые заведомо не получу ответа. Каких ответов ждешь от выветренных костей, припиленных над порогом?

Плотояду ты ничего подобного не говорил, но этого от тебя, в общем, и требовать не приходится. В своем безумии ты боялся его даже сильнее, чем соглашался передать на бумаге. Ты, Шекспир, был очень странной личностью, и мне искренне жаль, что я не был знаком с тобой, хотя, наверное, теперь я с тобой познакомился. Даже, быть может, познакомился лучше, чем если бы знал тебя во плоти. И уж наверняка я понимаю тебя лучше, чем понимал Плотояд, потому что я как-никак человек, а Плотояд — не человек..

Да, Плотояд вспомнился кстати. Что с ним делать? Настал момент, когда кто-то должен принять решение, что делать с ним и для него. Плотояд — убогий гадкий грязнуля, непривлекательный, подчас омерзительный, и все-таки для него надо что-то сделать. Люди разбудили в нем надежду и тем лишили себя права просто удрать и бросить его здесь. Спросить Корабль? Следовало бы спросить, да страшно. Хортон даже не пытался связаться с Кораблем, потому что при первой же попытке такого рода вопрос о Плотояде всплывет неизбежно, и ответ Корабля известен заранее. И это будет ответ, какой не хочется слышать, невыносимо холодный и жестокий ответ...

— Этот пруд воняет сегодня нестерпимо, — заявил Плотояд. — Выпадают дни, когда он воняет хуже, чем всегда, и если ветер подходящий, от вони житья нет...

Как только слова проникли в его сознание, Хортон вновь различил других усевшихся у костра, а череп Шекспира стал снова не более чем белым пятном над дверью.

В воздухе действительно ощущалось зловоние, тяжелый гнилостный запах Пруда, и вдруг из-за пределов светового круга, очерченного костром, донесся шелестящий свист. Свист услышали все, головы дружно повернулись на звук. И все замолкли, вслушиваясь, невольно ожидая, что звук повторится.

Он повторился, а кроме того, в окружающей тьме возник намек на движение, частичка тьмы словно шевельнулась, но не отчетливо, а именно намеком. Малая толика тьмы чуть блеснула, будто какая-то крошечная ее грань отразила пламя костра, как зеркало. Блеск усиливался, разрастался, движение во тьме стало не-

оспоримым — из тьмы к ним, посвистывая, катился шар, еще более темный, чем ночь.

Намек на движение сменился ощущением движения, а затем внезапно оно стало нескрываемым и откровенным. Из ночи на огонек костра прибыл сгусток глубочайшего мрака — шар примерно двух футов в диаметре. Вместе с шаром прибыла вонь, кошмарная вонь, и тем не менее с приближением к костру вонь как бы понемногу теряла свою остроту.

Футах в десяти от костра шар затормозил и замер. В недрах черной сферы будто затаился слабый масляный отблеск. Шар ждал. Он был совершенно недвижим, поверхность не пульсировала и не трепетала, и не было ни малейших признаков, что шар только что двигался и вообще способен к движению.

— Это Пруд, — заявил Никодимус, стараясь говорить потише, будто не желая потревожить гостя или спугнуть. — Шар из Пруда. Кусок Пруда пожаловал к нам с визитом.

В группе у костра возникло напряжение с примесью испуга — но, отметил про себя Хортон, испуг не был чрезмерным, никого не раздавил, а по сути сводился к неожиданности и удивлению. Словно шар сознательно принял меры, чтоб удержать их испуг в определенных рамках.

— Это не вода, — пояснил Хортон. — Я был там сегодня. Эта жидкость тяжелее воды. Как ртуть, хоть это и не ртуть.

— Тогда часть ее действительно могла свернуться в шар, — сказала Элейн.

— Треклятая штука живая, — пропищал Плотояд. — Она лежит себе там, все про нас знает и шпионит за нами. Шекспир говорил, с Прудом дело нечисто. Он боялся Пруда. Ни за что не подходил к Пруду близко. Шекспир был самый законченный трус. Говорил, в трусости подчас сокрыта вся глубина мудрости.

— Тут творится многое, — заметил Никодимус, — чего мы не в состоянии постичь. Закрытый туннель, существо, замурованное во времени, а теперь этот шар. У меня такое чувство, что вот-вот должно случиться что-то еще...

— А ты как полагаешь? — обратился Хортон к шару. — Что-то действительно должно случиться? Ты явился, чтобы предупредить нас об этом?

Шар не издал ни звука. Он не шевелился, просто молчал и ждал. Никодимус шагнул в его сторону.

— Оставь его в покое, — резко приказал Хортон.

Робот застыл. Снова воцарилось молчание. Что тут можно было сделать и что сказать? Пруд прибыл по собственной инициативе, и выбрать следующий шаг надлежало ему.

Шар шевельнулся, чуть задрожал и начал отступать, откатываясь назад во тьму, пока от него не осталось даже воспоминания, хотя Хортону еще долго мерещилось, что его можно различить. При движении шар шелестел и присвистывал, но и этот звук постепенно замер в отдалении. И вонь, к которой они уже почти привыкли, стала рассасываться.

Никодимус вернулся к костру, присел у огня и спросил:

— Ну и что бы это значило?

— Желал поглядеть на нас, — предположил Плотояд, подвывая. — Приходил познакомиться...

— Но зачем? — удивилась Элейн. — Зачем ему понадобилось знакомиться с нами?

— Кому дано знать о том, что понадобилось Пруду? — заявил Никодимус неприязненно.

— Это можно выяснить одним-единственным способом, — сказал Хортон. — Пойду к Пруду и задам вопрос напрямую.

— Не слыхивал ничего безумнее, — заявил Никодимус. — Должно быть, планета подействовала вам на психику.

— А мне это вовсе не кажется безумным, — сказала Элейн. — Пруд приходил к нам в гости. Я пойду с вами.

— Нет, не пойдете, — отрезал Хортон. — Я пойду в одиночку. А вы все оставайтесь здесь. Никто не пойдет со мной, и никто не станет следить за мной — понятно?

— Послушайте, Картер, — подал голос Никодимус, — не можете же вы бросить нас ни с того ни с сего...

— Пусть его идет, — проворчал Плотояд. — Приятно знать, что не все люди подобны моему трусливому другу, там, над дверью. — Кое-как приподнявшись, он отдал Хортону неуклюжий, почти насмешливый салют. — Иди, мой отважный друг. Иди к супостату и сразись с ним лицом к лицу.

Глава 24

Он дважды сбивался с дороги, пропуская нужный поворот, но в конце концов достиг цели и кое-как сполз по крутому откосу к самому краю Пруда. Свет фонарика отразился от глянцевой, будто затвердевшей поверхности.

Ночь была зловеще тиха. Пруд покоился перед ним плоский и безжизненный. Небо было усыпано незнакомыми звездами. Если оглянуться, можно было различить отблеск костра на верхушках высоких деревьев. Упершись каблуками понадежнее в нависшую над Прудом каменную полку, Хортон нагнулся и произнес — одновременно вслух и про себя:

— Ладно. Давай потолкуем...

Сказал, подождал ответа — и ему почудилось, что Пруд шевельнулся, немного, совсем чуть-чуть. Намети-лась некая зыбь, которая не была настоящей зыбью, а от дальнего берега прилетел шепоток, словно легкий ветер пролетел в камышах. И тут же он ощутил, как что-то шевельнулось в мозгу, возникло и принялось разрастаться...

Он подождал еще. Шевеление в мозгу прекратилось, но какие-то координаты вдруг сместились, — впрочем, он не подумал ни о каких координатах, не знал даже, что дело связано с координатами, — и его перенесло неведомо куда. Показалось, что его лишили телесной оболочки и подвесили в неизвестности, в пустоте, где

кроме него находился только голубой шар. Шар ослепительно сверкал в лучах солнца, светившего из-за левого плеча Хортона, вернее, с того направления, где должно бы быть левое плечо, — ведь он не испытывал уверенности в том, что у него вообще есть тело.

То ли шар двигался в его сторону, то ли он падал в сторону шара, — что именно происходило, оставалось неясным. Так или иначе голубой шар увеличивался в размерах. И по мере увеличения покрывался крапинками, космами белизны, и Хортон понял, что шар представляет собой планету, частично прикрытую облаками, просто до поры облака было не различить на ярко-голубом фоне.

Теперь уже не оставалось сомнений, что он падает сквозь атмосферу планеты, хоть падение было управляемым и потому нестрашным. Точнее, он не падал, а планировал вниз, как планирует пушинка в потоке воздуха. Шар вырос настолько, что исчез, не умещаясь в поле зрения. Внизу простиралась лишь бескрайняя голубизна с белыми вкраплениями облаков, а кроме облаков, не было никаких ориентиров и ни малейших признаков континентальной суши.

Он двигался все быстрее, летел вниз камнем, но иллюзия пушинки почему-то не исчезала. Приблизившись к поверхности планеты, он стал различать на ее голубизне рябь — вода волновалась под порывами гуляющего над ней ветра. И что-то мгновенно подсказало ему: нет, не вода. Жидкость, но не вода. Жидкостный мир, жидкая планета, где нет ни континентов, ни даже островов.

Жидкая планета?

— Так вот оно что, — произнес Хортон, произнес тем ртом, что остался в теле, присевшем на берегу Пруда. — Вот ты откуда прибыл. Вот что ты такое...

И вновь ощутил себя пушинкой, парящей над планетой, — и вдруг на его глазах океан под ним стал вздуваться огромным пузырем. Часть жидкости выпятилась вверх, округлилась и образовала шар много меньший, чем планета, хотя, возможно, поперечником в несколько миль. Во всех прочих отношениях шар напоминал тот, что пожаловал недавно к костру. Шар оторвался от океана и начал подниматься — сперва медленно, затем все быстрее и быстрее, пока не устремился прямо на Хортона на огромной скорости, как исполин-

ское пушечное ядро. Однако ядро не задело его, а пронеслось совсем рядом. Воздушные завихрения, вызванные полетом жидкого ядра, закрутили Хортон, обратившегося в пушинку, и потащили за собой. Издалека донеслись мощные раскаты грома: атмосфера с грохотом рушилась обратно в прорванную ядром дыру.

Оглянувшись, Хортон увидел, что планета удаляется от него, быстро отступает в пространство. Что такое, подумал он, что это произошло с планетой? И почти без промедления понял: действительно произошло, только не с планетой, а с ним самим. Захваченный притяжением жидкого пушечного ядра, качаясь и трясясь в гравитационной ловушке, он устремился вслед за ядром в глубины космоса.

Ситуация утратила всякий смысл. Он потерял какое бы то ни было представление о направлении. Не считая жидкого пушечного ядра и далеких звезд, у него не было других ориентиров, а эти, оставшиеся, в сущности ничего не значили. Казалось, он лишился способности следить за временем, и измерить пространство было нечем. Правда, он сохранил какой-то след собственной личности, да и тот потускнел до слабенькой искорки. Вот что бывает, отметил он самодовольно, когда ты не связан путами тела: преодолеть миллион световых лет для тебя не более чем шаг шагнуть, и тысяча тысячелетий не более значима, чем быстротечная секунда. Единственное, что он сознавал постоянно, — это голос пространства, словно океан низвергался куда-то водопадом тысячемильной высоты. К реву водопада примешивался еще один звук, тоненькая попевка на самой границе слышимости, — так, объяснил он себе, могли бы вздыхать зарницы, проникающие на эту сторону бесконечности и несущие в себе, можно не сомневаться, автограф самого времени.

На мгновение Хортон отвлекся, а когда опять посмотрел на шар, тащивший его за собой сквозь космос, то выяснилось, что шар обнаружил солнечную систему и направился к одной из ее планет, которую окутывала плотная атмосфера. На глазах у Хортон шар вздулся с одного бока и породил шарик меньшего размера. Шарик оторвался от родителя и вышел на орбиту вокруг планеты, в то время как больший шар, описав кривую, ринулся дальше в космические бездны. При этом шар отпустил Хортон, стряхнул и отбросил прочь, и он стал

падать вниз, в сторону темной планеты. Страх вцепился в душу острыми когтями, и он раскрыл рот, чтоб испустить крик, немало удивившись тому, что у него есть рот и он способен на крик. Но прежде чем крик вырвался из рта, кричать отпала нужда: Хортон очутился снова в собственном теле у кромки Пруда.

Глаза у него оказались плотно зажмурены, и он открыл их с усилием, почему-то уверенный, что разомкнуть веки будет непросто. Но зрение вернулось сразу и полностью, невзирая на ночную тьму. Пруд мирно покоился в своей каменной чаше. В жидком, без единой морщинки зеркале отражался свет звезд, усыпавших небо над головой. Справа конической тенью высился курган, чуть различимый на фоне темной равнины. Слева, как затаившийся черный зверь, нависал гребень, где находился брошенный поселок.

— Вот оно как, — сказал Хортон Пруд, сказал тихо, почти что шепотом, будто речь шла о секрете, который следует оберегать от посторонних. — Ты колония жидкой планеты. Возможно, одна из многих. Но зачем вам колонии? Какой прок планете от колоний? Живой океан расселяет свои частицы, тарелки и чашки своего естества, по другим солнечным системам. Но что вы выиграете от такого расселения? Что надеетесь выиграть?..

Он замолк на полуслове, припав к камню в тишине столь глубокой, что она действовала на нервы. Тишина была вязкой, всепроникающей, и ему мерещилось даже, что он по-прежнему слышит тоненькую космическую попевку времени.

— Поговори со мной, — взмолился он. — Почему ты молчишь? Ты можешь вести рассказ в картинах — почему не в словах?

Ибо, добавил он про себя, того, что мне показали, мало. Мало знать, что представляет собою Пруд и как он сюда попал. Это только начало, основополагающий факт, и сам по себе факт еще не проясняет ни мотивов, ни причин, ни целей — а они важны, чрезвычайно важны.

— Послушай, — продолжал Хортон все так же умоляюще, — ты одна жизнь, я другая. По самой своей природе мы не можем нанести друг другу вреда, и нам незачем желать друг другу плохого. Значит, ни тебе ни мне нечего бояться. Нет, я, пожалуй, поставлю вопрос

иначе: могу ли я что-нибудь для тебя сделать? Есть ли что-нибудь, чего ты от меня хочешь? А если нет, что вполне вероятно, раз уж уровни нашего бытия столь несхожи, почему бы нам не попытаться рассказать друг другу побольше и лучше понять друг друга? Ты должен обладать разумом. Вне сомнения, заселение планет — не простое веление инстинкта, совсем не то, что у растений, разбрасывающих семена, чтоб они взошли на новой почве. Точно так же, как и наше появление здесь — не просто попытка высеять семена нашей культуры, предпринятая вслепую...

Он вновь замолк и стал ждать ответа. И опять ощутил, как что-то шевелится в мозгу, вернее, проникает в мозг и пытается составить послание, нарисовать картину. Медленно, мучительными толчками, картина оформлялась и прояснялась — сперва хаотичные мазки, потом нерезкие пятна и, наконец, изображение сродни мультипликационному. Изображение продолжало меняться — еще, и еще, и еще, с каждой переменной прорисовываясь четче и определеннее, пока Хортону не привиделось, что их стало двое, два Хортона, сидящих у кромки Пруда. Только один из двоих не просто сидел, а держал в руке бутылку — ту самую, принесенную накануне из города, — и, наклонившись, погружал бутылку в жидкость Пруда. Как зачарованный, он смотрел — оба Хортона смотрели, — как бутылка булькнула и из нее вырвался на поверхность рой пузырьков: жидкость Пруда, заполнив емкость, вытеснила оттуда воздух.

— Ладно, — сказал Хортон-первый. — Ладно, налью тебя в бутылку, и что дальше?

Картинка сменилась еще раз. Хортон-второй, бережно неся бутылку, поднимался по трапу на Корабль, хотя Корабль получился плохо, был весь перекошен и искажен. Корабль походил на себя не более, чем гравировка на бутылке — на тех существ, которых она, по-видимому, должна была изображать. Вторая половина Хортона вошла в Корабль, трап поднялся, и Корабль взлетел с планеты, направляясь в космос.

— Стало быть, ты хочешь отправиться в путь вместе с нами, — сообразил Хортон. — Во имя всего святого, есть ли на этой планете кто-нибудь и что-нибудь, кому и чему не хотелось бы отправиться с нами? Но ты согласен на малое, на одну бутылку себя...

На сей раз картинка в мозгу не заставила себя ждать. Возникла диаграмма — дальняя жидкая планета и множество других, и к каждой из этих других направлялись шары, сбрасывая на подлете капли-поселения. Диаграмма сменилась новой — от всех заселенных планет и от самой жидкой планеты шли линии, пересекающиеся в одной определенной точке космического пространства, и там, где линии сходились, был вычерчен круг. Линии погасли, а круг остался, и вновь к нему со всех сторон протянулись линии, стремящиеся в одну точку.

— Ты имеешь в виду, что... — начал Хортон, и все повторилось в той же последовательности. — Значит, вы неразделимы? Ты хочешь мне сказать, что в действительности все вы — единый разум? Не много сознаний, а одно-единственное? Одно исполинское «я»? Не «мы», а единое «я»? Что ты, лежащий передо мной, на самом деле лишь ответвление единой жизни?

Квадрат диаграммы загорелся белым светом.

— Ты даешь мне знать, что я прав? Что я угадал?

Диаграмма в мозгу погасла, и на смену ей пришло ощущение необыкновенного счастья, удовлетворения от верно решенной задачи. Ни слов, ни символов. Просто уверенность в своей правоте, в точности найденного ответа.

— Но я говорю с тобой, и ты, видимо, понимаешь меня. Как тебе это удается?

Опять что-то закопошилось в мозгу, но на сей раз картинки не получилось. Какое-то трепетание, какие-то смутные образы, а потом пустота.

— Значит, — произнес Хортон, — ты и хотел бы объяснить, да не можешь...

А может, подумал он, и нет нужды объяснять? Он мог бы догадаться самостоятельно. Он же беседует с Кораблем при помощи устройства, вмонтированного в мозг, как бы оно там ни называлось. И здесь, вероятно, используется сходный принцип. Правда, беседы с Кораблем ведутся с помощью слов, но это потому, что Корабль знает слова. У них с Кораблем есть общее средство общения, а с Прудом такого средства нет и быть не может. Пруд не остался ничего другого, кроме как уловить какие-то основные оттенки мыслей, сопровождающих выговариваемые вслух слова, — ведь вместе со словами возникают соответствующие мысли,

не так ли? — и прибегнуть к самому примитивному из всех средств общения, к картинкам. К таким же картинкам, что малевали на стенах пещер, вырезали на глиняных горшках, рисовали на бумаге, только спроецированным прямо в мозг. Зримо воплощающим мыслительные процессы.

А в общем-то, сказал он себе, это не имеет большого значения. Лишь бы можно было общаться. Лишь бы идеи могли пересечь разделяющий нас барьер. Ну не безумие ли, что хрупкая конструкция из множества разных тканей тщится беседовать с массой биологической жидкости? И не только с теми галлонами жидкости, что заполняют каменную чашу, но с миллиардами миллиардов галлонов на дальней планете...

Пришлось пошевелиться и сменить позу — мышцы ног совсем затекли от сидения на корточках.

— Но зачем тебе это надо? — спросил он. — Почему ты хочешь отправиться вместе с нами? Уж конечно, не для того, чтоб основать еще одну крошечную колонию объемом в бутылку на какой-нибудь иной планете, которую мы, может статься, отыщем через несколько веков полета. Это была бы полная бессмыслица. Ты же знаешь куда лучшие способы насаждать свои колонии...

И вновь картинка не заставила себя ждать. Жидкая планета висела, блистая своей потрясающей голубизной, на фоне ослепительно черного космоса, и от нее расходились тонкие иззубренные линии, множество иззубренных линий, нацеленных на другие планеты. Линии еще не достигли мишеней, еще змеились по диаграмме, а Хортон уже каким-то образом осознал, что мишенями служат те небесные тела, где жидкая планета основала свои колонии. Мелькнула мысль: иззубренные линии удивительно напоминают общепринятое среди людей обозначение молнии, — и сам собой пришел вывод, что Пруд ради удобства общения позаимствовал у него человеческие условные обозначения.

Одна из многих планет-мишеней на диаграмме надвинулась на Хортон, резко выросла в размерах — и оказалось, что это не планета, а Корабль, по-прежнему перекошенный, но узнаваемый безошибочно. Молния ударила в центр Корабля, отразилась и ринулась прямо на Хортон. Он инстинктивно пригнулся, но запоздал: молния поразила его точно в лоб. Его раздробило и

разметало по Вселенной, разделило донага и выставило на всеобщее обозрение. И в этот самый момент откуда-то прилетел великий покой и мягко снизошел на него. В этот самый момент, в полыхнувшую долю секунды, он увидел и понял. И в единый миг вновь вернулся обратно, в собственное тело, на каменную полку у кромки Пруда.

Божий час! Неправдоподобно! Однако, едва он подумал об этом, идея начала обретать правдоподобие и даже логичность. Человеческое тело, как и все сложные биологические тела, имеет нервную систему, которая по сути не что иное, как сеть связи. Почему же, коль скоро ему это понятно, он артачится при мысли о такой же системе связи, но охватывающей десятки и сотни световых лет и предназначенной для соединения осколков иного разума, рассыпанных по Вселенной? Божий час — сигнал, напоминающий каждой из обособленных колоний, что они остаются и останутся частью единого организма, что этот организм в действительности целен и неделим.

Божий час задевает людей рикошетом, к такому заключению он пришел раньше вслед за Шекспиром, задевает шальными дробинками, а выстрел нацелен в кого-то другого. Теперь он знал, в кого: целью был Пруд. Но если так, если людей задевает лишь рикошетом, тогда зачем Пруду хотеть, чтобы Хортон и Корабль остались под воздействием дробинки? Зачем Пруду хотеть очутиться на Корабле в бутылочке и тем самым включить Хортона и Корабль в число мишеней божьего часа? Или он, слабый человек, чего-то не понял?

— Я чего-то не понял? — обратился он к Пруду, и в ответ его опять раздробило и раскрыло, а вместе с тем пришло чувство покоя.

Честное слово, смешно, сказал он себе. До сих пор он не ведал покоя, а был разве что напуган и сбит с толку. Между тем покой связан со способностью понимать, хотя покамест покой пришел, а понимания как не было, так и нет. Ничего страшного: сперва только покой без понимания, даже без осознания, какого рода понимание от него требуется, но раз пришло впечатление, что понимание возможно, со временем оно будет достигнуто. Впрочем, самому Хортону, если откровенно, понимание представлялось не менее обескураживающим, чем его отсутствие. Хотя, напомнил он себе, это не обязательно относится ко всем остальным людям: к

примеру, Элейн почудилось, что она что-то поняла, почудилось на короткий миг и утратилось, но на миг понимание посетило ее!..

Пруд предлагал ему нечто — ему и Кораблю, — и неблагодарностью, если не хамством, было бы искать в этом предложении скрытый смысл, кроме желания одного разума поделиться с другим разумом частицей своих знаний, своего проникновения в суть вещей. Как он уже сказал Пруду, между столь несхожими видами жизни не может быть конфликтов. По самой сути различий между ними они не могут ни соперничать друг с другом, ни вступить в противоборство. И тем не менее в глубине сознания будто верещал тревожный колокольчик, встроенный в любой человеческий мозг. Это нехорошо, доказывал он себе, свирепея, это просто недостойно, — а колокольчик все равно не смолкал. Нельзя умножать свою уязвимость, настаивал колокольчик, нельзя выставлять напоказ душу, нельзя доверять никому и ничему, пока надежная многократная проверка не докажет с тройной гарантией, что доверие не причинит вреда.

Хотя, как знать, возразил он себе, предложение Пруда может быть и не вполне бескорыстным. Человечество тоже может располагать какими-то ценностями — сведениями, перспективой или углом зрения, этической концепцией, исторической оценкой, которые вдруг да и пригодятся Пруду. Достаточно было подумать об этом, чтобы почувствовать прилив гордости: если человечество способно принести какую-то пользу этому немислимому интеллекту, значит, у разумных существ, как бы они ни были несхожи, всегда найдется общий язык или они сумеют такой язык создать.

Человеку, по каким бы то ни было причинам, предлагался дар, очевидно, весьма весомый по свойственной Пруду шкале ценностей. Отнюдь не безвкусная безделушка, какую самодовольная зрелая цивилизация могла бы предложить дикарям. Шекспир записал, что божий час — это, возможно, обучающий механизм, и подобная гипотеза, конечно, может быть небезосновательной. А что если, подумалось Хортону, это религиозная служба? Или гораздо проще — опознавательный сигнал, родовой клич, обычай регулярно напоминать Пруду и всем другим Прудам по всей Галактике об их общности, об едином «я», о том, что каждый из них — всегда

вместе со всеми и с планетой-родительницей. Не исключено, что это просто знак братства, — но если так, тогда ему и через него всему человечеству предложен в этом братстве по меньшей мере временный статус.

И все же Хортон был убежден, что этот дар — нечто большее, чем знак дипломатического признания. На третий раз, когда божий час настиг его, его не подвергали символическому эксперименту, пережитому в двух предыдущих случаях, а преподнесли ему эпизод из собственного детства и чисто человеческую фантазию, в которой он беседовал с клацающим черепом Шекспира. Спрашивается: что, божий час просто выступил в роли катализатора его воображения или все случилось оттого, что механизм (механизм ли?), ответственный за божий час, сумел проникнуть в его сознание и душу и исследовал их, испытал и проанализировал — не прикидывался, что разбирается в них, а действительно разобрался. Что-то подобное, напомнил себе Хортон, было пережито и Шекспиром.

— Есть ли что-нибудь, чего ты хочешь? — задал он вопрос вслух. — Ты делаешь это для нас — что мы можем сделать для тебя?

Он подождал ответа, но ответа не было. Пруд лежал темный и недвижный, на поверхности дрожал крапинками звездный свет.

Как он только что выразился? Ты делаешь это для нас — что мы можем сделать для тебя? Подразумевая вроде бы, что Пруд предложил людям нечто очень ценное, жизненно им необходимое. Но помилуй, сказал он себе, а так ли это? Предложено ли людям нечто и впрямь необходимое или хотя бы желанное? А может стать, нечто, без чего они всегда обходились и охотно обошлись бы и впредь?

Он устыдился своих сомнений. Ведь это же первый контакт, усовестил себя Хортон. Нет, неверно. Первый контакт для него и для Корабля, но не для Пруда и множества других Прудов на других планетах. И не первый контакт для других людей. С тех пор как Корабль покинул Землю, человек расселился по Галактике, и осколки человечества наверняка выходили на множество первых контактов с существами странными и удивительными.

— Пруд! — позвал Хортон. — Я же говорил с тобой. Почему ты мне не отвечаешь, Пруд?

В глубине мозга ощутил какой-то легкий трепет, слабенький и умиротворенный, словно щенок вздохнул тихонько, укладываясь спать.

— Пруд! — снова позвал Хортон.

Зов остался безответным. Трепет не повторился. И что, это конец, больше ничего не будет? А может, Пруд устал? Предположение, право, смехотворное: неужели такая штука, как Пруд, способна устать?

Он встал на ноги, затекшие мышцы распрямились с облегчением. Но уходить не спешил — стоял и вслушивался в себя, изумляясь всему происшедшему, еле успевая за мыслями, грохочущими в голове.

Только вспомнить, как разочарован он был, впервые взглядевшись в эту планету, разочарован тем, что она не казалась чужой. Он еще посмел подумать, что это неопрятная, халтурно вылепленная Земля. А затем он упрямо отстаивал первое свое впечатление, поспешное и халтурное впечатление, коли на то пошло.

Теперь настала пора уходить — его отпустили, — но уходить, как ни удивительно, не хотелось. Будто, едва обретя нового друга, он противился необходимости сказать «прощай». Впрочем, не то, совсем не то: дружбой тут и не пахло. Он порылся в памяти, подыскивая более подходящее слово. Такого слова не было, оно никак не приходило на ум.

Да и возможна ли дружба, истинная дружба, между двумя столь несхожими интеллектами? Существуют ли общие интересы, общее поле согласия, в пределах которого можно без насилия над собой сказать другому: да, я согласен с тобой, твои подходы к вопросам гуманности и к вопросам философии базируются на иной точке зрения, однако наши выводы в принципе совпадают?

В деталях, ответил себе Хортон, согласие почти невероятно. Однако если исходить из более широких принципов, так почему бы и нет?

— Спокойной ночи, Пруд, — сказал он. — Очень рад, что в конце концов обрел тебя. Надеюсь, все сложится благоприятно для нас обоих...

Не торопясь он вскарабкался на скалистый берег и зашагал назад по тропинке, подсвечивая себе фонариком. За поворотом в луче света мелькнуло белое пятно. Он перевел луч на пятно, — оказалось, это Элейн.

— Решила выйти тебе навстречу, — сказала она.

— Ну и глупо, — ответил он, приблизившись. — Могла бы заблудиться...

— Я была просто не в силах усидеть там. Должна была разыскать тебя во что бы то ни стало. Я боюсь. Вот-вот что-то случится...

— Опять необъяснимое чувство? Как когда мы нашли существо, запертое во времени?

— Наверное, оно самое, — кивнула она. — Мне неуютно, я не знаю, на что решиться. Будто стою на доске над обрывом, и надо прыгнуть, но не знаю куда.

— После того, что было утром, я склонен тебе поверить. То есть не тебе, а твоему предчувствию. Или это не просто предчувствие?

— Сама не знаю. Но оно такое сильное, что я боюсь, отчаянно боюсь. Слушай, ты не откажешься провести ночь вместе со мной? У меня одеяло, рассчитанное на двоих. Ты поделишь его со мной?

— С удовольствием. Даже почту за честь.

— Дело не только в том, что мы мужчина и женщина. Хотя, наверное, не без этого. Но прежде всего мы два человеческих существа, единственные на этой планете. Мы не можем обойтись друг без друга.

— Да, — подтвердил он. — Не можем.

— У тебя была женщина. Ты сказал, все другие умерли...

— Элен. Да, она умерла сотни лет назад, хотя для меня это было только вчера.

— Потому что ты спал?

— Да, конечно. Время во сне отменяется.

— Если хочешь, можешь вообразить себе, что я Элен. Я не возражаю.

Он присмотрелся к ней и сказал:

— А зачем мне притворяться?..

Глава 25

Вот и конец вашей теории, — заявил ученый монаху, — о том, что нашего чела коснулась рука Бога.

А мне все равно, — откликнулась светская дама. — Мне эта планета не нравится. Я считала и считаю, что она нервотрепная. Вы можете восторгаться, что обнаружили новую форму жизни, новый интеллект, совершенно не похожий на нас, а мне он нравится не больше, чем вся планета.

Должен признаться, — сообщил монах, — мне не слишком по сердцу идея, что Пруд очутится у нас на борту, хотя бы в бутылке. Не понимаю, зачем Картер согласился на это.

Припомните хорошенько все, что произошло между Картером и Прудом, — возразил ученый, — и вы увидите, что Картер ничего определенного не обещал. Хотя, на мой взгляд, мы обязаны взять Пруд на борт. Если мы поймем, что допустили ошибку, то существует самое простое лекарство. В любую секунду, как только мы прикажем, Никодимус освободит Корабль от Пруда, вышвырнув его за борт.

Но зачем нам вообще с ним связываться? — задала вопрос светская дама. — Явление, которое Картер именует божьим часом, для нас ничего не значит. Задевает нас вскользь, и все. Мы чувствуем его, как и Никодимус, но не испытываем в той мере, как Картер и Шекспир. Что испытывает Плотьояд, мы в сущности не знаем. Он

прежде всего путается, а чего, толком объяснить не может.

Убежден: испытания так называемого божьего часа минуют нас потому, — изрек ученый, — что наш разум подготовлен гораздо лучше, лучше дисциплинирован...

Еще бы, ведь от нас и не осталось ничего, кроме разума, — съязвил монах.

Именно так, — поддержал ученый. — Я намеревался сказать, что, поскольку наш разум лучше дисциплинирован, мы не даем этому божьему часу завладеть им. Не даем ему добраться до нас. Однако если бы мы раскрыли ему наш интеллект, то, вероятно, извлекли бы из этого намного больше пользы, чем все другие.

Даже если такого не случится, — заметил монах, — на борту есть Хортон. По части божьего часа он уже специалист.

А девица? — спросила светская дама. — Элейн — так ее, кажется, зовут? Очень неплохо, что на борту снова будет двое людей.

Это же ненадолго, — оборвал ее ученый. — Огунли Хортон или вместе с ней, их вскоре придется отправить в холодный сон. Мы не вправе разрешить нашим пассажирам-людям стареть. Они — важный ресурс, который следует использовать с максимальной отдачей.

Всего-то несколько месяцев, — предложила светская дама. — За несколько месяцев они смогли бы научиться у божьего часа многому.

Мы не вправе растратить даже несколько месяцев, — отрезал ученый. — Человеческая жизнь коротка, и это еще мягко сказано.

К нам это не относится, — заметил монах.

Мы не можем сузить и о продолжительности нашей собственной жизни, — заявил ученый. — По крайней мере пока не можем. Хоть я и склонен считать, что мы уже не люди в полном смысле слова.

Ну конечно, мы люди! — воскликнула светская дама. — Даже чересчур люди. Мы цепляемся за наши личности и прежние привычки. Мы то и дело ссоримся. Мы не можем одолеть своих предрассудков. Мы все еще спорим и мелочимся. Разве такими нас задуmывали? Предполагалось, что три наших разума сольются и станут единым разумом, более мощным и продуктив-

ным, чем три разума порознь. И я говорю сейчас не только о себе — я недалекая женщина, и сама это признаю, — но, сэр ученый, оглянитесь на свое поведение! Ваше преувеличенное ученое самомнение толкает вас к тому, что вы все время норовите доказать свое превосходство — над кем? Над простодушной ветреной женщиной и бестолковым трусишкой в рясе...

Не считаю приличным вступать в спор, — объявил ученый, — но разрешите напомнить, что бывали случаи...

Вот именно, отдельные случаи, — ответил монах. — В глубине межзвездного пространства, когда нас ничто не отвлекало, а с другой стороны, когда мы пресыщались сведением счетов и нам становилось до смерти скучно. Тогда мы объединялись просто со скуки. Однако до состояния, какого от нас ожидали там на Земле — до чистопробного общего разума, — все равно оставалось куда как далеко. Хотел бы я поглядеть на физиономии чванливых неврологов и психологов с птичьими мозгами, всех, кто разрабатывал эту схему, доведись им узнать, чем обернутся их расчеты в действительности. Хотя, конечно, они все до одного давно мертвы...

Пустота, — изрекла светская дама, — это она бросала нас друг к другу. Пустота и неизвестность за стенами Корабля. Мы жались друг к другу как трое детишек, перепутанных пустотой. Три разума сбивались в кучу ради самозащиты, а больше ничего и не было.

Да, возможно, — согласился ученый, — вы подошли близко к истине. При всей горечи ваших слов — довольно близко.

Никакой во мне нет горечи, — не согласилась светская дама. — Если обо мне вообще вспомнят, то как о самоотверженной особе, которая всю жизнь жертвовала собой, а в конце концов принесла жертву большую, чем можно ждать от кого бы то ни было. Обо мне будут думать как о той, что отдала и тело и отраду смерти ради продвижения к...

Вот и вновь, — заметил монах, — все сводится к обычному человеческому тщеславию и греховным людским надеждам. Насчет отрады смерти я с вами не согласен, а насчет пустоты вы правы.

Пустота, — повторил ученый, обращаясь к себе. — Да, вне сомнения, всему виной пустота. Ну не странно

ли: казалось бы, я должен был воспринять пустоту как должное, я и не ждал ничего другого, а все-таки не воспринял и не примирился. И меня обуяла та же инстинктивная реакция, что и двух других, и завершилась она тем же позорным страхом. Но я-то знаю и всегда знал, что пустота — понятие относительное! Космос вовсе не пуст, и мне это прекрасно известно. В космосе есть материя, пусть разреженная, и значительная ее доля состоит из довольно сложных молекул. Я повторял себе снова и снова: там не пустота, там не пустота, там есть материя. Но сколько ни повторял, а убедить себя не мог. Наверное, оттого, что в кажущейся пустоте космоса царят безразличие и неприютность, человек хочет спастись от них и забивается в свою скорлупу. Самое худшее в пустоте то, что кажешься себе таким маленьким и ничтожным, а ведь это чепуховая мысль, с которой надо бороться, потому что жизнь, пусть малая по размеру, не может быть ничтожной. По существу, если что-то имеет значение во всей Вселенной, то это — жизнь...

И все-таки, — напомнил монах, — случалось, что мы преодолевали свой испуг и не жались друг к другу, а забывали о Корабле и становились новоявленной сущностью, шагающей по пустоте самым естественным образом, словно мы гуляем по лугу или по саду. Мне всегда сдавалось, что это случается только тогда, что такое состояние наступает только тогда, когда мы доходим до крайности, до последней черты, до самого края хилых способностей человечества. Тогда и только тогда наступает это состояние, будто срабатывает предохранительный клапан, и мы вступаем на новую плоскость бытия...

Ну что ж, я тоже вспоминаю нечто в таком роде, — поддержал монаха ученый, — и это воспоминание внушает мне кое-какую надежду. Вот, казалось, мы совсем зашли в тупик, почти убедили себя в безысходности нашего положения — и вдруг вспоминается фактик, подающий надежду. Беда в том, что ситуация для нас вновь. Прошла тысяча лет, а все еще вновь. И ситуация столь уникальная, столь чуждая всем человеческим представлениям, что остается лишь диву даваться, как мы умудрились не запутаться еще основательнее.

В беседу опять вступила светская дама:

Вы не забыли, что здесь, на этой планете, мы время от времени улавливали иной интеллект? Даже не интеллект, а как бы его дуновение, словно мы охотничьи псы, унюхавшие старый след. Ныне мы познали всю мощь интеллекта Пруда, — говорю об этом с неохотой, хватит с меня иных разумов, сыта по горло, — но ведь интеллект Пруда вроде бы вовсе не тот, какой мы улавливали. Возможно ли, чтобы на этой гурацкой планете существовал еще один развитой интеллект?

Может, это существо, запертое во времени, — предположил монах. — Дуновение, которое мы замечали, было очень слабым, почти неуловимым. Будто интеллект нарочно укрывлся, не желая, чтоб его обнаружили.

Сомневаюсь, что ваша догадка правдоподобна, — заявил ученый. — То, что арестовано во времени, скорее всего, заметить вообще нельзя. Не могу представить себе более надежного изоляционного материала, чем экран остановленного времени. Самое ужасное, что о времени мы ведь совсем ничего не знаем. Пространство, материя и энергия — факторы, которые мы вроде бы постигли, поняли их смысл, по крайней мере, теоретически. А время остается полной загадкой. Мы не в силах даже убедиться в его реальном существовании. У времени нет рычагов, за которые можно ухватиться, чтоб его исследовать.

Значит, тут может скрываться еще один интеллект, нам неизвестный?

А мне все равно, — оповестила светская дама. — Не знаю и не хочу знать. Надеюсь, что милая головоломка, в которую нас угораздило вляпаться, так или иначе вскоре подойдет к концу, и мы уберемся отсюда восвояси.

Да уж, осталось недолго, — откликнулся монах. — Может, еще несколько часов. Планета закрыта, и больше тут ничего не сделаешь. Поутру они отправятся к туннелю, осмотрят его снова и поймут окончательно, что исправить его не смогут. Но, прежде чем это произойдет, нам предстоит принять решение. Картер нас не спрашивал, побоялся спросить. Побоялся услышать наш ответ.

Ответ, разумеется, будет отрицательным, — без колебаний заявил ученый. — Как ни жаль, мы обязаны ответить «нет». Картер, наверное, подумает о нас неприязненно. Вероятно, скажет, что мы утратили

человечность вместе с телами и сохранили лишь безучастный рассудок. Но это в нем будет говорить его доброта, не помнящая, что мы обречены на суровость, что доброта здесь, вдали от нашей прежней благоустроенной планеты, не может играть никакой полезной роли. Более того, такая доброта не была бы благом для самого Плотояда. Он был бы вынужден влачить жалкое существование в железной клетке, рядом с Никодимусом, который его ненавидит. И Плотояд, в свою очередь, ненавидит робота, а может, и боится. Мы спровоцировали бы ситуацию, день за днем подбрасывающую угли в костер его позора: он, заслуженный воин, убивший множество зловредных чудищ, и вот пал так низко, что боится двуногой машины — Никодимуса...

И правильно боится, — заметил монах, — потому что рано или поздно Никодимус бы несомненно его прикончил.

Он такой неопрятный, — вставила светская дама, мысленно содрогнувшись, — Такой нечувствительный, и никакого в нем изящества, никакой предупредительности...

Вы о ком? — осведомился монах. — О Плотояде или о Никодимусе?

Ну что вы! Вовсе не о Никодимусе. Никодимус у нас смысленый.

Глава 26

Пруд испустил крик ужаса.

Хортон уловил крик краем сознания и шевельнулся, с трудом выбираясь из дремотного тепла, близости, интимной наготы, цепляясь всеми чувствами за человека рядом, за женщину — но нет, ее принадлежность к роду человеческому была важна не менее, чем пол, ведь на этой планете людей было двое, всего только двое.

Пруд издал новый крик, тревожный и резкий, как сирена, и крик вошел в мозг ножом. Хортон сел, кутаясь в одеяло.

— Что с тобой, Картер Хортон? — сонно осведомилась Элейн.

— Это Пруд. Там что-то неладно...

Первый проблеск рассвета уже взбежал по небу на востоке, пришла призрачная полутьма, из которой смутными силуэтами выступали деревья и домик Шекспира. Костер почти догорел, от него остался лишь слой углей, подмигивающих воспаленными докрасна глазками. За костром, повернувшись в сторону Пруда, стоял Никодимус. И не просто стоял, а застыл в полный рост настороже.

— На, возьми штаны, — сказала Элейн.

Хортон протянул руку, взял брюки и обратился к роботу:

— Что там такое, Никодимус?

— Что-то вскрикнуло. Не то чтобы вслух. Но я почувствовал крик.

Хортон кое-как втиснулся в брюки, ежась от рас-светного холодка. Крик прозвучал снова, еще призыв-нее и настойчивее, чем раньше.

— Глянь-ка на тропинку, — сказала Элейн сдавлен-ным голосом.

Хортон послушался и чуть не поперхнулся. Их было трое. Белые, гладкие, они выглядели как слизняки, вставшие на попа, скользкие безобразные твари, впло-не подобные тем, какие попадают под перевернутыми камнями. Двигались они быстро, подскакивая на ниж-нем заостренном конце тела. Ног у них не было, но это им ничуть не мешало. Рук и лиц у них не было тоже — просто-напросто жирные самодовольные слизняки, резво скачущие по тропинке со стороны туннеля.

— Вот и еще трое, кому теперь отсюда не выбрать-ся, — заметил Никодимус. — Нас тут скоро будет це-лая компания. Хотел бы я знать, почему столько су-ществ попадает именно сюда?

Из домика Шекспира неверной со сна походкой вывалился Плотояд. Потянулся, почесался, потом заме-тил слизняков и спросил:

— Это что за чертовщина?

— Они не представились, — отозвался робот. — Да и появились всего минуту назад...

— Смешные твари, не правда ли? — высказался Плотояд. — Без ног, а скачут...

— Что-то происходит, — заявила Элейн. — Что-то страшное. Помнишь, вчера вечером я чувствовала: что-то должно случиться, и вот, случилось...

Три слизняка допрыгали до лагеря и, не удостоив людей у костра ни малейшим вниманием, прошмыгнули мимо на тропинку, ведущую к Пруду. Тем временем на востоке совсем посветлело, а где-то далеко в лесу раздался странный звук, словно кто-то провел палкой по изгороди из кольев.

Новый крик Пруда хлестнул Хортону по нервам, и он бросился бегом по той же тропинке. Плотояд дер-жался с ним вровень, просто шагая вприпрыжку.

— Не откроешь ли ты мне, — спросил он на ходу, — что свершилось такого, чтобы все посходили с ума и пустились вскачь?

— Пруд попал в какую-то беду.

— Как он может попасть в беду? Кто-нибудь решил швырять в него крупными камнями?

— Не знаю, — признался Хортон, — но он громко кричит...

Взбежав на гребень, тропинка описала крутую дугу. Внизу лежал Пруд, а за Прудом возвышался конический холм. Холм изменялся, с ним что-то происходило. Он выпячивался вверх и разваливался на куски, а из него поднималось нечто темное и жуткое. Три слизня сгрудились вместе и скорчились на берегу.

Плотояд вдруг прибавил скорости и стремглав понесся по тропке под уклон. Хортон заорал:

— Назад, дурак! Назад, полоумный дурак!..

— Хортон, гляди! — вскрикнула Элейн. — Да не на холм, а на гребень, где город...

И Хортон заметил, что одно из строений рушится, кладка рассыпается по кирпичику, и изнутри рвется вверх некое существо, сверкающее в лучах утреннего солнца.

— Это же наше существо, замурованное во времени, — узнала Элейн. — То самое, которое мы нашли.

Когда Хортон разглядывал существо в кубе замороженного времени, то никак не мог распознать его облик. Теперь, высвободившись из тюремных оков, оно поражало великолепием. Расправились могучие крылья, и солнце отразилось в них многоцветной радугой, будто они состояли из тысяч крохотных призм. Свирепая голова, снабженная клювом, сидела на удлиненной шее и выглядела, по крайней мере так показалось, словно на нее надели шлем, украшенный драгоценными камнями. Мощные лапы оканчивались изогнутыми сверкающими когтями, а длинный хвост был унизан блестящими острыми шипами.

— Дракон, — тихо произнесла Элейн. — Как драконы из старых земных легенд...

— Может быть, — отозвался Хортон. — Никто же не знает, каковы были драконы, если они когда-либо существовали.

Однако у дракона — если это и впрямь был дракон — что-то не ладилось. Высвободившись из каменного узилища, дракон пытался оторваться от земли, неуклюже хлопая исполинскими крыльями. Пытался и не мог, а должен бы, подумал Хортон, взмыть в небо. Взмыть на сильных надежных крыльях, взлететь по

небесной лестнице одним духом, как быстроногий зверь взбегает по склону рысью, радуясь силе своих мышц и глубине дыхания.

Тут Хортон вспомнил про убежавшего вниз Плотожда и, повернувшись, принялся его высматривать, но высмотрел не сразу. Зато увидел, что холм за Прудом вскрывается, дробится и крошится все быстрее, а жуткое нечто выбирается из холма все смелее. Куски и целые глыбы, составлявшие холм, скатывались по крутизне, и у подножия скопилось изрядная груда камней и почвы. Нижняя часть склонов еще держалась, но шла извилистыми трещинами, как при землетрясении.

Хортон отметил все это про себя, но главное его внимание привлекло выбирающееся из холма нечто. Оно сочилось грязью, с него пластами сваливалась какая-то мерзость. Голова представляла собой округлый катыш, да и остальное тело тоже: нечто как бы собиралось стать человекообразным, да так и не собралось, а ограничилось чудовищной карикатурой на человека. Такую карикатуру мог бы, исходя злобой, слепить из глины, соломы и навоза первобытный колдун, чтоб она олицетворяла собой врага, которого можно, хорошенько помучив, с наслаждением уничтожить. Бесформенная, буторчатая, кривобокая фигура — и тем не менее источающая зло, которое ее создатель почерпнул в себе и еще умножил неумелой лепкой. Нечто испускало зло, зло висело над ним пеленой, как ядовитые испарения над болотной трясиной.

Постепенно холм почти сравнялся с берегом, и тогда монстр окончательно выпростался из почвы и шагнул вперед, переместившись одним шагом на добрых двенадцать футов. Хортон следил за ним, как в гипнозе, но рука непроизвольно потянулась к поясу за пистолетом. И еще не дотянувшись до пояса, он сообразил, что пистолета нет, остался в лагере — впопыхах он просто забыл надеть пояс с кобурой. Теперь кляни не кляни себя за забывчивость, все без толку. А между тем нет и не может быть даже тени сомнения: такое средоточие зла, как то, что вылупилось из холма, нельзя оставлять в живых.

И только тут он разглядел Плотожда.

— Плотожд! — крикнул Хортон во весь голос.

Как же было не крикнуть, если полоумный кретин неся прямо к свежевylупившемуся монстру, опустив-

шись для скорости на четвереньки. Плотояд шел в атаку, низко опустив голову, и даже на расстоянии было видно, как плавно переливаются на бегу его могучие мускулы. Поравнявшись с монстром, он прыгнул и буквально взвился вверх по бесформенному телу, используя всю инерцию атаки, чтобы добраться до уровня, где катыш головы и глыбу туловища связывала короткая шея.

— Нет! Нет!.. — заорал позади Никодимус. — Предоставьте это Плотояду!..

Хортон стремительно обернулся. Оказалось, что Элейн вытащила свое оружие, но Никодимус стальными пальцами ухватил ее за запястье. Вновь повернувшись к монстру, Хортон успел увидеть, как Плотояд взмахнул саблезубой головой и нанес хлесткий рубящий удар. Клыки, сверкнув, впились монстру в глотку и пронзили ее насквозь. Из глотки хлынула черная струя, накрыв Плотояда целиком и на миг, померещилось, сплавив его с темной глыбой зла. Монстр, видимо инстинктивно, поднял лапу, похожую на клюку, стиснул Плотояда, оторвал его от себя, поднял и отшвырнул. Потом сделал еще шаг и вдруг начал падать, медленно кренясь вперед, как дерево при последнем взмахе топора лесоруба: еще не хочет падать, еще норовит устоять и все-таки уже падает...

Плотояд рухнул на скальную кромку Пруда и не поднимался. Хортон бросился вниз по тропинке, проскочив мимо трех слизняков, по-прежнему скрюченных на берегу. Плотояд лежал лицом вниз. Опустившись на колени, Хортон осторожно перевернул его на спину — тот перевалился дрябло и безвольно, как мешок. Глаза были закрыты, из уголка рта и из ноздрей сочилась кровь. По всему телу растеклась липкая черная жидкость, хлынувшая из разодранной глотки монстра. Грудная клетка Плотояда была сломана, вверх торчала иззубренная кость.

Притопал Никодимус и, преклонив колени рядом с Хортоном, спросил:

— Как он?

— Пока жив, — сказал Хортон, — но, пожалуй, протянет недолго. У тебя случайно нет в запасе трансмога хирурга?

— Медицинский трансмог есть, но простенький. Распространенные болезни и как их лечить. Некоторые

общие принципы врачевания. Но справиться с этой грудной клеткой я не в силах.

— Не надо было меня останавливать, — заявила Элейн Никодимусу с горьким упреком. — Я бы прикончила монстра прежде, чем он расправится с Плотоядом.

— Вы не понимаете, — отвечал робот. — Это было нужно самому Плотояду.

— Не болтай чепуху!

— Он имеет в виду, — вступился за Никодимуса Хортон, — что наш друг Плотояд — воин. Уничтожение чудищ — его призвание. Он путешествовал с планеты на планету и всюду выискивал самые смертоносные виды. Таково требование его культуры. Он добился очень высоких показателей и был близок к тому, чтобы стать чемпионом своего народа. Этот подвиг, более чем вероятно, сделает его величайшим убийцей всех времен. Принесет ему что-то вроде бессмертия в племенной памяти.

— Но что ему за выгода, — усомнилась она, — если соплеменникам не суждено узнать о происшедшем?

— Шекспир оставил запись по этому поводу, — напомнил Никодимус. — У Шекспира создалось впечатление, что каким-то неведомым образом они все равно узнают...

Один из слизняков тихо припрыгал поближе и расположился напротив Хортона, по другую сторону от Плотояда. Из мягкого пухлого тела выросло щупальце и кончиком бережно ощупало распростертого воина. Хортон поднял глаза в надежде взглянуть слизняку в лицо — совсем забылось, что никакого лица нет в помине. Притупленный верхний конец тела одарил его пристальным ответным взглядом — словно у слизняка были глаза. Но нет, глаз не было, а ощущение взгляда было. Хортон почувствовал в мозгу легкое покалывание, словно там пропустили слабый электрический ток, и это вызвало неприятную дурноту.

— Оно пытается поговорить с нами, — догадался Никодимус. — Вы ведь тоже ощущаете это, правда?

— Чего вы от нас хотите? — спросил Хортон у слизняка. Довольно было произнести фразу, как электрическое покалывание в мозгу слегка усилилось — в знак признания? — а затем вернулось на прежний уровень. Больше ничего не случилось.

— Не думаю, что мы от него чего-нибудь добьемся, — объявил Никодимус. — Оно старается сообщить нам что-то, но, очевидно, не может. Не может дотянуться до нас.

— Пруд же сумел объясниться с нами! — возразил Хортон. — Пруд разговаривал со мной...

Никодимус как бы пессимистически пожал плечами:

— Эти твари другие. Иной тип разума, иной способ общения.

Веки Плотояда затрепетали, и он приоткрыл глаза.

— Приходит в сознание, — заметил Никодимус. — Ему будет больно. Схожу-ка я в лагерь. По-моему, у нас есть шприц...

— Нет! — заявил Плотояд, тихо, но решительно. — Никаких иголок в задницу. Болит. Но это ненадолго. Чудище — оно мертво?

— Мертвее не бывает, — заверил Хортон.

— Хорошо, — откликнулся Плотояд. — Я перегрызу ему треклятую глотку. Я это делаю умело. Умею обращаться с чудищами.

— Тебе лучше бы успокоиться, — сказал Хортон. — Через несколько минут мы тебя поднимем и перенесем обратно в лагерь.

Плотояд устало прикрыл глаза.

— Не надо в лагерь, — попросил он. — Здесь место не хуже любого другого...

Он закашлялся, поперхнувшись. Кровь с новой силой выплеснулась у него изо рта и потекла по груди.

— А что с драконом? — вдруг вспомнил Хортон. — Он где-нибудь поблизости?

— Упал по ту сторону Пруда, — сказала Элейн. — У него что-то разладилось. Он не мог летать. Пытался взлететь, но разбился...

— Слишком долго сидел в остановленном времени, — предположил Никодимус.

Слизняк вытянул щупальце и, привлекая к себе внимание, тронул Хортона за плечо. Затем показал на берег, где черной глыбой лежал мертвый монстр. Затем трижды легонько похлопал Плотояда и трижды — себя самого. Отрастил еще одно щупальце и сблизил оба щупальца таким образом, будто хотел поднять Плотояда и прижать к себе, лаская и баюкая.

— Он пытается сказать спасибо, — пояснил Никодимус. — Пытается поблагодарить Плотояда.

— А если он дает понять, что может ему помочь? — высказалась Элейн.

Плотажд промолвил, не открывая глаз:

— Ничто мне уже не поможет. Просто оставьте меня в покое. Не шевелите меня, пока я не умру. — Он опять закашлялся. — И не заверяйте меня по доброте своей, что я не умираю. Вы побудете со мной, пока все не кончится?

— Мы побудем с тобой, — ответила Элейн.

— А ты, Хортон?

— Да, мой друг. Конечно...

— Если б этого не случилось, вы взяли бы меня с собой? Вы не бросили бы меня здесь? Покидая планету, вы взяли бы меня на борт?

— Мы взяли бы тебя непременно, — заверил Хортон.

Плотажд вновь закрыл глаза и сказал:

— Я так и знал. Всегда-всегда знал, что вы меня не бросите...

День уже вступил в свои права, солнце заметно приподнялось над горизонтом. Косые солнечные лучи отражались от поверхности Пруда.

А ведь теперь, мелькнула у Хортонa мысль, наплевать, что туннель закрыт. Плотажд больше не замурован на ненавистой ему планете. А Элейн сможет отбыть на Корабле, и больше их здесь ничто не держит. То, чему суждено было свершиться на этой планете, свершилось, пьеса окончена. И, добавил он про себя, хотелось бы разобраться, что же она значила. Пусть не сейчас, пусть когда-нибудь, но хотелось бы разобраться...

— Картер, вы только посмотрите! — воскликнул Никодимус тихо, но взволнованно. — Чудище-то, чудище...

Хортон судорожно дернул головой и стал всматриваться, борясь с тошнотой. Монстр лежал в каких-нибудь двухстах-трехстах футах. И... плавился на глазах, туловище как бы стекало внутрь себя, превращаясь в гнилостную массу. И при этом корчилося, расплзаясь в непристойно вонючую лужу, от которой бежали грязные ручейки, а над ними поднимались зловонные испарения.

Он застыл, не в силах оторваться от ужасного, оскорбительного зрелища. Монстр расплылся в тошнотворную маслянистую жижу, и Хортон поймал себя на

непрощеной мыслишке, что теперь ему ни за что не восстановить в памяти, каков же был первоначальный облик врага. Единственное, что запало в сознание в тот самый момент, когда клыки Плотояда лишили монстра жизни, — бугорчатость, безобразная, если не извращенная бугорчатость, не имеющая в сущности никакой формы. А что если, подумалось Хортону, так и должно быть: у зла нет и не бывает определенной формы. Была бугорчатость, а стала мерзкая лужа грязи, и неведомо, каков же истинный облик зла, и каждый волен вообразить его себе сообразно собственным страхам перед неизвестностью, обрядить зло в одежды того покроя, какой покажется самым жутким и устрашающим. У зла столько обличей, сколько людей готовы кроить ему платье. И в представлении каждого из людей зло будет отличным от представления, свойственного другим.

— Хортон...

— Да, Плотояд, что тебе?

Голос у Плотояда стал совсем глухим и хриплым. Пришлось вновь опуститься на колени и склониться пониже, чтобы хоть что-нибудь расслышать.

— Когда все кончится, оставь меня прямо здесь, — попросил Плотояд. — На открытом месте, где меня легко найдут.

— Не понимаю, — ответил Хортон. — Кто найдет?

— Стервятники. Чистильщики. Гробовщики. Маленькие, вечно голодные твари, согласные переварить все, что угодно. Насекомые, птицы, зверушки, черви, бактерии. Ты сделаешь это для меня, Хортон?

— Конечно, сделаю, если тебе так хочется. Если ты и впрямь хочешь этого...

— Выплата, — прошептал Плотояд. — Выплата последнего долга. Не отбирать у маленьких голодных созданий мою плоть. Отдать меня в дар многим другим живущим. Внести последний существенный пай в копилку жизни...

— Кажется, я понимаю, — сказал Хортон.

— Внести свой пай, — повторил Плотояд. — Выплатить долг. Это весьма важное дело.

Глава 27

Они начали огигать Пруд, когда Элейн спохватилась:

— А где же робот? Он не пошел с нами...

— Он там с Плотядом, — ответил Хортон. — Несет последнюю вахту. Такой у него обычай. Вроде ирландских поминок. Хотя ты, наверное, не знаешь, что такое ирландские поминки.

— Нет, не знаю. Что это такое?

— Это значит сидеть с умершим. Находиться подле него в карауле. Никодимус делал это для тех погибших, что были на корабле вместе со мной. Оставался с ними на пустынной планете безымянного солнца. Он хотел было помолиться за них, пытался произнести молитву и не смог. Решил, что не пристало роботу произносить молитву. Тогда он сделал для погибших нечто иное. Он провел какое-то время с ними рядом. Не стал торопиться с отлетом.

— Как это мило с его стороны! Это даже лучше, чем молитва...

— Я тоже так думаю, — сказал Хортон. — Слушай, ты точно знаешь, где упал дракон? Его что-то нигде не видно...

— Я следила за его падением. И, по-моему, заметила, куда он упал. Там, наверху.

— Помнишь, как мы гадали, зачем понадобилось замораживать дракона во времени? Если он в самом деле был заморожен во времени. Мы лепили какой-то

сюжетец на свой вкус, прячась от того факта, что не знаем ровным счетом ничего. Сочиняли робкую сказочку наподобие земных легенд, лишь бы как-нибудь объяснить и осмыслить то, что превосходит наше понимание...

— Для меня, — заявила Элейн, — теперь совершенно ясно, зачем понадобилось оставлять здесь дракона. Его оставили на случай появления монстра, чтоб он убил монстра, как только тот вылупится. Каким-то образом появление монстра на свет должно было раскрыть временной капкан и выпустить дракона на волю. Так и произошло — чего-чего, а этого отрицать не приходится...

Хортон подумал и продолжил:

— Они, кто б они ни были, заковали дракона во времени специально в ожидании того дня, когда монстр вылупится из яйца. Наверное, они знали, что яйцо снесено, но если так, почему было не отыскать и не уничтожить это яйцо? Если, конечно, оно действительно было снесено. Да если и не яйцо, а что-то иное, — зачем такие страсти, к чему было такой огород городить?

— А может, они знали только, что яйцо снесено, но не знали где.

— Но дракона поместили на расстоянии меньше мили от...

— Может, они знали место лишь приблизительно. И найти яйцо было для них не легче, чем просеять песчаный пляж сквозь сито. Может, объект поиска был трудно различим: допустим, яйцо было так замаскировано, что и взглянешь на него прямо — не распознаешь. А может, у них не было времени на поиски. Может, им почему-либо надо было уходить отсюда, и очень спешно, вот они и поместили дракона в склеп, а уходя, перекрыли туннель, чтоб, если что-нибудь не заладится и дракон не сможет прикончить монстра, тот все равно не сумел бы покинуть планету.

И насчет того, что монстр вылупился, — продолжала она. — Мы говорим, что он вылупился, а я не уверена, что это верное слово. Что бы ни вызвало монстра к жизни, это был длительный процесс. Монстр должен был долго развиваться, прежде чем выбраться из холма. Как цикада семнадцатилетняя там, на Земле, —

по крайней мере, рассказывают, что была такая цикада семнадцатилетняя *.

Только монстру, наверное, потребовалось много больше семнадцати лет.

— Никак в толк не возьму, — признался Хортон, — отчего те, кто все это затеял, так страшились монстра, что поставили на него сложную ловушку, замуравов дракона во времени. Спору нет, монстр был рослый и крайне непривлекательный, но Плотояд перервал ему глотку одним ударом, и все тут...

Элейн вздрогнула.

— Он был средоточием зла. Я просто физически ощущала зло, которое от него исходило. А ты? Разве ты сам этого не ощущал?

— Ощущал, — согласился Хортон.

— Не какое-нибудь мелкое зло, какого в жизни навалом: сам знаешь, что в жизни многое чревато мелким злом. Нет, здесь ощущалась такая глубина зла, что и не измеришь. Абсолютное отрицание всего доброго и достойного. Плотояд взял его внезапно, не дав ему времени собрать всю силу зла воедино. Монстр был свежевылупившийся и еще не пришел в себя, когда попал под атаку. Уверена, если б не это, Плотояду ни за что не удалось бы то, что он сделал...

Следуя изгибу берега, они подошли к крутому гребню, на котором стояли заброшенные дома.

— По-моему, это здесь, — сказала Элейн. — Прямо навстречу.

Она принялась карабкаться первой. Оглянувшись, Хортон заметил на противоположном берегу Никодимуса — расстояние сделало робота совсем игрушечным. Тело Плотояда удалось различить с большим трудом: казалось, оно хочет слиться со своим ложем на голом берегу.

Достигнув гребня, Элейн остановилась. Как только Хортон поравнялся с ней, она показала:

— Гляди. Вот он...

* Американское насекомое, цикл жизни которого в северных штатах равен семнадцати, а в южных — тринадцати годам. Большую часть этого срока проводит под землей в виде личинки и лишь за несколько недель до смерти достигает зрелости и обретает способность к полету.

В подлеске искрились миллионы драгоценных камней. Самого дракона было не разглядеть за плотной растительностью, но тело отбрасывало радугу, ясно указывающую место его падения.

— Он мертв, — вздохнула Элейн. — Недвижим...

— Не обязательно мертв, — отозвался Хортон. — Возможно, покалеченный, но живой.

Вдвоем они поднырнули под кусты, обогнули мощное дерево с низко свисающими ветвями — и увидели дракона воочию. От его великолепия захватывало дух. Каждая из покрывающих тело чешуек сияла переливчатым огоньком, крохотным, изысканно подобранным самоцветом, играющим на солнце. Достаточно было сделать шаг вперед, и распростертое тело вспыхнуло сплошным пожаром, весь свет погожего дня ударил Хортону прямо в лицо. Еще шаг — наклон чешуек по отношению к человеку изменился, пожар утас, но каждая чешуйка вновь заискрилась по отдельности, будто рождественскую елку усыпали мишурой, совершенно закрыв иголки, спрятав их за блестками куда более красочными, чем на самой роскошной елке. Густая синь, и рубиновый пламень, и зелень всех оттенков от белезого вечернего весеннего неба до темного разъяренного моря, и яркая желтизна. Солнечное сияние топазов, розовая кипень яблонь в цвету, осенняя тусклая щедрость тыкв — и все эти краски сбрызнуты мерцанием, какое можно увидеть разве что в морозное зимнее утро, когда все вокруг усыпано алмазами.

Неудивительно, что Элейн почти онемела.

— Как он прекрасен! — выдохнула она наконец, с трудом обретая голос. — Прекраснее, чем показалось там, в замороженном времени...

Дракон был меньших размеров, чем почудилось в ту минуту, когда он пытался подняться в небо, и лежал без движения. Одно из изящных крыльев откинулось от гибкого туловища и бессильно провисло, упав на землю. Второе крыло подогнулось и смялось под весом тела. Длинная шея была вывернута так, что голова легла на землю боком. Даже при близком рассмотрении голова по-прежнему напоминала шлем. Чешуек, покрывавших все тело, на голове не было — шлем состоял из твердых частиц, похожих на полированные металлические пластинки. Маску-шлем венчал, выступая над ней торч-

ком, тяжелый клюв, и клюв также выглядел металлическим.

Голова, как и тело, лежала спокойно, не шевелясь, и вдруг открыла один глаз — тот, что наверху. Голубой глаз, ясный и прозрачный, кроткий и ничуть не испуганный.

— Он жив! — воскликнула Элейн и бросилась к дракону.

Хортон попытался предостеречь ее криком, остановить, но Элейн уклонилась от протянутой руки и упала на колени рядом со страшной головой. Взяла голову в руки, подняла и прижала к груди. Хортон окаменел, боясь шевельнуться, боясь издать еще хоть какой-нибудь звук. Раненое, искалеченное существо — один рывок, один удар этого свирепого клюва, и...

И ничего не случилось. Дракон остался недвижим. Элейн бережно опустила голову обратно на землю и погладила самоцветную шею. Дракон сморгнул, длительно и неспешно, и навел на нее пристальный взгляд.

— Он понимает, что мы друзья, — заявила она. — Понимает, что мы не причиним ему вреда...

Дракон сморгнул снова, и на сей раз глаз остался закрытым. Элейн продолжала гладить ему шею да еще принялась что-то ласково напевать. Хортон не шевелился, прислушиваясь к тихому пению — только оно и нарушало (если нарушало) воцарившуюся на гребне ужасную тишину. Далеко внизу, на противоположной стороне Пруда, игрушка, которая была Никодимусом, все так же стояла над пятнышком, которое прежде было Плотоядом. Еще дальше по берегу различалось пятно покрупнее — разваленный холм, откуда вылутился монстр. От самого монстра просто ничего не осталось.

А ведь он знал про монстра, вспомнилось Хортону, или по меньшей мере ему следовало бы знать. Только вчера он карабкался на холм, карабкался на четвереньках, потому что иначе крутизну было не одолеть. Не дойдя до вершины, он решил передохнуть, растянулся на склоне плашмя и ощутил под собой вибрацию, подобную биению сердца. Но, как ему помнилось, он внушил себе, что это бьется его собственное сердце, изнуренное крутым подъемом, и к правильной догадке больше не возвращался.

Он снова посмотрел на дракона и уловил какую-то недобрую перемену, но, даже уловив перемену, не сразу разобрался, в чем она.

— Элейн, — тихо позвал он. — Элейн!.. — И, как только женщина ответила ему взглядом, произнес: — Дракон умер. Краски гаснут...

Краски продолжали гаснуть у них на глазах. Чешуйки теряли искристость, красота уходила. Из великолепного чуда дракон превращался в большую серую тварь, и ни у кого не могло возникнуть сомнений, что тварь мертва. Элейн медленно поднялась на ноги и отерла лицо, мокрое от слез, сжатыми кулачками.

— Но почему он умер? — спросила она иступленно. — Почему? Если его заточили во времени, если время для него остановилось, он должен бы выйти на волю таким же бодрым и сильным, каким был в момент заточения. Ведь время для него просто не существовало. Он не мог претерпеть никаких изменений...

— Мы не знаем о времени ровным счетом ничего, — заметил Хортон. — Да и те, кто заточил дракона, могли разбираться во времени хуже, чем вообразили себе. Может, время не поддается такому четкому и надежному контролю, как они рассчитывали. Они полагали, что создали безупречную конструкцию, а на деле в ней оказались неполадки...

— Ты думаешь, что временной склеп оказался неисправным? Что где-то была протечка времени?

— Этого мы не знаем и не узнаем, — ответил Хортон. — Для нас время до сих пор — полная загадка. Вернее, чистая теория — мы по сути не знаем, существует ли оно вообще. Заключение во временном склепе могло неблагоприятно сказаться на живых тканях или на мыслительных процессах. А может, продолжительность заключения оказалась больше расчетной. Может, вмешался какой-то фактор, и монстр развивался и рос, прежде чем вылупиться, много дольше, чем обычно.

— А все-таки удивительно, — сказала она, — как повернулись события. Не угоди Плотояд на эту планету и не оказаться он тут в ловушке, монстр мог бы сейчас разгуливать на свободе...

— И еще Пруд, — добавил Хортон. — Не подними Пруд тревогу, не предупреди он нас криком...

— Ах вот в чем было дело! Вот как ты узнал! Но Пруд-то чего было бояться?

— Вероятно, он почувствовал исходящее от монстра зло. Может, Пруд вовсе не так невосприимчив ко злу, как кажется.

Преодолев небольшой уклон, она стала с Хортоном рядом и сказала задумчиво:

— Ушла красота. Это ужасно. Красота во Вселенной редкость, ни одной ее частицей нельзя пренебречь. Вот почему еще смерть так чудовищна — она убивает красоту...

— Сумерки богов, — произнес Хортон.

— Сумерки?..

— Еще одна древняя земная история, — пояснил он. — Монстр, дракон и Плотояд. Все трое погибли. Великий час окончательной расплаты...

Она вздрогнула, несмотря на яркое солнце, пышущее теплом, и предложила:

— Пойдем обратно...

Глава 28

Они сидели у догорающего костра.

— Кто-нибудь из вас, — осведомился Никодимус, — хотел бы позавтракать?

Элейн молча покачала головой. Хортон поднялся на ноги.

— Пора, — сказал он. — Больше нас здесь ничто не удерживает. Но странная штука, разумом я прекрасно все понимаю, а уходить не хочется. И пробыли-то мы здесь всего три дня, а показалось гораздо дольше. Элейн, ты летишь с нами?

— Конечно, — ответила она. — Я думала, ты и сам знаешь.

— Наверное, знаю. Спросил, просто чтоб удостовериться.

— Если никто не против и если для меня найдется место...

— Никто не против, и место найдется. Сколько угодно места.

— Надо еще прихватить шекспирову книгу, — напомнил Никодимус. — Вот, пожалуй, и все. На обратном пути можно сделать остановку и набить карманы изумрудами. Сознаю, что они скорее всего не представят для нас никакой ценности, и все-таки не могу избавиться от привычки относиться к ним как к валюте.

— Есть еще одно дело, — вымолвил Хортон. — Я же обещал Пруду, что возьму часть его с собой. Ис-

пользую для него самый большой кувшин из тех, что Шекспир подобрал в городе...

Элейн, не повышая голоса, сказала:

— А вот и слизняки. Мы про них совершенно забыли...

— О них нетрудно забыть, — заметил Хортон. — Снуют туда-сюда, а остаются какими-то ненастоящими. И не держатся в памяти, словно нарочно стараются, чтоб их не запомнили.

— Если б у нас было время, — вздохнула Элейн, — выяснить, кто они такие. Это не простое совпадение, что они объявились здесь именно сегодня, не раньше и не позже. И они сказали Плотояду спасибо, по крайней мере, это выглядело как благодарность. Меня не покидает чувство, что они играют во всем этом хитросплетении куда большую роль, чем кажется.

Слизняк, что держался впереди, отрастил щупальце и принялся усердно махать, привлекая внимание людей.

— Похоже, — предположила Элейн, — они только что обнаружили, что туннель закрыт.

— Они приглашают нас последовать за ними, — догадался Никодимус.

— Вероятно, хотят показать нам, что туннель закрыт, — высказался Хортон. — Будто мы сами не знаем.

— Все равно, — произнесла Элейн, — пожалуй, стоит отправиться с ними и выяснить, что им от нас надо.

— Если удастся, — заявил Никодимус. — Средства общения, мягко говоря, не совершенны.

Хортон пошел первым, Элейн и Никодимус следовали за ним по пятам. Слизняки юркнули за поворот, закрывающий вид на туннель со стороны домика. Хортон поспешил за ними, обогнул поворот и замер как вкопанный.

Жерло туннеля больше не было зеркально черным. Оно светилось молочной белизной.

— Бедный Плотояд, — произнес Никодимус за плечом Хортон. — Будь он только здесь...

— Но слизняки-то! — воскликнула Элейн. — Слизняки!..

— Может ли быть, что они и есть хозяева туннелей? — задал вопрос Хортон.

— Не обязательно, — ответил Никодимус. — Может, наблюдатели туннелей. Охранники, сторожа. Но не создатели. Это вовсе не обязательно.

Три слизняка весело прыгали по тропинке. Не останавливаясь, допрыгали до жерла туннеля, скакнули в него и исчезли.

— Контрольную панель заменили, — подметил Никодимус. — Наверное, слизняки, больше некому. Но как они догадались, что назревают события, которые позволят открыть туннель? Кто-то как-то должен был догадаться, что монстр вот-вот вылупится и что блокаду планеты можно будет снять...

— А ведь это заслуга Плотояда, — сказал Хортон. — Он докучал нам, дышал нам в спину, то и дело понукал нас, чтобы мы попытались открыть туннель. А в конечном счете именно он и открыл туннель, обеспечил слизнякам такую возможность. Только ему самому уже все равно. Хотя не надо жалеть его. Он добился того, о чем мечтал. Исполнил свое предназначение, а этим могут похвалиться немногие. Его поход за славой завершен, он великий народный герой.

— Но он же мертв! — недоуменно возразил Никодимус.

— Сначала, — сказал Хортон, припомнив свой разговор с Шекспиром, — сначала скажи мне, что такое смерть.

— Это конец, — объявил Никодимус. — Это как если выключат ток.

— Не уверен, — отозвался Хортон. — Раньше я согласился бы с тобой, а теперь уже не уверен...

Элейн вдруг заговорила тоном маленькой обиженной девочки:

— Картер! Картер, выслушай меня, пожалуйста... — Он повернулся к ней. — Я не могу лететь с тобой. Все изменилось. Теперь все по-другому...

— Но ты сказала...

— Знаю, что сказала, но это было, когда туннель был закрыт, когда не было даже надежды, что он откроется. Я хотела бы улететь с тобой. Я хотела бы этого больше всего на свете. Но теперь...

— Теперь туннель открылся.

— Дело не только в этом. Не только в том, что у меня есть работа и теперь я могу ее продолжать. Главное — слизняки. Теперь я знаю, кто мне нужен. Я обязана разыскать слизняков. Разыскать и как-то с ними поговорить. Они могут рассказать то, что нам непременно надо узнать. Чтобы не тыкаться по тунне-

лям вслепую в попытках вывести их секрет. Теперь понятно, кто может рассказать нам о туннелях все, что необходимо...

— Если ты сумеешь разыскать слизняков. Если догадаешься, как с ними разговаривать. Если они пожелают разговаривать с тобой.

— Все равно я должна попробовать, — заявила она. — Я буду писать послания, оставлять записки у каждого туннеля в надежде, что их увидят другие поисковики. Если я потерплю неудачу, найдутся другие, кто разберется с моих слов, кого искать, и продолжит охоту.

— Картер, — вмешался Никодимус, — вы сами понимаете, это ее долг. Как бы нам ни хотелось, чтоб она была с нами, следует признать за ней...

— Да, конечно, — перебил Хортон.

— Мне ясно, что ты не захочешь и не сможешь, но не могу не спросить. Если бы ты согласился отправиться со мной...

— Сама понимаешь, что не могу.

— Понимаю, что не можешь.

— Вот все и распалось, — вымолвил Хортон. — И мы не в силах ничего изменить. Наши обязательства — я имею в виду нас обоих — слишком глубоки и серьезны. Встретились и разошлись, и каждый пошел своим путем. Словно и не встречались...

— Неверно! — воскликнула она. — Сам знаешь, что неверно! Наша жизнь — я тоже имею в виду нас обоих — немного изменилась. Мы будем вспоминать друг друга. — Она запрокинула лицо и попросила: — Поцелуй меня. Поцелуй меня в последний раз совсем коротко, чтоб я не успела передумать и сумела уйти...

Глава 29

Хортон опустился у кромки Пруда на колени и погрузил кувшин в жидкость. Жидкость забулькала, заполняя сосуд и вытесняя на поверхность пузырьки воздуха. Наполнив кувшин, Хортон поднялся и сунул трофей под мышку.

— Прощай, Пруд, — сказал он и почувствовал, что сказал глупость: какое же это прощание, если Пруд улетает вместе с ним?

Вот вам одно из преимуществ, подумал он, такого естества, как Пруд. Он может быть одновременно во многих местах, притом ни на миг не покидая того места, где был изначально. Как если бы он, Хортон, отправился с Элейн и одновременно улетел вместе с Кораблем — но уж, коль додумывать до конца, еще и остался бы на Земле, а значит, умер бы много веков назад.

— Пруд, — спросил он, — что тебе известно о смерти? Ты смертен? Ты когда-нибудь умрешь?

И тут же подумал, что снова сморозил глупость, поскольку смерти подвержено все сущее. Вероятно, настанет день, когда умрет и сама Вселенная, умрет, израсходовав последнюю искру энергии, и, когда это свершится, лишь время будет грустить в одиночестве на пепелище явлений, которые могут и не повториться.

Что же остается? Сделать вывод, что все тщета? Но неужели все и впрямь тщетно?

Хортон потряс головой. Он не мог заставить себя прийти к такому горькому выводу.

А если ответ известен божьему часу? Если ответ ведом огромной голубой планете? И пусть не скоро, пусть через тысячелетия, Корабль, рыскающий в черной бездне какого-нибудь дальнего сектора Галактики, удостоится этого ответа или сам докопается до него. И не исключено, что в контексте этого ответа станет понятной цель жизни — немого лишайника, цепляющегося, подчас отчаянно, за мелкие крупинки материи в неизъяснимой безбрежности, которая знать не знает и не хочет знать про такую ерунду, как жизнь.

Светская дама высказалась:

Итак, пьеса доиграна. Драма исчерпала себя, и можно наконец покинуть эту замусоренную, неупорядоченную планету во имя чистоты пространства.

Ученый не удержался от вопроса:

Никак вы влюбились в пространство?

Такие, как я, — объявила ему светская дама, — не способны влюбиться ни в кого и ни во что. Скажите мне, сэр монах, ну что мы все такое? Вы ведь наловчились отвечать на самые гурные вопросы.

Мы обладаем сознанием, — сообщил монах. — Мы обладаем информацией. Вот и все, большего не требуется, но мы по-прежнему цепляемся за всевозможную ветошь, какую некогда таскали с собой. Цепляемся, потому что вообразили себе, что эта ветошь — принадлежность личности. И подобное поведение — мера нашего эгоизма и нашего тщеславия, поскольку мы до сих пор судорожно отстаиваем свои личности. И в то же время мера нашей близорукости. Ведь втроем, совместными усилиями мы можем обрести личность гораздо большего масштаба, чем крохотные индивидуальности, на которых мы упорно настаиваем. Мы можем сделаться, если прекратим противиться, частью Вселенной, а может стать, даже равными Вселенной.

Смотрите-ка, — воскликнула светская дама, — куда вы завернули! Довольно вам пуститься в рассужде-

ния, и никогда не скажешь наперед, в какие дебри вас занесет. По какому праву вы утверждаете, что мы станем частью Вселенной? Для начала мы просто не ведаем, что такое Вселенная, так как же вообразить себе, что мы станем равными ей?

В том, что сказала дама, есть большая доля правды, — заявил ученый, — хотя, формулируя свои мысли, я отнюдь не намерен, сэр монах, выступать с критикой в ваш адрес. Наедине с собой я, случалось, склонялся к мыслям во многом сходного порядка, и, должен признаться, это приводило меня в изрядное замешательство. Если вспомнить историю, то человек, по-видимому, считал, что Вселенная претерпевает чисто механическое развитие, которое сводится, по крайней мере отчасти, к физическим и химическим закономерностям. Однако если это так, если Вселенная развивалась как механическая конструкция, то в ней не было бы ничего хотя бы отдаленно похожего на здравый смысл — такая схема просто не оставляет места здравому смыслу. Ибо любая механическая конструкция создается, чтобы быть работоспособной, а отнюдь не осмысленной, — но доступная мне логика не позволяет мне прийти к выводу, что мы живем в подобной Вселенной. Безусловно, Вселенная — нечто большее, чем конструкция, хотя, вероятно, от технологического общества много объяснения и ждать не приходится.

Я спрашивал себя, каким образом могла быть создана Вселенная. Я спрашивал себя, с какой целью она была создана. Не только же как вместительница материи, пространства и времени! Нет, конечно, во Вселенной заложен какой-то более высокий смысл. Была ли она создана как обитель для разумных биологических существ, а если так, какие факторы, заложенные в ее развитии, способны сделать ее пристойной обителью? Каким концепциям должна она удовлетворять во имя подобной цели? Или она создана как некий отвлеченно философский эксперимент? Или, кто знает, как некий символ, которого не дано ни постичь ни оценить по достоинству вплоть до того отдаленного дня, когда финальный рывок биологической эволюции приведет к возникновению сверхъестественного разума, который наконец-то познает причину и цель мироздания?

В этом случае встает и еще один вопрос: каким же должен быть разум, чтоб посягнуть на познание тако-

го масштаба? Ведь у каждой стадии эволюции, как мне представляется, есть определенные пределы, и нет способа выяснить, не ставят ли эти пределы заслон, вообще исключающий способность разума познать Вселенную.

А может, — предположила светская дама, — Вселенную и вовсе нельзя познать? Может, этот назойливый культ познания — не более чем одна из ошибок технологического общества?

Или, — добавил монах, — философского общества. Пожалуй, проблема имеет большее отношение к философии, чем к технологии, потому что технологам наплевать на все, лишь бы моторы крутились и уравнения имели решение.

На мой взгляд, вы оба заблуждаетесь, — объявил ученый. — Любой разум небезразличен к своему окружению. И обуреваем желанием развиваться до предела своих возможностей. Это подлинное его проклятие. Разум не дает своим обладателям ни минуты покоя, не дает им наслаждаться жизнью, а гонит вперед и вперед. Даже в последнюю секунду вечности он будет цепляться ногтями за край бездны, будет барахтаться и визжать, лишь бы ухватить еще лоскуток какой-нибудь тайны, за которой ему приспичит тогда охотиться. Готов дать голову на отсечение, что ему непременно приспичит охотиться за чем-нибудь.

Вы судите о человеке так беспощадно, — посетовала светская дама.

Рискуя показаться напыщенным болваном или безмозглым патриотом, — объявил ученый, — и все-таки уточняя: моя беспощадность — к вящей славе человечества.

Однако, — уточнил монах, — наша дискуссия ни на йоту не приблизила нас к осознанию нашего собственного пути. Намерены ли мы прожить новое тысячелетие как три отдельные, самовлюбленные, эгоистичные личности или готовы использовать свой шанс и стать чем-то иным? Я не знаю, что это будет — нечто равное Вселенной или, быть может, сама Вселенная, а может, и нечто меньшее. В худшем случае, по-моему, просто свободный разум, независимый от времени и материи, способный перемещаться в любую точку и, не исключается, в любую эпоху по нашему

желанию, не считаясь ни с чем, преодолевая все ограничения, налагаемые на нас плотью.

Вы торопите нас сверх меры, — упрекнул монаха ученый. — Мы к настоящему времени провели вместе всего тысячу лет. Дайте нам еще тысячу, дайте десять тысяч лет...

И к тому же перемена нам самим обойдется недешево, — заявила светская дама. — Она не даровая. Какую же цену, сэр монах, вы готовы предложить?

Мои страхи, — ответил монах. — Я избавился от страхов и счастлив, что избавился. Понимаю, что у них нет никакой ценности. Но больше мне нечего предложить.

А я, — подхватила светская дама, — готова отдать мое стервозное тщеславие, а наш господин ученый — свой эгоизм. Ученый, вы готовы поступиться своим эгоизмом?

Это будет нелегко, — признался ученый. — Но, возможно, настанет день, когда эгоизм мне будет больше не нужен.

Ну что ж, — подытожил монах, — с нами Пруд и божий час. Будем надеяться, что они окажут нам моральную поддержку, а может статься, дадут нам новый стимул — хотя бы тот, что не худо бы от них отделиться.

По-моему, — сообщила светская дама, — рано или поздно мы придем к единству. И не затем, чтоб отделиться, как вы выразились, от кого-то или чего-то другого. По-моему, в конце концов мы страстно захотим отделиться не от кого-то, а от самих себя. Со временем нам так опостылеют наши мелкие личности, что каждый из нас будет искренне рад слиться с двумя другими. И не удивлюсь, если мы достигнем нового благословенного состояния как раз тогда, когда личностей не останется и в помине.

Глава 31

Никодимус покорно ждал, когда же Хортон покинет Пруд и вернется. Костер погас. Робот упаковал вещи и водрузил на самый верх томик Шекспира. Хортон бережно опустил кувшин на землю, прислонив его к снаряжению.

— Я не забыл ничего, что вам хотелось бы взять с собой? — поинтересовался Никодимус на всякий случай.

Хортон покачал головой:

— Книга, кувшин — по-моему, все. Керамика, какую собирал Шекспир, не представляет никакой ценности. Сувениры и не больше. В один прекрасный день кто-нибудь, человек или нечеловек, пожалуй сюда и обследует поселок подробнее. Скорее всего, это будет человек. Порой мне сдается, что человеческое племя роковым образом одержимо прошлым.

— Я понесу оба тюка, — заявил Никодимус, — и книжку. Вам остается один кувшин, он вас не обременит.

— Гложет меня ужасное опасение, — усмехнулся Хортон, — что по дороге я обязательно споткнусь о какую-нибудь корягу. Нельзя этого допустить. У меня на попечении Пруд, и с ним ничего не должно случиться.

Никодимус покосился на кувшин:

— Не очень-то много сюда влезло.

— Вполне достаточно. По всей вероятности, хватило бы склянки или чашки.

— Не вполне понимаю, — признался Никодимус, — что все это значит.

— Я тоже не понимаю, — ответил Хортон, — и тем не менее у меня такое чувство, что в кувшине друг.

А там, в унылой пустыне космоса, вряд ли можно требовать большего.

Никодимус поднялся с поленницы, на которой сидел, и сказал:

— Забирайте свой кувшин, а я уж управлюсь со всем остальным. Нас здесь вроде уже ничто не держит.

И все же Хортон даже не потянулся к кувшину. Он продолжал стоять как стоял, медленно озираясь по сторонам.

— Мне что-то не очень хочется уходить, — произнес он. — Словно мы еще чего-то недоделали.

— Вам не хватает Элейн, — рассудил Никодимус. — Было бы так хорошо, если б она полетела с нами...

— Это так, — согласился Хортон. — Да, мне не хватает ее. Тяжко было смотреть в бездействии, как она уходит в туннель. Ну и еще, наверное, дело в нем...

Он показал на череп, прибитый над дверью.

— Его нельзя взять с собой, — всполошился Никодимус. — Череп раскрошится при первом прикосновении. Да ему так или иначе долго не провисеть. Не сегодня-завтра налетит ветер, и...

— Ты не понял, я не собирался брать его с собой. Но он столько лет пробыл здесь в одиночестве. А теперь мы опять бросаем его одного...

— Плотнодяд остается тоже, — заметил Никодимус.

— Это верно, — сказал Хортон с облегчением. — Об этом я как-то не подумал.

Наклонившись, он поднял кувшин и бережно стиснул в руках. Никодимус вскинул тюки на спину, взяв книгу под мышку, и решительно зашагал по тропинке. Хортон последовал за ним, но на повороте повернулся и бросил взгляд назад, на греческий домик. Крепко сжал кувшин одной рукой, а другую поднял в прощальном приветствии.

Прощай, безмолвно сказал он. Прощай, старый неистовый альбатрос * — безумец, смелый человек, заблудший человек...

Может, это была игра переменчивого света. А может, что-то другое.

Но как бы то ни было, чем бы это ни объяснялось, а Шекспир со своего насеста над дверью ему подмигнул.

* Намек на поэму великого английского поэта Сэмюэла Тейлора Колриджа (1772—1834) «Сказание о Старом Мореходе».

Содержание

В логове Нечисти, роман, <i>перевод с английского А. Иорданского</i>	5
Планета Шекспира, роман, <i>перевод с английского О. Битова</i>	295

**Миры Клиффорда Саймака кн. 7 / Пер. с англ. — Рига:
Полярис, 1994. — 495с.**

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА
Полное собрание
фантастических произведений в 16 томах

Книга седьмая

Составитель В. Быстров
Главный редактор А. Захаренков
Ответственный за выпуск Е. Чутов
Редакторы Т. Бережных, М. Проворова
Технический редактор К. Козаченко
Корректоры И. Лаздина, А. Хиришфелде
Оператор компьютерной верстки Н. Болтач
Художественное оформление серии: М. Захаренкова
Цветные иллюстрации и форзац: В. Иванов
Оформление шмуцтитолов: В. Ковалев

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.12.93. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага типографская. Гарнитура «Балтика».

Усл. печ. л. 26,46. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2429. С 021

Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена Трудового
Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Министерства печати и информации Российской Федерации.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

